

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт истории
Министерство образования и науки Российской Федерации
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Научно-образовательный центр «Историческое сибиреведение»

Власть и общество в Сибири в XX веке

Сборник научных статей

Выпуск 3

Новосибирск
2012

УДК 94(571) «XX»
ББК 73(253) 6-3
В57

Сборник статей утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН
Издание осуществлено в рамках бюджетного проекта IX.85.1.3
«Органы власти и управления в Сибири в XX веке»

Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей.
Вып. 3. / Научный редактор В. И. Шишкин. Новосибирск, 2012. 273 с.
ISBN 978-5-98901-103-2

Научный редактор д-р ист. наук
В. И. Шишкин

Ответственный секретарь канд. ист. наук
А. И. Савин

Рецензенты:
д-р ист. наук *В. А. Ильиных*
д-р ист. наук *В. А. Исупов*
канд. ист. наук *В. А. Прошин*

Сборник статей посвящен рассмотрению широкого круга проблем. Центральное место в нем занимает вопрос о взаимоотношениях власти и общества в Сибири в XX веке. Традиционно много внимания уделяется анализу государственной политики, стратегиям, практикам и результатам ее воплощения в жизнь. В то же время освещается реакция населения на правительственную политику, его деятельность по самоорганизации и созданию различного рода институтов гражданского общества.

© Институт истории СО РАН, 2012

© Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет, 2012

ISBN 978-5-98901-103-2

**Становление и развитие станичного самоуправления
в Сибирском казачьем войске**

Длительный и сложный процесс «государствообразования» в российской истории, в ходе которого территориальная экспансия закреплялась управленческой, сопровождался поиском эффективных инструментов освоения новых пространств и породил уникальный феномен социальной организации – казачье войско. В изучении его возникновения, развития и особенностей, в том числе самоорганизации казачьих сообществ, сложилась значительная научная традиция, представленная публикациями Е.И. Дулимова, А.И. Коваленко, С.С. Кравченко, Н.В. Булычевой, С.А. Книевского, В.С. Кобзова, Т.К. Махровой, Е.И. Сафронкиной и др. Однако в отличие от истории Донского, Кубанского и Оренбургского казачьих войск многие вопросы становления и развития самоуправления в Сибирском казачьем войске требуют дополнительного, в том числе комплексного, изучения, актуализированного проблемой генезиса гражданского общества в России. Какими бы ни были теоретические подходы к трактовке соотношения гражданского общества и местного самоуправления, последнее, будучи одной из возможных форм самоорганизации населения на локальном уровне для самостоятельного решения местных вопросов, является важнейшей предпосылкой, условием становления гражданского общества как системы самостоятельных и независимых от государства общественных отношений и институтов.

Казачье войско представляло собой пространственно организованную форму жизнедеятельности общности казаков. Такие черты, как относительная обособленность, целостность, структурированность, подчиненность единой цели, связи с внешней средой, наличие имевшей особый статус территории, позволяют рассматривать его в качестве сложной социально-территориальной системы – в целом стабильного по этноконфессиональным и другим признакам социума, определенным образом организованного для длительной самостоятельной жизнедеятельности, поддержания своего существования как целостного социального организма на данной территории ¹.

Казачьи войска – как инкорпорированные в состав империи «вольные», так и созданные по инициативе имперской власти – выполняли ряд специальных функций, главной из которых было воспроизводство подготовленных к военной службе (в материальном, боевом, морально-психологическом отношениях) иррегулярных воинов, преимущественно кавалеристов. Казачье войско с окончательно оформившейся организацией,

как правило, становилось развитой подсистемой социально-территориальной системы более высокого уровня – Российской империи, и его дальнейшее развитие неизбежно подчинялось потребностям империи.

В структуре казачьего войска, диалектически связанной с главной функцией системы, одной из подсистем являлось войсковое управление. Оно возникло и развивалось вместе с самой системой, во взаимосвязи и взаимозависимости с другими подсистемами: социальная общность – казачье население; территория; хозяйство; институт служебно-боевой подготовки.

При характеристике станичного самоуправления у сибирских казаков важно учесть, что в казачьем войске самоуправление, во-первых, формировалось и развивалось в рамках войскового управления, а, значит, подчинялось задачам и функциям системы, и, во-вторых, для понимания особенностей самоуправления в дореволюционной Сибири не применима ни так называемая «общественная», ни «государственная» модели самоуправления. Как справедливо отметил В.Е. Зубов, «разграничение управления и самоуправления в Сибири представляет значительную сложность, поскольку здесь возникла своеобразная форма государственного управления, обусловленная невозможностью для верховной власти осуществлять его силами только государственного аппарата. Для решения стоящих перед ним задач государство использует традиционную систему самоуправления»².

Со времени создания Сибирское войско стояло особняком среди прочих казачьих войск. Доклад военного министра «О новом образовании Сибирского линейного казачьего войска», Высочайше утвержденный 19 августа 1808 г., определил их военную службу как бессрочную и бессменную на казенном содержании, но со самоснаряжением³. Это обусловило особенности организации и функционирования Сибирского войска, те черты его «регулярности», которые отмечались многими современниками.

Период возникновения и оформления войска как социально-территориальной системы затянулся на несколько десятилетий, что в значительной мере было обусловлено недостатками правовой базы, нечетко определившей статус войсковой территории, структуру войскового хозяйства и управления. Административное устройство войска носило крайне схематичный, упрощенный характер и при отсутствии органов гражданского управления не предусматривало существование низового самоуправления.

В то же время в ходе подготовки Сибирского учреждения части городских казаков, подчинявшихся гражданским властям края, некото-

рые права самоуправления были предоставлены. В соответствии с Уставом о сибирских городовых казаках 1822 г. казаки команд, не вошедших в состав городовых полков, получили возможность самостоятельно разделиться на станицы и выбирать голов и старшин, утверждаемых в должности гражданским губернатором.

Управление в Сибирском войске, находившемся в ведении военного министерства, было оставлено без изменений. В этих условиях с начала 1820-х годов в военной и хозяйственной организации войска появились военно-поселенные черты. В поселениях сибирских линейных казаков главную роль играли полковые и эскадронные командиры, а также редутные начальники.

Впервые правовая регламентация станичного самоуправления – одного из свидетельств былой казачьей вольности – была осуществлена в Донском войске в 1835 г. Станичное самоуправление на Дону состояло из станичных сходов и станичных правлений с выборными должностными лицами.

Станичный сход, являясь низшим распорядительным органом, формировался из домохозяев не моложе 25 лет, проживавших на территории юрта, за исключением порочных и телесно наказанных. В его ведении были вопросы станичного хозяйства и земельного обеспечения казаков. Он утверждал годовые сметы доходов и расходов, контролировал деятельность должностных лиц станичного правления, назначал наказания членам общины за маловажные проступки.

Местным органом исполнительной власти было станичное правление, представленное станичным атаманом, двумя судьями, или так называемыми стариками, и двумя писарями (по военной и гражданской части). Эти должностные лица избирались на три года преимущественно из отставных чинов. Надзор за правильностью проведения процедуры выборов осуществлялся войсковым чиновником. Никто, кроме офицеров, не имел права отказаться от выполнения общественной должности. Избранные обществом лица утверждались в должности войсковым наказным атаманом. Станичный атаман из нижних чинов на время выполнения своих обязанностей признавался в чине хорунжего.

Станичное правление исполняло общественные приговоры. В случае противоречия закону приговор направлялся на рассмотрение вышестоящего начальства. Все решения станичный атаман и судьи принимали коллегиально (судьи не занимались судебными разбирательствами, а выполняли функции заседателей). Они должны были заботиться об охране станичного имущества и юртовых земель от повреждений и захвата, об «умножении общественных выгод», обеспечить земельным паем каждого,

имевшего на него право, распоряжались станичными денежными средствами в соответствии с годовой сметой расходов, утвержденной обществом, и были обязаны регулярно отчитываться об их использовании. Станичное правление занималось также переписью малолеток, составлением именных и очередных списков, нарядами казаков на выполнение земских повинностей и прочими делами⁴.

На несколько десятилетий нормы, установленные Положением об управлении Донского войска, стали образцом для устройства и функционирования станичного самоуправления почти во всех казачьих войсках.

Станичное звено управления появилось в Сибирском линейном казачьем войске в ходе реформы 1846 г., окончательно оформившей его военно-поселенную организацию⁵. Появление в структуре крайне милитаризованного войскового управления станичного звена не означало введения элементов сословного самоуправления. В поселениях сибирских линейных казаков, которые теперь все назывались станицами, станичные управления были представлены лишь своими начальниками, действовавшими в качестве «местной исполнительной власти» по военной, хозяйственной и полицейской части. Они назначались из урядников резервных команд войсковым наказным атаманом и подчинялись непосредственно полковому командиру. Надзор за действиями станичных начальников осуществляли сотенные командиры.

Станичным начальникам подчинялись все лица, проживавшие на территории юрта. В отношении служащих казаков они пользовались властью частных военных офицеров, в отношении отставных и разночинцев действовали на правах земской полиции. Перечень обязанностей станичного начальника был почти полностью заимствован из правил для станичных управлений войска Донского⁶. Станичные начальники пользовались правами зауряд-хорунжих и получали жалованье по штату полка.

В ходе создания станичного управления войсковая администрация столкнулась с отсутствием необходимого числа грамотных и «благонадежного поведения» резервных урядников, так как часть из них уже занимала должности станционных смотрителей, смотрителей запасных магазинов, кожевенных заводов⁷. Поэтому с 1848 г. войсковое начальство стало объединять в станичное управление несколько поселений⁸. С 1854 г. станицами назывались только те поселения, в которых находился станичный начальник; остальные получили наименование выселков⁹. Как правило, казаки одной станицы формировали полковую сотню.

Характеризуя войсковое управление этого периода, Н.В. Леденев отмечал: «Не замечаем в нем и признаков выборного начала даже и на низших ступенях управления; видим везде стремление к устраниению

всякого почина и недоверие не только к населению, но и ко всей подчиненной администрации»¹⁰.

К концу 1850-х годов кризисное состояние государственной казны заставило правительство отказаться от дальнейшего содержания на регулярной основе полков Сибирского войска. Обеспечить сокращение государственных расходов на его содержание можно было лишь возвратом к иррегулярной организации казачьей службы, что предполагало, кроме прочего, организацию жизни казаков «в гражданском состоянии».

По инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда в 1859 г. начался процесс реформирования Сибирского войска¹¹. Станичное управление было организовано по донскому образцу. Появление в его структуре схода домохозяев и судей (заседателей), наряду с вводимой выборностью станичных должностных лиц, ограничило влияние станичного начальника – «почти самовластного распорядителя судеб своей станицы»¹².

В 1861 г. Сибирское войско было кардинально реформировано по образцу других казачьих войск. Структура его управления впервые была разделена на военное и гражданское, вводились новые принципы формирования и функционирования войсковых административных органов (коллегиальность управления, выборность большинства должностных лиц, замещение должностей почти исключительно лицами войскового сословия). Получили дальнейшее развитие элементы станичного самоуправления.

Оставив неизменным состав станичного управления, Положение 1861 г. определило обязанности каждого его члена. Вопросы военного характера находились в исключительной компетенции станичного начальника. Он отвечал за готовность казаков к выходу на службу с исправным снаряжением и годной лошадей, за обучение малолеток основам военного дела, за условия хранения на станичном складе огнестрельного оружия. Благоустройство станиц поручалось станичным судьям. Один заведовал полицейской, другой – хозяйственной частью станицы.

Эти должностные лица избирались на трехлетние сроки, утверждались и отстранялись от должности войсковым наказным атаманом. Кроме жалованья, из станичных средств они получали усиленное земельное довольствие (станичный начальник – дополнительный пай земли, судьи – по половине пая)¹³.

Многие станицы Сибирского войска состояли из находившихся в десятках верст друг от друга поселений. Для заведования хозяйственными делами, исполнения распоряжений станичного управления, охраны общественного порядка в каждом из них вводились должности

приказного и двух десятников. Они избирались казаками выселка из внутреннеслужащих или отставных урядников и казаков сроком на год и утверждались станичным управлением. Исполнение обязанностей этих должностей приравнялось к общественной повинности. Жалованья приказному и десятникам не полагалось, но на время нахождения в должности они освобождались от натуральных земских повинностей и от телесного наказания.

Приказному поручался разбор ссор и жалоб при участии «добросовестных стариков». Он получил право подвергать казаков за незначительные проступки аресту на три дня или направлению на этот же срок на общественные работы. В более серьезных случаях виновные отправлялись в станичные управления¹⁴.

Для решения дел, касавшихся всей станицы, вводились станичные общий и частный сходы, для обсуждения дел выселков – сход выселковый.

Общий, или полный, станичный сход состоял из домохозяев станицы и выселков, имевших право голоса. Глава семейства мог направить на сход вместо себя старшего сына не моложе 21 года. Не допускались на станичные сходы порочные и телесно наказанные, а также лица, «замеченные в сварливом характере». Общий станичный сход мог принимать решения только при наличии 2/3 своего состава.

Полные станичные сходы проводились не менее трех раз в год: в начале января, перед покосом и после уборки урожая. При необходимости (например, по распоряжению окружного начальства) созывался внеочередной полный сход. Исключительной компетенции общих станичных сходов подлежали следующие вопросы: выбор должностных лиц станичного управления и заседателей от казаков в окружные правления; составление ежегодных смет станичных доходов и расходов; принятие решений о строительстве и ремонте общественных зданий, о разделе юртовой земли между станицей и выселками; составление разного рода списков и др. Общий сход определял меру наказания для лиц, известных своим «неисправимым дурным поведением и нерадением к хозяйству»: лишение права голоса на общественных сходах, права занимать общественные должности, телесное наказание до 25 ударов розгами.

Частные станичные сходы должны были проводиться ежемесячно, но, как и общие сходы, могли собираться в экстренных случаях. Их состав формировался из выборных от каждых 25 дворов. Выселки, не имевшие такого числа дворов, также направляли одного выборного. Частные станичные сходы вместе со станичными начальниками составляли приговоры о казаках, не готовых к выходу на военную службу; назначали наказания за некоторые проступки (до 15 ударов розгами, арест с со-

держанием на хлебе и воде); налагали штрафы (за незаконную рубку леса, за неявку к исполнению станичных повинностей и пр.); разрешали сверхсметные расходы на общественные нужды до 30 руб.; ежемесячно ревизовали станичную финансовую отчетность и др.

Выселковый сход из домохозяев, имевших право голоса, решал вопросы, касавшиеся избрания приказных и десятников, а также выборных на частные станичные сходы; составления списков участвующих в общих станичных сходах; переселения в выселок новых лиц; раздела между казаками отведенных выселку угодий; сдачи в аренду свободных земель и пр. Приговоры выселкового схода утверждались станичным управлением.

Решения всех сходов записывались в книги приговоров. Приговор зачитывался сходу, скреплялся подписями должностных лиц (станичный приговор, кроме этого, скреплялся станичной печатью) и вручался начальнику станицы или приказному для исполнения¹⁵.

Станичные общества впервые получили возможность иметь собственные денежные средства. Они формировались за счет сдачи в аренду части юртовых земель, сбора за пользование в базарные дни станичными мерами и весами, штрафов и др. Изыскание новых источников пополнения станичных сумм являлось одной из задач станичного управления. Статья доходов, однажды включенная в годовую смету станицы, оставалась обязательной и без разрешения войскового правления не отменялась. Таксы сборов по всем статьям станичных доходов устанавливались войсковым правлением с учетом местных условий и публиковались для общего сведения.

Станичные расходы, делившиеся на постоянные и временные, осуществлялись в соответствии с годовыми сметами, утвержденными войсковым правлением. К числу постоянных относились расходы на содержание станичных управлений и станичных школ. Если для их покрытия станичных средств не хватало, то финансирование временно осуществлялось из войсковой казны. Временными считались расходы на строительство и ремонт общественных зданий, на покупку пожарного инвентаря, на помощь «совершенно бесприютным сиротам и беспомощным дряхлым». Использование денежных средств допускалось только тогда, когда та или иная потребность общества не могла быть удовлетворена хозяйственным способом. Размер временных расходов станицы не должен был превышать 30 руб. в год. В случае крайней необходимости окружное правление могло разрешить увеличение размера этой суммы до 100 руб. Приговоры станичных обществ о расходах свыше 100 руб. направлялись на рассмотрение войскового правления.

Хранение станичных средств поручалось членам станичного управ-

ления и двум доверенным от общества лицам. Последние должны были ежемесячно проверять состояние общественных сумм¹⁶.

Надзор за деятельностью станичной администрации возлагался на окружные полковые правления. По представлениям станичных управлений или по жалобам казаков они рассматривали станичные приговоры. Решение станичного схода, превышавшее его полномочия, окружной властью отменялось, а станичное начальство несло ответственность за допущение принятия подобных приговоров. Прочие вопросы деятельности станичного самоуправления в Сибирском войске определялись Положением об управлении Донского войска.

Одной из проблем, с которыми столкнулись станичные общества с первых лет жизни в «гражданском состоянии», была необходимость формирования станичных капиталов. Потенциальным богатством станиц являлись юртовые земли. Но сибирское многоземелье, неразвитость местного рынка, запрет на постоянное проживание на войсковой территории разночинцев препятствовали извлечению значимых доходов от сдачи в аренду юртовых угодий. В 1863 г. общая сумма станичных капиталов в Сибирском войске составляла чуть более 19 тыс. руб. Пять из 63 станиц войска – Сандыктавская, Покровская, Черлакская, Атмаская, Каркаралинская – не имели ни копейки общественных средств¹⁷. Доходы 70 % станичных обществ не превышали 300 руб. Нередко общества не имели возможности содержать станичные управления. Дотации из войсковой казны не могли быть постоянными, и потому в 1867 г. было упразднено 25 станиц (40 %), а их поселения приписаны к оставшимся¹⁸. Впредь генерал-губернатор Западной Сибири разрешал образование новых станиц лишь при наличии у их поселений финансовых возможностей для содержания станичного правления¹⁹.

Состояние станичных капиталов несколько улучшилось после отмены запрета на постоянное проживание в войске разночинцев. В 1868 г. лицам невойскового сословия было разрешено приобретать и строить дома на войсковых землях. За пользование земельными участками домовладельцы должны были ежегодно вносить в станичные капиталы посаженную плату. «Сообразно с развитием местной торговли и промышленности» территория казачьего войска делилась на несколько разрядов, для каждого из которых определялся размер этой платы на пятилетние сроки – от одной до пяти копеек за квадратную сажень²⁰.

Активное реформирование казачьих войск, начавшееся во второй половине 1860-х годов, являлось попыткой правительства распространить на них «права и льготы, дарованные Положением 19 февраля 1861 г.». В русле гражданских преобразований этого времени военное министерство

стремилось «объединить, сколько возможно, казачье сословие с другим, совместно с ним обитающим, населением под одним общим гражданским управлением, сохранив отдельность только в военном устройстве казаков, в собственном хозяйстве войсковом и военной администрации»²¹.

Реформирование Сибирского войска в эти годы шло одновременно по двум направлениям: в соответствии с общим «казачьим» законодательством, разработанным временным комитетом при Главном управлении казачьих войск, а также в ходе реорганизации управления в Степных областях.

В 1868 г. с образованием Акмолинской и Семипалатинской областей в Сибирском войске были упразднены полковые округа. Казачье население в гражданском отношении было передано в ведение областных и уездных властей. Для руководства казаками в военном отношении в войске были созданы управления военных отделов.

В рамках станичного управления по примеру Оренбургского войска создавались станичные суды²². Станичный суд формировался из ежегодно избираемых станичным сходом судей, число которых могло быть от четырех до 12 (должностные лица, ранее входившие в состав станичного правления и называвшиеся станичными судьями, были переименованы в станичных заседателей). На его заседаниях, проводимых раз в две недели, должны были присутствовать не менее трех судей. Судьи могли выполнять свои обязанности бессменно в течение года или поочередно в течение нескольких месяцев.

Станичный суд рассматривал споры и тяжбы между казаками и дела по их маловажным проступкам. Он решал окончательно все гражданские дела, цена иска по которым не превышала 100 руб., о движимом и недвижимом имуществе в пределах станичного юрта, по сделкам и обязательствам, по вознаграждению за причиненный ущерб. В ходе рассмотрения тяжёлого дела судьи старались примирить стороны. Если это не удавалось, то суд принимал решение на основе представленных документов о заключенной сторонами сделке, а если их не было, то «на основании местных обычаев и правил, принятых в казачьем быту». Если тяжущиеся, отказавшись от разбирательства в станичном суде, обращались к третейскому суду, то последний мог рассматривать дело без ограничения цены иска.

Гражданские дела, в которых участвовали лица других сословий, могли представляться на окончательное решение станичного суда только в случае согласия обеих сторон. Остальные гражданские иски и все уголовные преступления, совершенные в пределах станицы, подлежали юрисдикции общих судов.

Закон закреплял независимость станичного суда, запретив станичному начальнику и заседателям не только вмешиваться в судопроизводство, но и присутствовать при разборе дел. Судопроизводство было устным и гласным. Рассмотрение спора в суде начиналось после подачи истцом жалобы. Разбирательство по проступкам осуществлялось по жалобе потерпевшего, по заявлению станичного начальника или заседателей и по заявлению свидетеля проступка, если потерпевший сам не мог подать жалобу. В ходе рассмотрения дел о проступках станичные судьи в случае необходимости проводили дознание в присутствии нескольких свидетелей.

Станичный суд мог приговорить к шести дням общественных работ, к денежному штрафу до трех рублей, к семидневному аресту и телесному наказанию до 20 ударов розгами. Приговор вносился в книгу решений станичного суда и приводился в исполнение станичным начальником.

В контексте кардинальной реорганизации всей системы государственного и муниципального управления в России 13/25 мая 1870 г. было Высочайше утверждено Положение об общественном управлении в казачьих войсках, подготовленное временным комитетом по пересмотру казачьих законоположений²³. В соответствии с ним станичное самоуправление было организовано по образцу крестьянского с учетом «казачьей» специфики и оставалось в двойном подчинении: войсковым военным и уездным гражданским органам власти²⁴. Станичным обществам была предоставлена бóльшая самостоятельность в формировании выборных органов, расширены их права при ведении общественных дел. Они получили возможность полностью распоряжаться станичными капиталами.

Станичное управление формировалось проживавшими в станице казаками и разночинцами. Оно состояло из станичного схода, станичного атамана со станичным правлением и станичного суда.

Если крестьянский волостной сход формировался из сельских и волостных должностных лиц и представителей от каждых 10 дворов, то станичный сход включал всех домохозяев общества. Если домохозяин не мог лично присутствовать на сходе, его заменял кто-нибудь из членов семьи. Разночинцы участвовали в решении только их касавшихся вопросов. Поселковым обществам разрешалось выбирать для участия в станичном сходе доверенных лиц. Лишались права голоса лица, находившиеся под следствием, судом, отданные по решению суда под надзор общества, а также лишённые его временно – по решению станичного схода. Председательствовал на сходе станичный атаман, который созывал его по собственной инициативе или по указанию уездного начальства.

Будучи распорядительным органом станичного управления, станичный сход выбирал должностных лиц станичной администрации,

определял размер их жалованья и контролировал их деятельность. Он ведал вопросами общинного землепользования, занимался раскладкой земских повинностей, распоряжался станичными денежными средствами, составлял приговоры об удалении из общества «вредных и порочных лиц»²⁵ и о временном лишении их права участия в сходах на срок до трех лет, в случае необходимости увольнял всех должностных всех лиц, кроме станичных и поселковых атаманов, и пр.

По делам военного характера станичный сход ходатайствовал о предоставлении казакам льгот от службы, следил за правильностью составления служебных очередей, принимал меры для исправного выхода казаков на строевую службу.

В отличие от волостного схода, станичному сходу предоставлялось право передавать решение ряда дел станичному правлению. В этом случае деятельность его должностных лиц контролировали избираемые обществом доверенные лица (не менее трех человек).

Общественные приговоры получали законную силу, если на сходе присутствовали станичный атаман, не менее половины домохозяев, имеющих право голоса, и если рассмотренный вопрос относился к его компетенции. Для решения особо важных дел (раздел земли, использование станичных денежных средств и пр.) требовалось не менее 2/3 голосов присутствующих. В остальных случаях принятыми считались решения, получившие простое большинство. Приговоры сходов вносились в специальную книгу и подписывались большинством присутствующих.

Исполнительным органом станичного управления являлось станичное правление, в состав которого входили станичный атаман, его помощник (эта должность вводилась по усмотрению обществ), казначей и доверенные станичного общества.

Станичному атаману подчинялись все лица, проживавшие в пределах станицы. Представляя на ее территории полицейскую власть, станичный атаман объявлял законы, обеспечивал безопасность жителей и их имущества, руководил действиями по борьбе с эпидемиями, принимал меры для задержания преступников, исполнял приговоры станичного суда и пр. Особо важные действия – проведение дознания по преступлениям, совершенным в пределах станицы, обысков, ареста подозреваемых – станичный атаман должен был осуществлять в присутствии двух свидетелей. По делам общественным он приводил в исполнение приговоры станичных сходов, наблюдал за состоянием дорог на станичных землях, контролировал деятельность станичных должностных лиц, следил за выполнением казаками земских повинностей, заведовал в порядке, установленном обществом, станичными денежными средствами и имуществом и пр.

Станичный атаман, в отличие от волостного старшины, выполнял также обязанности, связанные с военной службой казаков. Он информировал жителей станицы о зачислении казаков в служилый состав войска, о переводе их на внутреннюю службу и об увольнении в отставку, сообщал о предстоящих служебных нарядах, готовил и направлял на службу необходимое число казаков и пр. Своей властью станичный атаман мог наказывать виновных двумя днями общественных работ, денежным штрафом до одного рубля, двухдневным арестом.

Станичный казначей занимался приемом, хранением и расходованием станичных денежных средств в установленном сходом порядке. Он производил только утвержденные сходом расходы. Доверенные от общества участвовали в деятельности правления лишь при решении дел, переданных ему станичным сходом, и при ежемесячной проверке станичных денежных средств. В этих случаях решение принималось коллегиально, по большинству голосов. По всем другим текущим делам станичный атаман принимал решение самостоятельно. Делопроизводство по военной и гражданской части возлагалось на станичных писарей.

В отношении станичного суда новый закон уточнял, что ему были подсудны не только все проживавшие в станице и не имевшие особых прав состояния казаки, но и разночинцы. Кроме того, был определен порядок отмены решений станичного суда и исключены из числа наказаний, налагавшихся им, наказания телесные.

Поселковое управление, представленное поселковым сходом и поселковым атаманом, создавалось в поселениях, имевших самостоятельные земельные наделы и не менее 30 дворов. Более мелким поселениям, находившимся недалеко друг от друга, разрешалось объединяться в одно поселковое общество или присоединяться к более крупным.

Порядок формирования и работы станичного схода практически применялся к поселковому сходу. Из его компетенции были исключены только вопросы, связанные с военной службой казаков, и часть хозяйственных вопросов, являвшихся прерогативой станичного схода. На поселкового атамана возлагались обязанности полицейского и общественного характера в меньшем объеме, чем у станичного атамана, но при наложении взысканий он пользовался теми же правами. В поселении, где находилось станичное управление, обязанности поселкового атамана исполнял станичный атаман, а обязанности поселкового схода – сход домохозяев.

Занять выборную должность станичного управления мог казак не моложе 25 лет. При выборах на ту или иную должность офицера, кроме его согласия, соблюдалось еще одно условие: он не должен был на-

ходиться в подчинении у нижнего чина. Избранный обществом не имел права отказаться от должности (исключение составляли лица старше 60 лет, тяжело больные или уже прослужившие один срок на общественной должности).

Атаманы и их помощники избирались на три года, остальные должностные лица – на год. Станичный атаман утверждался в должности начальником области. Размер и способ вознаграждения должностных лиц определяло станичное общество (жалованье станичных атаманов должно было составлять не менее 150 руб. в год). Все они на время выполнения обязанностей освобождались от натуральных повинностей. Станичный атаман из нижних чинов пользовался правами хорунжего. Прослуживший на этой должности два срока освобождался в будущем от строевой службы. После трех сроков это право распространялось на одного из его сыновей или родственников.

Так как в Сибирском войске не было должностных лиц и органов, соответствовавших губернским и уездным по крестьянским делам учреждениям, надзор за действиями станичного и поселкового управлений был возложен на уездных начальников и начальников областей. Надзор за деятельностью станичного схода осуществлялся только путем рассмотрения жалоб на его решения. Жалобы направлялись через уездного начальника начальнику области, который передавал их для рассмотрения в соответствующие учреждения или сам приостанавливал исполнение станичного приговора.

Надзор за действиями станичного суда и должностных лиц станичного и поселкового управления осуществлялся двумя способами. Во-первых, путем рассмотрения жалоб от обществ и отдельных жителей. При этом жалобы на станичного атамана, его помощника, поселкового атамана и судей станичного суда рассматривались начальником области, а на прочих лиц – уездным начальником. Во-вторых, путем выявления уездным начальником случаев превышения станичным судом предоставленной ему власти и злоупотреблений со стороны других должностных лиц. В этой ситуации при отсутствии в Акмолинской и Семипалатинской областях мировых судов уездный начальник направлял в уездные суды представления об отмене приговоров станичного суда без жалоб лиц, в отношении которых они были вынесены. Кроме этого, он мог временно отстранять от должности станичных и поселковых атаманов, делать всем лицам станичного управления выговоры, подвергать их штрафу до пяти руб. или аресту до семи дней. Начальник области в этих случаях окончательно отстранял от должности станичного и поселкового атамана и предавал суду как их, так и помощников

станичного атамана и судей станичного суда²⁶.

Войсковым органам власти – управлениям военных отделов – станичные правления подчинялись только в военном отношении.

Уже вскоре после введения в Сибирском войске Положения 1870 г. проявились его существенные недостатки. По мнению войскового начальства, передача казачьего населения в ведение гражданской администрации оказалась неэффективной. Областные правления и уездные начальники, «устремив все внимание на киргиз, оставили без всякого руководства станичные общества на новом для них пути местного самоуправления»²⁷.

Генерал-губернатор Западной Сибири генерал-адъютант Н.Г. Казнаков отмечал: «Станичные общества, получив довольно широкое право распоряжения своими делами, нередко являются беспомощными перед произволом своих же выборных лиц, не вполне понимающими свои интересы или не умеющими повести дело как следует». Станичные доходы большинством обществ расходовались полностью. «Станичные сходы остаются совершенно равнодушны к тому, что часть полученных за оброчные статьи денег поступает в собственность должностных лиц, не заботятся о целостности и контроле станичных сумм, оставляя без преследования их растраты, и случается, что даже сами постановляют приговоры об употреблении общественных средств на расходы, законность и правильность которых сомнительны». Например, станичными сходами нередко принимались приговоры о покупке в праздничные дни вина на общественные средства²⁸. «При подобных порядках, – констатировал Н.Г. Казнаков, – сказывается необходимость в некотором руководстве и действенном надзоре за интересами станичных обществ со стороны администрации без всякого нарушения, конечно, дарованных законом этим обществам прав по местному самоуправлению»²⁹.

Мнение генерал-губернатора было созвучно мнению Государственного совета, принятому незадолго до этого и дополнявшему статьи Положения 1870 г. Этим законом областным и губернским правлениям тех местностей, в которых был расположены казачьи войска, предоставлялось право издавать инструкции для должностных лиц станичного управления, а также ревизовать деятельность станичных правлений³⁰.

Вместе с тем, этой мерой были сняты далеко не все проблемы. Двойное подчинение казаков являлось питательной почвой для межведомственных конфликтов. В 1878 г. Н.Г. Казнаков для согласования действий войсковой и уездной администраций по обеспечению исправного отбывания казаками воинской повинности был вынужден подготовить специальный циркуляр. Он предложил уездным началь-

никам «твердо усвоить взгляд, что пока казак состоит в строевом разряде, он, прежде всего, есть солдат», что «во всех случаях, когда местной гражданской администрации приходится выбирать между двумя столкнувшимися между собою обязанностями казака как воина и казака как станичного обывателя предпочтение должно быть отдаваемо обязанностям первого рода»³¹.

Все действия уездных начальников, направленные на улучшение казачьего гражданского быта, говорилось в циркуляре далее, «ценны лишь настолько, насколько они способствуют или, по крайней мере, не противоречат главнейшему назначению строевого казака – отбыванию им воинской повинности». Поэтому они «должны быть возможно согласованы с [...] распоряжениями атаманов отделов или даже находиться в некоторой зависимости от распоряжения последних, как ближайших блюстителей исправного отбывания служилыми казаками их главной повинности – воинской».

Однако формальное урегулирование взаимодействия казачьих начальников из разных ведомств не сняло проблему двоевластия. Войсковой наказной атаман нередко получал донесения о конфликтах между станичными атаманами и офицерами, командированными атаманами отделов с поручениями в станицы. Некоторые станичные атаманы, признавая своим непосредственным начальством только уездных начальников, «крайне невнимательно» относились к приказаниям офицеров о сборе казаков для осмотра обмундирования и военного обучения, о проверке оружейных складов и ревизии военного делопроизводства. Были случаи, когда станичные атаманы вмешивались в процесс военного обучения казаков. Не выполняя распоряжения командированных офицеров, они под различными предлогами не выдавали казакам со станичных складов оружие, учебные пособия и т. п.³²

В последующие годы генерал-губернаторы Степного края Г.А. Колпаковский и М.А. Таубе перевели целые «отрасли» гражданского управления казаками из ведения областной администрации в подчинение войскового начальства. Законодательно это было закреплено 25 марта 1891 г. Положением «Об устройстве управления в областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской ...»³³. Казачье население во всех отношениях, кроме полицейского и судебного, по делам, превышавшим компетенцию станичного суда, было выведено из подчинения областного начальства. Войсковое управление в целом и станичное самоуправление в частности были подготовлены к серьезной реорганизации.

Аналогичная ситуация складывалась и в других казачьих войсках.

В 1880-е годы представители военного министерства обнаружили в них «банкротство общественного управления: станичные капиталы исчезли, на станичных обществах накопились долги, казаки стали являться на службу в неисправном обмундировании. Благодаря гражданскому строю в населении стали развиваться нежелательные наклонности: нарушение дисциплины, неуважение к родителям, к старшим, леность, праздность, беспечность в заведении обмундирования»³⁴ В докладе временного комитета по пересмотру казачьих законоположений отмечалось, что предоставленная казачьим обществам полная самостоятельность в «делах земства и денежного хозяйства нерациональна, вредна и разорительная для станиц».

Члены комитета обратили внимание на необходимость более тщательного подбора кандидатов на должности станичного управления, поскольку даже при выборах станичного атамана «сбор редко принимает во внимание личные качества и степень пригодности лиц, желающих занять оную. Бывают случаи, что перед выборами кандидаты [...] торгуются из-за цифры жалованья, и, по большей части, то лицо, которое берет дешевле, и избирается в атаманы». Одним из следствий подобной ситуации стали десятки уголовных дел за преступления по должности в отношении станичных атаманов (только в Донском войске в 1883 г. были заведены 125 таких дел, в 1884 г. – 110). В связи с этим комитет высказался за восстановление контроля войсковой администрации за проведением станичных выборов³⁵.

Критике было подвергнуто и станичное судопроизводство: «В особенности неудобна и несогласна с понятиями населения безапелляционность решений станичного суда и возможность обжалования их только в кассационном порядке. Население не понимает [...] существа такого порядка и в громадном большинстве случаев приносит апелляционные просьбы в съезд мировых судей; оставление же съездом таких просьб без последствий, несмотря на явную иногда неудовлетворительность решения, вызывает недоумение и полнейшее разочарование найти справедливость. Это обстоятельство, наряду с медленностью в рассмотрении дел и приведении в исполнение решений суда, сделало станичный суд учреждением крайне непопулярным, отовсюду слышатся жалобы на него, и он утратил окончательно доверие населения»³⁶.

Начальство Донского войска, давая неудовлетворительную оценку состоянию станичного управления, видело одну из главных причин этого в «ненормальности» порядка формирования сходов. В больших станицах сходы иногда в течение нескольких месяцев не могли принять решения из-за отсутствия кворума. «Обсуждение дел на сходах,

вследствие многолюдства и участия людей молодых, [...] сопровождались таким шумом, такими беспорядками, что правильное, толковое рассмотрение дела становилось решительно невозможным»³⁷. В связи с этим войсковой наказной атаман ходатайствовал об изменении состава и порядка формирования станичных сходов. Его ходатайство было одобрено военным министерством и Государственным советом. С 1884 г. станичные сходы в Донском войске формировались из выборных представителей от каждых десяти дворов³⁸. Позже эта норма была распространена на Оренбургское (1884 г.), Уральское (1885 г.) и Забайкальское (1886 г.) казачьи войска.

В 1880-е годы были внесены и другие коррективы в Положение 1870 г. В конце 1882 г. войсковому наказному атаману Донского войска были предоставлены дополнительные права по наложению на казаков наказаний за «непослушание и предосудительное поведение»³⁹. По жалобам станичных обществ и ходатайствам местного начальства он мог в качестве «исправительной меры» командировать казаков служилого разряда на полевую службу на срок до четырех лет, а отставных казаков – выслать на тот же срок на жительство в отдаленные станицы войска. В течение нескольких лет эта норма была распространена на Кубанское, Терское, Астраханское и Оренбургское казачьи войска. 15 июля 1890 г. подобные дисциплинарные права получил командующий Омским военным округом (он же – войсковой наказной атаман Сибирского войска)⁴⁰. 2 апреля 1886 г. станичные суды получили право принимать решения и выносить приговоры заочно⁴¹.

Не довольствуясь этим, донское войсковое начальство в 1885 г. представило в военное министерство проект нового Положения об общественном управлении станиц. Разосланный для обсуждения в другие казачьи войска проект получил поддержку их администраций⁴². Ввиду этого военный министр распорядился подготовить новый, общий для всех казачьих войск, закон. Разработанный в соответствии с общей направленностью правительственной политики контрреформ проект Положения об общественном управлении станиц казачьих войск был утвержден 3 июня 1891 г.⁴³.

Согласно этому документу, общественное управление станиц составляли станичное и поселковое управления. В станичное управление входили: станичный сбор, станичный атаман, станичное правление и станичный суд.

Станичные сходы домохозяев заменялись сборами выборных представителей. В станицах, насчитывавших более 300 дворов, сбор составляли выборные от каждых 10 домохозяев. Поселения, имевшие

от 30 до 300 дворов, направляли на сбор 30 представителей. Если в поселке состояло менее 30 дворов, то право голоса сохранялось за всеми домохозяевами. Войсковому начальству предоставлялось право изменять норму представительства с учетом местных условий.

Норма представительства для разночинцев устанавливалась такой же, как для казаков. Однако это правило не действовало в отношении станиц, где разночинцы составляли большинство. В этих случаях число выборных от разночинцев не должно было превышать число казачьих представителей.

Для проведения выборов доверенных станицы и поселки разбивались на участки по правилам, разработанным войсковым начальством. Доверенные избирались ежегодно простым большинством голосов. При этом казаки моложе 26 лет лишались права выбирать и быть избранными в качестве доверенного. Закон обязывал выборных присутствовать на каждом сборе. Отсутствовавшие на нем без уважительных причин подвергались денежному штрафу в размере от 20 коп. до одного рубля.

Новый закон содержал детальное перечисление того, что должно было стать предметом «особой заботливости и особого попечения» станичного сбора (создание сберегательных касс, заведение общественных запасок, улучшение коневодства и т. п.), расширил его компетенцию в связи с введением в действие Положения о военной службе казаков Сибирского казачьего войска (1880 г.). К ведению станичного сбора было отнесено определение размера платы с неспособных к службе казаков, ходатайство о предоставлении отдельным лицам льгот от службы и об освобождении их от учебных сборов и др. Право сбора разрешать семейные разделы, в конечном счете, также было связано с военной повинностью казаков: хозяйство отделившегося казака не всегда могло материально обеспечить его выход на службу. Решение некоторых дел сбор мог передать станичному правлению.

Для обеспечения станичным обществом исправного выхода казаков на действительную службу, отбывания земских и станичных повинностей и погашения недоимок Положением предписывалось применение принципа круговой поруки. Станичному сбору было предоставлено право применять меры принудительного характера в отношении должников: отправить их на заработки для погашения долгов, назначить опекунов в их хозяйство, продать часть их имущества, лишить на некоторый срок права пользоваться земельными паями, изымая последние в распоряжение общества, и др.

Станичные сборы проводились, как правило, в праздничные и воскресные дни, но для решения срочных дел они созывались и в другое

время. Атаман военного отдела информировался о дне проведения сбора и о его повестке. Для признания сбора состоявшимся необходимо было присутствие станичного атамана и не менее 2/3 от общего числа выборных. Станичный атаман вел заседание сбора и поддерживал на нем порядок. Решения принимались большинством голосов, при обсуждении особо важных дел (например, связанных с земельным обеспечением, с военной службой казаков) – квалифицированным большинством.

Если ранее голосование проводилось путем простого разделения домохозяев на две группы, то новый закон, кроме подобного способа, предусматривал применение тайного голосования. Так проходили выборы станичных атаманов и судей почетного суда. При проведении этой процедуры должен был присутствовать атаман отдела или командированное им лицо. Приговор сбора заносился в специальную книгу и скреплялся подписями станичного атамана и доверенных станичного правления⁴⁴.

Значительно возросла роль станичного атамана. Он получил ряд дополнительных прав в отношении станичного сбора и станичного суда, что объяснялось законодателем необходимостью оперативных действий в экстренных случаях. Так, станичный атаман мог назначить проведение сбора по собственной инициативе, запретить обсуждение вопросов, не включенных в повестку дня, принимать решения по некоторым делам, входящим в компетенцию сбора (правда, сбор позже должен был их утвердить). Без согласования со станичным сбором он мог разрешать отлучки из станиц казакам служилого состава на срок до трех месяцев, а остальным – до года. Положение 1891 г. нарушало принцип независимости станичного суда: станичный атаман не только получал право присутствовать при разборе дел, но и по назначению атамана отдела мог председательствовать на его заседаниях.

Права станичного атамана по наложению взысканий были также увеличены. Своей властью он мог налагать штрафы до трех рублей, подвергать трехдневному аресту и направлять на трехдневные общественные работы. В отношении лиц, наказанных неоднократно, размер наказания возрастал еще более: штраф до пяти рублей, арест и общественные работы до пяти дней.

По распоряжению войскового наказного атамана власть станичного атамана в полицейском отношении могла распространяться на войсковые запасные и офицерские земли, прилегавшие к юрту. В случае необходимости станичный сбор избирал станичному атаману помощника⁴⁵. Символом власти атамана являлась насека, с которой он обязан был являться на станичные сборы, во всех торжественных и официальных случаях.

В состав станичного правления, как и ранее, входили станичный

атаман, его помощник, казначей и от двух до четырех доверенных от общества (их число могло быть увеличено за счет представителей от поселков, имевших самостоятельные земельные наделы). Кроме прежних обязанностей, на должностных лиц станичного правления возлагалась ежегодная проверка состояния станичного имущества (лесов, построек и пр.), составление сметы станичных доходов и расходов на основе инструкции, подготовленной войсковым хозяйственным правлением, организация торгов при сдаче в аренду станичных оброчных статей. Решение станичное правление принимало по большинству голосов. При их равенстве голос станичного атамана давал перевес.

В целях эффективного управления общественным хозяйством и усиления контроля за его использованием общественные денежные средства и имущество станиц, состоявших из нескольких поселений, были разделены на станичные и поселковые.

В станичный доход поступали некоторые денежные сборы с частных лиц (за выдачу увольнительных или приемных приговоров, за регистрацию в станичном правлении договоров и сделок на сумму до 500 руб.), денежные взыскания, налагаемые станичным атаманом и судом, штрафы, поступления от сдачи в аренду зданий, построенных на общественные средства, проценты от станичных средств, находившихся в кредитных учреждениях. Этих средств не хватало для обеспечения всех станичных нужд. Поэтому главной доходной статьей, покрывавшей основную часть станичных расходов, были сборы с поселковых обществ.

Поселковые капиталы формировались преимущественно за счет использования юртовых земель и оброчных статей. Поселковые общества сдавали в аренду земельные участки, места добычи полезных ископаемых, взимали с разночинцев посаженную плату, с казахов – плату за право зимовки на юртовой земле и др. Некоторые из них большую часть доходов получали за счет проводившихся на их землях ярмарок: общества сдавали в аренду места для торговли, лавки, взимали сборы с перекупщиков сельскохозяйственной продукции и пр. Таксы ярмарочных сборов, платы за добычу полезных ископаемых, пользование переправами, юртовыми лесами утверждались войсковым хозяйственным правлением. В поселковые доходы поступали штрафы (за самовольную порубку леса, за нарушение санитарных правил), субсидии от войска (на содержание поселковых школ), возврат ссуд, выданных казакам, и т. д.

Стремление военного министерства организовать станичное хозяйство на более рациональных основах увеличило объем станичного делопроизводства. Так, писари станичного правления должны были вести более 70 разного рода книг, списков, описей и прочих документов ⁴⁶.

Наиболее значительные изменения коснулись станичного суда. Теперь он состоял из двух инстанций: суда станичных судей в каждой станице и суда почетных судей, создаваемого для двух станиц.

В состав суда станичных судей по-прежнему входили от четырех до 12 лиц, пользовавшихся «в среде станичного общества полным доверием и уважением, отличающихся безукоризненным поведением и домовитостью». Судебное присутствие составляли трое из них, остальные считались запасными. Очередность участия в рассмотрении дел они устанавливали сами. Председатель суда выбирался участвующими в заседании судьями, но офицер становился им автоматически. В исключительных случаях атаман отдела мог назначить председателем одного из судей, станичного атамана или иное лицо. Для суда почетных судей от каждой станицы избирались от трех до шести человек возрастом не моложе 40 лет (офицеров это ограничение не касалось). Присутствие суда почетных судей состояло из четырех человек. Во время судебных заседаний и в торжественных случаях станичные и почетные судьи должны были носить специальные знаки. Суды станичных судей собирались не менее двух раз в месяц, суды почетных судей – не реже раза в месяц.

Компетенция и юрисдикция станичного суда остались прежними. В ведении станичного суда были споры и тяжбы на сумму до 100 руб. и незначительные проступки: кража, мошенничество, покупка заведомо краденного на сумму не более 30 руб., оскорбления, побои, не имевшие серьезных последствий для здоровья, пьянство и нарушение спокойствия.

С учетом многолетней практики более детально был расписан порядок судопроизводства, введена ответственность сторон за неявку в суд и др. Судебное заседание было словесным и гласным. За станичным судом сохранялось право на проведение дознания в присутствии двух свидетелей. При рассмотрении дел станичный суд старался склонить стороны к примирению. Если это не удавалось, решение принималось на основе представленных документов или местных традиций. Размер наказаний, налагаемых станичным судом за проступки, был увеличен: штраф до шести рублей, арест и общественные работы до восьми дней. В отношении лиц, наказанных неоднократно, он возрастал (штраф до 10 руб., арест или общественные работы до 12 дней).

Решения судов станичных судей по спорам и тяжбам на сумму до 30 руб. и их приговоры по проступкам с определением наказания, не превышавшего половины предельного размера, считались окончательными. По искам на сумму от 30 до 100 руб. и по остальным приговорам в течение двух недель можно было апеллировать к суду почетных судей, принимавшему по этим делам окончательное решение.

Решения в станичном суде принимались большинством голосов, заносились в книгу приговоров и скреплялись подписями сторон и судей. В исполнение их приводили станичный атаман или его помощник. Для погашения долга допускалась продажа части имущества должника. Продаже не подлежали иконы, обмундирование, вооружение, снаряжение и строевая лошадь. Из недвижимости запрещалось продавать за долги дом, дворовое место и надворные постройки, снос которых привел бы к явному расстройству хозяйства.

Новый закон ликвидировал независимость станичных судов от войсковой администрации. Судьи утверждались и отстранялись от должности войсковым начальством. На войсковое хозяйственное правление были возложены функции кассационной инстанции для станичных судов (ранее их выполняли уездные суды Степных областей). При нарушениях процессуального характера или превышении станичными судами предоставленной им власти этот административный орган отменял окончательные судебные решения и приговоры, затем выносил новые или возвращал дела для повторного рассмотрения. Дела, не входящие в компетенцию станичных судов, передавались в общесословные суды⁴⁷.

Поселковое управление, состоявшее из поселкового сбора и поселкового атамана, вводилось в поселениях, включавших не менее 60 дворов и отдельный земельный надел. В поселениях меньшего размера поселковое управление создавалось только «в случае надобности, усмотренной самим начальством», или по ходатайству их жителей.

Все правила формирования станичного сбора, порядка его проведения и пр., в полном объеме относились и к поселковому сбору. В компетенцию последнего не входило рассмотрение дел, касавшихся всего населения станицы. Его приговоры по некоторым вопросам утверждались станичным сбором.

Круг обязанностей поселкового атамана по полицейским и общественным делам существенно расширился. В его ведение были также переданы дела по военной части, ранее находившиеся исключительно в компетенции станичного атамана. Увеличился и объем прав поселкового атамана. Он разрешал казакам поселка отлучки сроком до 15 дней, в экстренных случаях принимал меры по вопросам, находившимся в компетенции поселкового сбора (позже атаман отчитывался перед сбором о своих действиях). Хотя размер налагаемых им взысканий остался прежним, в отношении лиц, наказанных неоднократно, он увеличивался в два раза.

Круг кандидатов на должности станичного управления был резко сокращен более жесткими возрастными ограничениями. Теперь должности станичного атамана и станичного судьи могли занимать казаки

не моложе 33 лет, минимальный возраст почетного судьи был определен в 40 лет (ограничения не распространялись на офицеров). Ранее только станичный атаман утверждался в должности войсковым наказным атаманом, а все остальные должностные лица вступали в исполнение обязанностей сразу после их избрания. По Положению 1891 г. войсковое начальство утверждало и отстраняло от должности всех ключевых лиц станичного управления. Станичные и поселковые атаманы, помощник станичного атамана, почетные судьи избирались на трехлетний срок, все остальные – на год.

Повышение ответственности должностных лиц станичного и поселкового управления перед войсковой администрацией, увеличение их обязанностей компенсировались рядом предоставленных им преимуществ. Способ и размер вознаграждения выборных должностных лиц определялись сборами. Исключение составляли должности станичного атамана и почетного судьи, которым закон определял обязательное денежное содержание. Не имеющие офицерских чинов станичные атаманы и почетные судьи пользовались правами хорунжего. Избранные на эти должности в третий раз представлялись к чину хорунжего в отставку. Должностные лица станичного управления из числа нижних чинов награждались деньгами, похвальными листами, почетными чекменями, медалями с надписью «За усердие», освобождались от натуральных повинностей, а некоторые – от призыва на службу в случае войны и от учебных сборов в мирное время.

Анализ Положения 1891 г. показывает, что механизм надзора за станичным управлением был почти полностью заимствован из Положения о земских начальниках 1889 года⁴⁸. Большую часть функций, аналогичных функциям земских начальников, в Сибирском войске выполнял атаман отдела, который осуществлял непосредственный контроль за станичным управлением. Другая их часть была закреплена за войсковым хозяйственным правлением и войсковым наказным атаманом.

Основным способом контроля за действиями станичных сборов стало обязательное утверждение общественных приговоров войсковым начальством. Приговоры о выборах станичных атаманов и почетных судей, удалении из общества порочных лиц, выходе из общества и приеме в него нового лица утверждались войсковым наказным атаманом. Решения, связанные с распределением земли между поселками станицы, с выделением общих хозяйственных угодий утверждались войсковым хозяйственным правлением, по делам о составлении станичных смет, расходовании общественных средств, выборах станичных судей, поселковых атаманов и др. – атаманами военных отделов.

Другим действенным способом контроля войскового начальства за станичным управлением являлось принятие мер по жалобам на решения сборов и на действия лиц низовой администрации. Жалобы от имени сборов и от отдельных лиц направлялись атаману отдела, который рассматривал их самостоятельно или со своим заключением представлял на решение войскового наказного атамана. Наконец, немалую роль в осуществлении контроля за деятельностью станичного управления играли ежегодные ревизии, проводимые атаманами отделов.

Должностные проступки наказывались атаманом отдела замечаниями, выговорами, денежными взысканиями до пяти рублей и семидневным арестом. При необходимости он отстранял от должности всех, кроме станичных атаманов и почетных судей. За должностные преступления все лица станичного и поселкового управления предавались суду. При крайней запущенности дел войсковой наказной атаман имел право назначить станичного или поселкового атамана своей властью из казаков другой станицы и временно приостановить деятельность станичного и поселкового сбора, сообщая об этом военному министру. В данном случае все общественные дела решались только станичным или поселковым атаманом⁴⁹.

Для упорядочения деятельности станичного управления войсковое хозяйственное правление должно было разработать ряд инструкций (о порядке составления смет, о разбивке станиц на участки для избрания выборных, о порядке и условиях сдачи в аренду юртовых угодий и пр.).

Значение Положения 1891 г. выходило далеко за рамки реорганизации станичного управления. Новый закон реформировал все гражданское управление войском: его структуру, принципы взаимодействий между органами, перераспределил между ними права и обязанности.

С целью организации более действенного управления казачьим населением последнее во всех отношениях, кроме полицейского и судебного по наиболее важным делам, было выведено из непосредственного подчинения уездной администрации и передано в исключительное ведение войскового начальства. В определенном смысле можно говорить о восстановлении административно-территориального обособления войсковых земель.

Реорганизация станичного схода в станичный сбор делала этот распорядительный орган более управляемым. Введя практику утверждения общественных приговоров войсковым начальством, запретив сбору самостоятельно определять порядок расходования общественных средств и др., новый закон кардинально ограничил его права и практически лишил самостоятельности. Потеряв право освобождать от долж-

ности выборных представителей станичного управления, сбор утратил и возможность действенного контроля за ними. Закрепив в качестве своеобразного регулятора жизни станичного общества принцип круговой поруки, Положение давало войсковому начальству возможность использовать станичный сбор как инструмент для решения задач военного и фискального характера.

Усиление роли станичного атамана в рамках станичного управления, материальная независимость от общества, реальное подчинение только войсковому начальству привели к его отрыву от населения станицы, закладывали основу для превращения выборного лица в чиновника войсковой администрации. Реорганизация станичного суда сопровождалась ликвидацией его независимости от войсковой администрации.

Следует отметить, что на эффективность деятельности станичного самоуправления существенное влияние оказывал ряд факторов.

Одним из них являлись особенности войсковой территории и административно-территориального деления войска, в основе которого лежал способ комплектования казачьих строевых частей. Население каждой войсковой административно-территориальной единицы в случае необходимости выставляло на военную службу установленное законом количество подразделений. Для достижения уравнительности отбывания воинской повинности войсковая администрация стремилась добиться равномерного распределения казачьего населения по полкам, полковым округам и военным отделам. Число поселений, находившихся в пределах их административных границ, зависело от численности казачьего населения. Именно этим были вызваны неоднократные перераспределения казачьих поселений по административно-территориальным единицам во второй половине XIX в. (особенно в период активного привлечения сибирских казаков для колонизации Киргизской степи). С 1846 г. по 1896 г. расписание станиц и поселков войска менялось семь раз.

В соответствии с расписанием 1896 г., установившем окончательные административные границы военных отделов, в 37 станицах войска состояло 175 казачьих поселений: в первом военном отделе – 33, во втором – 57, в третьем – 85.

Земли многих станиц, состоявших из нескольких поселков, тянулись на 70–90 верст. Расстояние от станичного правления до управления атамана военного отдела нередко достигало нескольких сотен верст. Поэтому решение вопросов, требовавших санкции вышестоящего начальства, неизбежно затягивалось. Например, жалоба на решение Урлютюпского станичного суда направлялась сначала в Усть-Каменогорск (772 версты), где находилось управление атамана третье-

го отдела, а оттуда в Омск (928 верст) – в войсковое хозяйственное правление. Для станиц Бийской и Бухтарминской линий ситуация осложнялась тем, что в условиях горного рельефа местности во время весенних и осенних паводков часть здешних поселений оставалась отрезанной от административных центров войска⁵⁰.

С введением в действие Положения 1891 г. не произошло кардинального улучшения кадрового состава станичного самоуправления.

Люди образованные, имевшие опыт административной работы (например, отставные офицеры и чиновники), не спешили занимать хлопотную должность станичного атамана из-за невысокого размера жалованья. Пользовавшиеся влиянием в станицах вахмистры, урядники и казаки нередко также стремились избежать этой должности: ее социальный статус вступал в диссонанс с невысоким социальным положением «нижнего чина».

Г.Е. Катанаев во время одной из поездок по войску писал: «В Семиярске [в ст. Семиярской. – С. А.] Трубачев, [...] вахмистр, Георгиевский кавалер, богатый человек, известный благотворитель и жертвовател на украшение местного храма, хозяин, заведующий пароходными пристанями, и посредник разного рода торговых сделок, неоднократно бывавший в депутациях в столице и в Омске при проезде наследника царевича, был [...] выбран в станичные атаманы и затем назначен на эту должность войсковым наказным атаманом для приведения станицы в порядок; должен был за это предпочтение в течение шести лет играть роль беспрекословного исполнителя приказаний и требований всякого мелкого чинушки, командированного уездным начальником – торчать в передней при приезде начальника наряду со сторожами и т. д., не смея сесть, в то время как волостное управление сидели». «Сколько есть других разумных, почтенных, влиятельных, распорядительных людей, – отмечал Г.Е. Катанаев, – которые не пойдут в атаманы только потому, чтобы не попасть в унижительное для них положение»⁵¹.

Но если недостатки положения станичного атамана в определенной мере компенсировались получаемым жалованьем, то поселковые атаманы иногда были вовсе его лишены. «Общества [...] не оценивают пользы службы своих атаманов и в громадном большинстве случаев назначают мизерное жалованье (от 3 до 5 руб. в месяц), а в некоторых поселках и этого не назначают, и потому там поселковые атаманы служат даром», – комментировал сложившуюся ситуацию атаман третьего военного отдела полковник А.Я. Усачев. «Служба поселковых атаманов без сколько-нибудь обеспечивающего их жалованья заставляяет, – считал он, – [...] смотреть на свою деятельность как на наказание и

относиться к своим обязанностям как-нибудь. Прослуживши же несколько месяцев и редко 1–1,5 года, атаманы сплошь и рядом просят уволить их от разорительной должности»⁵².

Среди прочих должностных лиц станичного и поселкового управления по-прежнему сохранялась большая доля неграмотных (среди станичных судей – до половины). Годичный срок исполнения обязанностей не давал казначеям и станичным судьям возможности приобрести необходимые знания и опыт. Инструкция должностным лицам была издана войсковым начальством только в 1913 г.

Серьезной проблемой для Сибирского войска – как, впрочем, и для других казачьих войск – оставались злоупотребления должностных лиц станичного управления и самих станичных и поселковых сборов. «Почетные судьи урядники ст. Долонской У. Достовалов, ст. Семиярской А. Смокотин, приказной В. Фалилеев во главе с председателем суда урядником ст. Долонской А. Круглыхиным во время заседания суда 15 и 16 февраля 1905 г., будучи в нетрезвом виде, позволяли себе следующее: присвоенные им знаки надевали только при объявлении решений; во время разбора дел без всякой надобности часто выходили на улицу; судья Достовалов не садился за судейский стол, а ходил между присутствовавшей на суде публикой и даже просил с ответчика Рыбакова четверть водки; судья Смокотин лежал головой на столе, подложив под нее руки; Фалилеев с Круглыхиным все время придирались к словам И. Соцевич; вызванных в суд свидетелей не допросили; в решениях поместили такие показания, которых ни просители, ни ответчики не давали на суде. Кроме того, судья Фалилеев на замечания Долонского станичного атамана, почему судьи утром 16 февраля пришли на заседание в нетрезвом виде, ответил: “Всякий отвечает сам за себя”». Войсковой наказной атаман наложил на каждого члена суда 10-рублевый штраф, судья Достовалов был отстранен от должности»⁵³.

В 1909 г. за растрату общественных сумм и преступления по службе были преданы суду 66 должностных лиц станичного самоуправления, в 1910 г. – 48 человек⁵⁴. В 1912 г. за беспорядки в ведении общественного хозяйства войсковое начальство временно приостановило действие Екатеринбургского поселкового сбора и назначило поселкового атамана из урядников другого поселка. В 1913 г. за незаконные порубки станичных лесов, неуплату долгов в войсковой капитал, невыполнение распоряжений атамана военного отдела те же меры были приняты в отношении обществ ст. Лобановской и пос. Чалкарского⁵⁵.

Эффективность деятельности станичного самоуправления во многом зависела от размера находившихся в его распоряжении ресурсов.

Благоприятная экономическая конъюнктура в крае и более рациональная эксплуатация станичных доходных статей под контролем войсковой администрации способствовали улучшению материального положения многих обществ. С 1891 г. по 1914 г. размер станичных капиталов увеличился в шесть раз – с 70 263 руб. до 426 695 руб.

Несмотря на это, состояние общественных денежных средств оставалось достаточно сложным. Их значительная часть направлялась не на удовлетворение станичных нужд, а на решение общегосударственных задач, главным образом на обеспечение отбывания казаками воинской повинности: содержание станичных инструкторов, проведение летних сборов, содержание складов с оружием, ведение делопроизводства по военной части и пр. В рамках станичного хозяйства появились специальные «военные» капиталы, что завершило оформление в войске многоуровневой хозяйственной структуры, обеспечивавшей материальную готовность казака к службе: казачье хозяйство – поселковый капитал – станичный капитал – общий войсковой капитал (в 1901 г. «военные» капиталы составляли 16 % общественных денежных средств).

Углублялась дифференциация станичных обществ по уровню их материального положения. В 1912 г. на четыре станицы (Атбасарская, Атаманская, Черлакская, Каркаралинская) приходилось 47,8 % всех общественных денежных средств войска. Капиталы самой богатой станицы Сибирского войска – Атбасарской – с 1900 г. по 1912 г. увеличились почти на 67 тыс. руб. В то же время размеры денежных средств целого ряда станиц (например, Чарышской) оставались почти неизменными (1900 г. – 2 544 руб., 1916 г. – 3 247 руб.)⁵⁶. Если в 1916 г. атбасарские казаки уже пользовались электрическим освещением, то чарышские казаки для удовлетворения общественных нужд были вынуждены облагать себя 10-рублевым подушным сбором⁵⁷.

Другой острой проблемой стало увеличение в структуре станичных капиталов доли долгов и недоимок. К 1914 г. они составляли около 55 процентов⁵⁸. Это коснулось всех без исключения станиц, что объяснялось не только выдачей ссуд во время неурожая и мобилизаций 1900 и 1904 гг., но и «хронической болезнью» многих станичных обществ – неэффективной организацией общественного хозяйства. Особенно ярко это проявилось в 1911 г. при ревизии Атаманского хутора, считавшегося «золотым дном» Сибирского войска. При отсутствии должного контроля со стороны общества за деятельностью поселковой администрации годами не взимались числившаяся за разночинцами посаженная плата и земские сборы. Недоимки за пользование торговыми местами на базарной площади с 1901 г. по 1910 г. составили около пяти тысяч рублей, за

страхование зданий – около семи тысяч рублей⁵⁹.

С конца XIX в. в Сибирском войске быстрыми темпами росла численность разночинного населения. В некоторых казачьих поселениях уже к началу 1890-х годов оно составляло большинство (например, в ст. Антоньевской крестьяне составляли почти 73 % населения)⁶⁰. Значительный объем станичного делопроизводства непосредственно касался разночинцев, и часть разъездов станичный атаман совершал по их делам.

Окончательное оформление станичного самоуправления в начале 1890-х годов завершило формирование пореформенной модели войскового управления. В последующие четверть века происходили лишь незначительные корректировки его структуры и функций.

Являясь составной частью войскового управления, станичное самоуправление со своими ресурсами и административными возможностями было неизбежно подчинено потребностям империи, реализации главной функции войска как социально-территориальной системы – воспроизводству готовых к выходу на военную службу кавалеристов. Подобно двойственной природе казака – земледельца и воина – оно тоже соединяло в себе функции и гражданских, и военных административных органов. При этом военная составляющая доминировала и накладывала специфический отпечаток на организацию функционирования низового звена войскового управления (возрастные цензы, введенные Положением, были обусловлены сроками прохождения военной службы⁶¹; чиновничество, ношение форменного обмундирования во время исполнения должностных обязанностей и др.).

Используя станичное самоуправление для реализации государственных задач, центральная власть не могла предоставить ему большой объем самостоятельности, оставить его деятельность без должной опеки и нормативного регулирования со стороны войсковой администрации, ликвидировать его сословный характер.

Административный контроль и, при необходимости, прямое вмешательство в деятельность станичного самоуправления позволяли власти до определенной степени сдерживать развитие «негативных» явлений, сопровождавших начавшийся с реформ 1860-х – 1870-х годов процесс естественно-исторического расказачивания, ослабить их влияние на казачью общину. Так, в 1890-е годы войсковая администрация установила более рациональные принципы уравнительного пользования пахотными землями, лесами, выгонами в пределах станичных юртов⁶².

Вместе с тем в рамках патерналистской модели управления войсковая администрация, используя возможности станичного самоуправления, старалась стимулировать развитие социальной активности казачьих

общин. Например, по инициативе и при поддержке войскового начальства в станицах появлялись такие формы самоорганизации казачьего населения, как кооперативные общества (ссудо-сберегательные товарищества, потребительская и маслодельческая кооперация), была организована помощь семьям призванных в годы русско-японской и Первой мировой войны и т. д.

Однако задачи станичного звена управления нельзя сводить только лишь к проведению в казачьей среде политики центральной и войсковой власти. Станичное самоуправление, имея дуалистический характер, реально представляло интересы казачьего общества, выполняя хозяйственно-экономические, социокультурные и другие функции, решая многие социальные вопросы не по указанию войсковой администрации, а по собственной инициативе. Это касалось порядка пользования юртовыми угодьями (например, ежегодное распределение лугов и сенокосных мест), благоустройства поселений (строительство, ремонт храмов и общественных зданий), школьного дела и общественного призрения.

Встроенное в структуру войскового управления и являющееся неотъемлемой частью его системы, станичное самоуправление с компетенцией и функциями, определенными центральной властью, могло существовать только в той среде, в которой сформировалось и развивалось само казачье войско, т. е. в рамках Российской империи. Поэтому неизбежным следствием начавшегося в феврале 1917 г. распада империи стала дезорганизация Сибирского войска, затронувшая все его определяющие структуры и связи, в том числе и войсковое управление. Потеря системных качеств должна была привести войско, а, значит, и его сословное станичное самоуправление к упразднению или к кардинальному реформированию и организации на приемлемых для новой России началах.

¹ Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994. С. 30.

² Зубов В.Е. Особенности взаимодействия управления и самоуправления в дореволюционной Сибири // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX вв.: сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2004. С. 39.

³ ПСЗ-1. – Т. XXX. – № 23239.

⁴ ПСЗ-2. – Т. X. – Отд. I. – № 8163. – Ч. III. – Раздел III. – Гл. I–II.

⁵ Первые сведения о разделении крепостей, форпостов и редутов Сибирского войска на станицы относятся к 1836 г., когда при подготовке первого отчета о состоянии войска была составлена «Ведомость о числе станиц, селений и кочевий». Казачьи поселения были разделены на 46 станиц. Распределение по станицам было произвольным и в большинстве случаев соответствовало их разбивке по сотням. Станичные органы управления отсутствовали (см: ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 338. Л. 44–45).

⁶ ПСЗ-2. – Т. XXI. – Отд. II. – № 20671. – С. 608.

⁷ ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 540. Л. 8, 17, 20.

⁸ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 168. Л. 55–56.

- ⁹ Там же. Л. 60–61.
- ¹⁰ *Леднев Н.В.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909. С. 141
- ¹¹ ПСЗ-2. – Т. XLIII. – Отд. II. – № 35145.
- ¹² *Леднев Н.В.* История Семиреченского казачьего войска... С. 152
- ¹³ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4451. Л. 111–114.
- ¹⁴ Там же. Л. 114–115.
- ¹⁵ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4451. Л. 115–122.
- ¹⁶ Там же. Л. 146–152.
- ¹⁷ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 961. Л. 505–510.
- ¹⁸ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1871. Т. III. С. 27–36.
- ¹⁹ Там же. С. 27.
- ²⁰ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1871. Т. IV. С. 63–64.
- ²¹ Столетие военного министерства (1802–1902). СПб., 1902. Т. XI. Ч. 1. С. 428.
- ²² ПСЗ-2. – Т. XL. – Отд. I. – № 42059.
- ²³ ПСЗ-2. – Т. XLV. – Отд. I. – № 48354.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2008. Л. 2–4.
- ²⁵ Такие приговоры должны были утверждаться начальниками областей.
- ²⁶ *Андреев С.М.* Военное и гражданское управление в Сибирском казачьем войске (1808–1919). Омск, 2005. С. 134.
- ²⁷ *Усов Ф.Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Омск, 1879. С. 163.
- ²⁸ Всеподданнейший отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1878 г. СПб, 1879. С. 44–46; Усов Ф.Н. Указ. соч. С. 128.
- ²⁹ Всеподданнейший отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1878 г. СПб, 1879. С. 45.
- ³⁰ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб, 1878. Т. XIV. Ч. I. С. 113–114.
- ³¹ Приказ по Сибирскому казачьему войску № 74 от 12 мая 1880 г.
- ³² Там же.
- ³³ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1892. Т. XXVII. С. 179–222.
- ³⁴ Цит. по: История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 2. С. 48.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2008. Л. 5–6; *Махрова Т.К.* Казачество Урала и власть. М., 2004. С. 87;
- ³⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2008. Л. 9.
- ³⁷ Столетие военного министерства (1802–1902). СПб., 1902. Т. XI. Ч. 1. С. 573.
- ³⁸ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1885. Т. XX. Ч. I. С. 60–63.
- ³⁹ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1883. Т. XVIII. Ч. II. С. 325–326.
- ⁴⁰ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1891. Т. XXVI. С. 362–363.
- ⁴¹ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1887. Т. XXII. С. 7–10.
- ⁴² РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2008. Л. 9.
- ⁴³ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1892. Т. XXVII. С. 58–103.
- ⁴⁴ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1892. Т. XXVII. С. 62–67, 91–95, 100.
- ⁴⁵ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1892. Т. XXVII. С. 68–71.
- ⁴⁶ Руководство для офицеров, заведующих станицами и лагерными сборами в Сибирском казачьем войске. Омск, 1891. Приложение 13.
- ⁴⁷ *Андреев С.М.* Военное и гражданское управление... С. 161.
- ⁴⁸ ПСЗ-3. – Т. IX. – Отд. I. – № 6196.

-
- ⁴⁹ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб, 1892. Т. XXVII. С. 100–102.
- ⁵⁰ Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1905 г. Омск, 1906. Ч. II. С. 1; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 г. Омск, 1909. Ч. II. С. 5.
- ⁵¹ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 419. Л. 17–19.
- ⁵² ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 1846. Л. 131.
- ⁵³ Приказ по Сибирскому казачьему войску № 69 от 26 мая 1905 г.
- ⁵⁴ Приказ по Сибирскому казачьему войску № 164 от 7 ноября 1911 г.
- ⁵⁵ Приказ по Сибирскому казачьему войску № 81 от 11 июня 1912; Приказ по Сибирскому казачьему войску № 181 от 8 ноября 1913.
- ⁵⁶ ЦХАФ АК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 45. Л. 96–107; Д. 115. Л. 1–5.
- ⁵⁷ ЦХАФ АК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 115. Л. 31; Приказ по Сибирскому казачьему войску № 349 от 29 июля 1916 г.
- ⁵⁸ Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1900 г. Омск, 1901. Ч. II. С. 61; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 г. Омск, 1915. Ч. II. С. 54.
- ⁵⁹ Приказ по Сибирскому казачьему войску № 38 от 1 апреля 1911 г.
- ⁶⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1. Л. 236.
- ⁶¹ Казак моложе 25 лет не имел права занимать выборную должность, так как по достижении 21 года он в течение четырех лет должен был находиться на действительной военной службе; должности станичного атамана и станичного судьи он мог занимать с 33 лет, когда выходил в запас, и в случае начала войны его уже не могли мобилизовать в полки первой, второй и третьей очереди.
- ⁶² Приказ по Сибирскому казачьему войску № 161 от 1 ноября 1890 г.; Приказ по Сибирскому казачьему войску № 106 от 23 июля 1892 г.; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1894 г. Омск, 1895. Ч. II. С. 103.

Н. Ю. Пивоваров., В. М. Рынков

**Сибирская кооперация в системе властных отношений
в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. ***

Кооперация – совокупность особых общественно-хозяйственных объединений, основанных на коллективной форме собственности. Кооперацию справедливо называют социальным явлением Нового времени. Объединяя людей преимущественно скромного достатка, простых тружеников, мелких товаропроизводителей, небогатых потребителей, кооперативы верно служили им: согласовывали и защищали их интересы, удовлетворяли материальные и духовные потребности. Кооперативы способствовали развитию рыночных отношений, содействовали социальной стабильности в обществе. Вполне справедливо по этому поводу говорил крупнейший британский кооператор Джон Митчелл: «Есть много способов улучшения условий существования людей, но самый благородный из них – через кооперацию»¹.

В начале XX в. кооперация являлась самой масштабной хозяйственной организацией в России. Она была спасительным выходом как для производителей продукции, так и для потребителей рыночных товаров. Кооперация позволяла миновать частных посредников, но при этом являлась органичным элементом капиталистической экономики. В Сибири кооперативы успешно справлялись с решением торговых, финансовых, производственных, культурно-просветительных и других задач, являлись одним из важнейших элементов самоорганизации населения и в первую очередь – крестьянства. Данным обстоятельством обусловлена актуальность выявления качественных характеристик сибирской кооперации: её генезиса, этапов и результатов развития, – а также поиск ответа на вопрос о том, что же дала кооперация своим членам и обществу в целом для адаптации к сложнейшим условиям войн и революций.

Тема кооперации, благодаря её общественно-политической и научной значимости, почти всегда относилась к числу актуальных проблем российской истории. Дореволюционные авторы, опираясь на свой кооперативный опыт, занимались описанием отдельных видов кооперации, теоретизировали о ее природе и сущности. Советские историки особое внимание уделяли определению социальной природы кооперации и классовому анализу политических процессов, происходивших в кооперативном движении. Исследования сибирских историков не вы-

* *Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ (исследовательский проект № 11-01-00222а).*

ходили за рамки названных параметров². Основное внимание они уделяли периоду революции и гражданской войны, на фоне которых годы Первой мировой войны находились в забвении.

На рубеже 1980–1990-х годов с ликвидацией монопольного положения коммунистической идеологии наметилась тенденция к комплексному изучению истории кооперативного движения. Кооперация стала рассматриваться как одна из уникальных хозяйственных организаций. Наряду с общероссийскими стали появляться региональные исследования, в том числе специально посвященные истории сибирской кооперации в годы Мировой войны³. Но современная историография находится на этапе накопления фактического материала, когда авторы не стремятся к обобщениям, склонны преувеличивать позитивное политическое влияние и экономические успехи кооперации, некритично воспроизводя исторические источники. Поэтому применительно к сибирскому макрорегиону все еще актуальной остается разработка вопроса о специфике влияния войн и революций 1914–1920 гг. на кооперацию, а также о месте и роли кооперации в хозяйственной и политической жизни.

Кооперативное движение в России приняло массовый характер с середины 1900-х годов. Общее число кооперативных обществ разных видов возросло с четырех тысяч в 1904 г. до 30 тыс. в 1913 г. К концу 1914 г. кредитная кооперация насчитывала около 14,5 тыс. низовых организаций и объединяла почти 9,5 млн членов; около 10 тыс. потребительских обществ обслуживали примерно миллион пайщиков; почти четыре тысячи сельскохозяйственных обществ и товариществ объединяли 260 тыс. домохозяев⁴. Тогда же появились первые кооперативные союзы. В 1898 г. был основан Московский союз потребительских обществ, выполнявший функции всероссийской организации. В 1908 г. и 1913 г. прошли первые Всероссийские кооперативные съезды. Подобные темпы роста были обусловлены различными факторами: объективными (улучшение экономической конъюнктуры, углубление товарно-денежных отношений, формирование рыночной инфраструктуры и рост материального благосостояния населения) и субъективными (материально-организационная помощь государства и возросший интерес общественности к кооперации).

В Сибири в начале XX в. также наблюдался рост числа кооперативов. Он был обусловлен как общероссийскими, так и местными, макрорегиональными факторами. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали оказало революционизирующее воздействие на сибирскую экономику. Железная дорога буквально открыла Сибирь для капитализма. Это привело к повышению товарности сельского хо-

зяйства, ускоренному его оснащению современной техникой. Во всех сибирских городах появились отделения и филиалы Государственного банка и центральных коммерческих банков, что позволило крестьянству пользоваться возможностями современной кредитной системы.

Возросшая деловая активность и психологическая подготовленность населения стали необходимым условием для развития кооперации. Изолированное крестьянское хозяйство чувствовало себя беспомощно на рынке. Первые маслодельные артели возникли как реакция крестьянства на заниженные цены частных молокозаводов при приемке товара у сдатчиков. Объединение в различные по форме кооперативы помогло крестьянам сдерживать влияние частного капитала. Кооперативы, основанные на принципах демократии и самостоятельности, стали важным подспорьем для сибирского населения.

Инициаторами создания кооперативов чаще всего выступала сельская интеллигенция: агрономы, фельдшеры, учителя, священнослужители, а также хозяйственные, грамотные крестьяне. Довольно часто руководителями кооперативов избирались зажиточные крестьяне как наиболее авторитетные люди. Среди организаторов кооперативов было большое число крестьян-новоселов, переселившихся в Сибирь в ходе столыпинской аграрной реформы. В некоторых уездах Енисейской, Иркутской и Томской губерний большую роль в организации кооперации сыграли политические ссыльные. Например, потребительская кооперация Барнаульского и Мариинского уездов Томской губернии была создана почти всецело по инициативе политссыльных⁵. Свою лепту в открытие кооперативов внесли государственные чиновники: правительственные инструкторы по маслоделию и инспекторы управления по делам мелкого кредита Государственного банка.

К 1914 г. в Сибири сложились три основных вида кооперации: маслодельная, кредитная и потребительская. До Мировой войны наиболее успешными в экономическом плане были маслодельные артели. Первая такая артель была открыта в 1896 г. в небольшой сибирской деревушке Морево Петропавловской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии. Прибыльность маслоделия была столь впечатляющей, что кооперация стала стремительно распространяться. Если в 1897 г. было открыто 10 артелей, то в 1910 г. имелось 1 318, а к концу 1913 г. – 1 917 артелей. Совокупность различных факторов (биоклиматические условия, проведение железной дороги и тарифная политика правительства, благоприятствовавшая переходу крестьян с мясного на молочное скотоводство) способствовала прогрессу этой отрасли. В 1907 г. в Кургане было учреждено первое сибирское кооперативное объединение –

Союз сибирских маслодельных артелей. К 1914 г. производство масла в Сибири достигло своего максимума. Большая часть произведенного продукта вывозилась из Сибири. Экспорт сибирского масла составлял почти 16,0 % мирового уровня. Сибирский союз маслодельных артелей был одним из первых российских кооперативов, который вышел на внешний рынок.

Первые кредитные кооперативы в Сибири были созданы еще в 1877 г. Однако оторванность края от центра, слабая сеть кредитно-финансовых учреждений стали серьезными препятствиями для роста кредитной кооперации. В 1909 г. в Сибири насчитывалось всего 25 ссудо-сберегательных товариществ. Интенсивный рост кредитной кооперации был связан с голодом 1911 г., когда государство выделило ссуды для предотвращения разорения крестьянских хозяйств. Во многих волостях были учреждены беспаявые кредитные товарищества, через которые и осуществлялось распределение средств государства. Уже к началу 1914 г. в Сибири функционировало 856 кредитных товариществ с 469 тыс. членов. Основным видом деятельности кредитных кооперативов были операции по ссудам и вкладам. В 1913 г. они выдали ссуд на 25,5 млн руб. (из них 52 % как краткосрочные займы).

До Мировой войны самые низкие показатели как по динамике численности, так и по экономической рентабельности в Сибири имела потребительская кооперация. Несмотря на то, что первые всесословные потребительские кооперативы открыли свою деятельность в Барнауле и Иркутске еще в 1869 г., долгое время общества были малочисленны и осуществляли деятельность только в городах, часто оказывались недолговечными. Наиболее заметными были так называемые «зависимые» кооперативы. Это общества потребителей, обслуживавшие нужды горнозаводских и железнодорожных рабочих, но созданные по инициативе и при непосредственном участии владельцев предприятия или его администрации. Самым крупным из них являлось общество потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги, основанное в 1899 г. и к 1916 г. насчитывавшее 28 тыс. членов. В европейской части России такие «зависимые» общества возникли на 20 лет раньше, и к началу XX в. уже вытеснялись самодеятельными кооперативными организациями. В Сибири же они сохраняли влияние среди рабочих до начала Мировой войны.

Первый сельский потребительский кооператив в Сибири был открыт в 1898 г. в селе Тесинском Минусинского уезда Енисейской губернии⁶. Продолжительное время в сельской местности вместо потребительских кооперативов существовали так называемые потребительские лавки при маслодельных артелях и кредитных товариществах. В начале XX в. произошло

размежевание в сибирской потребительской кооперации. Одна часть кооперативов стала обслуживать исключительно потребности горожан, рабочих и служащих промышленных предприятий и железной дороги, другая часть выполняла запросы многомиллионного сибирского крестьянства. Массовое открытие потребительских кооперативов пришлось на время после Первой русской революции. В 1905 г. в Сибири насчитывалось 15 потребительских обществ. К 1913 г. их число достигло 368, а к 1914 г. – уже 586. Абсолютное их большинство действовало в сельской местности.

Предвоенное десятилетие в Сибири было отмечено бурным ростом кооперативного движения. Общая численность первичных организаций всех видов кооперации достигла к началу 1914 г. почти 3,5 тыс., что составляло около 11,6 % от общероссийских показателей. По темпам кооперативного строительства Сибирь оказалась одним из передовых регионов Российской империи. Кооперация стала заметным фактором социально-экономической, общественной и культурной жизни края. Кроме того, для сибирской деревни она, несомненно, являлась важным элементом гражданского общества.

Мировая война отразилась на всей хозяйственной жизни России. Массовые мобилизации серьезно поколебали деятельность кооперации. Из кооперативных служащих на местах в лучшем случае остались одни счетоводы⁷. Резко изменилась хозяйственно-экономическая конъюнктура. С утратой ряда территорий, нарушением привычных связей, нараставшими транспортными трудностями и фактическим прекращением экспортной торговли заметно сузился традиционный для кооперации рынок. Но уже к концу 1914 – началу 1915 г. положение в российской кооперации стабилизировалось. Сокращение экспортной торговли было в значительной мере компенсировано за счет поставок в действующую армию, в результате чего некоторые виды кооперации (например, потребительские общества) даже упрочили свое положение.

В Сибири только маслодельная кооперация пережила настоящий кризис, и то лишь в первое военное полугодие. С началом военных действий значительно снизилось производство масла, его перевозка была приостановлена. Масло отгружали в станционные склады, продавали за бесценок. Цены на него упали с 13–14 руб. до 6–7 руб. за пуд. Кредитные кооперативы благодаря войне получили ощутимый приток новых вкладов. Солдатки часто несли деньги в кредитные кооперативы, чтобы сохранить семейные сбережения до возвращения мужей. В то же время, откликнувшись на патриотические призывы властей, кредитные кооперативы предоставили семьям призывников льготные кредиты и рассрочки по оплате ранее взятых сумм. Возросла доля ссуд, взятых не для

технического усовершенствования хозяйств, а на закупку продовольственных товаров. Потребительская кооперация также сравнительно безболезненно преодолела товарные и финансовые затруднения и существенно укрепила свои хозяйственные позиции на рынке. Быстро нараставший спрос на товары первой необходимости среди потребителей способствовал росту числа пайщиков и открытию новых кооперативов.

Статистика свидетельствует, что в 1915 г. в Сибири насчитывался 961 потребительский кооператив, в 1916 г. – 2 123, в 1917 г. – 5 135. В 1918 г. число потребительских обществ достигло своего максимума – 7 318, а в 1919 г. – снизилось до 6 960 кооперативов⁸. Если в целом по России с начала войны до 1918 г. численность потребительских обществ выросла в 2,5 раза, то в Сибири – в 12 раз. Менее стремительный, но ощутимый рост численности демонстрировали маслодельные и кредитные кооперативы. Например, в состав Союза сибирских маслодельных артелей (объединявшего, по некоторым данным, до 70–80 % всех сибирских маслодельных артелей) к концу 1914 г. входило 864 артели и около 600 артельных лавок. В 1915 г. их число возросло до 902 артелей и 681 артельной лавки. В 1916 г. в состав маслодельного союза входило 922 артели и 694 артельные лавки. К концу 1917 г. число артелей достигло 1 410, а артельных лавок – 1 167. В 1918 г. общее число маслодельных артелей и артельных лавок составляло 2 973, а в 1919 г. – увеличилось до двух с половиной тысяч кооперативов. К концу 1914 г. в Сибири работали 995 кредитных кооперативов. В 1915 г. их число выросло до 1 036, в 1916 г. – до 1 124, а в 1917 г. – до 1 220. Однако в последующие годы рост кредитной кооперации прекратился, и даже началось ее сокращение. В 1918–1919 гг. в Сибири осталось около тысячи кооперативов.

Приведенные данные динамики численности сибирских кооперативов позволяют сделать вывод, что она прошла в своем развитии три этапа: первый, пришедшийся на 1914–1916 гг., когда ее рост только набирал темпы; второй, включавший 1917–1918 гг., когда было создано основное количество первичных кооперативных ячеек, прежде всего потребительских; и третий, в 1919 г., когда обозначился кризис кооперативной сферы и произошло сокращение числа низовых организаций. На протяжении 1914–1918 гг. существенно увеличилось количество кооперированного населения в Сибири. В 1917 г. прирост новых пайщиков по сравнению с 1916 г. составил 305 %, а в 1918 г. – 168 %. Одна только потребительская кооперация к концу 1917 г. охватывала около половины населения Сибири. Её пайщиками вместе с членами семей являлись почти 5 млн 408 тыс. человек, или почти половина населения края.

Одновременно шел активный процесс создания кооперативных сою-

зов, резко ускоренный войной. В течение долгого времени первым и единственным сибирским кооперативным объединением был Сибирский союз маслодельных артелей. Только в 1913 г. в г. Мариинске был образован потребительский союз кооперативов. Объединение обслуживало огромную территорию, в которую входили Ачинский, Кузнецкий, Мариинский и Томский уезды. В 1914 г. в Сибири действовало уже три потребительских кооперативных союза, в 1915 г. – семь, 1916 г. – 21, в 1917 г. – 42, в 1918 г. – 61 и в 1919 г. – 55. В 1916 г. часть потребительских кооперативов образовала крупнейшее сибирское объединение – Союз сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт), сыгравший важную роль в развитии российского кооперативного движения. К 1919 г. Закупсбыт объединил 36 кооперативных союзов и поставлял товары и продукты еще для пятнадцати⁹. Отличительной особенностью Закупсбыта было его федеративное устройство, благодаря которому кооперативные союзы-пайщики имели большую свободу действий. Закупсбыт был примером интегрального союза, который занимался не только закупкой и сбытом товаров, но и уделял достаточно большое внимание их производству.

В конце 1915 – начале 1916 г. возникли первые кредитные союзы: Алтайский, Мариинский и Новониколаевский. К концу 1917 г. образовалось уже 22 кредитных союза. В том же 1917 г. был утвержден устав крупнейшего кредитного объединения – Союза сибирских кредитных союзов (Синкредсоюза). На учредительном собрании его пайщиками стали 20 кооперативных союзов. Примечательно, что объединение являлось по уставу организацией «кооперативно-капиталистической», т. е. от того, насколько большой пай вносили отдельные кредитные союзы, зависело их влияние в организации. В ноябре 1918 г. в его состав вошел «Уралосоюз» – крупнейший союз третьей степени, включавший кооперативы Урала и Западной Сибири. Единая организация выступала от лица почти всех кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Сибири. К концу 1919 г. Синкредсоюз объединил 27 кредитных союзов Урала, Сибири и Дальнего Востока¹⁰.

Союз сибирских маслодельных артелей в годы Мировой войны пережил несколько расколов, результатом которых было образование новых кооперативных союзов. Так, уже в 1915 г. на общем собрании уполномоченных Союза маслоделов произошел конфликт с представителями алтайских артелей, которые требовали провести децентрализацию организации, увеличить количество квот на масло для самореализации, предоставить местным конторам право самостоятельного участия на рынке. Выработать общие договоренности не удалось. В итоге из Союза сибирских маслодельных артелей вышла значительная часть артелей Барна-

ульского, Бийского и Змеиногорского уездов, которые создали собственное объединение – Алтайский союз кооперативов. В 1916 г. Союз маслоделов покинули представители артелей Бийского уезда, которые вошли в Алтайский Горный союз кооперативов. В 1917 г. из Союза сибирских маслодельных артелей выделились Каменский и Черепановский кооперативные союзы. Каждый из созданных кооперативных союзов оттягивал на себя долю капиталов и организационных ресурсов. Но сохранившаяся организация Союза Сибирских маслодельных артелей оставалась мощной и разветвленной сетью. Примечательно, что многие вновь образованные союзы включали в свою структуру маслодельные артели и потребительские общества, которые обычно численно преобладали. Целями создания такого рода районных объединений была не только крупнооптовая закупка потребительских товаров, но и организация сбыта сельскохозяйственной продукции, замкнутая в единой территориальной кооперативной структуре.

Важен не только факт усложнения структуры кооперативной сети, но и сопровождавшие его качественные перемены, выразившиеся в наращивании различных управленческих и посреднических структур в кооперативных союзах. Так, в 1915–1917 гг. руководство Союза сибирских маслодельных союзов создало сеть своих представительств (контор), через которые осуществляло общее руководство всеми артелями. К концу 1917 г. Союз маслоделов имел 20 контор во всех крупных населенных пунктах, в основном расположенных по линии железной дороги. Структура Закупсбыта и Синкредсоюза была четырехступенчатая. Первичные общества и товарищества объединялись в районные, те в свою очередь создавали союз, который выступал в качестве члена союза союзов. В Закупсбыте в 1918 г. одновременно функционировало около 30 различных отделов, подотделов и комиссий¹¹. Почти такую же сложную структуру имел центральный аппарат Синкредсоюза. Функции некоторых управленческих звеньев были далеки от решения непосредственных задач кооперации. Другие осуществляли свою работу в местном масштабе. Подобная внутренняя бюрократия привела к вымыванию финансовых средств. При этом существенно возросла доля управленческих и посреднических расходов и трат, связанных с неторговой деятельностью.

На протяжении Мировой войны Сибирь покрылась сетью союзов трех основных видов. В большинстве уездов действовало два – три таких союза одновременно. Наряду с созданием крупных кооперативных объединений, таких «супер-союзов», как Закупсбыт, Синкредсоюз и Союз сибирских маслодельных артелей, параллельно усиливались два других важных процесса кооперативной жизни. Во-первых, появились кооперативные союзы

универсального типа, совмещавшие на районном уровне функции производственной, потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Во-вторых, на фоне усиления кооперативной «надстройки» в виде системы союзов шло относительное обеднение низовых кооперативов. Некоторые низовые кооперативы для получения товаров вступали сразу в несколько кооперативных союзов. Правда, руководство союзов пресекало подобную практику, ссылаясь на то, что «многочленство» является признаком незнательности масс. Выход виделся в усилении централизации кооперативных союзов. В эти годы в кооперативной прессе развилась агитация в пользу замены небольших кооперативных союзов (или, как их называли, «карликовые союзы») единым многоголовным обществом.

Тенденции кооперативного строительства в Сибири принципиально совпадали с общероссийскими; специфика заключалась в создании крупных макрорегиональных объединений. В ставшей наиболее мощной в годы Мировой войны потребительской ветви кооперации ситуация осложнялась сосуществованием общероссийского и сибирского вариантов дальнейшего объединения. В России консолидирующим центром выступал Московский союз потребительских обществ. Будучи одним из первых союзов в России, он объединил в общую сеть потребительские союзы центральных губерний, а в годы Мировой войны – региональные кооперативные объединения Юга России, Урала и Сибири. В 1912 г. он образовал кооперативный Московский народный банк, обслуживавший финансовые нужды большинства кооперативных организаций по всей стране. В сентябре 1917 г. он добился переименования во Всероссийский центральный союз потребительских обществ (Центросоюз). Создаваемая Центросоюзом единая сеть потребительских обществ предусматривала участие городских и региональных союзов. Такая структура, как Закупсбыт, в этой системе представлялась излишней.

В годы Мировой войны четко обозначились два возможных варианта союзного кооперативного строительства. Унитаристский вариант олицетворял Центросоюз, в пользу федералистского высказывались многие региональные кооперативные центры. Длительные и сложные переговоры Центросоюза и Закупсбыта об условиях вхождения последнего в единую общероссийскую структуру явились одним из наиболее ярких олицетворений существовавших в кооперативном движении противоречий. С началом широкомасштабной гражданской войны борьба за влияние в кооперации отнюдь не прекратилась. Летом 1918 г. в Уфе было организовано районное правление (позже контора) Центросоюза для потребительских обществ Урала, Сибири и Дальнего Востока, переместившаяся осенью того же года в Омск. В Сибири эта

организация сосредоточилась на посреднических операциях.

В годы Мировой войны были предприняты шаги по созданию единого общесибирского кооперативного объединения. В 1915–1916 гг. все ограничивалось обсуждением идеи создания кооперативного закупочного бюро, деятельность которого регулировало бы собрание уполномоченных всех кооперативных союзов. Впервые эта идея прозвучала на съезде кооперативов в марте 1915 г. в Новониколаевске. Его делегатам удалось договориться о создании областного объединения для всех видов кооперации¹². Второй кооперативный съезд царская администрация проводить запретила, и дальше принятия резолюции дело не двинулось. Но в ноябре 1915 г. представители кооперативов Енисейской и Томской губерний приняли в Новониколаевске резолюцию о создании комиссионно-посреднического бюро для всех форм кооперативов, специализировавшегося на закупке и сбыте товаров. Однако и этот план остался невоплощённым в жизнь во многом по причине отсутствия единого мнения в рядах сибирской кооперации. В 1917–1919 гг. обсуждались проекты объединения Союза сибирских маслодельных артелей с Закупсбытом и Синкредсоюзом. Руководство Закупсбыта вообще в конце 1918 г. разработало план по объединению всех своих пайщиков в единые губернские (или областные) кооперативные потребительские союзы. Тяга к централизации свидетельствовала о монопольных устремлениях кооперативной верхушки. Она отражала процессы, аналогичные трестированию в частнокапиталистическом секторе экономики. Идея создания интегрального общесибирского кооператива была привлекательна не только с точки зрения идеологии, но и хозяйственной целесообразности, так как кредитные и маслодельные кооперативы не имели сильного закупочного аппарата, а потребительские кооперативы не располагали достаточным количеством свободных средств.

Руководство сибирской кооперации считало, что подобная централизация позволит привлечь дополнительные финансы, в частности, значительные денежные массы, скопившиеся в годы Мировой войны в деревне. Действительно, знаменитые «бешеные деньги» вызвали у крестьян иллюзию богатства, привели к росту покупательского спроса. Если раньше средняя крестьянская семья расходовала 125–150 руб. в год на рыночные товары, то в годы войны этот порог увеличился до 200–250 руб.¹³. Отдельные кооперативы просто не имели возможностей для удовлетворения возросших потребностей крестьян. Только достаточно крупное кооперативное объединение могло изыскать дополнительные средства. В годы гражданской войны такие кооперативные союзы пытались привлечь иностранное финансирование. В марте

1919 г. представители Закупсбыта, Центросоюза, Союза сибирских маслодельных артелей, Московского народного банка, Сибирского союза земств и городов и Банка Америки разработали и утвердили проект по открытию в США «Сибирско-Американского земско-кооперативного банка» для привлечения дополнительных финансов на внешнем рынке. Однако проект так и остался на бумаге. Только Закупсбыту удалось в 1918–1919 гг. получить через американский «Нэшнел-сити банк» краткосрочные кредиты на общую сумму около 2,5 млн долларов¹⁴. В июне 1919 г. правление Закупсбыта заключило договор с правительством США о продаже товаров, позволявший получать и распределять американские товары среди гражданского населения.

Между тем, на фоне роста количества кооперативных организаций и их членов, централизации управленческой структуры потенциальные экономические возможности кооперации стремительно таяли, а претензии на всеохватность и особое положение в хозяйственной системе только росли. Они находили обоснование в своеобразной кооперативной идеологии, которая проповедовала необходимость смены частнокапиталистической собственности объединением мелких производителей, а также подкреплялись уникальными связями с государством, сложившимися в годы Мировой войны.

Потенциальные возможности и богатый опыт работы с крестьянством заинтересовали государственные ведомства, занимавшиеся обеспечением военных и тыловых потребностей, что позволило кооперации получить привилегированный статус и покровительство со стороны государства. В августе 1914 г. Союз сибирских маслодельных артелей заключил договор об исключительном праве поставлять для армии сибирское масло. После того, как в 1915 г. правительство ввело твердые закупочные цены на масло, Союз сибирских маслодельных артелей превратился в настоящего монополиста. В начале 1915 г. он получил крупную ссуду в Государственном банке для расширения деятельности и организации закупок масла для казны. Наряду с маслом руководство Союза занималось заготовкой мяса, сала, дичи, сена, овса и яиц. В некоторых уездах специалисты Союза маслоделов открыли кооперативные товарищества по сдаче сена. В 1916 г. 86 % операций Союза были связаны с поставками продукции для армии. Причем его доля в общесибирских закупках масла выросла с 26 % до 92,6 %. Однако введение твердых закупочных цен лишило крестьян материальных стимулов к развитию молочного животноводства. Неурожай трав в 1915 г., уменьшение кормовой базы за счет увеличения посевных площадей и сокращение рабочих рук понизили выработку масла к концу 1916 г. на 30–40 %. Для поддержания масштабов своей деятельности ру-

ководство Союза сибирских маслодельных артелей сократило квоты на масло, оставляемое в артелях для самореализации.

Мировая война кардинально изменила функции кредитной кооперации. Инфляция сделала невозможным ведение ссудных и вкладных операций, являвшихся основной функцией кредитных кооперативов. Вместо этого кооперативы занялись заготовкой сельскохозяйственной продукции для государственных ведомств, в первую очередь для армии, а также организацией продажи сельскохозяйственных товаров. Принимая обязательство на поставку определенного количества хлеба в казну, кооперативы получали в качестве задатков 25 % от его стоимости. Это привлекло население к участию в их работе.

Вместе с тем нарастала крайне негативная тенденция – все более обострилось противостояние экономических интересов города и деревни. Условия заготовки товаров, предлагаемые кооперативными союзами, устанавливались исходя из интересов города. Но с введением твердых цен продажа сельскохозяйственной продукции через кооперативы потеряла свою привлекательность в глазах крестьянина. Даже такой продукт, как масло, сельские жители стали реализовывать через частных поставщиков. При этом разрыв между государственной заготовительной ценой и ценами на черном рынке достигал двух–трехкратного значения. Уже в декабре 1917 г. при существующей монопольной цене за пуд масла в 69 руб. на черном рынке цена пуда доходила до 180 руб. С аналогичными трудностями руководство кооперативов столкнулось при заготовке других сельскохозяйственных продуктов. Но даже крупные кооперативные союзы не могли предложить крестьянам более выгодные условия заготовки, так как были связаны обязательствами с государством и не имели необходимых финансовых ресурсов.

Частный торговый капитал выступал главным конкурентом кооперации на рынке. Борьба с ним велась по всем направлениям. Кооператоры старались использовать любые возможности для дискредитации своих противников в сибирской прессе, превратившейся в передовую идеологического фронта. Вот типичный тон, встречающийся в описаниях истории возникновения кооператива: в феврале 1916 г. в одном из сел была открыта контора Мариинского союза кооперативов, и «загудело тогда кулачье, как расшевеленное гнездо ос с яростью набросилось на кооперацию»¹⁵. Авторы статей, очерков, писем с мест возвращались к теме частного капитала постоянно, о каких бы сюжетах они ни рассказывали читателям. Журналисты и корреспонденты кооперативных газет и журналов были не чужды классово-риторике. Большинство авторов искало внешних врагов, устранение которых должно было стать залогом ус-

пешной работы кооперативных организаций¹⁶.

Противостояние кооперации и частного капитала не ограничивалось полемикой в прессе. В годы Мировой войны происходило вытеснение частного торговца с рынка, как правило, не рыночными методами. Монопольное положение кооперации на рынке сельскохозяйственных заготовок завоевывалось преимущественно путем политического лоббирования. Кооперативы в этом опирались на государственные структуры, которым было выгодно заключать сделки на поставку крупных партий продовольственных товаров по более низким ценам с кооперативными союзами. Ориентация государства на кооперативы ограничила возможности частного капитала.

В результате в 1915–1916 гг. кооперация существенно потеснила частную торговлю, а в 1917–1919 гг. практически полностью вытеснила ее, особенно в деревне. В городах сильные позиции в розничной торговле сохраняли органы самоуправления, являвшиеся союзниками кооперации в борьбе с «частником». Но, нейтрализовав основных конкурентов, кооперативы стали позволять себе необычно высокие наценки на товары. Так, в 1917 г. в некоторых кооперативах наценка достигала 20–30 %. При этом кооперативы развернули борьбу между собой. В прессе в 1917–1918 гг. уже стали появляться публикации, принадлежавшие кооператорами и содержавшие взаимные критические оценки. Наибольшее недовольство вызывали случаи, когда один кооперативный союз организовывал заготовку сельскохозяйственного сырья или продажу товаров на территории, которую считал подконтрольной себе другой союз. Как следствие, дело не ограничивалось взаимными обвинениями в прессе, а перерастало в организационные конфликты. Так, борьба за влияние на сибирском рынке привела к расколу в 1919 г. российской потребительской кооперации и к выходу Закупсбыта из числа пайщиков Центросоюза.

Идея кооперации стала настолько привлекательной в годы Мировой войны, что нередко органы городского самоуправления использовали кооперативную сеть для распределения товаров среди горожан, а кооперативы, в свою очередь, инвестировали свои капиталы городским управам для осуществления продовольственных закупок. К середине 1916 г. так обстояло дело в большинстве крупных городов. В это же время правительственные уполномоченные по продовольствию стали передавать сельским кооперативам сахар и мануфактуру для распределения в деревне. К началу 1917 г. они получали такие товары не только на своих пайщиков, а на все проживавшее в обслуживаемой ими местности население. Это, естественно, усиливало значение кооперации как основного регулятора хозяйственной жизни в сельской местности¹⁷.

Обострение дефицита потребительских товаров позволило кооперативным союзам с лета 1917 г. претендовать на роль общесибирского заготовительного аппарата. Они обратились в министерство продовольствия Временного правительства с предложением предоставить им право на закупку и внеочередную перевозку широкой номенклатуры товаров для нормированного распределения среди всего сибирского населения. В конце 1917 г. подобные запросы не раз направлялись в местные советские органы. Но в условиях транспортного кризиса лишь небольшая часть закупленных самостоятельно или полученных от продовольственных органов товаров доходила до потребителей.

Пожалуй, только товарный голод удерживал население в кооперативах. Людей в потребительские общества загоняла не сознательность, а всеобщий дефицит. В годы войны произошла трансформация специализированных видов сибирской кооперации в интеграционно-универсальную. Почти все кооперативы занимались снабжением своих членов товарами потребительского ассортимента, превратившись в элементарные «потребилки». Более того, постепенно и продовольственные организации, сеть которых в годы Мировой войны была создана сначала в городах, а потом и в сельской местности, стали действовать как кооперативы. За недостатком оборотных средств они собирали деньги с населения (пай), а потом распределяли купленные на них товары только между владельцами паев. Это делали местные продовольственные комитеты (или управы), иногда опираясь на квартальные комитеты или группы инициативных граждан. Никаких специальных новых организаций учреждать не приходилось, но по сути такие действия являлись основанием новых кооперативов, получивших в народе прозвание по профилю своей деятельности – «керосиновые», «колбасные», а чаще всего – «дровяные».

Одним из важнейших направлений деятельности сибирской кооперации в годы Мировой войны являлось развитие собственного производства. Как правило, руководство кооперативов не строило новые промышленные объекты, а покупало уже существовавшие частные и казенные предприятия, преимущественно связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья. Вместе с тем такие крупные кооперативные союзы, как Закупсбыт, имели химические, чугунолитейные заводы, типографии. Всеобщий дефицит подталкивал кооперацию к реализации проектов по организации собственного производства хлеба, колбасных изделий, мыла и других простейших бытовых товаров. В 1916–1918 гг. на средства кредитной кооперации по всей Сибири была открыта сеть ссыпных пунктов, построены холодильники для хранения больших объемов масла и мяса. Всего в 1918 г. кооперативам принадлежало около 200 промыш-

ленных предприятий¹⁸. Но формирование промышленной базы пришлось на кризисное время. В отличие от торговли, для промышленности был необходим более длительный цикл, чтобы производство стало рентабельным. Политическая нестабильность, падение курса рубля, недостаток сырья, топлива, отсутствие необходимого оборудования, невозможность произвести качественный ремонт износившихся частей – все это отрицательно сказалось на производственной деятельности и редко позволяло наладить стабильный выпуск продукции.

Мировая война способствовала росту численности и организационному укреплению кооперации, что позволило ей расширить формы так называемой неторговой деятельности. Руководство кооперативов поощряло открытие библиотек, проведение лекций и чтений, организацию научно-прикладных исследований, издание периодической печати, публикацию популярных художественных и публицистических книг, демонстрацию кинофильмов. Активно велась работа по созданию Народных домов как центров кооперативной жизни.

До Февральской революции власть довольно жестко регламентировала условия культурно-просветительной деятельности кооперации. В.Н. Махов, один из крупных кооперативных деятелей Сибири, вспоминал: «Чтобы открыть библиотеку, надо было претерпеть тысячи мтарств, а разрешение на открытие всё же не получить. Лекции, чтения были вещью воспрещённой, а глаза администратора были зорки. Хорошо, если к библиотеке, к лекциям, к спектаклям сочувственно относились сельский батюшка или какой-нибудь заведующий [...] переселенческим подрайоном»¹⁹.

Несколько иная ситуация сложилась в сибирских городах. Кооперативы в Верхнеудинске, Красноярске, Новониколаевске, Омске, Тайге, Чите широко развернули культурно-просветительную работу, формы и методы которой были рассчитаны на самые широкие слои населения.

В 1916 г. в Томске стараниями ряда кооперативных работников был открыт первый общесибирский кооперативный неторговый центр – Комитет содействия сибирской кооперации при Томском обществе изучения Сибири. Сотрудники Комитета проводили письменное консультирование кооперативов по самому широкому кругу проблем, пропагандировали внедрение в хозяйственную деятельность статистики, а также пытались создать сибирское кооперативное издательство.

Но подлинный расцвет неторговой деятельности кооперации пришелся на время после февраля 1917 г. Этому во многом способствовало принятое 20 марта 1917 г. Временным правительством «Положение о кооперативных товариществах и их союзах»²⁰. Новый закон не только

упростил порядок регистрации кооперативных объединений, но и существенно расширил поле деятельности кооперации. Культурный потенциал сибирской кооперации заметно вырос и позволил максимально полно реализовать его в просветительной, общеобразовательной и агитационно-пропагандистской работе среди населения.

Многие кооперативные руководители понимали значение культурно-просветительной деятельности для пробуждения сознания народных масс. Кооператоры вкладывали значительные средства в проведение различных мероприятий: от организации народных театров и постановки актуальных для крестьян спектаклей до поддержки школьного образования и внешкольных образовательных акций. В 1917 г. на деньги кооперации в Мариинске была открыта обслуживавшая всю Сибирь шестилетняя кооперативная школа, главной целью которой была подготовка подростков 12–14 лет к работе в кооперации. С 1917 г. активно развивалась издательская деятельность. Почти при каждом кооперативном союзе публиковались газеты или журналы. На деньги кооперации в Омске выпускалась общественно-политическая газета «Заря» – одно из крупнейших сибирских изданий в годы гражданской войны.

После падения царского режима выросла политическая активность кооперации. Сибирские кооператоры приняли непосредственное участие в работе органов местного самоуправления. Весной – летом 1917 г. на деньги кооперации были созданы многие советы крестьянских депутатов всех уровней, начиная от губернских и областных и заканчивая волостными. Совместными усилиями сибирских кооператоров в августе 1917 г. был образован Краевой продовольственно-экономический совет Приуралья, Урала и Западной Сибири (Краесовет), основной задачей которого являлось налаживание товарообмена между Уралом и Западной Сибирью.

Политизация кооперативного движения в 1917 г. имела весьма неоднозначные, противоречивые последствия. С одной стороны, руководство кооперации приложило немало усилий для защиты завоеваний революции, для поддержки Временного правительства, укрепления демократических учреждений и порядков. С другой, кооператоры участвовали в политическом ангажировании населения, подчас путем пропаганды социально-классовой борьбы. Созданные при непосредственном участии кооперации крестьянские советы и продовольственные органы стали активно вмешиваться во внутреннюю деятельность кооперативов. Увлечение политикой повлияло на то, что интерес к хозяйственной работе снижался. Сибирские кооператоры активно поддерживали партию социалистов-революционеров: кооперативные союзы предоставляли ее

организациям помещения, выделяли деньги губернским и уездным комитетам партии. На выборах в Учредительное собрание сибирская кооперация отказалась от самостоятельного участия, а оказала поддержку кандидатам от партии эсеров.

Поворотным событием в жизни сибирской кооперации стал приход к государственной власти большевиков. Руководство кооперативов отрицательно отреагировало на установление большевистской диктатуры, призвало пайщиков и население вступить в открытую конфронтацию с новой властью. Кооператоры считали, что смена политического режима в октябре 1917 г. дестабилизировала обстановку в России, а сами большевики утверждались лишь благодаря демагогической риторике. Единственной законной властью они считали Учредительное собрание.

Вопрос об отношении кооперации к власти большевиков обсуждалась на Первом общесибирском кооперативном съезде в Новониколаевске 25–29 ноября 1917 г. Съезд призвал углубить работу кооперативных союзов в народных массах, организуя их вокруг органов местного самоуправления, и оказывать всяческое противодействие установлению большевистской власти на местах²¹. Съезд поручил руководству Закупсбыта, Синкредсоюза и Союза сибирских маслодельных артелей создать единый орган для согласования совместных действий – Совет всесибирских кооперативных съездов (Всекосовет). Предварительно, до избрания Всекосовета, на съезде было выбрано Исполнительное бюро совета кооперативных съездов. Именно оно в первой половине 1918 г. вырабатывало консолидированную позицию сибирских кооперативных организаций, что дало впоследствии повод советскому историку Б.В. Иванову назвать Исполнительное бюро «штабом всех контрреволюционных сил сибирской кооперации»²².

В начале 1918 г. сибирские кооператоры не только активно поддерживали противников большевиков, но и участвовали в создании альтернативных органов власти. В частности, в Сибирскую областную думу от кооперации было выдвинуто 22 депутата. Второй всесибирский кооперативный съезд, проходивший 6–8 января 1918 г., постановил оказать финансовую помощь Сибирской областной думе. Центральные кредитные организации (Закупсбыт, Синкредсоюз, Союз сибирских маслодельных артелей) выплатили по 100 тыс. руб., все остальные кооперативные союзы – от пяти до 25 тыс. руб. в зависимости от числа низовых кооперативов, входивших в эти кооперативные союзы. Общая сумма материальной помощи кооперации противникам большевиков составляла около одного миллиона рублей. Кроме того, три крупнейших союза – Закупсбыт, Синкредсоюз и Союз сибирских маслодельных арте-

лей – приняли обязательства дополнительно выделить в виде безвозвратной ссуды по 0,5 % от прибыли, полученной в 1917 г., или 10 % с собственных капиталов, что составляло около 200 тыс. рублей²³.

Главная линия конфронтации между сибирской кооперацией и большевиками пролегла в области продовольственной и торгово-промышленной политики. Кооператоры резко отрицательно реагировали на любые реквизиции, осуществлявшиеся советскими органами. Особенно жесткое противостояние возникло в декабре 1917 – феврале 1918 г., когда большевики стали усиленно изымать у кооперации промышленные товары. В декабре 1917 г. на съезде Краесовета, к тому времени ставшего пробольшевистским по своему составу и деятельности, была принята резолюция, в которой отмечалось, что представители кооперации являлись «разного рода паразитами, залезшими в продовольственные объединения, где они пиявками сосут народную кровь»²⁴. На съезде предлагалось провести немедленную национализацию кооперации.

Отрицательно кооператоры отнеслись к заключению Брест-Литовского мирного договора, посчитав, что после такого мира Россия будет «стратегически незащищена и морально опозорена»²⁵. Но при этом представители сибирской кооперации не выступили категорически против принятия большевистского «Проекта о потребительских коммунах», составленного ещё в декабре 1917 г., по которому предусматривалось принудительное объединение всего населения страны в потребительско-производственные коммуны, созданные на основе национализированных потребительских обществ. На очередном Всероссийском кооперативном съезде в феврале 1918 г. делегаты от Закупсбыта вообще отказались голосовать за резолюцию, содержавшую требование к Совету народных комиссаров о немедленном сложении им власти, что вызвало большой скандал в российской кооперативной среде.

Под влиянием голода в европейской части России большевистское правительство приняло 16 апреля 1918 г. декрет «О потребительских кооперативных организациях», носивший компромиссный характер. Кооперация сохранялась в прежнем виде, но на неё возлагались задачи по снабжению всего населения продовольствием и товарами широкого потребления. Беднейшие слои населения получали льготы при вступлении в кооперативы. За кооперацией устанавливался контроль со стороны народного комиссариата продовольствия и Высшего совета народного хозяйства. В апреле того же года Совет народных комиссаров предписал Краесовету и губернским Советам распорядиться «всем уездным совдепам и всем органам власти прекратить преследования кооперативов, восстановить распущенные или национализированные, освободить арестованных»²⁶.

После этого гонения на кооперацию со стороны большевиков значительно уменьшились. На очередном съезде Краесовета в апреле 1918 г. идея национализации кооперации была признана несвоевременной. Правда, мотивы были выдвинуты очень утилитарные. Советское руководство Сибири опасалось, что национализация расстроит налаженный кооперацией заготовительный аппарат и сорвет заготовку и отправку в Центр России продовольственных грузов. Некоторые сибирские кооператоры расценили подобные шаги как реальную возможность установления деловых отношений с большевиками, некоторые стали рассуждать о возможности построения коммунистического общества в России через посредство кооперации. Видный сибирский кооператор Д.И. Голенищев-Кутузов, предвосхищая идеи В.И. Ленина, писал в своей статье: «В области организации труда мы можем мыслить себе коммунистическое общество только как сеть всевозможных коопераций, составляющихся на основе добровольного соглашения, изнутри определяемого распорядка работы и сознательного подчинения целей каждого объединения общему ходу хозяйственного развития коммуны»²⁷.

Заигрывая с Советской властью, сибирская кооперация одновременно предоставляла свою финансовую и организационную помощь руководству антибольшевистского подполья. Например, сотрудником Закупсбыта числился будущий командующий Сибирской армией А.Н. Гришин (Гришин-Алмазов) и работал И.А. Михайлов – министр финансов Временного Сибирского правительства. Вопросами финансирования антибольшевистских сил занимался А.В. Сазонов – секретарь правления Закупсбыта, имевший неофициальную кличку в революционной среде «дедушка русской революции». Выразителем оппозиционных большевикам настроений в кооперации стала статья Н.В. Фомина, опубликованная буквально за месяц до свержения Советской власти в Сибири. Н.В. Фомин считал, что Россия ещё не достигла такого уровня развития, когда возможно установление диктатуры рабоче-крестьянского класса. Он призывал кооператоров отбросить ложный нейтралитет и вступить на путь активной политической деятельности, считая, что «всеми своими действиями, как в области общеэкономической, так и специально-кооперативной, Советская власть неизбежно толкает кооперацию на путь политической борьбы»²⁸.

В свержении большевистской власти в Сибири в конце мая – июле 1918 г. сибирская кооперация сыграла видную роль. На подготовку и проведение контрреволюционного переворота, в том числе на поддержку антибольшевистского подполья и легионеров Чехословацкого корпуса, она израсходовала около 20 млн руб.²⁹. Ряд ее квалифицированных сотрудни-

ков перешел на службу в созданные Временным Сибирским правительством органы власти и управления. Наиболее активно представители кооперации участвовали в формировании и деятельности продовольственного бюро Западной Сибири и Степного края. Его главной задачей было согласование с правительством работы учреждений, отвечавших за продовольственное обеспечение населения. В течение двух месяцев после антибольшевистского переворота члены бюро составили четыре обращения к органам государственной власти (к Западно-Сибирскому комиссариату Временного Сибирского правительства и Совету министров Временного Сибирского правительства), в которых они призвали увеличить доступ населения к текущей информации, созвать Учредительное собрание и создать боеспособную добровольческую армию. Авторы выдвинули проект реконструкции Сибирской областной думы, в которой 42 из 189 мест предлагалось выделить для кооперации.

В начале июня 1918 г. многие кооперативы были допущены к распределению бывшего советского имущества, находившегося на государственных складах. В июне – августе 1918 г. кооперация добровольно снабжала продовольствием войска сибирской контрреволюции и чехословацких легионеров. Примечательно, что в первые месяцы после антибольшевистского переворота кооператоры сотрудничали с разными контрреволюционными правительствами: Временным Сибирским правительством, Временным правительством автономной Сибири, Самарским комитетом членов Учредительного собрания и даже с Деловым кабинетом генерала Д.Л. Хорвата, стоявшим на крайне «правых» политических позициях.

Между тем, экономическая политика контрреволюции базировалась на идее предоставления равных возможностей для хозяйственной деятельности частнокапиталистическим и кооперативным предприятиям. Понимание, что за сохранение и сохранение своих позиций в хозяйственной области предстоит напряженная борьба, усилило объединительные тенденции в сибирской кооперации.

24 августа – 4 сентября 1918 г. в Омске проходила работа III Всесибирского кооперативного съезда. На нем был сформирован Совет всесибирских кооперативных съездов (Всекосовет) из 19 человек, который должен был собираться на сессии раз в несколько месяцев. На первой же своей сессии он образовал постоянно действующий штаб сибирской кооперации – Президиум Всекосовета. Председателем Всекосовета стал А.В. Сазонов, обладавший не только авторитетом среди сибирской общественности, но и опытом работы в 1917 г. в Политическом бюро Всероссийского совета кооперативных съездов.

Вопреки очевидному организационному успеху на пути к объеди-

нению, консолидированные выступления кооперации были затруднены внутренними противоречиями. Наибольшие споры вызывала политическая оценка событий, происходивших в лагере восточной контрреволюции летом – осенью 1918 г. Раскол в сибирской кооперации произошел на первой сессии Всекосовета, состоявшейся 1–5 октября 1918 г. Кооператоры обсуждали правительственный кризис, разразившийся в Омске в начале 20-х чисел сентября 1918 г. и связанный с противостоянием Административного совета Временного Сибирского правительства и Сибирской областной думы, олицетворявших исполнительную и представительную ветви власти. После жарких дебатов абсолютным большинством голосов Всекосовет принял проект резолюции А.В. Сазонова, поддержавший Административный совет и предлагавший распустить Сибирскую областную думу.

Но не все члены Всекосовета разделяли такую позицию. С ее критикой открыто выступил Н.В. Фомин, чье заявление опубликовали многие периодические издания. Он считал, что «резолюция Совета по своему существу оправдывает и узаконяет лозунги, сплотившие вокруг себя реакционно-реставрационные силы, и в этом смысле укрепляет торжествующую в Сибири реакцию»³⁰. Часть сибирских кооператоров поддержала Н.В. Фомина и потребовала роспуска Временного Сибирского правительства. Но все же большинство лидеров кооперации склонялось к необходимости сохранить принципы нейтралитета и аполитизма, т. е. отстраниться от политической борьбы и заниматься хозяйственной деятельностью, выполнять свою культурно-просветительную миссию вне зависимости от политического режима.

После государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске и провозглашения А.В. Колчака Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России все кооперативные союзы Сибири объявили о переходе на позиции «дружественного нейтралитета».

Время существования колчаковского режима отмечено крайне негативными тенденциями в экономике. Резко ускорились инфляционные процессы. Это привело к обесцениванию кооперативных вкладов и паев. Если до Мировой войны платежи в среднем на члена кооператива составляли 10 руб. в год, то к началу 1919 г. они выросли до 100 руб. в год. К тому же кооперация столкнулась с небывалым дефицитом средств, преодолеть который союзы пытались, требуя с собственных членов авансов и предоплат за поставляемые товары³¹. Усилия по укреплению финансовой базы не давали ощутимого эффекта. Усугубившийся транспортный кризис практически не позволял выполнять договоренности ни

по срокам, ни по объемам поставок. Частные торговые предприятия испытывали такие же проблемы, но могли преодолевать их с помощью подкупа чиновников. Расцвели спекулятивная торговля, которая, несмотря на баснословные цены, подчас гораздо эффективнее кооперативов удовлетворяла потребительский спрос. Товары, помещения, промышленные объекты, принадлежавшие кооперации, подвергались реквизициям, а нередко и незаконным конфискациям. Сотрудников кооперативов арестовывали по обвинению в пособничестве большевикам³².

В этих условиях усилилась неудовлетворенность населения работой кооперативного аппарата. Вместе с тем, доминирующей чертой общественной жизни с лета 1919 г. стало крайнее недовольство широких слоев населения Российским правительством, которое обвиняли в ухудшении экономического положения, не задумываясь над тем, что многие проблемы порождены предшествующей войной и революцией. Поскольку это недовольство разделяли и руководство сибирской кооперации, то с конца 1919 г. большая его часть перешла в оппозицию к колчаковскому режиму. Разгром Белой армии и установление Советской власти породили у многих кооператоров надежду на установление конструктивного диалога с большевиками. Хотя часть руководства кооперативных союзов заблаговременно выехали на Дальний Восток или за границу, оставаясь на твердых антибольшевистских позициях.

Большевики не забыли о роли кооперации в контрреволюционном перевороте. С декабря 1919 г. на Сибирь распространилось действие советского кооперативного законодательства, разрушившего организационные и экономические основы сибирской кооперации. В феврале 1920 г. был ликвидирован Союз сибирских маслодельных артелей. В том же месяце произошло объединение Закупсбыта и конторы Центросоюза в Омске, что привело к образованию Сибирского отделения Центросоюза. В июне 1920 г. Синкредсоюз включили в состав Сибирского отделения Центросоюза, и кредитная кооперация прекратила свое существование. Потребительская кооперация на основании декрета от 20 марта 1919 г. была преобразована в технический аппарат по распределению промышленных товаров и продуктов питания, выделяемых государством. Все кооперативные союзы были ликвидированы, а содержание управленческого аппарата стало осуществляться за государственный счет. Промышленные предприятия и принадлежавшие кооперации жилые помещения были национализированы. Вместо многообразных по формам и видам деятельности кооперативов в каждом населенном пункте было создано единое потребительское общество (ЕПО). К концу 1920 г. в Сибири их насчитывалось 3 146 с 6 316 лавками³³. Но многие

ЕПО бездействовали. Многие сельские ЕПО работали эпизодически или совершенно закрывались в связи с отсутствием товаров, а городские занимались распределением продуктов и организацией общественного питания. Так в считанные месяцы потеряла самостоятельность, оказалась сведена к примитивным формам некогда сложная, влиятельная в политическом и хозяйственном отношении сибирская кооперация.

Такой итог представляется вполне закономерным. По мере усиления кризисных тенденций в экономике, кооперативные организации, численно увеличиваясь, все более сосредоточивали усилия и ресурсы на удовлетворении потребительских нужд, причем не только своих членов, но и всего населения. В силу этого они стали представлять интересы преимущественно не производителей, а потребителей. Не приходится удивляться, что кооперация оказывалась воплощением антирыночных устремлений нищавших народных масс. Вместе с тем институциональное усложнение кооперативной системы сопровождалось нарастанием противоречий кооперативной бюрократической верхушки и массы рядовых членов. Эти тенденции, заложенные в кооперативном движении изначально, превратились в доминировавшие и начали определять ее облик в годы Мировой войны.

Продолжительное участие сибирской кооперации в политической борьбе в годы революции и гражданской войны, ее способность сохраниться в качестве самостоятельной общественной и хозяйственной силы во взаимодействии с антибольшевистскими политическими режимами придают ей черты уникальности. Однако общее направление внутренней эволюции кооперации в Сибири было таким же, как и в Советской России – стремление к всеохватности и сращиванию с государством. Но идея объединения людей в кооперативы осталась притягательной. Кооперация действительно выполнила амортизирующую функцию, смягчила тяготы экономического кризиса тем, что обеспечила приток относительно недорогих товаров потребительского ассортимента в свою розничную торговую сеть. В Сибири, где дольше сохранилась самостоятельность и независимость кооперативной системы от государственной власти, она справилась с этой задачей более успешно.

¹ *Вахитов К.И.* Кооперация. Теория, история, практика: избранные изречения, материалы, комментарии / Авт.-сост. К.И. Вахитов. М., 2009. С. 36.

² *Шикалов А.С.* Потребительская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Очерки истории потребительской кооперации в Сибири. Новосибирск, 1965. С. 46–80; *Иванов Б.В.* Антинародная роль руководства сибирской кооперации в период колчаковщины (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 7. С. 59–65; *Он же.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны.

- Томск, 1976; *Присяжный А.Г.* Из истории сибирской кооперации периода революции и гражданской войны // Некоторые вопросы истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 2. С. 98–112.
- ³ *Панова М.В.* Сельская кооперация Западной Сибири в период Первой мировой войны и революции (1914–1918 гг.). М., 2001; *Гаврилов А.А.* Сибирская кооперация в период 1914–1920 гг. (по материалам кредитной и потребительской кооперации). Иркутск, 2003.
- ⁴ *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 175, 193, 200–201.
- ⁵ *Махов В.Н.* Потребительская кооперация в Сибири в процессе ее развития (1898–1920 гг.). Новониколаевск, 1923. С. 19.
- ⁶ *Махов В.Н.* Потребительская кооперация в Сибири... С. 23.
- ⁷ *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение... С. 287.
- ⁸ *Махов В.Н.* Потребительская кооперация в Сибири... С. 25.
- ⁹ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 646. Л. 81.
- ¹⁰ Известия Союза сибирских кооперативных союзов «Синкредсоюза» (Новониколаевск). 1919. № 1. С. 2.
- ¹¹ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 646. Л. 81; Возрождение (Омск). 1919. № 7–8. С. 25.
- ¹² Протоколы съезда кооперативов (кредитных товариществ, потребительских и сельскохозяйственных обществ и маслодельных артелей) Томской губернии, бывшего 1–4 марта 1915 г. Томск, 1915. С. 34.
- ¹³ *Кузин Т.Б.* Опыт построения схемы финансового плана сибирской потребительской кооперации и Закупсбыта на 1919 г. // Сибирская кооперация. 1919. № 1. С. 60.
- ¹⁴ Известия и труды Союза Сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт) (Новониколаевск). 1919. № 4. С. 80.
- ¹⁵ Народные мысли (Мариинск). 1918. № 37. С. 14.
- ¹⁶ Подробнее об этом см.: *Рышков В.М.* Репетиция классовой ненависти: сельская жизнь в описаниях корреспондентов кооперативных журналов в предреволюционную и революционную эпоху // Человек – текст – эпоха: сборник научных статей и материалов. Вып. 3: Социокультурные аспекты освоения Сибири. Томск, 2008. С. 231–240.
- ¹⁷ Сибирская деревня (Красноярск). 1917. № 1–2. С. 45–46.
- ¹⁸ *Красильников М.П.* Промышленность союзных объединений, входящих в состав Закупсбыта // Сибирская кооперация. 1919. № 2–3. С. 2.
- ¹⁹ *Махов В.Н.* Потребительская кооперация в Сибири... С. 44.
- ²⁰ Собрание узаконений Временного правительства. Пг., 1917. № 72. Ст. 414.
- ²¹ ИАОО. Ф. 2105. Оп. 1. Д. 33. Л. 241; Сибирская кооперация. 1918. № 1–2. С. 64–65.
- ²² *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация... С. 177.
- ²³ ИАОО. Ф. 2105. Оп. 1. Д. 35а. Л. 254–255.
- ²⁴ Сибирская кооперация. 1918. № 1. С. 62.
- ²⁵ Там же. № 2. С. 9.
- ²⁶ Там же. № 4–5. С. 137.
- ²⁷ *Илимский Д.* Кооперация или государство // Сибирская кооперация. 1918. № 3. С. 21.
- ²⁸ *Фомин Н.В.* Советская власть и кооперация // Сибирская кооперация. 1918. № 4–5. С. 17.
- ²⁹ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 996. Л. 2–13.
- ³⁰ Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916–1923). / Отв. ред. и сост. А. А. Николаев. Новосибирск, 1999. С. 141.
- ³¹ ГАИО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 18. Л. 132; Известия Горсоюза (Бийск). 1919. № 1. С. 10–11. Кооперативное слово (Новониколаевск). 1919. № 1–3. С. 14; Томский кооператор (Томск). 1919. № 29. С. 21.
- ³² *А.М.* Сибирская кооперация в период военной диктатуры. Омск, 1922. С. 34–37.
- ³³ *Николаев А.А.* Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 180.

Д. Л. Шереметьева

**Динамика численности газетной прессы Сибири
в период революции и гражданской войны ***

В экстремальных условиях войн и революций средства массовой информации приобретают исключительную значимость. Слом привычных социальных институтов, изменение норм и правил поведения вызывают у людей глубокую фрустрацию, удвоенное стремление разобрататься в ситуации и повлиять на нее. Отсюда повышенный спрос на новости и на средства их распространения. Недаром Питирим Сорокин в книге «Социология революции» доказывал, что одним из первых и ярчайших проявлений революционных катаклизмов является «речевое раскрепощение» – взрывоподобное увеличение количества митингов, листовок, газет, брошюр, – а свобода слова и печати – неизменное требование революционных эпох. За раскрепощением неизбежно следует «торможение», через насилие водворяется «молчание». В эту схему при известной нивелировке исторического контекста укладывается опыт революций разных стран и веков. Поэтому с ее помощью можно опознать революционные процессы, проявляющиеся в массовой коммуникации. Однако без учета конкретных условий, форм, масштабов и темпов деформации речевых рефлексов сложно понять и объяснить качественные изменения в режимах функционирования СМИ.

Как был пройден путь от безграничной свободы прессы после Февральской революции до инструмента партийно-государственной пропаганды после установления Советской власти на территории бывшей Российской империи? Выводы марксистско-ленинской историографии о создании Советской властью прогрессивной системы периодической печати на месте «потерпевшей крах» и самостоятельно отмершей «буржуазной прессы»¹ были в значительной степени дезавуированы². Но, отвергнув эту цельную концепцию, исследователи не решаются на широкие обобщения. Взгляд на проблему остается мозаичным.

В Сибири, ставшей основным плацдармом контрреволюции, процесс трансформации режима функционирования прессы отличался от всероссийского по своей динамике и характеру. Такой вывод можно сделать на основе богатой историографии сибирской периодики, превышающей по объему исследовательские труды о прессе других регионов бывшей Российской империи. Однако даже в ней нет полной ясности о таких базовых

* *Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ (исследовательский проект № 11-01-00222а).*

параметрах, как количество и состав газетной прессы. Лучше изучена печать весны 1917 – осени 1918 года³, отрывочны данные о печати 1919–1920 годов⁴. Тем самым углубление и обобщение сведений о сибирских газетах революционной эпохи открывает перспективы для сравнительно-исторического анализа и концептуализации истории прессы.

До Февральской революции 1917 г. периодическая печать в Сибири развивалась в соответствии с общероссийскими тенденциями. В ответ на растущие запросы населения в получении разнообразной качественной информации повсеместно увеличивалось количество изданий, росли их тиражи, появлялись новые типы газет и журналов. В Сибири стабильно функционировала система изданий органов власти и управления, с которой некогда началась история местной периодики. При этом поток информации «власть→общество» был лишь одной из составляющих в массовой коммуникации, все большее значение приобретала общественно-политическая и специализированная пресса, принадлежавшая частным лицам, издательским товариществам, общественным и экономическими организациям⁵.

Надзор административных органов власти за периодической печатью постепенно ограничивался, а функции цензуры переходили к судебным инстанциям. Несмотря на то, что в провинции печать подвергалась большему давлению со стороны административных органов власти, чем в столице, она пользовалась довольно широкой свободой критики и в значительной степени выражала различные оттенки общественного мнения. Табу сохранялось только на издания революционной направленности.

Дифференциация сибирской прессы в идейно-политическом отношении была выражена слабо. Либералы, демократы и социалисты вполне гармонично сотрудничали в одних и тех же изданиях. Эсеры и социал-демократы, во множестве обретавшиеся в Сибири как месте высылки и ссылки, активно выступали на страницах легальных газет и журналов, оказывали влияние на их направление и содержание.

Повременная печать Сибири, как и большинства других регионов Российской империи, не могла сравниться с периодикой Петрограда и Москвы. «Столицы» были центрами политической, экономической и культурной жизни страны, аккумулировали ресурсы и человеческий капитал. Здесь выпускалась львиная доля периодических изданий, функционировали мощные издательские компании, как, например, А.С. Суворина и И.Д. Сытина, распространявшие по всей России полумиллионные тиражи газет «Новое время» и «Русское слово». Провинциальная пресса проигрывала центральной по всем параметрам: объемам тиражей, широте распространения, новостной насыщенности, качеству литературной обработки

текстов, профессионализму журналистов и др.

Основным фактором, сдерживавшим развитие периодической печати в Сибири, была узость читательской аудитории. К 1915 г. по данным «Статистического ежегодника России» в административно-территориальных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской и Якутской областей проживало 11,8 млн чел., из которых немногим более 12 % были грамотными⁶. Тем не менее, в провинции имелись настоящие «звезды» журналистики. Самыми яркими, многотиражными и выпускавшимися на протяжении длительного периода времени были газеты «Сибирская жизнь», выпускавшаяся в Томске с 1897 г., «Жизнь Алтая», выходившая в Барнауле с 1911 г., и иркутская «Сибирь», издававшаяся с 1906 г. Их успех зиждился на общественном темпераменте издателей, литературных дарованиях сотрудников и уникальном контенте. В газетах был сделан акцент на своеобразный сибирский патриотизм, областничество. Он демонстрировался через эксклюзивные публикации о природе, культуре, экономической и общественной жизни края. Редакторам удалось посредством газет наладить регулярную коммуникацию между местными общественниками и культуртрегерами, не равнодушными к судьбе Сибири. Сложившиеся своеобразные сети авторов-читателей составляли то социальное ядро, для и благодаря которому существовали газеты.

В целом накануне Февральской революции в Сибири существовало среднеразвитое по меркам Российской империи газетное дело, со своей историей и потенциалом для развития. Периодическая печать функционировала преимущественно как общественный институт, являясь неотъемлемой частью городской среды.

Февральская революция была «прислана» в Сибирь по телеграфу. Пришедшие 2 марта 1917 г. известия о событиях в Петрограде расшевелили сибирскую общественность и взбудоражили политическую ссылку. Новость об отречении Николая II от престола вызвала ликование, ставшее доминантой городских настроений. «Занялась заря свободы, // Мир безоблачно прекрасен», – мало кто был готов публично поспорить с подобными расхожими утверждениями. Жажда действия, немедленного установления «царства всеобщего вечного счастья» с новой силой разгорелась в сердцах революционеров.

Одним из первых и наиболее ярких проявлений революционных процессов, «стихий свободы» стало колоссальное увеличение числа периодических изданий. Если в феврале 1917 г. в городах Сибири⁷ выходило 33 газеты⁸, то в марте их насчитывалось уже 72, а в апреле – 82

наименования⁹. Всероссийское Временное правительство декларировало свободу слова, печати и собраний, отменив гражданскую цензуру и упразднив право представителей власти подвергать прессу административным наказаниям. В постановлении «О печати» от 27 апреля 1917 г. было записано: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается»¹⁰. Россия официально стала страной с самой свободной прессой в мире. Количество повременных изданий в Сибири продолжало расти: в мае печаталось 88 газет, в июне – 94, в июле – 95. Однако уже в августе тенденция к увеличению числа изданий была нарушена, в этом месяце выходило 92 газеты. В сентябре 1917 г. произошел резкий и короткий скачок до 101 наименования, а в октябре количество изданий оказалось на августовском уровне. Общее число газет, печатавшихся в марте – октябре 1917 г., составило 178 наименований.

Современники видели в небывалом росте числа изданий весны – лета 1917 г. позитивную тенденцию: «Освобожденная печать, как давно сдерживаемый поток, начала бить фонтаном бесчисленных газет, журналов, книг и листовок»¹¹. Однако обратной стороной вспышки издательской активности были кратковременность существования, нарушение периодичности, низкое качество полиграфии и литературного исполнения большинства новых газет.

Революция разрушила старую политическую систему, а вместе с ней привычные механизмы коммуникации между властью и обществом. Пресса органов государственного управления в Сибири в 1917 г. продолжала функционировать, но оказалась «подвешенной в воздухе». Она больше не представляла собой слаженную систему, санкционированную из Центра. Она превратилась в конгломерат разнородных информационных и общественно-политических повременных органов. Для обеспечения деятельности новых институтов управления и самоуправления в городах Сибири учреждались новые газеты. Однако на начальном этапе революции издания Комитетов общественной безопасности, Советов депутатов и органов самоуправления репрезентировали политически неоднородные институты и слабо транслировали властные импульсы.

В 1917 г. сибирскую общественность закрутил вихрь политики. «Отношения до такой степени обострились, – утверждал позднее редактор “Сибирской жизни” А.В. Адрианов, – что прежняя совместная работа для людей разномыслящих стала нестерпимой и понадобились свои, отдельные органы печати для отстаивания чистоты принципов партии, класса, профессии»¹². Произошла резкая политизация, идейно-политическая дифференциация и радикализация прессы.

В результате Февральской революции свободой слова воспользовались политические деятели, ранее ограниченные в возможности открыто провозглашать свои программы и лозунги. «Писать стали все», но «наибольший контингент литераторов дала политическая ссылка». В течение одной – двух недель марта появилось множество газет одна другой левее. Свои издания учредили социал-демократы, эсеры и даже большевики. Более того, эсеры влияли на содержание изданий кооперации и определяли направление нескольких частных газет, а социал-демократы, как правило, руководили изданиями профсоюзов. Всего, по подсчетам Е.Н. Косых, весной 1917 г. в Сибири около половины изданий транслировали идейно-политические позиции социалистов¹³. Мощный «левый перекосяк» был особенностью прессы края.

При этом скудные финансы и нехватка квалифицированных журналистов детерминировали малоформатность и нарушение периодичности большинства газет социалистов. Их тиражи редко превышали одну – три тысячи экземпляров. Значительная часть революционных изданий в Сибири анемично калькировала центральную партийную печать, перепечатывая из нее новости и передовые статьи. Сибирские эсеры редко проявляли оригинальность даже в выборе названий для изданий и выпускали семь одноименных газет «Земля и воля».

От социалистической печати резко отличалась либеральная. В апреле – октябре 1917 г. кадеты учредили десять партийных газет. В отличие от революционной прессы, большая их часть имела большой формат, издавалась регулярно и относительно крупными тиражами от пяти до десяти тысяч экземпляров. Содержание их было разнообразнее, а литературный уровень выше за счет участия в изданиях людей высокообразованных и занимавшихся интеллектуальным трудом высшей квалификации. В городах края широко распространялись такие крупноформатные многотиражные газеты кадетов, как красноярская «Свободная Сибирь» под редакцией сатирика Ф.Ф. Филимонова, омская «Сибирская речь», направление которой задавал пламенный оратор, адвокат В.А. Жардецкий, и иркутский «Свободный край» под редакцией неутомимого общественного деятеля, просветителя и опытного журналиста П.И. Федорова.

Весной – летом 1917 г. «стабильное ядро» газетной периодики края составляла частная общественно-политическая пресса. Как правило, такие издания позиционировались в качестве независимых и из-за различных редакционных задач и идейно-политических установок представляли пеструю картину.

Самой солидной и авторитетной газетой края оставалась «Сибирская жизнь». Определял направление газеты ответственный редактор иссле-

дователь и общественный деятель, народный социалист А.В. Адрианов. Этот шестидесятидвухлетний сибиряк с обезображенным лицом был закален в научных экспедициях по суровому сибирскому краю, имел за плечами многолетний опыт журналистской, издательской и редакторской работы. Благодаря огромному общественному темпераменту он обзавелся широкими связями, был близок к «патриарху сибирского областничества» Н.Г. Потанину. До революции А.В. Адрианов имел конфликты с властью, но при этом сумел сделать довольно успешную карьеру на государственной службе. В марте 1917 г. он возглавил «Сибирскую жизнь», переживавшую редакторский кризис. Обладая натурой своевольной и решительной, А.В. Адрианов руководил газетой до декабря 1919 г., «гнул свою линию», несмотря на политические пертурбации революции и гражданской войны, являя собой редкий пример последовательности и профессионализма в деле управления газетой. С «Сибирской жизнью» сотрудничали около двухсот человек – огромное по тем временам количество. Собственные корреспонденты газеты работали в крупных городах Сибири, Поволжья, Урала, Дальнего Востока и даже за рубежом. На страницах издания печатались статьи профессоров томских вузов, известных местных журналистов, стихи талантливых сибирских поэтов. В 1917 г. тираж газеты составлял 10–15 тыс. экз. в день, он распространялся во всех крупных городах Сибири.

Наибольшей популярностью в Восточной Сибири пользовалась ежедневная иркутская газета «Сибирь», выходившая тиражом около шести – семи тысяч экземпляров. В 1917 г. ядро редакции составляла группа ссыльных социалистов под руководством известного в крае литератора эсера И.Г. Гольдберга. Восточно-Сибирское товарищество печатного дела, выступавшее издателем «Сибири», следило за соблюдением традиций этой прогрессивной, демократической, внепартийной, областнической газеты и препятствовало ее вырождению в партийное эсеровское издание.

Помимо прессы органов власти и самоуправления, партийных и частных общественно-политических газет в Сибири отдельные издания учреждали органы военного управления, культурно-просветительские, религиозные и национальные организации, профсоюзы, учащиеся. Однако их газеты не распространялись за пределами соответствующих социальных групп и локальных сообществ.

Благодаря многообразию целей и задач издателей, различным идейно-политическим позициям в 1917 г. пресса Сибири удовлетворяла запросы населения на получение общественно значимой информации. Однако основной функцией газетной периодики после Февральской

революции стала идейно-политическая борьба. Как следствие, пресса стала объектом и субъектом политического процесса. «Языковое раскрепощение», количественный рост печати и радикализация приемов газетной полемики в Сибири были тем значительнее, что в журналистику широкой волной влились политссылные. «Править балом», определять моду на идеи в крае стремились «новые» политики. При этом за либеральной прессой оставался общественный авторитет и сила традиций дореволюционной прогрессивной печати.

Приход к власти большевиков в результате Октябрьской революции ознаменовался формированием дискриминационно-репрессивной политики по отношению к прессе. Еще до захвата власти В.И. Ленин писал, что необходимо «закрыть буржуазные контрреволюционные газеты» и ввести государственную монополию на объявления, чтобы «лишить подлую контрреволюционную печать ее главного источника дохода»¹⁴. Эти идеи большевики начали претворять в жизнь сразу после переворота. В первые дни их правления в России в административном порядке были закрыты крупнейшие либеральные издания и конфисковано несколько типографий. 27 октября 1917 г. Совет народных комиссаров издал декрет о печати, декларировавший необходимость ликвидации оппозиционной прессы. Декрет о введении государственной монополии на объявления был принят 7 ноября 1917 года¹⁵.

В Сибири установление и упрочение Советской власти происходило медленнее, чем в центре России, а действия большевиков в отношении прессы не были столь решительными. Целенаправленное закрытие оппозиционных изданий началось только в декабре 1917 г. Всего с декабря 1917 г. по май 1918 г. в городах края были закрыты 53 «враждебных» большевикам газеты, а ряд изданий прекратил существование из-за монополии на объявления. Формально право закрывать газеты принадлежало Совету народных комиссаров. Местным властям приходилось давить на прессу противников, устраивая обыски в редакциях, выставя штрафы, конфискуя номера газет и типографии, объявляя издателей «врагами народа», арестовывая работников редакций. Но закрытые издания иногда возобновляли свой выпуск под другими названиями.

О том, в какой неблагоприятной атмосфере происходило издание оппозиционных газет в конце 1917 г. и что делала Советская власть для их закрытия, можно судить по воспоминаниям одного из сотрудников омской газеты «Заря». «Тактика газеты гипнотизировала Совдеп, и он не решался наброситься на нее сразу и кусал сзади. Придравшись к тому, что „Заря“ не исполняла декрета о монополии объявлений, Совдеп произвел налет на контору, а затем арестовал члена редакторского

коллектива В.И. Ишерского, заведовавшего хроникой В.И. Ильина, заведовавшего конторой М.И. Гительсона, которых вынужден был освободить под угрозами толпы народа. Совдеп попытался неудачно конфисковать номер газеты и, в конце концов, прислал бумажку с извещением, что газета закрывается. Это было 12 декабря, а 14 вышла „Вечерняя заря“ с аншлагом „Долой проклятое самодержавие ленинцев!“ [...] 20-го был на сутки арестован редактор „Вечерней зари“ П.В. Вологодский. [...] В январе последовало несколько полуофициальных предупреждений, а затем и закрытие газеты „навсегда“»¹⁶.

В результате медленной, но неуклонной реализации установки В.И. Ленина на ликвидацию оппозиционной прессы произошло общее сокращение числа периодических изданий, в том числе в Сибири. Если в декабре 1917 г. печаталось 86 наименований, то к маю 1918 г. осталось только 64 газеты¹⁷. В первую очередь были закрыты кадетские, эсеровские и частные издания; прекращен выпуск возникших земских и кооперативных повременных органов. В результате все крупные и широко известные в крае газеты – «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Сибирская речь» и др. – замолчали.

Одновременно с гонениями на оппозиционную прессу Советская власть закладывала основу партийно-государственной системы периодической печати. Позиции большевиков в отношении печати изначально предполагали прагматичное использование средств массовой информации в борьбе за власть. Прессу как коллективного пропагандиста, агитатора и организатора необходимо было монополизировать, «приблизить к народу», заставить целиком и полностью работать на решение задач большевистской партии¹⁸.

С января 1918 г., по мере того как в городах края утверждалась Советская власть, росло число наименований большевистских (коммунистических) изданий. Большевизация Советов сопровождалась изменением функций, облика и политических позиций принадлежавших им изданий. За счет экспроприации типографий и бумаги увеличивался формат, учащалась периодичность, росли тиражи советско-большевистской прессы. Количественно она стала доминировать в регионе с февраля 1918 г., а к маю 1918 г. насчитывала 28 изданий, вышедших за этот месяц общим тиражом примерно в два миллиона экземпляров¹⁹.

Изменение количества и состава газетной периодики в Сибири в конце 1917 – начале 1918 г. сопровождалось обострением борьбы на информационно-идеологическом поле. Она приобрела жесткий, бескомпромиссный характер. Весной 1918 г., несмотря на количественное превосходство большевистской прессы, ее агрессивный агитационно-пропагандистский

стиль и подавление оппозиции с помощью административных, экономических и политических мер, коммунисты не смогли заручиться поддержкой основной массы населения. Разгон Учредительного собрания и местных органов самоуправления, подписание унижительного для России Брестского мира разрушили надежды демократической и либеральной общестственности, оскорбили национальные чувства населения. Социальная, экономическая и культурная политика большевиков вызвала недовольство и привела к тактическому сближению их противников.

Положение на востоке России кардинально изменилось в результате вооруженного выступления Чехословацкого корпуса, начавшегося в конце мая 1918 г. Его части совместно с русскими вооруженными формированиями в течение лета свергли Советскую власть на территории края. Вооруженное выступление антибольшевистских сил положило начало широкомасштабной гражданской войне в России. Сибирь надолго стала основным плацдармом организованного вооруженного противостояния Советской республике.

Отступавшие и бежавшие большевики прекращали выпуск партийных и советских газет. Не успевшие скрыться подвергались арестам, а в Новониколаевске и Красноярске редакторы-коммунисты Ф.П. Серебренников и А.П. Лебедева, являвшиеся одновременно членами исполнительных комитетов Советов депутатов, были расстреляны военными «при попытке к бегству»²⁰. Эскалация насилия в годы гражданской войны превращала журналистику в опасную для жизни сферу деятельности.

В результате антибольшевистского переворота функционирование ориентированной на Петроград и Москву в новостном, идейном и культурном планах системы массовой информации востока России было нарушено. Здесь стали формироваться новые информационные учреждения: информационные бюро органов власти, учреждений и организаций, Сибирское, Российское и Чехословацкое телеграфные агентства, – повысилось значение местных новостей, возникла острая необходимость налаживать и развивать собственные каналы связи с иностранными государствами. Фронт нарушил движение товаров из европейской части России на восток страны, что вызвало бумажный кризис в Сибири. Военные действия дали с новой остротой почувствовать недостаток профессиональных журналистов в крае. Цвет российской интеллигенции из голодающих столиц предпочитал бежать на Юг страны, а отнюдь не в ее восточные регионы.

В конце мая – июне 1918 г. большинство крупных городов Сибири перешли под управление Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. Его члены, эсеры-максималисты, провозгла-

сили высшими целями спасение завоеваний революции и восстановление национальной независимости страны²¹. На подконтрольной комиссариату территории не действовало никаких правил, регламентировавших выпуск прессы. Только 25 июня 1918 г. было принято постановление «О печати», требовавшее точного и неуклонного соблюдения положений одноименного документа Всероссийского Временного правительства 1917 г. Возвращение к дооктябрьским порядкам просматривалось и в возвращении владельцам национализированных Советами типографий.

Западно-Сибирский комиссариат 30 июня 1918 г. передал власть пяти министрам Временного Сибирского правительства, избранным Сибирской областной думой в конце января 1918 г. По политическим позициям они были значительно «правее» членов Западно-Сибирского комиссариата и в качестве приоритетной задачи власти выдвинули укрепление законности и порядка. В отношении прессы продолжало действовать постановление «О печати» от 25 июня 1918 г. Однако 15 июля 1918 г. были изданы «Временные правила к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», согласно которым министр внутренних дел, командующий армией или командиры корпусов могли, в числе прочего, приостанавливать периодические издания²². Правила закладывали предпосылки для установления административного и военного контроля за прессой, но приоритет принципа свободы слова сохранялся.

В чрезвычайных условиях гражданской войны политический режим контрреволюции быстро эволюционировал от первоначально декларированного народоправства к авторитаризму. Даже передача властных полномочий образованному на Уфимском государственном совещании 23 сентября 1918 г. Временному Всероссийскому правительству, которое намеревалось остановить «сползание» политического режима «вправо», не привела к изменению указанной выше тенденции.

На начальном этапе гражданской войны в Сибири произошел отказ от советской модели массовой информации. На ее месте не появилось новой системы государственной пропаганды. Политический режим в крае летом – осенью 1918 г. был ориентирован на согласование различных социальных интересов. При этом отказ от мобилизации информационных ресурсов был слабым звеном в политике контрреволюции, в то время как советская пропагандистская машина наращивала обороты.

В таких условиях в конце мая – середине ноября 1918 г. на территории Сибири, подчиненной антибольшевистским органам власти, разновременно печаталось 123 наименования газет²³. Из них только около десяти изданий выходили без перерыва до и после свержения Советской власти; порядка пятидесяти газет, ранее закрытых большевиками,

были восстановлены; около шестидесяти поврежденных органов были учреждены и реорганизованы в течение лета – осени 1918 г. Подавляющее большинство продолжавших выходить и восстановленных газет были учреждены в конце 1917 – начале 1918 г., а длительное время выпускались только «Жизнь Алтая», «Омский вестник», «Приишимье», «Сибирская жизнь» и «Сибирь». То есть летом – осенью 1918 г. наблюдалось колоссальное обновление в сфере газетной периодики.

В связи с восстановлением, хотя в несколько меньшем объеме, свободы слова в Сибири прокатилась новая волна «языкового раскрепощения». Динамика численности периодической печати в Сибири летом 1918 г. выглядела так: в июне на той территории края, где Советская власть была свергнута, выходило 46 газет, в июле – 75, в августе – 89. Рост числа газет оказался сопоставим с ситуацией марта – мая 1917 г., когда в месяц возникало по три десятка изданий. Однако темп увеличения числа газет в августе начал снижаться, так как к этому времени перестал действовать военно-политический фактор, вызывавший восстановление закрытых ранее большевиками изданий и появление новых газет. В то же время на количестве периодической печати начало сказываться ужесточение политического режима. Произошли первые случаи принудительной приостановки изданий.

Осенью 1918 г. динамика численности сибирских газет изменилась в отрицательную сторону. В сентябре выходило 91 наименование, в октябре – 83, а в ноябре – 78. Это было вызвано, с одной стороны, ужесточением политического режима, которое сопровождалось усилением вмешательства военных в сферу гражданского управления. Облеченные властью в качестве уполномоченных по охране государственного порядка и общественного спокойствия, а в некоторых случаях – по личному произволу – они приостановили социалистические издания за критические выступления в адрес представителей власти. Однако преследования социалистической прессы не были централизованными и систематичными. Эсеры и меньшевики продолжали легально вести идейно-пропагандистскую работу, выпускали газеты.

Негативное влияние на издание газет в Сибири осенью 1918 г. оказывала и так называемая «пролетарская цензура» – организованное политическое давление на прессу со стороны рабочих при помощи забастовок. Несмотря на то, что воздействие на средства массовой информации не являлось целью забастовок, а лишь сопутствовало выступлениям рабочих-печатников, в Омске и Томске на продолжительное время был приостановлен выход таких либеральных газет, как «Сибирская жизнь» и «Сибирская речь».

Состав сибирской газетной периодики под влиянием политических событий претерпел существенные изменения. В июне – июле 1918 г. число изданий росло главным образом за счет восстановления и создания новых партийных эсеровских, кадетских и меньшевистских изданий. Стремительно увеличивалось количество частных и кооперативных газет. Появлялись издания местного самоуправления и профсоюзов. Кроме того, в июне – июле 1918 г. складывалась сеть газет административных органов управления сибирской контрреволюции.

Наибольшую активность в сфере массовой информации, как и ранее, проявляли политические партии. Однако социалистическая пресса слала свои ведущие позиции. Летом 1918 г. сложился относительный паритет периодики кадетов, эсеров и меньшевиков. Однако просуществовал он недолго. К середине ноября 1918 г. на фоне притеснений социалистических газет военными укрепилась либеральная печать.

Летом – осенью 1918 г. идейно-политические дискуссии продолжали определять содержание массового информационного процесса в Сибири. С «отсечением» большевистских изданий на страницах газет стало меньше истерии, не было случаев объявления бойкота газетам. Однако общность установок на борьбу с Советской властью, возрождение сильной независимой России и формирование демократической политической системы оказалась формальной. На первый план вышли идейно-политические расхождения между различными течениями антибольшевистского движения. Пресса оставалась фактором дезинтеграции общественно-политических сил.

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске произошел государственный переворот. Временное Всероссийское правительство было свергнуто, власть была передана Российскому правительству во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком. В Сибири установился авторитарный политический режим. В декларативном акте Верховный правитель заявлял: «Передав мне верховную власть, правительство признало тем самым, что в эти последние часы жизни государства только вооруженная сила, только армия может явиться спасением. Все остальное должно быть подчинено ее интересам»²⁴.

На следующий день после провозглашения власти Верховного правителя повсеместно была введена предварительная военная цензура, блокировавшая политические выступления противников переворота. Официально А.В. Колчак заявил на встрече с представителями печати: «Цензура вообще большое зло. Но мы живем при исключительных условиях, когда возможны широкие злоупотребления печатью для антигосударственной работы. Приходится прибегать к цензуре»²⁵. Уже 30 нояб-

ря 1918 г. А.В. Колчак подписал приказы, которые отменяли предварительную цензуру, но сохраняли военно-цензурные посты²⁶. То есть продолжало действовать законодательство о печати весны 1917 г., дополненное правом представителей власти на закрытие печатных органов по ходатайству военно-цензурного отделения или начальников гарнизонов. Фактически военная цензура сохранялась²⁷.

Российское правительство в отличие от ранее существовавших антибольшевистских органов верховной государственной власти поставило задачу организовать последовательную, систематичную пропагандистскую работу среди населения и в армии. Однако противоречие между декларируемой свободой слова и стремлением манипулировать общественным мнением привело к тому, что правительственную пропаганду доверили частному учреждению. В апреле 1919 г. было образовано акционерное общество «Русское общество печатного дела», 60 % акций которого были оплачены из казны. Создание крупной информационно-агитационной структуры потребовало больших финансовых вложений и времени²⁸. В полной мере ее работа развернулась только осенью 1919 г., в условиях отступления белых армий.

На протяжении 1919 г. менялось отношение к пропаганде и в вооруженных силах контрреволюции. К началу осени в штабах всех армий, военных округов и войсковых групп функционировали органы военной пропаганды. Практически в каждом сибирском городе были организованы осведомительные отделения и пункты. Их деятельность координировало и направляло Осведомительное управление штаба Верховного главнокомандующего (Осведверх). По сути, руководство вооруженными силами создало параллельную органам государственной власти информационно-пропагандистскую систему²⁹.

Между системами государственной и военной пропаганды возникла напряженность, часто вспыхивали конфликты. Это ослабляло идеологическое воздействие власти на население. Потенциал манипулирования общественным мнением у Российского правительства в итоге оказался значительно ниже, чем у большевистского Совета народных комиссаров, изначально стремившегося к монополизации идейно-информационной сферы и установлению тотального контроля над массовым сознанием.

На территории Сибири, подвластной Российскому правительству, с конца ноября 1918 г. по декабрь 1919 г. издавалось около 140 наименований газет³⁰. Общее количество одновременно выходивших повременных изданий непрерывно сокращалось: в декабре 1918 г. регулярно печаталось 72 газеты, в январе и феврале 1919 г. – по 65, к сентябрю осталось 42 газеты. Основной причиной этого сокращения являлось

ужесточение положения печати и гонения на оппозиционную прессу. Подавляющее большинство изданий эсеров, социал-демократов и профсоюзов, а также частные газеты социалистической направленности были закрыты к маю 1919 г. Всего органами власти и военными был остановлен выпуск почти тридцати наименований газет.

В октябре – декабре 1919 г. основной причиной прекращения издания газет стала эвакуация органов власти контрреволюции и свержение в сибирских городах власти А.В. Колчака. В декабре 1919 г. на сильно сократившейся части территории края, подконтрольной Российскому правительству, выходило всего около двадцати наименований газет.

Основным видом прессы в Сибири на протяжении 1919 г. оставались массовые общественно-политические газеты, выполнявшие широкий круг социальных и политических задач. Однако в их составе произошли существенные изменения. В ноябре 1918 – декабре 1919 г. в два раза по сравнению с предыдущими этапами революции и гражданской войны сократилась доля партийных повременных органов. Эсеры в декабре 1918 г. потеряли последнюю влиятельную партийную газету – томский «Голос народа». Социал-демократы до середины августа 1919 г. выпускали единственную крупнотиражную газету – барнаульскую «Алтайскую мысль». Сохраняли свои позиции в информационном поле только кадеты, печатавшие восемь партийных изданий общим тиражом около 25 тыс. экз. в день.

Общественно-политические газеты кооперации в 1919 г., насчитывавшие всего около 20 наименований, издавались в целом стабильно. Продолжало выходить большинство повременных органов, учрежденных в 1918 г. Однако в феврале и июне 1919 г. из-за критических выступлений в адрес Российского правительства были закрыты крупнейшие кооперативные газеты: новониколаевская «Народная Сибирь» и омская «Заря». На их месте в июле 1919 г. Союзом Сибирских маслодельных артелей и Союзом сибирских кредитных союзов была учреждена газета «Русь», а значение кооперации как самостоятельного субъекта в идейно-информационном пространстве края снизилось.

Количество изданий органов местного самоуправления, в целом составлявшее не более 12 наименований газет, неуклонно сокращалось. Весной 1919 г. были закрыты все земские газеты социалистического направления. Затем снижение роли земства в системе властных отношений и усиление его финансовой зависимости от государственной власти привело к закрытию остальных изданий. В октябре 1919 г. продолжался выпуск только «крайне бледной и малосодержательной»³¹ газеты Каинского городского самоуправления и уездного земства «Барабинская степь».

Профсоюзная периодическая печать в 1919 г. была представлена всего двумя газетами: «Сибирским рабочим» – органом Иркутского губернского совета профсоюзов, и «Рабочим» – органом Совета профсоюзов Петропавловска. Они были закрыты за антиправительственное направление, выпустив около двух десятков номеров.

В декабре 1918 – декабре 1919 г. в Сибири функционировали многочисленные газеты, принадлежавшие издательским товариществам и частным лицам (не менее 35 наименований). Крупнейшей газетой края оставалась «Сибирская жизнь». Частные издания стремились показывать объемную картину событий в крае, помещали на своих страницах аналитические материалы, подчас убедительно и жестко критиковали конкретные действия властей, сохраняя в целом лояльное отношение к Российскому правительству. Информационные задачи таких редакций, как правило, превалировали над пропагандистскими. Но среди так называемых частных изданий в 1919 г. появились проправительственные газеты Русского общества печатного дела: в Томске – «Народный вестник», в Омске – «Наша газета» и «Русское дело». Они являлись наиболее одиозными трансляторами государственной идеологии и апологетами Российского правительства.

Блок повременных органов государственной власти в 1919 г. был унифицирован и расширен. Российское правительство выпускало «Правительственный вестник» и «Крестьянский вестник». Официальные газеты во всех губернских и областных административных центрах были приведены к единообразию. Возрождались дореволюционная система государственной печати с той только разницей, что газеты назывались «Вестниками», а не «Ведомостями». Главная задача этих газет состояла в информировании чиновников и населения о деятельности центральных и местных органов власти. Целенаправленно пропагандой и агитацией они не занимались.

Новой тенденцией для контрреволюционной прессы в ноябре 1918 – декабре 1919 г. было развитие сети военных изданий. Число повременных органов, выпускаемых различными армейскими структурами в Сибири, росло быстрыми темпами и достигло своего пика – 14 газет – в октябре 1919 г. Основной целью этих изданий являлась мобилизация комбатантов и общества на борьбу с Красной армией. Однако в условиях отступления антибольшевистских вооруженных формирований выпуск пропагандистских газет давал незначительный эффект. Белая пропаганда на фронте уступала массивной коммунистической контрпропаганде³².

Специфическая ситуация в средствах массовой информации в 1919 г. сложилась в Забайкалье, где жесткими репрессиями была лик-

видирована вся легальная оппозиционная и нейтральная печать. В 1920 г., когда Восточное Забайкалье стало важнейшим оплотом контрреволюции на востоке страны, там существовали только государственные или зависимые от государства периодические издания³³.

Особое положение в декабре 1919 – январе 1920 г. сложилось в ряде городов Восточной Сибири, в которых произошли восстания под руководством Политического центра. Этот орган, созданный нелегально Всесибирским краевым комитетом эсеров, Бюро Сибирских организаций РСДРП, Центральным комитетом объединений трудового крестьянства Сибири и Земским политическим бюро, в качестве своих первоочередных задач провозгласил ликвидацию колчаковщины, прекращение гражданской войны и создание сибирской демократической власти. В этих условиях в Иркутске были учреждены новые газеты, выпускавшиеся информационным бюро Политцентра, Народно-революционной армией, эсерами, меньшевиками, большевиками и земством. Однако уже в январе 1920 г., после передачи власти прокоммунистическому Иркутскому военно-революционному комитету, выпуск этих изданий прекратился.

Таким образом, на территории Сибири, подвластной антибольшевистским органам власти, газетная пресса сохраняла черты и значение общественного института. Политические гонения, насаждение официозной пропаганды постепенно выхолащивали дух свободы слова из сибирской журналистики. Тем не менее, периодическая печать не превратилась в апологета государственной власти и агитатора, пресса была диверсифицирована принадлежностью к различным издателям, выполняла различные социальные функции и политические задачи.

Поражения вооруженных сил А.В. Колчака и эвакуация органов власти на восток привели к свертыванию информационной и идейно-пропагандистской деятельности Российского правительства и сочувствовавших ему общественно-политических сил. Система периодической печати контрреволюции стремительно рушилась.

Вступление в города Сибири Красной армии ознаменовалось очередными принципиальными изменениями в сфере массовой информации. В период «военного коммунизма» большевики заложили принцип функционирования периодической печати как проводника политики партии и рычага укрепления власти Советов. В программе РКП(б), принятой в марте 1919 г., была сформулирована задача развивать среди населения самую широкую пропаганду коммунистических идей, используя аппарат и средства государственной власти³⁴. Последняя, в свою очередь, монополизировала полиграфическое производство и создавала единую централизованную базу для издания и распространения

ния произведений печати³⁵. «Для каждого трудящегося рабочего и крестьянина должно быть ясно и понятно, что при диктатуре пролетариата не может быть и речи о „гражданских свободах“», – открыто и прямолинейно заявлялось в коммунистической прессе³⁶.

Установление Советской власти сопровождалось закрытием всех враждебных большевикам газет. Эскалация насилия неотвратимо распространялась на информационно-идеологическую сферу. Если летом 1918 г. убийства военными журналистов-коммунистов власти пытались скрыть и оправдывали «попытками арестованных к бегству», то расстрелы «непримиримых врагов пролетарской революции», редакторов «черносотенно-провокационных» газет А.В. Адрианова, В.А. Жардцкого и Ф.Ф. Филимонова были произведены по приговорам органов ВЧК. О расстреле А.В. Адрианова как «одного из главных вдохновителей кровавой политики правительства Колчака» открыто было сообщено в томской прессе³⁷. Расстрел маститых профессиональных редакторов крупнейших сибирских общественно-политических газет был символическим. Советская власть демонстративно попирала традиции дореволюционной периодики края с ее стремлением выражать мнение общественности и развивать самосознание сибиряков.

Несмотря на то, что специальных акций по массовой ликвидации антибольшевистских изданий не было, имплицитно присутствовала установка: «Допускается только выход официальных органов Советской власти»³⁸. В занятых Красной армией городах Сибири в числе первых мероприятий революционных комитетов происходило учреждение официальных газет. Благодаря реквизиции типографий и запасов бумаги новая сеть изданий росла стремительными темпами. В конце 1919 г. было учреждено порядка 30 новых газет, в 1920 г. – еще около 40 наименований изданий³⁹. В конце 1919 – начале 1920 г. коммунистические и советские газеты были учреждены во всех губернских и областных административных центрах Сибири, а также в большинстве уездных городов. Однако часть газет закрывалась также стремительно, как и появлялась. В результате в декабре 1920 г. в крае регулярно выходило не более 40 газет⁴⁰.

Всего с декабря 1919 г. по декабрь 1920 г. на территории Сибири, подконтрольной органам Советской власти, издавалось около 70 наименований газет. Это было почти в два раза меньше по сравнению с предыдущим годом. Основной причиной резкого сокращения числа изданий было жесткое «торможение речевых реакций» властью, становление гомогенной в идейно-политическом плане партийно-советской системы массовой информации. К тому же в результате во-

енных действий пострадало полиграфическое производство, а часть типографий была вывезена или уничтожена.

Первыми проводниками идеологии коммунистической партии в Сибири были газеты политотделов частей Красной армии и повременные органы революционных комитетов. Постепенно к выпуску газет подключались губернские и уездные комитеты РКП(б), к которым перешли основные функции по руководству печатью, и исполнительные комитеты Советов депутатов.

Постепенно сложилась довольно строгая иерархичная структура партийно-советской прессы в Сибири: краевые газеты, губернские (областные) и уездные. Высшие органы власти в крае – Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком – совместно выпускали массовую ежедневную газету «Советская Сибирь». Она выходила под редакцией члена Сиббюро, бывшего левого эсера В.И. Хотимского. Тираж издания доходил до 20 тыс. экз. и распространялся почти во всех городах края. Сиббюро ЦК РКП(б) издавало также специальную еженедельную газету для местных крестьян – «Сельская правда», являвшуюся аналогом московской газеты «Беднота» и печатавшуюся тиражом около 40 тыс. экз.

Малочисленность коммунистической организации в Сибири, слабость партийно-советского аппарата негативно влияли на темпы формирования и качество местной печати. Фронт коммунистической пропаганды в то время активно насыщали центральные газеты: «Правда», «Известия ВЦИК», «Беднота» и др. От былой самостоятельности сибирской прессы не осталось и следа.

Содержание коммунистических газет в Сибири изначально строилось вокруг информационно-пропагандистского обеспечения политики Коммунистической партии и Советской власти. На страницах газет публицисты доказывали легитимность Советской власти, объясняли закономерность ее установления. Журналисты стремились поднять авторитет РКП(б), обеспечить рост рядов партии и лояльность основной массы населения к коммунистам. С помощью газет насаждалась коммунистическая идеология. В прессе проводились агитационные кампании, поддерживавшие экономические и социальные мероприятия Советской власти: сбор продовольственной разверстки, мобилизации в Красную армию и на трудовой фронт, борьбу с дезертирством и пр. На страницах газет велась травля «контрреволюции» и ее «пособников». С помощью печати коммунисты разжигали социальную вражду.

Плохо обстояло дело с содержанием и качеством газетной продукции. Многие издания, особенно уездные, злоупотребляли публикацией официальных материалов, слабо отражали местную жизнь, подавали

материал в митинговом тоне. В их аргументации революционная риторика, как правило, превалировала над фактическими данными и практическим опытом. К тому же из-за недостатка типографской бумаги и изношенности оборудования ухудшалось полиграфическое исполнение газет. Они были малопривлекательны по внешнему виду, имели плохую печать. Это затрудняло понимание прочитанного, снижало интерес читателей к газете и тем самым ослабляло эффективность коммунистической пропаганды⁴¹. До весны 1921 г. принципиальных изменений в положении прессы в Сибири по сравнению с серединой 1920 г. не произошло.

Таким образом, в 1917–1920 гг. на территории Сибири одновременно выпускалось около пятисот наименований газет. При этом постоянно менялось число одновременно выходивших изданий и состав периодической печати. Избыточная количественная динамика газетной прессы создавали ощущение хаоса и анархии в печати. Разрушение системы газетных авторитетов накладывалось на слабость технического и кадрового потенциала сибирской периодики. В таких условиях сибирская контрреволюция медленнее большевиков строила собственную систему печатной агитации и пропаганды, что стало одной из причин проигрыша в идейно-пропагандистской борьбе.

Газетная пресса Сибири в условиях революции и гражданской войны прошла извилистый путь: от самой свободной печати в мире до инструмента партийно-государственной пропаганды. В отличие от других регионов бывшей Российской империи здесь режим функционирования печати менялся пять раз за четыре года. Газетная периодика пережила две волны «раскрепощения», испытала три этапа «торможения речевых реакций» и по сути отыграла три модели функционирования прессы: либертарианскую, авторитарную и тоталитарную. Сам по себе переход от «полной свободы слова» к «порядку» в идейно-информационной сфере был закономерен. Однако итогом гражданской войны в Сибири стало полное отрицание накопленного до революции опыта издания качественной общественно-политической прессы, формировавшей городскую социокультурную среду и выражавшей общественное мнение. Определять массовые коммуникационные процессы стала официальная партийно-советская периодическая печать.

¹ *Окороков А.З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970; *Семенова Н.М.* Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической» контрреволюции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977; *Волгин А.П.* Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1990; и др.

² *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1994; *Молчанов Л.А.* Газетная пресса России в годы револю-

- ции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 г.). М., 2002; *Рышков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // *Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.)*. Сб. науч. статей. Новосибирск, 2009. С. 105–125.
- ³ *Любимов Л.С.* Партийно-советская печать Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции и упрочение Советской власти (1917–1918 гг.) Автореф. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1965; *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири...; *Шереметьева Д.Л.* Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.
- ⁴ *Посадков А.Л., Гильди Л.А.* Печать и книжное дело в Сибири в условиях «военного коммунизма» (конец 1919–1921 г.). Новосибирск, 1987; *Никитин А.Н.* Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991.
- ⁵ Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых, И.Г. Мосина. Томск, 1991.
- ⁶ Подсчитано по: Статистический ежегодник России. 1915 г. Пг., 1916. С. 53–56, 98–99.
- ⁷ Здесь и далее количество наименований русскоязычных изданий приводится в административно-территориальных границах Тобольской, Томской, Алтайской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской и Якутской областей. Не учтены однодневные газеты, а также приложения, телеграммы, стенгазеты и бюллетени.
- ⁸ Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых, И.Г. Мосина. Томск, 1991.
- ⁹ Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых. Томск, 2009.
- ¹⁰ Журналы заседаний Временного правительства. М., 2001. Т. 1 (март–апрель 1917 года). С. 358.
- ¹¹ *Поршнев Г.И.* Книжная летопись Иркутска за годы революции (1917–1919 гг.). Иркутск, 1920. С. 6.
- ¹² *Адрианов А.В.* Периодическая печать в Сибири. С указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919. С. 17.
- ¹³ *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.)... С. 53.
- ¹⁴ *Ленин В.И.* Как бороться с контрреволюцией // Ленин В.И. Полное собр. соч. М., 1969. Т. 32. С. 349; *Он же.* Борьба с контрреволюцией помещиков и капиталистов // Там же. Т. 34. С. 236.
- ¹⁵ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1 (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). С. 24–25, 54–56.
- ¹⁶ С.Б. Годовщина «Зари» // *Заря* (Омск). 1918. 24 нояб.
- ¹⁷ *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.)... С. 179, 227.
- ¹⁸ См.: *Окороков А.З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 317–324.
- ¹⁹ *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.)... С. 156, 229. По данным Л.С. Любимова, общий разовый тираж партийно-советских изданий Сибири в 1918 г. составлял 200 тыс. экз. (*Любимов Л.С.* Партийно-советская печать Сибири в борьбе за победу... С. 12).
- ²⁰ ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 369. Л. 1; Тайна следствия // *Знамя труда* (Красноярск). 1918. 5 августа.
- ²¹ Декларация уполномоченных Временного Сибирского правительства «Ко всему населению Западной Сибири» от 1 июня 1918 г. // Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.). Сб. док. и мат. / Сост., отв. ред. В.И. Шишкин. С. 58.
- ²² Временное Сибирское правительство. 26 мая – 3 ноября 1918 г.: Сб. док. и мат. / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 158.
- ²³ См.: *Шереметьева Д.Л.* Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.
- ²⁴ Приказ по армии Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 46 от 23 ноября 1918 г. // *Правительственный вестник* (Омск). 1918. 27 ноября.
- ²⁵ Задачи верховной власти // *Правительственный вестник* (Омск). 1918. 30 ноября.

- ²⁶ Приказ Верховного правителя № 59 от 30 ноября 1918 г. // Правительственный вестник (Омск). 1918. 7 дек.; Приказ Верховного правителя № 57 от 30 ноября 1918 г. // Правительственный вестник (Омск). 1918. 8 декабря.
- ²⁷ *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество... С. 120.
- ²⁸ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2002. Т. 3. 1917–1930 гг. / Отв. ред. А.Л. Посадсков. С. 94.
- ²⁹ *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 79.
- ³⁰ Подсчет газет проведен на основе коллекций газет научных библиотек Государственного архива Российской Федерации, Томского государственного университета и Государственного архива Новосибирской области, «Сводного каталога периодики Западной Сибири» (Новосибирск, 1974), «Книжной летописи Иркутска за годы революции (1917–1919 гг.)» (Иркутск, 1920), указателя «Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны» (Томск, 1991), библиографических справочников «Газеты 1917–1922 годов в фондах ОЛРЗ Российской государственной библиотеки» (М., 1994) и «Несоветские газеты 1918–1920 гг.» (СПб., 2003).
- ³¹ Обзор печати от 30 марта 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 6. Д. 76. Л. 76.
- ³² *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат... С. 101.
- ³³ *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы... С. 120.
- ³⁴ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 401.
- ³⁵ См.: Издательское дело в первые годы Советской власти. Сб. док. М., 1972; *Гильдии Л.А., Посадсков А.Л.* Печать и книжное дело в Сибири в условиях «военного коммунизма». Новосибирск, 1987.
- ³⁶ Знамя революции (Томск). 1919. 28 декабря.
- ³⁷ Объявление Томской уездной чрезвычайной комиссии от 7 марта 1920 г. // Знамя революции (Томск). 1920. 9 марта.
- ³⁸ Цит. по: *Гильдии Л.А., Посадсков А.Л.* Печать и книжное дело... С. 33.
- ³⁹ *Матвеев З.* Газеты // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. С. 608.
- ⁴⁰ *Вегман В.Д.* Партийно-советская пресса в Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920 гг.). Омск, 1920. С. 113–115; *Шишкин В.И.* Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985. С. 271.
- ⁴¹ *Шишкин В.И.* Социалистическое строительство... С. 167.

Театральная жизнь Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1919 гг.)^{*}

На рубеже XIX–XX вв. важным элементом городской культуры Сибири стал театр. Театр одновременно выполнял несколько взаимосвязанных функций: был средством общения и просвещения населения, трибуной и зеркалом общественной жизни страны, региона, города. Деятельность сибирских театров протекала в рамках общероссийской театральной системы и в то же время имела ряд особенностей, обусловленных уровнем политического, экономического и социокультурного развития края. Наиболее ярко их влияние проявилось в годы революции и гражданской войны. В условиях частой смены государственной власти на востоке России и практически полного отсутствия административного контроля театры Сибири были вынуждены самостоятельно вырабатывать механизмы реакции на происходившие события и определять пути дальнейшего развития. Этот период истории театральной культуры Сибири изучен слабо. Специальные монографии, посвящённые данной теме, отсутствуют. В публикациях советских исследователей театра основной акцент сделан на событиях театральной жизни Москвы и Петрограда.

На их фоне деятельность провинциальных театров представлена схематично, пунктирно. Кроме того, в советской историографии долгое время господствовала точка зрения о невозможности развития культуры на территориях, ставших очагами антибольшевистского сопротивления. Авторы немногочисленных исследований по истории крупнейших сибирских театров негативно оценивали период 1917–1919 гг., подтверждая тезис о невозможности плодотворного развития театра, как и искусства в целом, вне большевистского контроля¹. В подобном же ключе проблемы развития театрального искусства Сибири в годы революции и гражданской войны рассматривались в публикациях, освещающих эту тему в контексте истории всей культуры края или отдельных её аспектов². С 1990-х годов и до настоящего времени в историографии истории театра периода революции и гражданской войны прослеживаются положительные подвижки. Выросло число статей и монографий по истории сибирских театров³. Затрагивая период революции и гражданской войны в контексте их общего развития, исследователи демонстрируют более взвешенный подход в оценке событий театральной жизни. Активно ис-

^{*} *Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ (исследовательский проект № 11-01-00222а).*

пользуя материалы газетной прессы 1917–1919 гг., авторы вводят в научный оборот богатый фактический материал, показывают пестроту и разнообразие театральной жизни сибирских городов в указанное время⁴. В основном внимание исследователей сосредоточено на деятельности профессиональных театров Сибири. Но практические вне поля их зрения остались любительские театральные коллективы; не решена проблема взаимоотношений между театрами и местными властными структурами; не хватает комплексного анализа ситуации в целом.

Основным источником, позволяющим выйти на совокупность проблем истории театральной жизни Сибири 1917–1919 гг., является периодическая печать региона. В годы революции и гражданской войны главным средством массовой информации были газеты. Стремясь к всестороннему освещению текущих событий, они наряду с политическими, социальными и экономическими проблемами обращались и к вопросам культурной жизни Сибири, значительную роль в которой играл театр. Анализ публиковавшихся в газетах театральных афиш, рецензий, статей и заметок о театре позволил выявить основные творческие коллективы региона, выяснить их актёрский состав, раскрыть особенности репертуара сибирских театров, дать характеристику театральной публике. Степень информативности газетных изданий различна, что во многом было обусловлено их общественно-политической направленностью. Но в совокупности материалы сибирской печати дают возможность представить целостную картину развития театральной культуры региона.

Основу театральной жизни Сибири составляли профессиональные и любительские коллективы. Благодаря наличию собственного театрального здания полноценные сезоны проходили в Омске, Красноярске, Иркутске и Тюмени. На сценах общественных и коммерческих собраний, библиотек, цирков и народных домов – просветительных учреждений широкого профиля – ставились профессиональные и любительские спектакли в Барнауле, Тобольске, Минусинске, Томске. Ярким событием для сибиряков всегда были гастроли столичных и провинциальных театральных коллективов. Так, весной 1917 г. по Сибири и Дальнему Востоку с большим успехом гастролеровали Русская опера Л. Фёдорова и В. Скларова, Русская опера А.С. Кастаньяна и И.П. Палиева, а также Русская комическая опера-оперетта А.И. Кирилова и В.С. Горева. Они представляли публике хорошо известные классические музыкальные произведения, в содержательном отношении имевшие мало общего с революционным духом того времени.

В целом реакция сибирского театра на Февральскую революцию не была такой быстрой и бурной, как в театрах Москвы и Петрограда. Сказывалась удалённость от Центра и низкая, по сравнению со столицами,

активность театральной общественности. После постановления об отмене цензуры в Центре разгорелись жаркие споры по вопросам управления театром и разумной организации театральной жизни в России. Главный уполномоченный Временного правительства по петербургским государственным театрам Ф.Д. Батюшков заявил: «[...] Отныне артисты и все деятели театра вступают на путь свободного самоопределения своих творческих сил и будут управляться на принципе автономии отдельных артистических корпораций, лишь под финансовым и художественным контролем представителя правительственной власти»⁵. В действительности финансовый и художественный контроль отсутствовал, так как не было реальных сил, способных его осуществлять.

В Сибири организацией театрального процесса занимались театральные дирекции, антрепренёры – частные театральные предприниматели – и разного рода общественные организации. Частая смена власти и свобода творчества, полученная в результате Февральской революции, привели к тому, что фактически театральные коллективы вели самостоятельную деятельность. На государственном уровне вопрос о дальнейшем пути развития театрального искусства практически не рассматривался, так как в условиях революции и гражданской войны на первом месте стоял вопрос о власти. Всё остальное отходило на второй план. К тому же отсутствовало чёткое представление о том, как развивать театр в России. Далеко не сразу, методом проб и ошибок, выстраивалась театральная политика Советской власти. После Октябрьской революции с подачи А.В. Луначарского было принято несколько постановлений в области театрального искусства. Уже 22 ноября 1917 г. декретом советского правительства – Совета народных комиссаров – театры страны были объявлены всенародным достоянием и переданы в ведение отдела искусств Государственной комиссии по просвещению, позднее – в Народный комиссариат просвещения⁶. Однако большая часть постановлений носила временный характер, и распространялась только на театры Москвы и Петрограда. Проконтролировать выполнение этих законодательных актов на всей территории России Советская власть не могла. Действительно значимым для театрального искусства законом стал декрет об объединении театрального дела, принятый советским правительством 26 августа 1919 года⁷. Декрет устанавливал общие принципы ведения театрального дела в стране и активно претворялся в жизнь на территории, подконтрольной Советской власти.

Установление Советской власти в Сибири в конце 1917 – начале 1918 г. по-разному отразилось на работе театральных коллективов. Городские театры Красноярска, Иркутска, Омска были переданы в ведение культурно-просветительных отделов при Советах. В некоторых

городах были реквизированы помещения театров лёгкого жанра. Любительские театральные коллективы, наоборот, получили поддержку новой власти, так как большевики придавали большое значение развитию театральной самодеятельности. Декларативные заявления о важности народного театра большевистское руководство подкрепляло конкретными действиями, направленными на поддержку любительских начинаний среди солдат и рабочих. Так, реквизированный в феврале 1918 г. Интимный театр Н.И. Кулаковского и А.П. Троицкого Томский совет рабочих и солдатских депутатов передал для постановки спектаклей театральному коллективу Союза безработных фронтовиков и рабочих⁸. В нескольких городах, где отсутствовали собственные стационарные театры, большевистское руководство взяло на себя обязанности по организации весенне-летнего театрального сезона.

Однако все эти меры по упорядочиванию театральной деятельности носили внешний характер и не затрагивали внутренних основ театрального искусства. Кратковременность существования Советской власти в Сибири не позволила их закрепить. После контрреволюционного переворота в мае – июне 1918 г. театры региона постепенно вернулись к той схеме деятельности, которая сложилась после Февральской революции. Так как существовавшие во второй половине 1918–1919 г. на территории Сибири правительства не вмешивались в театральную сферу, эта схема продолжала действовать вплоть до окончания гражданской войны.

Особенно активно театральная жизнь протекала в губернских и областных центрах Сибири. Наличие разных концертных площадок позволяло одновременно работать нескольким театральным коллективам. В Омске, Красноярске, Иркутске, Тобольске, Тюмени, Барнауле и Томске на протяжении 1917–1919 гг. регулярно шли спектакли профессиональных и любительских театров, численность которых после Февральской революции резко увеличилась.

Серьёзную конкуренцию профессиональным труппам городских театров составляли так называемые театры малых форм, активное распространение которых стало особенностью периода революции и гражданской войны. Этим термином обозначались профессиональные труппы, работавшие в жанре постановки небольших произведений: миниатюр, скетчей, пародий, оперетт, фарсов, обзрений и эстрадных номеров. В европейской части России они появились ещё в начале XX в., а наибольшую популярность приобрели в годы Первой мировой войны. Их цель заключалась в том, чтобы дать возможность зрителю отвлечься от житейских проблем, расслабиться и весело провести время. Такой подход нашел свое отражение даже в названиях театров по-

добного «лёгкого» жанра: «Интимный», «Мозаика», Театр миниатюр.

На широкое распространение подобного рода театров влияло несколько факторов: общие тенденции развития театрального искусства в стране, раскрепощение общественной жизни в результате Февральской революции, уменьшение административного контроля, возросший в народе спрос на развлечения. В сентябре 1917 г. томский корреспондент Н. Седой сообщал в столичный журнал «Театр и искусство»: «Открылся и благополучно работает театр миниатюр в новом здании, построенном в центре города предпринимателем Морозовым. Сборы бешенные: на круг идут по 1 500–2 000 рублей. Были зарегистрированы случаи, когда стремившаяся в театр публика выдавливала напором стёкла в окнах и дверях, и в дело вступала милиция»⁹. Чутко реагируя на запросы зрителя и ориентируясь прежде всего на финансовый успех спектаклей, театры лёгкого жанра успешно функционировали на протяжении 1917–1919 гг.

В эти годы в Томске работал Интимный театр А.П. Троицкого и Н.И. Кулаковского. В сезоне 1917–1918 гг. в красноярском Общественном собрании под таким же названием ставил спектакли театр Л.А. Леонидова. Театральный критик газеты «Свободная Сибирь» Вячеславский охарактеризовал его как «интересную новинку», предоставляющую каждому желающему возможность приятно и без утомления провести пару часов¹⁰. Осенью 1918 г. в Красноярске открылся Театр изящной комедии, оперетты и миниатюр «Мозаика», в Новониколаевске – интимный театр «Миньон», в Омске весной 1919 г. – театр «Кристалл Палас»¹¹. В этом же духе работали и небольшие гастрольные труппы, кочевавшие по городам Сибири: комедийно-опереточные коллективы под управлением К.М. Адамова и В.Г. Валерианова, Я.С. Гальского, М.Т. Дарьял, Сибирский художественный театр-кабаре «Летучая мышь» под управлением Л. Леонидова и М. Бакалейникова и другие¹².

Однако часть публики, помимо желания развлечься, стремилась непосредственно участвовать в постановке спектаклей. На волне революционного энтузиазма, вызванного Февральской революцией, по всей стране начали активно создаваться самодеятельные театральные кружки. Рост творческой инициативы и энергии широких слоёв населения привёл к оживлению деятельности театров при культурно-просветительных организациях. Одними из самых ярких в Сибири были иркутские театры Общества народных чтений и Общества народных развлечений, томский театр Драматической комиссии при Обществе народного образования, труппа комиссии народных развлечений при Школьном обществе Барнаула¹³. Всего в 1917–1918 гг. в регионе на базе культурно-просветительных организаций работало не менее 11 театров: по два те-

атра в Иркутске и Томске, по одному – в Барнауле, Бийске, Красноярске, Новониколаевске, Минусинске, Омске и Тобольске.

Всплеск национального самосознания в результате Февральской революции 1917 г. привёл к активизации представителей многочисленных диаспор, проживавших в Сибири. Газеты пестрели объявлениями о всевозможных съездах, сборах и собраниях. Создавшиеся организации много усилий прикладывали для сохранения и развития национальной культуры и образования. В ряду мероприятий, способствовавших решению этой задачи, особое место занимала постановка спектаклей, практика которых была распространена ещё до революции. Однако с отменой национальных ограничений и разрешением легального оформления национальных организаций возможность устройства собственных театров возросла. В течение 1917 г. в Сибири широко распространились драматические кружки при национальных клубах и обществах украинцев, евреев, поляков и латышей¹⁴.

Внимание театральному искусству уделяли и созданные в Сибири Советы. Собственная драматическая труппа была сформирована художественной секцией при культурно-просветительном отделе Новониколаевского совета рабочих и военных депутатов¹⁵. А гарнизонная драматическая труппа Томска, организованная театральной комиссией Совета солдатских депутатов, была одним из лучших драматических коллективов города.

Возросшую в народе жажду театрального творчества удовлетворяли многочисленные кружки любителей драматического искусства, стихийно распространившиеся в 1917 г. Частым явлением стали кружки работников определённой профессиональной организации или союза. Особенно активны были печатники, работники железнодорожного транспорта и почтово-телеграфной службы, торгово-промышленные служащие и пожарники. Бийские любители при Союзе торговых служащих в конце июня 1918 г. открыли собственный театр в зале женской гимназии¹⁶. Возросло количество студенческих и гимназических спектаклей.

Спектакли учащихся и спектакли рабочих, как правило, носили благотворительный характер. Чаще всего они устраивались с целью помочь нуждавшейся группе населения или пополнить фонд того союза или учреждения, члены которого играли на сцене. Среди учащихся особенно распространены были спектакли в пользу неимущих учеников той или иной гимназии или школы. Организаторами таких спектаклей обычно выступали учителя и родительские комитеты образовательных учреждений. Рабочие играли в пользу своих профессиональных союзов. И ученические, и рабочие вечера не ограничивались одним спектаклем. На них читали стихи, пели песни; студенты любили исполнять

«Gaudeamus», а рабочие, особенно в первые месяцы революции, – «Марсельезу». Заканчивался же вечер танцами. Спектакли носили нерегулярный характер в силу того, что заниматься театром ученики и рабочие могли только в свободное от работы или учёбы время.

Отдельные спектакли в 1917 г. ставились солдатами. В Иркутске прошло несколько спектаклей театральной комиссии 11-го полка совместно с обществом народных развлечений. В Новониколаевске выступали любители драматического кружка 22-го Сибирского стрелкового полка¹⁷. Но эти постановки, как и спектакли рабочих и учащихся, не носили регулярного характера, поскольку в большей степени отражали сиюминутную инициативу части солдат, среди которых были призванные в армию профессиональные актёры, чем систематически организованную деятельность военного руководства. Только весной 1919 г. военное министерство Российского правительства и армейское командование начали активно использовать театр в целях просвещения и организации разумного досуга солдат, создавая солдатские театры и театры для солдат.

Расширение социальной базы актёрского состава любительских коллективов, включение в театральную самодеятельность рабочих, повышение активности местной интеллигенции, учащихся и представителей других национальностей значительно разнообразило театральную жизнь Сибири. Пик театральной активности самодеятельных театров в крае пришёлся на весну 1917 – лето 1918 гг. В дальнейшем в их деятельности обострилась проблема соотношения идейного и коммерческого начал. Платить высокие налоги в пользу армии и города, обеспечивать качественную постановку спектаклей и держать цены на низком уровне, приемлемом для малообеспеченных горожан, в условиях углублявшегося экономического кризиса самодеятельные театры не могли. Кроме того, снизился творческий энтузиазм, вызванный революцией и подогреваемый большевистской властью в конце 1917 – начале 1918 г. В совокупности с мобилизацией в ряды Российской армии, которой подверглись весной 1919 г. многие актёры, эти факторы привели к сокращению числа любительских театров.

Актёр был центральной фигурой провинциального театра. От него, от его таланта, опыта, умения прорабатывать и подавать роль во многом зависел успех спектакля. Профессия театрального режиссёра в то время только зарождалась. Такие яркие её представители, как В.Э. Мейерхольд и К.С. Станиславский работали в столице. В провинции же функции режиссёра носили исключительно организаторский характер. Поэтому актёры, основываясь на собственном понимании роли и границ амплуа, выстраивали свою игру самостоятельно. Антрепренёры, являясь вла-

дельцами театрального предприятия, по сути дела были теми же актёрами, только с предпринимательской жилкой. Успешность антрепризы также зависела от личности антрепренёра, его умения организовать работу артистов и удовлетворять потребности публики.

В 1917–1919 гг. работа профессиональных артистов продолжала строиться на основных принципах антрепризы. Антрепренёр арендовал театральное здание, собирал труппу и обеспечивал регулярную постановку спектаклей. В таких крупных городах, как Омск, Иркутск и Красноярск, антрепренёр, претендовавший на аренду помещения городского театра, заключал договор непосредственно с театральной дирекцией. В документе детально прописывался весь комплекс условий, обязательных для выполнения. Помимо собственно арендной платы, устанавливалось количество спектаклей, основные направления репертуара сезона, ценовая политика, наличие декораций, количество актёров и работников сцены, достаточное для качественной постановки и ведения театрального процесса¹⁸.

Как и до революции, коллективы артистов формировались с учётом амплуа. Перед началом сезона газеты публиковали состав труппы театра с обязательным указанием амплуа того или иного артиста. Основными женскими амплуа были героиня, инженерю, трагести, комическая старуха, грандам и субретка, мужскими – герой, любовник, трагик, комик, простак, резонёр и фат. Наличие в труппе представителей на каждое амплуа считалось признаком многообещающего театрального коллектива. Кроме того, это существенно облегчало постановку спектакля, поскольку актёры, как правило, имели багаж ролей определённого типа. Режиссёру оставалось только собрать их вместе и расположить на сцене, на что уходило обычно две – три репетиции.

Любительские театральные коллективы, не уступавшие, а иногда и превосходившие по уровню игры профессиональные труппы, в меньшей степени были ориентированы на систему амплуа. Роли подбирали по типу внешности и уровню таланта человека. Зачастую это давало лучший эффект, чем жёсткая ориентация на определённый тип ролей, потому что артист-любитель не был привязан к статичным положениям, фразам, мимике и жестам, характерным для многих профессионалов.

На результаты театральной жизни того или иного сибирского города в годы революции и гражданской войны в значительной степени влияла деятельность конкретных актёров и антрепренёров. К примеру, успешная деятельность Народного театра при томском обществе попечения о народном образовании во многом была результатом работы талантливого режиссёра и актёра Хрисанфа Васильевича Хрисанфова. В статье, посвящённой его бенефису, томский рецензент Мих. Сирота отметил огромные

заслуги Х.В. Хрисанфова в деле развития самодеятельного театра: «Последний с особой любовью относится к театру, привлекает и поощряет молодые силы и тратит много труда и сил на постановку пьесы. Пьесы ставятся с таким ансамблем, что труппе народного театра при бесплатной библиотеке могут позавидовать и патентованные труппы»¹⁹. Кроме Хрисанфова, в труппе Народного театра играли такие опытные артисты, как Ольга Петровна Петрова, отметившая 9 февраля 1919 г. 15-летний юбилей своей сценической деятельности, и Павел Васильевич Шубкин-Мамонтов, посвятивший любительской сцене около тридцати лет жизни. Детальная проработка спектакля и сильный состав труппы Народного театра позволяли артистам успешно ставить серьёзные драматические пьесы. Так, 12 ноября 1917 г. театр впервые поставил пьесу Л.Н. Толстого «Власть тьмы», ранее бывшую под запретом²⁰.

Отсутствие чёткой грани между любительством и профессионализмом, выражавшееся в незначительном качественном отличии уровня постановок, было отражением общих тенденций развития театральной культуры Сибири. Несмотря на заметный прогресс на рубеже XIX–XX вв., становление профессионального театра ещё не было завершено. Большая часть провинциальных «профессиональных» актёров не имела специального театрального образования, поэтому связь с любительским театром была нормальным явлением.

Февральская революция способствовала размыванию актёрского состава сибирских театров. Расцвет театральной самодеятельности в 1917 г. расширил практику совместной работы профессионалов и любителей. Весной – летом 1917 г. частым явлением стали самодеятельные спектакли, поставленные под руководством опытных профессиональных актёров. Особенно распространены они были в тех городах, где отсутствовали профессиональные сезонные труппы. Так, большое количество любительских спектаклей в Барнауле, Бийске и Новониколаевске было поставлено под режиссёрством Г.А. Соколова, талантливого артиста и опытного антрепренера²¹. В Новониколаевске при участии профессионального актёра А.А. Трубецкого ставились спектакли художественной секции Совета рабочих и солдатских депутатов, а под руководством М.В. Понтус – спектакли любителей драматического искусства при профессиональном союзе рабочих печатного дела²².

Материальное положение провинциальных актёров в годы революции и гражданской войны ухудшилось. Для того, чтобы обеспечить себе нормальное существование, им приходилось играть практически без перерыва в течение всего года, тогда как раньше основная их деятельность приходилась на зимний сезон. В условиях экономического кризиса и

повсеместного удорожания жизни даже недельный перерыв в работе мог обернуться финансовыми проблемами. На собрании омских артистов антрепренёр городского театра Г.К. Невский точно выразил эту мысль: «[...] Теперь сколько ни зарабатываешь – всё ничего нет»²³.

Не случайно весенне-летние периоды 1918 и 1919 гг. ознаменовались появлением разного рода товариществ. Товарищества представляли собой коллективную форму ведения театральных дел и предоставляли артистам возможность продолжать работу после закрытия основного сезона. Характер их репертуара свидетельствовал о том, что они преследовали финансовые цели. Во многом сходный с репертуаром их бывшей антрепризы, он включал в себя довольно много развлекательных пьес, направленных на привлечение широкой публики, и обеспечивал хороший материальный успех спектакля.

Отсутствие административного контроля привело к тому, что антрепренёры, товарищества и самодеятельные коллективы формировали репертуар самостоятельно, исходя из предпочтений публики, собственных целей и возможностей. Благодаря разнообразию участников театральной жизни Сибири в годы революции и гражданской войны, репертуар этого периода представлял собой пёструю совокупность музыкальных и драматических произведений различных по форме и идейному содержанию.

Предоставленной искусству в 1917 г. свободой творчества быстрее всего воспользовались кинематографы и столичные театры лёгкого жанра, репертуар которых пополнился произведениями довольно откровенного содержания. Особенно популярными в первые месяцы революции были спектакли о жизни царской семьи и Григория Распутина: фарс «Царскосельская благодать», «Крах торгового дома Романов и К^о», «Ночные оргии Распутина», «Царскосельская блудница» и др. Ещё ярче эта линия была представлена в кинематографе. Экраны заполнили ленты, посвящённые «тайнам самодержавия»: «Тайна охранки», «Тайна дома Романовых», «В цепких лапах двуглавого орла», «В лапах Иуды» («Провокатор Азеф») и т. п.

В Сибири постановка подобного рода произведений на сцене и в кино не достигла такого широкого масштаба. Необходимость подстраиваться под настроение толпы требовала быстрой реакции на произошедшие в стране изменения. Поэтому большинство злободневных новинок было написано в жанре сатиры, скетча, миниатюры или буффонады. Специализируясь на их постановке, столичные театры малого жанра, обладавшие большей внутренней мобильностью, смогли включить подобные произведения в свой репертуар уже в середине марта 1917 г.

В Сибири же количество таких театров весной 1917 г. было незначительно. Только к началу зимнего сезона 1917–1918 гг. они получили широкое распространение. А к этому времени произведения «на злобу дня» были вытеснены бытовым развлекательным репертуаром.

Кроме того, эпицентр революции находился в Петрограде, где уровень общественной активности был выше, а театральное искусство – более развито, чем в сибирской провинции, поэтому и реакция на произошедшие события была быстрее, масштабнее и ярче. В столицах распространились особые театральные жанры и виды зрелищ. Театрализованные парады, агиттеатры и массовые празднества были своеобразным порождением революционного времени. На фоне традиционных постановок ярко выделялась новаторская творческая деятельность В.Э. Мейерхольда, В.В. Маяковского, Е.Б. Вахтангова, способствовавшая развитию театрального искусства России в целом. Но в театральной жизни сибирской провинции 1917–1919 гг. столичные театральные новшества, в отличие от общих законодательных преобразований, отражения не получили.

Снятие цензурного контроля повлекло за собой интересное изменение в театральном репертуаре: появление в нём ранее запрещённых произведений. Именно они составили основу «революционного» репертуара сибирских театров весной – летом 1917 г. Организаторами спектаклей, как правило, выступали самодеятельные театральные коллективы при различных союзах и обществах, поскольку профессиональные театры закрыли сезон еще в середине февраля, а выступавшие на сибирской сцене гастролёры продолжали играть дореволюционный репертуар.

Любительские коллективы смогли быстрее сориентироваться в новой ситуации. Уже в апреле 1917 г. в печати появились афиши и анонсы предстоявших спектаклей. В них получили отражение сюжеты, связанные с революционными событиями в России и за рубежом, с обличением пороков царского режима, в неприглядном свете рисовавшие самодержца, членов императорской фамилии, духовенство и чиновничество. В условиях отсутствия качественных пьес, посвящённых переживаемому моменту, запрещённые ранее произведения наделялись особым революционным смыслом, становились символом нового времени. Востребованными оказались в первую очередь произведения современных драматургов, в которых был сделан акцент на негативные стороны общественной жизни царской России: «Война» М.П. Арцыбашева, «Ледоход» С. Лешар (псевдоним Р.М. Хин), «На конспиративной квартире» С. Анненского, «Павел I» Д.С. Мережковского, «Савва» и «Царь-голод» Л.Н. Андреева.

Наибольшим успехом пользовалась пьеса В.В. Протопопова «Чёрные вороны», в которой автор разоблачал деятельность секты иоаннитов, по-

пулярной в годы реакции. Члены секты признавали Иоанна Кронштадского богом, вторично явившимся на землю. А её руководители, пользуясь невежеством основной массы населения, обирали людей до нитки. Официальная церковь признала иоаннитов сектой и выступила против них. В.В. Протопопов показал в своей пьесе это явление на примере судьбы богатой образованной девушки, попавшей в лапы сектантов.

По мнению многих сибирских рецензентов, пьеса не отличалась особой художественностью, но её популярность в народе была велика. Только в Иркутске с апреля по май 1917 г. «Чёрные вороны» были поставлены около 10 раз.

Однако уже к началу зимнего сезона 1917–1918 гг. интерес публики к запрещённым и злободневным произведениям снизился. Например, из многочисленных пьес про Григория Распутина и царскую семью, представленных в летнем репертуаре труппы Н.И. Кулаковского, ни одна не была поставлена в Интимном театре Томска, куда артисты переехали на зимний сезон. В 1917–1918 гг. продолжали пользоваться популярностью только «Чёрные вороны». Остальные спектакли редко появлялись на любительской сцене. Количество их постановок по сравнению с весной – летом 1917 г. заметно уменьшилось. Большую популярность в первые месяцы после революции эти пьесы приобрели на волне общественного подъёма. Не обладая выдающимися сценическими достоинствами, они не сумели прочно закрепиться в репертуаре после того, как прошла эйфория первых революционных месяцев, и интерес публики к запретному упал. В сезоне 1918–1919 гг. они окончательно исчезли из репертуара сибирских театров.

Лидирующее место в репертуаре продолжали занимать произведения бульварно-обывательской драматургии, завоевавшие симпатию публики в период реакции после Первой русской революции 1905 г. В 1917–1919 гг. для открытия сезона крупнейшие городские театры Сибири выбирали пьесы Л.Н. Урванцева, А.И. Сумбатова и Э. Шелдона. Посвящённые переживаниям человека, отношениям между мужчиной и женщиной, семейным проблемам и бытовым историям, они, как и произведения Л.Н. Андреева, И.Д. Сургучева, А.И. Косоротова, В.К. Винниченко, по-прежнему были интересны публике. Солидный опыт их постановки в условиях господствовавшей системы ампулы позволял ставить большое количество «новых» спектаклей за сезон, что положительным образом сказывалось на материальном положении театров.

На дореволюционном уровне в репертуаре осталась доля классических произведений. Как правило, ставили известные пьесы или инсценировки Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского,

А.П. Чехова, М. Горького, А.И. Тургенева, У. Шекспира, И. Гёте, Ф. Шиллера, А. Дюма, Ж.Б. Мольера. В репертуаре драматических трупп городских театров Иркутска, Красноярска, Омска, Томска они занимали второе место после бульварно-обывательских мелодрам современных авторов. Шире классика, особенно отечественная, была представлена в репертуаре любительских коллективов Сибири. Они ставили много пьес А.Н. Островского: «Без вины виноватые», «Женитьба Бальзаминова», «Свои люди, сочтёмся», «Лес», «Бешенные деньги», «Бедность не порок», «На бойком месте». Простые и понятные широкому кругу зрителей, лёгкие в постановке, эти пьесы пользовались большой популярностью. Особенно часто их ставили драматические коллективы при культурно-просветительных учреждениях, руководствуясь целями воспитания и просвещения населения.

С другой позиции подходили к формированию репертуара многочисленные театры малых форм. Их программа, представленная ненавязчивыми музыкальными и драматическими произведениями, как нельзя лучше подходила для зрителя, стремившегося весело провести время, забыв о повседневных проблемах. Она обыкновенно состояла из одного небольшого драматического произведения, оперетты или водевиля и дивертисмента. Так, Интимный театр Л.А. Леонидова предлагал красноярцам в субботу 23 сентября 1917 г. следующую программу: оперетту-кабаре «Курьёзное недоразумение», комедию «Её скромный поклонник», выступление квартета «Фараоны», «эксцентричные танцы» дуэта Лоло и Никс, романсы в исполнении И.Я. Лавинской, пародию на романс и «мелодичную песенку» «По нотам» в исполнении всей труппы²⁴.

Ориентируясь на музыкальные предпочтения сибиряков, театры, которым позволял состав труппы, ставили оперетты В.П. Валентинова, Ф. Легара, Э. Одрана, Ж. Оффенбаха, Р. Планкетта. Произведения признанных классиков опереточного жанра за внешним развлекательным лоском скрывали глубокую сатиру, поднимали важные вопросы своего времени. Однако представленные в это время на сценах сибирских театров, они зачастую утрачивали свою социально-критическую направленность, так как основной акцент в постановке театры делали не на идее оперетты, а на её зрелищности.

Наряду с шедеврами мировой музыки, немногочисленными драматическими произведениями А.П. Чехова и А.И. Куприна, талантливыми сатирами А.Т. Аверченко и Е.А. Мировича (Дунаева) в репертуаре театров миниатюр широко были представлены творения таких современных авторов, как П. Струйский, В. Пергамент, С. Федорович и С. Белая. Как правило, они не отличались художественными достоин-

ствами, порой даже были довольно откровенного содержания. В анонсах на такого рода спектакли (например, «Бедные овечки», «Радий в чужой постели», «Первая ночь» и «Массажистка в ванне»), как правило, стояло ограничение «только для взрослых».

Более содержательные комедийные спектакли предлагали зрителям драматические труппы народных и городских театров. Наибольшей популярностью пользовались такие пьесы, как «Лес» А.Н. Островского, «Дама из Торжка» Ю. Беляева, «Генеральша Матрёна» В. Крылова, «Оболтусы-ветрогоны» Л. Яковлева, «Дурак» Фульда, «Мадам Сан-Жен» В. Сарду, «Змейка» и «Волна» В. Рышкова, «Слон» и «Хамка» М. Константинова. Из созвучных времени произведений успех имела новая сатира Е.А. Мировича (Дунаева), продолжившая серию рассказов о студенте-бароне – «Вова-революционер». Эта и другие комедии часто шли на любительской сцене. Среди учащихя особенно популярна была пьеса Л.Н. Андреева «Старый студент». В увеличении доли комедийных спектаклей критики даже находили свои плюсы в виде возможности от души посмеяться, забыв о проблемах повседневности.

Развитие в репертуаре дореволюционных тенденций, с одной стороны, было выражением характерной для театрального искусства медлительности изменений в кризисные периоды истории, а с другой – следствием роста потребности населения в развлечениях, который наметился ещё в годы Первой мировой войны. Причина была в том, что Россия переживала трудные времена. Шла война. Она породила такое парадоксальное явление, которое пресса того времени называла «оргией роскоши и увеселений». Толпа требовала зрелищ и ежедневно наполняла залы кинематографов, цирков, клубов и театров. Подобная ситуация была характерна для всех регионов страны.

Февральская революция 1917 г. только усилила эту тенденцию. Весной и летом сибирская публика активно посещала спектакли актёров – любителей и гастрольных коллективов, поскольку сезонные труппы городских театров в это время не работали. Начиная с зимнего сезона 1917–1918 гг., газеты запестрели сообщениями о возросшем в народе спросе на зрелища и огромных денежных прибылях развлекательных учреждений. Подводя итоги работы томских театров в 1916–1917 гг., «Сибирская жизнь» сообщала: «Общее число посетителей всех мест увеселений и зрелищ за 1917 г. определяется весьма внушительной цифрой в 641 828 человек»²⁵. По сравнению с 1916 г. общая посещаемость зрелищных учреждений возросла на 20 373 человека²⁶.

Рецензии на спектакли стали стандартно заканчиваться разными вариантами фразы «театр был полон». Констатируя факт роста зритель-

ской аудитории театра, рецензенты сибирских газет постоянно жаловались на вопиющее бескультурье публики. Особенно активно возмущались критики спектаклей городских театров, аудитория которых до этого была более – менее стабильной и соблюдала правила поведения в общественных местах. Оценивая спектакль труппы М.А. Смоленского в иркутском театре, рецензент Б. с сожалением писал: «Театр как всегда полон, но как изменилась публика, как она привыкла к митингованным посредственностям, к разнузданности. Как она мешает артистам своим часто неуместным смехом, своими чересчур громкими восклицаниями и как мало уделяет внимания содержанию пьесы, глубине мысли. А ищет игровых построений, дешёвых эффектов, крылатых фраз»²⁷.

Маловероятно, что за несколько месяцев так изменилась традиционная интеллигентная публика Иркутска. Отсутствие культуры поведения в большей степени было характерно для людей, недавно пришедших в театр. Не случайно в октябре 1917 г. газета томских большевиков «Знамя революции» опубликовала правила для зрителей, посещающих театр: «[...] Просят публику обязательно занимать места после второго звонка. Во время хода действия не перебегать с места на место. Матерей и отцов просят следить за своими детьми, чтобы они не толпились у барьера. А самое главное: убедительнейше просят публику не разговаривать и не шушукаться во время игры»²⁸. Формулировка правил и их публикация в печати свидетельствуют о том, что они были составлены, исходя из необходимости, которой ранее не существовало. Принятие подобных мер было обусловлено приходом в театр нового зрителя из трудящейся массы, чья тяга к культуре была пробуждена революцией.

Наряду с рабочими и мелкими служащими в ряды новой публики влились солдаты и офицеры. За годы революции и гражданской войны их доля в населении Сибири увеличилась. Так, из примерно 35 тысяч зрителей, посетивших спектакли томской гарнизонной драматической труппы за летний сезон 1917 г., треть публики составили солдаты²⁹. В военной среде были люди разного положения и культурного уровня. Неподобающее поведение в общественных местах, в первую очередь, было свойственно солдатам.

В Красноярске был зафиксирован поразительный случай. Во время концерта в пользу семей моряков, погибших на острове Эзель, матрос выстрелил в артиста Мариинского театра П.Я. Павлова, исполнявшего роман С.В. Рахманинова «Христос Воскрес». «В самом конце его пения, – сообщал в местной газете Виктор Вальтер, – раздался револьверный выстрел: матрос выстрелил в певца, но промахнулся, однако контузил ему ухо. Товарищи увели стрелявшего, а имени его не уда-

лось узнать. Вот один из бесчисленных, потрясающих фактов нашей действительности. Факт, до такой степени характерный, что его следует сохранить для будущего исследователя того кошмара, который теперь называется жизнью»³⁰. Описывавший это происшествие Виктор Вальтер пытался осмыслить его сквозь призму изменения нравственного облика людей под влиянием тяжёлых жизненных условий.

Демократизация общественной жизни после Февральской революции 1917 г., снятие разного рода запретов и ограничений оказало влияние на психологию людей. Изменения претерпевали привычные нормы и ценности. Изменилось и отношение к театру. До революции он считался преимущественно буржуазным развлечением. В новых условиях, когда массы поняли идею равенства как справедливое воздание за то, чего они не имели раньше, на посещение театра, кроме эстетических и досуговых факторов, влияло желание прикоснуться к тому, что ранее было недоступно. Показательный случай такого рода «демократизации театра» произошёл на спектакле кружка любителей драматического искусства в городе Черемхово. Газета «Иркутские дни» опубликовала его в сатирическом разделе «Мелочи жизни».

«[...] Идёт спектакль «Шельменко денщик».

На одной из скамей зрительного зала расположилась группа рабочих; появляется водка и закуска.

Пьеса идёт...

Первое действие проходит без эксцессов...

Ко второму действию винные пары начинают разбирать и ... вдруг к ужасу артистов раздаётся гармошка...

Режиссёр пьесы Морев срывается со сцены и бежит уговаривать «музыкантов», но напрасно [...]. Раздаётся ругань, слышатся крики, что теперь, дескать, мы, рабочие, «демократизируем» театр.

Едва избегнувший избиения режиссёр прекращает спектакль»³¹.

Беспрепятственный доступ в театр получила учащаяся молодежь, которая раньше могла посещать только утренние спектакли. Революция сняла это ограничение. В условиях отсутствия строго контроля ученики получили возможность посещать спектакли, не соответствовавшие их возрасту. Предупреждение «Только для взрослых» на театральных афишах встречалось крайне редко и, как правило, сопутствовало совсем откровенным спектаклям. Их просмотр не способствовал повышению нравственного и культурного уровня молодёжи.

Само по себе восприятие театрального искусства требует особой подготовки, определённого уровня нравственного и эстетического развития, которыми большинство новых зрителей не обладало. Рецензен-

ты сибирских газет часто указывали на необходимость предварительной работы с публикой для адекватного понимания сложных психологических пьес и жаловались, что она смеётся и плачет невпопад. Так, положительно оценивая постановку красноярскими «актёрами свободного слова» драмы С.Ф. Пшибышевского «Ради счастья», театральный критик отметил, что она трудна для простого народа. «[...] Аудитория театра, состоящая из представителей демократии, не имеет достаточной подготовки для восприятия этой пьесы. Создаётся разобщённость сцены и публики. Нет тех незримых нитей, которыми актёр, играющий на сцене, связан с понимающим каждое его движение зрителем [...]. Эта разобщённость сцены и зрительного зала является главным недостатком спектакля. Несколько шокировал интеллигентную часть публики смех зрителей во время самых жутких сцен этой пьесы из-за таких пустяков, как появившаяся откуда-то на сцене кошка»³².

Проблема «окультуривания масс» в годы революции и гражданской войны остро встала для всех русских театров. В Сибири задачу воспитания нового зрителя, его подготовки к посещению театра в основном решали драматические коллективы при культурно-просветительных учреждениях, основную часть публики которых составляли «демократические элементы». Исходя из поставленных перед собой целей повышения культурного уровня населения, они старались – прежде всего, с помощью разного рода запретов и штрафов – приучить своих зрителей к нормам поведения в общественных местах. В программах спектаклей Народного театра томского Общества попечения о народном образовании с октября 1917 г. появилось объявление о том, что публика в зрительный зал после третьего звонка допускаться не будет. Совет Общества убедительно просил также соблюдать тишину в зрительном зале во время действия на сцене³³. Для сравнения – вход в зрительный зал театров миниатюр допускался в любое время.

Неподобающее поведение особенно шокировало традиционную часть публики, состоявшую из интеллигенции, которая продолжала посещать городские театры. Официальными выразителями настроения этой театральной аудитории были рецензенты. Представляя собой верхушку зрительской пирамиды, они, как и зрители сибирских городов, различались по своим эстетическим предпочтениям. Так, давним театральным традициям и требовательному отношению к театру иркутской и томской публики соответствовал высокий уровень публикуемых рецензий. Не ограничиваясь пересказом содержания и короткими замечаниями относительно игры актёров, театральные рецензенты названных городов оценивали актуальность и сообразность со временем поставленных спек-

таклей, выдвигали дельные предложения по улучшению спектакля и в том числе часто обращались к характеристике публики.

Грамотными и проницательными были театральные обзоры томской газеты «Знамя революции», которые под псевдонимом «Ван» писал её редактор большевик В.Д. Вегман. Особым изяществом слога отличались статьи рецензента томской «Сибирской жизни» Мих. Сироты. В иркутских газетах «Свободный край» и «Сибирь» своей строгостью и требовательностью выделялись рецензии И.Г. Гольдберга, Н.Н. Соловьёва и некоего Пия.

Пёстрый состав публики, включавшей в себя традиционную аудиторию с устоявшимися эстетическими предпочтениями и «нового зрителя», предпочитавшего эффектные и малосодержательные спектакли, ставил перед театрами сложную задачу. Интеллигентная публика требовала от профессиональных трупп городских театров постановки серьёзных, высокохудожественных произведений. Массовый же зритель ждал спектаклей простых и ярких. Необходимость обеспечить финансовый успех, выполняя обязательства, данные театральной дирекции, и одновременно удовлетворяя интересы всех слоёв публики, вынуждала городские театры формировать разноплановый репертуар, в котором подчас удивительным образом сочетались комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» и скетч неизвестного автора «Бедный Федя».

В похожей ситуации оказались народные театры. Однако, руководствуясь идеями воспитания и просвещения народа, они всё же делали упор на классические произведения. Отсутствие необходимости ежедневно играть на сцене позволяло им тщательно прорабатывать постановку. В сочетании с хорошим актёрским составом это приводило к тому, что спектакли народных театров отличались высоким качеством и были интересны широкому слою зрителей. Положительно оценивая деятельность томской гарнизонной драматической труппы, критик В.Д. Вегман отмечал, что посетителями этого театра были не только солдаты и рабочие, специально для которых труппа играла по субботам, но и «более или менее интеллигентная публика»: студенты, офицеры и прочая публика³⁴.

Публика театров лёгкого жанра, доля которых в театральной жизни Сибири периода революции и гражданской войны была значительной, также была разношёрстна по своему составу. Для репертуара «интимных» театров в принципе была характерна направленность на людей невысокого уровня эстетического развития. В начале 1919 г. газета «Сибирская жизнь», перечисляя многочисленные развлекательные учреждения города типа «интимного» театра, отмечала, что все они как в будни, так и в праздники «переполнены публикой всех классов и сословий»³⁵. Разно-

родность и одновременно безликость публики театров миниатюр, представленной почти всей сословной вертикалью городского населения, подметили ещё до революции столичные театральные обозреватели.

Жажду развлечений, охватившую людей, периодическая печать того времени справедливо связывала с желанием забыться от кошмарной действительности, отвлечься от повседневных проблем. Вот что писала авторитетная томская газета «Сибирская жизнь»: «[...] Невзирая ни на какие ужасы трагического времени, полного всяческих катастроф государственного, общественного, экономического, хозяйственно-продовольственного, семейного и личного характера, потребность в увеселениях и зрелищах не только не уменьшается, а, напротив, увеличивается, приобретая при этом особую специфическую остроту и едва ли в направлении повышения вкуса в смысле эстетическом и художественном. Скорее всего – эта страсть к увеселениям и зрелищам у нас – явление болезненное, напоминающее времена упадка нравов, когда толпа кричала и требовала “Хлеба и зрелищ!”»³⁶.

Занятые весь день решением бытовых проблем, горожане к вечеру заполняли помещения увеселительных заведений, посещение которых позволяло им сохранить нормальное психическое здоровье. Характеризуя эту ситуацию, газеты намеренно использовали термин «зрелище» и сравнивали публику с толпой римской черни. Люди жаждали именно зрелища и толпами шли в театры миниатюр и цирки, где им предлагали такие экзотические развлечения, как гастролы двенадцатилетней ясновидящей мадмуазель Люции, представления настоящего индийского брамина, таинственного египтянина Эль Доруз-Норини и другие³⁷.

Спрос порождал соответствующее предложение. Спектр развлекательных учреждений расширился за счёт появления новых театров малых форм, гастролирующих цирков и сольных артистов. Кроме того, активно продолжали работать кинематографы, часто устраивались народные гуляния и спортивные соревнования (скачки, кулачные бои и т. п.). Жёсткая конкуренция и необходимость вести финансовые дела в условиях экономического кризиса приводили к тому, что профессиональные театры всё больше попадали в зависимость от вкусов публики.

В непростой ситуации оказались драматические труппы профессиональных театров. С одной стороны, театральные дирекции и критики требовали серьёзного и качественного репертуара, с другой – публика всё чаще делала выбор в пользу гастролирующей оперетты, кинематографа или театра лёгкого жанра.

В борьбе за зрителя театры использовали разные способы. Кроме интересного репертуара, они, подобно кинематографам, заманивали пуб-

лику броскими афишами спектаклей, добавляя подзаголовок к основному названию, полностью его перефразируя или акцентируя внимание на том, что ранее пьеса была запрещена. Например, в афишах гастролировавших по Сибири артистов Москвы и Петрограда пьеса Л.Н. Андреева «Савва» шла с разъясняющим подзаголовком «Анархисты из монастырской жизни»³⁸. Особенно яркими названиями выделялись афиши театров лёгкого жанра. Такие многообещающие заголовки, как «Приключения новобрачных», «Леличка решила изменить», «Одолжи мне свою жену», интриговали зрителей и привлекали их в театр³⁹.

Одним из самых действенных способов привлечения публики была организация танцев после спектакля. Желающие потанцевать приходили в театр и заодно посещали спектакли. Минусом такого рекламного приема было то, что зачастую эта часть аудитории на протяжении всего действия вела себя довольно свободно и мешала остальным зрителям и артистам. Данный факт не раз отмечался сибирскими рецензентами. Театры малых форм, кроме танцев, практиковали устройство кабаре и маскарадов после спектакля, на которых артисты выступали с различными номерами.

Вместе с потоком беженцев из европейской России в Сибирь прибыли некоторые известные артисты столичных и провинциальных театров. Привлекая их к участию в спектаклях или включая отдельным номером в свою программу, театры также обеспечивали дополнительный приток зрителей. Ярче всего эта тенденция проявилась в 1919 г. В Интимном театре Томска выступала знаменитая московская балерина В.Г. Кельцева⁴⁰. В Новониколаевске фронтovou труппу артистов военного ведомства возглавил артист московского театра им. В.Ф. Комиссаржевской Ф.Ф. Орбелиани, а Омске весной 1919 г. спектакли товарищества драматических артистов городского театра проходили при участии известной провинциальной актрисы М.И. Жвирблис⁴¹.

Действенным способом привлечения публики было расширение для горожан возможности посещать театр. Учитывая ухудшение материального положения населения, театры старались проводить гибкую ценовую политику. В сезоне 1917–1918 гг. выросло число общедоступных и утренних спектаклей по удешевлённым ценам, вошедших в практику сибирских театров ещё в начале XX в. Предоставляя простым людям возможность приобрести билеты по цене в среднем от 20 копеек до двух рублей, театры решали задачу приобщения широких масс к классическим произведениям отечественной драматургии и одновременно получали финансовую прибыль за счёт массового посещения спектакля⁴².

Постоянно проводить политику низкой стоимости билетов театры не могли, так как наряду с необходимостью окупать расходы на аренду

здания, на постановку спектаклей и заработную плату артистам обязаны были платить налоги в пользу города, армии и по желанию отчислять процент от общего сбора на благотворительные нужды.

Использование перечисленных способов, в массе своей опробованных театрами ещё до революции, и гибкая репертуарная политика, учитывавшая изменившийся характер публики, позволили театрам привлекать к себе значительную часть городской аудитории. Новые зрители, внедряясь в привычную для традиционного театра атмосферу, вносили в неё свои нормы и традиции и влияли на его деятельность. Необходимость самостоятельно выстраивать отношения с изменившейся аудиторией привела к тому, что театры в зависимости от целей либо занимались воспитанием нового зрителя, либо потакали вкусам массовой публики и эволюционировали в сторону большей коммерциализации.

На фоне бурной театральной жизни Москвы и Петрограда в 1917–1919 гг. театры провинциальной Сибири выглядели довольно бледно. Но, несмотря на то, что не было авангардных революционных постановок, массовых уличных действий и ярких символов нового времени, театральная действительность Сибири в этот период была калейдоскопически разнообразной, яркой и неоднозначной. Отсутствие радикальных перемен внутри самого театрального искусства сочеталось со стремительным ростом масштабов деятельности сибирских театров. С одной стороны, в ней в силу внутренней логики эволюции театрального искусства продолжали действовать основные тенденции дореволюционного периода, выразившиеся в сохранении антрепризной формы организации театрального дела, положении провинциальных актёров и стабильности репертуара. С другой стороны, значительное влияние на театральную жизнь Сибири оказали внешние факторы: революции 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война, отразившиеся на динамике численности театров и составе театральной публики.

¹ *Ландау С.Г.* Из истории драматического театра в Омске (1765–1946 гг.). Омск, 1950. 156 с.; *Маларевский П.Г.* Очерки из истории театральной культуры Сибири. Иркутск, 1957. 283 с.; *Лифшиц Л.И.* Театр в Красноярске: исторический очерк. Красноярск, 1957. 112 с.; *Яневская С.В.* Омск драматический. Омск, 1975, 128 с.

² *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 г.). Новосибирск, 1965. 281 с.; *Корнилов Ю.Н.* Становление и развитие советского театра в Восточной Сибири (на материалах городов Иркутска и Красноярска). М., 1968; *Бусоргина Т.Г.* Художественная жизнь Восточной Сибири в 1917–1940 гг. Дис... канд. искусствоведения. М., 1979; *Харкевич И.Ю.* Музыкальная культура Иркутска. Иркутск. 1987. 280 с.; и др.

³ *Суздальский В.И.* Театр уж полон ... Из истории Томского драматического. Томск, 1995. 127 с.; *Сидорченко В.П.* Иркутская антреприза: страница городского театра 1790–1920 годов. Иркутск, 2003. 392 с.; *Сидоркин В.А.* Театральная жизнь Тюмени в период 1858–1941 гг. [Элек-

- тронный ресурс] / Чтения им. В.И. Вернадского – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://2002.vernadsky.info/raboty/h1/w02216.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
- ⁴ Третья столица. Омск. 1918–1919 годы. Музыка. Театр. Историческая хроника / Отв. ред. И.Г. Девятьярова. Омск, 2011. 116 с.
- ⁵ Цит. по: *Жидков В.С.* Театр и власть (1917–1927). От свободы до «осознанной необходимости». М., 2003. С. 227–228.
- ⁶ Декреты Советской власти. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. Т. 1 (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). С. 59–61.
- ⁷ Декреты Советской власти М.: Гос. издат-во политической литературы, 1973. Т. 6 (1 августа – 9 декабря 1919 г.). С. 69–73.
- ⁸ См.: *Суздальский В.И.* Театр уж полон... С. 38.
- ⁹ Цит. по: *Иванов Н.С.* Полтора века томской сцены. (Рукопись из архива Томского драматического театра). С. 430.
- ¹⁰ Свободная Сибирь (Новониколаевск). 1917. 13 сентября.
- ¹¹ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 4 октября; Свободная Сибирь. 1918. 23 октября; Сибирская речь (Омск). 1919. 20 марта.
- ¹² Сибирская жизнь (Томск) 1919. 6 февраля; Сибирская речь. 1919. 9 февраля; Русская речь (Новониколаевск). 1919. 1 июня.
- ¹³ Жизнь Алтая (Барнаул). 1917. 6 апреля; Сибирь. 1917. 23 апреля и 24 сентября; Сибирская жизнь. 1917. 8 октября.
- ¹⁴ Омский вестник. 1917. 2 апреля; Сибирская жизнь. 1917. 25 августа; Жизнь Алтая. 1917. 26 сентября; Сибирский листок (Тобольск). 1917. 7 ноября; Свободная Сибирь. 1917. 10 декабря.
- ¹⁵ Голос Сибири (Новониколаевск). 1917. 30 апреля.
- ¹⁶ Алтай (Бийск). 1918. 29 июня.
- ¹⁷ Сибирь (Иркутск). 1917. 18 апреля; Голос Сибири. 1917. 26 апреля.
- ¹⁸ См.: Третья столица... С. 32–33.
- ¹⁹ Сибирская жизнь. 1919. 22 января.
- ²⁰ Знамя революции (Томск). 1917. 15 ноября.
- ²¹ Голос Сибири. 1917. 9 июня; Жизнь Алтая. 1917. 23 июля; Алтай. 1917. 30 октября.
- ²² Голос Сибири. 1917. 3 июня и 20 июля.
- ²³ Сибирская речь. 1919. 7 марта.
- ²⁴ Свободная Сибирь. 1917. 21 сентября.
- ²⁵ Сибирская жизнь. 1917. 30 ноября.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Свободный край (Иркутск). 1917. 15 октября
- ²⁸ Знамя революции (Томск). 1917. 28 октября.
- ²⁹ Знамя революции. 1917. 17 ноября.
- ³⁰ Свободная Сибирь. 1917. 8 декабря.
- ³¹ Иркутские дни. 1918. 9 апреля.
- ³² Свободная Сибирь. 1917. 10 августа.
- ³³ ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 2. Д. 25. Л. 10.
- ³⁴ Знамя революции. 1917. 15 июня.
- ³⁵ Сибирская жизнь. 1919. 12 февраля.
- ³⁶ Сибирская жизнь. 1917. 30 ноября.
- ³⁷ Сибирская речь. 1919. 4 марта и 4 апреля.
- ³⁸ Сибирь. 1917. 6 мая.
- ³⁹ Сибирская жизнь. 1919. 4 апреля, 16 и 23 июля.
- ⁴⁰ Сибирская жизнь. 1919. 25 июля.
- ⁴¹ Сибирская речь. 1919. 16 марта; Русская речь. 1919. 9 июля.
- ⁴² Омский вестник. 1917. 28 сентября и 1 октября; Свободная Сибирь. 1917. 15 октября.

Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера

Максимум своего развития, кульминации внешнего влияния и внутренней консолидации контрреволюционное движение на востоке России достигло после государственного переворота 18 ноября 1918 г., приведшего к власти адмирала А.В. Колчака, и оформления политического режима, вошедшего в историю под именем «колчаковской диктатуры».

Радикальные изменения в системе властных институтов, с одной стороны, были вызваны, с другой – вызывали сами эволюцию политического языка, форм и способов идеологической коммуникации власти и общества. Антибольшевистское движение, приобретая вождистский характер, нуждалось в оформлении этого нового качества. Поэтому одной из важнейших пропагандистских, идеологических и политических задач диктаторского режима стало «представление», репрезентация фигуры носителя верховной власти российскому обществу, населению страны в целом. Одной из форм решения данной задачи стало написание и публикация популярных брошюр, содержащих жизнеописания Верховного правителя¹.

Исследователи уже обращались к некоторым из этих изданий. Однако они использовались ими как источник информации о биографии А.В. Колчака², как свидетельство проводившейся «белыми» властями агитационно-пропагандистской работы³ и при реконструкции фактов литературной деятельности писателя С.А. Ауслендера⁴.

В то же время информационный потенциал данных источников существенно выше. Они не просто передают некую «позитивную» информацию (достоверную или не вполне). Они сами по себе являются феноменами исторического процесса, которые своим существованием позволяют увидеть нечто большее, говоря словами М. Блока, некие «особенности коллективного сознания».

Несомненно, брошюра «Верховный правитель адмирал А.В. Колчак» (далее – ВПАК), принадлежащая перу писателя С.А. Ауслендера, являлась самой известной из пропагандистских биографических публикаций, посвященных главе российской контрреволюции. Она была призвана сыграть важную роль как в формировании образа Верховного правителя, так и в его репрезентации.

* *Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ (исследовательский проект № 11-01-00222а).*

Данная брошюра была опубликована в типографии Русского общества печатного дела – пропагандистской структуры колчаковского правительства. Ее тираж составлял почти 100 тыс. экз., что несколько выше среднего тиража брошюр, выпущенных Русским бюро печати в июне – октябре 1919 года⁵. Впрочем, в восприятии современников ее тираж запечатлелся как существенно больший: «выпущенная чуть не миллионным тиражом», – писал об этом издании в своих воспоминаниях омский журналист В.Н. Иванов⁶.

Брошюра достаточно объемна – 38 страниц текста и страница обложки, на которой помещен портрет А.В. Колчака работы художника Г. Ильина.

Вопрос об истории текста брошюры и ее источниках впервые поставил П.Н. Зырянов⁷. Исследователь обоснованно обратил внимание на сходство «биографического» фрагмента текста брошюры и автобиографического рассказа А.В. Колчака из стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дел высших должностных лиц, учрежденной Иркутским Политическим центром, от 21 и 23 января 1920 года⁸. Он резонно отметил, что «Колчак на допросе во многом воспроизводил прежний свой рассказ». Убедительным выглядит и его предположение о том, что «Ауслендер, как видно, беседовал [...] с некоторыми людьми, более или менее близко знавшими его [Колчака] в прежние годы, в основном с моряками». Однако, что касается его вывода о том, что часть текста С.А. Ауслендер «записывал буквально с его [адмирала. – В.Ж.] слов», то обоснованным его признать нельзя.

Прежде всего необходимо отметить, что вышедшей летом 1919 г. брошюре ВПАК предшествовала статья «Адмирал», опубликованная С.А. Ауслендером 28 ноября 1918 г. в газете «Сибирская речь», а затем публиковавшаяся еще как минимум дважды: 18 декабря 1918 г. в еженедельном журнале Сибирского казачьего войска «Иртыш» и в первой половине 1919 г. в Перми отдельным оттиском от имени газеты «Сибирские стрелки», органа Штаба 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса. По сути дела статья «Адмирал» является протографом текста позднейшей брошюры, все части которой (кроме второй) представляют собой расширенные версии фрагментов текста данной статьи.

Дословные текстуальные совпадения однозначно свидетельствуют, что материалом для статьи «Адмирал», а затем и для брошюры ВПАК послужила не гипотетическая беседа адмирала с С.А. Ауслендером, а документ, оставшийся неизвестным П.Н. Зырянову, – автобиография А.В. Колчака. Этот текст, заканчивающийся прибытием вице-адмирала в Китай в апреле 1918 г., был написан, скорее всего, во время службы А.В. Колчака членом правления КВЖД и командующим русскими вой-

сками в полосе ее отчуждения, то есть в апреле – июне 1918 г. Текст автобиографии отложился в машинописных отпусках в делах Чрезвычайной следственной комиссии и ко времени написания П.Н. Зыряновым монографии был уже дважды опубликован⁹.

В функциональном и содержательном отношении композиция брошюры С.А. Ауслендера представляется следующим образом.

Часть первая вполне может быть характеризована как «риторическое вступление». В первых строках автор начинает говорить о себе, о своих особых свойствах составлять «определенное» мнение о человеке на основании первого впечатления, «часто совершенно бессознательного», «когда еще не успеешь умом взвесить все его слова и движения», а также описывает «ощущение какой-то спокойной уверенности», которое «вдруг охватило» его при первой встрече с адмиралом. Апелляция к спонтанному и бессознательному для человека эпохи Ницше и Фрейда выполняла роль вполне аналогичную тому, что для традиционной эпохи характеристика себя как человека «некнижного», «простого» и даже «темного», то есть гарантировала безыскусную правдивость нижеизложенного.

Далее С.А. Ауслендера переходит к «торжественной похвале». Прежде всего он описывает загадочное состояние *déjà vu* при этой первой встрече: «почему так знакомо это лицо, где я уже видел» его? И дает ответ: «на римских камнях искусный художник запечатлевал образ воина и героя».

«Римские» ассоциации автора неслучайны. Они были заданы самим героем повествования. 28 ноября 1918 г. состоялась встреча А.В. Колчака с представителями прессы, задуманная как важнейший акт в презентации нового режима обществу, и С.А. Ауслендер принимал участие в этой встрече. Причем выступление А.В. Колчака содержало следующий пассаж: «Как Сенат древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет министров Российского государства в тягчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным правителем»¹⁰.

Впрочем, в данном случае речь идет не столько о Древнем Риме как эталоне государственности, но прежде всего о Древнем Риме как своего рода эталоне истории вообще, истории мировой, всеобщей, связанной с культурой. То, что нос, подбородок, губы и даже глаза героя выглядят «римскими», должно говорить о его статусе исторического деятеля.

Далее С.А. Ауслендер еще раз повторяет этот же прием. Такие «лица далеких победителей», пишет он, я с детства видел на страницах «старых книг с выцветавшими гравюрами». Отсылка не к конкретному

образу, а к «старым книгам» вообще, позволяет прописать героя сразу во всей мировой культуре и отделить его от эмпирического настоящего. Характерно, что этот «исторический» облик автор увидел в негативно окрашенном профанном контексте: в «унылом коридоре Ставки Верховного главнокомандующего». Это четко резюмируется: «жизнь его ... становится достоянием истории».

Отдалив от читателя образ А.В. Колчака отнесением его к миру сакрализованной истории, к миру «камей» и «гравюр», С.А. Ауслендер перебрасывает между ними мостик. Делается это опять через противопоставление. Текст включает длинную инвективу в адрес «больших и маленьких властителей», которые с одной стороны, «опьяняются, теряют чувство меры», с другой – становятся в «фальшивые позы», «надевают маски» и наконец «становятся мертвыми манекенами партийности», от чьих «жестов механических» «совершаются события роковые, проливается кровь». Непоименованным антигероем этого фрагмента очевидным образом выступает А.Ф. Керенский, «недавний властитель», «овеянный холодом предвзятых теоретических выкладок, холодом, которого не может преодолеть даже пафос звонко-пустого красноречия».

В антитезу этому говорится, опять с апелляцией к позиции непосредственного свидетеля, о «какой-то необычайной подлинной человечности» героя брошюры. В диапазоне его забот наряду с высокими вопросами находится место и «потерявшемуся вагону хлеба» и «невыходке керосина», о которых рассказывает «делегация рабочих». Колчак обладает «человеческой простотой», а постоянная забота обо всех делает его лицо «совсем близким каждому», и он, свою очередь, своим взглядом «замечает каждое лицо». Герой одновременно и чужд и близок каждому, и величественен, и прост.

Далее С.А. Ауслендер пишет, апеллируя к сакральным свойствам героя: «В нем есть что-то, что приковывает взоры и сердца помимо воли, что-то магнетизирующее». Эти мистические свойства вызываются его контактом с потусторонним («видевший столько раз смерть совсем близко»). Эта способность доказывается тем, что герой умеет «владеть толпой», умеет сохранить авторитет даже перед лицом «темного опьянения», «революционного безумия».

Наконец, С.А. Ауслендер переходит к внутренним качествам героя. Вновь в текст включается противопоставление. Оно менее сурово, чем предыдущая инвектива «манекенам партийности», но все же вполне определено. Колчак отделяется от многочисленных «храбрых и безупречных воинов», которым были чужды «многие государственные вопросы», которые «многого» (видимо, из области политики) не могли

понять. Герой описывается и как воин, и как ученый, и как государственный и политический деятель, наконец, как человек, «многое познавший в жизни различных стран».

Итак, Колчак данного текста «совместил в себе многое», он предстает воистину интегральным человеком.

Вторая часть брошюры представляет монтаж ряда собственных текстов Верховного правителя, приведенных буквально или в пересказе и сопровождаемых некоторыми комментариями С.А. Ауслендера. Этих текстов – шесть: воззвание Верховного правителя «К населению» от 18 ноября 1918 г.; фрагмент из выступления А.В. Колчака на казачьем съезде; речь А.В. Колчака на объединенном заседании уездной земской управы и городской думы в Екатеринбурге; высказывание на обеде, данном Челябинским самоуправлением; речь в Челябинске о земельном вопросе; тост «За Родину!» на банкете, данном Пермским самоуправлением.

Выбор текстов С.А. Ауслендером неслучаен. Из двух главных декларативных актов, возвестивших об образовании новой власти, возглавляемой А.В. Колчаком, приведен только один, ориентированный на общество¹¹; другой же, предназначенный армии и имевший существенно иную идеологическую окраску, – опущен. Пассаж о милитаризации власти из выступления А.В. Колчака на казачьем съезде приведен в лапидарном пересказе, а екатеринбургская речь, посвященная теме единства власти и общественности, воспроизведена целиком и занимает три с половиной страницы.

Предшествовавшая явлению героя брошюры и омскому государственному перевороту ситуация описывается как «разъединение», «раздор» и «распад». Они пронизывают и армию, и общество, и власть.

Далее следует описание благотворного воздействия героя: «Он сумел соединить Армию в одном порыве, сумел закрепить все еще недостаточно окрепшее, заставил склониться перед своим авторитетом всех буйных и своевольных», исчезли «разногласия между Властью и Армией», теперь «мысли и дела их спаяны вместе неразрывно». Переходя к описанию гражданской жизни, автор говорит об отсутствии разногласий А.В. Колчака с Советом министров¹². Вся деятельность А.В. Колчака описывается как подчиненная исключительно «интересам целого».

В результате этого указывается, что «непосредственно за поездкой Верховного правителя наши армии повсеместно перешли в победоносное наступление», что «именно после выступлений» А.В. Колчака в Перми местным политическим партиям (причем «всем») «удалось примирить свои разногласия и соединиться в блок». В конце С.А. Ауслендер приводит слова тоста А.В. Колчака в Перми: «Я под-

нимаю бокал за нашу Родину – единую и нераздельную...». Тем самым программные тексты героя наделяются силой непосредственного действия, чудесным образом преображают действительность, преодолевая «разъединение», творят «единство».

Эта часть брошюры завершается пространным рассуждением, служащим переходом от компендиума текстов к биографическому блоку. Оценка жизни А.В. Колчака дается не как результат, некое суждение, а заранее, не только предваряя, но и окрашивая все дальнейшее повествование. Данный фрагмент вновь возвращает читателя к идее исключительности героя, выводя последнего из-под «юрисдикции» своей эпохи, вновь противопоставляя его времени и людям: «в годы безвременья, приведшего нас к страшной катастрофе... когда... люди разучились ярко желать и твердо действовать... кажется такой удивительной, несвоевременной эта жизнь».

Все последующие пять частей, за исключением финала седьмой, представляют собой изложение жизненного пути А.В. Колчака, приведшего его на пост Верховного правителя, и вполне могут быть квалифицированы как «описание основных жизненных вех» героя, с акцентом на «главных подвигах».

А.С. Ауслендер так характеризует приводимый им ниже текст «жизнеописания»: «вот краткая схема, сырой материал», и указывает в качестве адресата текста не современника, а «какого-нибудь будущего историка, который будет творить суд всем нашим делам».

Третья часть брошюры описывает начало жизненного пути А.В. Колчака и его самую яркую часть – полярные экспедиции. Описание построено на фактической канве, в целом следуя автобиографии. В числе мотивов, обращающих на себя внимание, – указание на собственную ему с юных лет «внеирархичность»: «умел пользоваться влиянием не только среди товарищей, но и среди старших», а также исключительность подвигов: герой получает «награду весьма редкую, которую кроме него имели всего три путешественника».

Четвертая часть брошюры посвящена русско-японской войне и межвоенному периоду. В соответствующем фрагменте статьи «Адмирал» имеется важный мифологический мотив. «Уважая храбрость, японцы ему одному из немногих оставили в плену оружие». Как хорошо известно, все русские офицеры в японском плену сохранили имевшееся при них холодное оружие. Но признание храбрости врагом особенно ценно, поэтому данный рассказ вошел в «колчаковский миф» и был кем-то передан автору. Однако ко времени подготовки текста

ВПАК С.А. Ауслендеру, вероятно, указали на фантастичность этого эпизода, и он был исключен из текста брошюры.

Пятая часть брошюры охватывает время, непосредственно примыкающее к Мировой войне, и войну вплоть до весны 1916 г., когда А.В. Колчак был назначен командующим Черноморским флотом. С.А. Ауслендер вновь настойчиво подчеркивается «внеиерархичность» своего героя: «в нарушение всех условий» А.В. Колчак производится в вице-адмиралы; «даже самые старые адмиралы» признавали его знания и преданность идее; практика показала, насколько А.В. Колчак «стоит выше опытных и старых моряков».

Шестая часть брошюры, посвященная деятельности А.В. Колчака во главе Черноморского флота, включает в себя легенду о немедленном смотре Черноморского флота. Заканчивается эта часть рассказом о тесном общении в предреволюционные месяцы между А.В. Колчаком и генералом М.В. Алексеевым.

Этот фрагмент, как и почти вся фактическая канва, восходит к тексту автобиографии, но имеет от нее вполне определенные отличия. В автобиографии говорится: «Мне часто приходилось видеться и беседовать с генералом Алексеевым о государственных вопросах, относящихся к периоду, непосредственно предшествовавшему революции». С.А. Ауслендер добавляет к этому утверждению следующее предположение: «И может быть тогда эти два русских патриота в душе своей приготовили свои ответы на тот грозный вопрос, который встал перед всеми гражданами России».

Завершающая, седьмая часть брошюры посвящена событиям революции и начавшейся гражданской войны. Она представляет развернутую картину крушения армии и государства. На фоне этой обстановки открываются новые качества А.В. Колчака: его способность, пусть временно, вызывать «просветление» у революционных матросов, а также «дар глубокого предвидения», позволявший ему видеть, что именно «ожидает армию, флот и всю Россию»; он один может жить без охраны среди города, «опьяненного большевистским дурманом».

Далее описывается ситуация «пророка в своем отечестве»: адмирал оскорблен происходящим на родине, а иностранцы (миссия сенатора Э. Рута) высоко ценят адмирала, приглашают его к себе. Затем следует эпизод с поступлением на британскую службу. Сам этот акт описывается в намеренно архаичной лексике феодальной эпохи – «предложил свою шпагу». Эпизод явно рассматривается не как компрометирующий, а как авторитетное подтверждение уникальных качеств героя. Впрочем, такая оптика унаследована из текста автобиографии и соот-

ветствует собственной точке зрения А.В. Колчака: если бы он сам не захотел сообщить о своей несостоявшейся «английской службе», о ней и не стало бы широко известно.

Данная часть брошюры завершается финалом, общим для всего повествования: А.В. Колчак «поставлен во главе новой национальной власти» не кем-нибудь, а «судьбой», причем поставлен «конечно, не случайно». Вновь, уже третий раз, повторяется, что жизнь героя «несхожа с жизнью наших современников». Она, эта уникальная жизнь, оценивается как подготовка к уникальному подвигу.

Итак, текст брошюры С.А. Ауслендера построен в огромной степени в соответствии с христианским агиографическим канонам, причем агиографические черты не были привнесены в текст механически, а были востребованы из культурного фонда.

Все это повышало суггестивный потенциал текста. И современный исследователь имеет определенные основания для характеристики «опозитивированной биографии белого диктатора» как «отменного пропагандистского материала»¹³.

Текст С.А. Ауслендера продолжает влиять и через десятилетия, подсказывая образность современным авторам «колчакианы». Так, П.Н. Зырянов в заключительных строках своей книги в полном соответствии с ауслендеровским образцом дважды характеризует фигуру А.В. Колчака именно как «античную», и вследствие этого, неподвластную времени¹⁴.

Однако возникают вопросы о том, на какую собственно аудиторию было рассчитано данное литературное произведение, и какое именно воздействие на потенциального читателя производил данный, несомненно талантливый, текст?

Черты образа читателя проступают вполне определенно: это светский человек, носитель глубоко европеизированной культуры, сторонник демократических принципов, образованный горожанин. Соединение светского типа сознания и аффективной, экстремальной ситуации с неизбежностью актуализировало культ «великого человека», вполне ницшеанский по своему внутреннему содержанию. Такой «великий человек» настолько иноприроден по отношению к обществу, которое его окружает, что обретает вследствие этого «естественное» право на власть. Однако освобождая представителей общества от прав, он одновременно освобождает их и от обязанностей по активному политическому действию: сверхисключительный герой обречен на победу и не нуждается в помощи. Такой «пропагандистский материал» оказывал парализующее воздействие на свою целевую аудиторию.

Впрочем, численность образованных горожан на востоке России в 1919 г. была невелика. Какое же впечатление должен был производить данный текст на людей, у которых в детстве не было старинных книг с выцветавшими гравюрами и которых в то время в Сибири было подавляющее большинство?

В мемуарах видного деятеля колчаковского правительства Г.К. Гинса приводится следующий эпизод. Г.К. Гинс вместе с председателем Совета министров П.В. Вологодским в конце лета 1919 г. выехали на отдых на курорт Боровое, что на западе Акмолинской области.

«Слыхали ли вы что-нибудь об адмирале Колчаке? – спросил я одного старика-казака, сын которого служил в Омске и гостил у отца третью неделю, по случаю болезни... – Ничего не слыхали. Он, никак, будет из англичан. – Вот тебе и на. Неужели и сын не знает? – Как не знать, замечает сын, и тут же рассказывает некоторые эпизоды из военной жизни адмирала... И не сумею объяснить, почему, но мне показалось, что старик все-таки не поверил, что адмирал – русский»¹⁵.

Писатель В.В. Иванов в опубликованном в 1921 г. рассказе «Партизаны» также привел крестьянские толки: «Вон царя-то в Омске не русского посадили и икватерем зовут»¹⁶.

Эти же клишированные ассоциации воспроизвел руководивший расстрелом А.В. Колчака большевик С.Г. Чудновский в своих мемуарах, описывая внешность адмирала: «Колчак – высокий, худощавый, типа англичанина [...]»¹⁷.

Подчеркиваемая в брошюре С.А. Ауслендера личная исключительность и приобщенность к европейской культуре главы контрреволюционного режима А.В. Колчака добавляла отчуждения между и без того не слишком укорененной властью и основной частью населения.

¹ См., например: Адмирал Александр Васильевич Колчак. [Пермь, 1919]. 2 с.; *Ауслендер С.* Адмирал Колчак. [Пермь, 1919]. 8 с.; Он же. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск, [1919]. 33 с., 1 илл.; *Б. И. Ч.* Адмирал Колчак. Ростов н/Д., 1919. 16 с.; Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак. Б. м., [1919]. 16 с., 1 илл.; *Кипарисов В.* Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. [Омск], 1919. 37 с., 1 илл.; *Морской Н.* Кто такой Колчак? Ростов н/Д., 1919; *Ольгин И.* Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. [Харьков, 1919.] 31 с., 1 илл.; *Щепкин Г.* Сибирь и Колчак. Новочеркасск, 1919. 36 с., 1 илл.; и др.

² *Smele J.D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920. Cambridge, 1996, P. 62; *Звягин С.П., Плотников И.Ф.* Колчак Александр Васильевич // История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996. С. 22–28; *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: жизнь и деятельность. Ростов н/Д., 1998. С. 289.

³ *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 122.

- ⁴ Свидетельство революционных вихрей. (С.А. Ауслендер «Печальные воспоминания (о большевиках)») / Вступ. ст. и подгот. текста И.В. Успенского // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 51; Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска» (18 ноября 1918 – 14 ноября 1919): Материалы к библиографии и несобранные статьи // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 1. С. 20–37; Десятарова И.Г. Художники в стане Колчака: Омск в 1918–1919 годах // Антикварное обозрение. 2010. № 1. С. 33.
- ⁵ Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 122–123; Шевелев Д.Н. Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2010. № 340 (ноябрь). С. 116.
- ⁶ Иванов В.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 15.
- ⁷ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М., 2006. С. 584.
- ⁸ Допрос Колчака / Под ред. К.А. Попова. Л.: ГИЗ, 1925. С. 3–33.
- ⁹ См.: Шишкин В.И. Колчак о себе // Грани. Франкфурт-на-Майне, 1992. № 165. С. 128–146 (повторная публикация: Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 131–142).
- ¹⁰ Задачи верховной власти: Беседа представителей печати с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком // Правительственный вестник (Омск) 1918. 30 ноября; Прием представителей печати Верховным правителем // Сибирская речь (Омск). 1918. 30 ноября.
- ¹¹ Правительственный вестник. 1918. 27 ноября.
- ¹² Весьма странно, но последний вопреки реальности отождествлялся А.С. Ауслендером с Временным Сибирским правительством, пришедшим к власти в конце июня – начале июля 1918 г.: «некоторые частичные перемены [состава этого правительства. – В.Ж.] не имели принципиального политического характера».
- ¹³ Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска». С. 24.
- ¹⁴ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. С. 586.
- ¹⁵ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 246.
- ¹⁶ Иванов В. Партизаны: Рассказ // Красная новь. 1921. № 1. С. 5.
- ¹⁷ Чудновский С.Г. Конец Колчака // Годы огневые, годы боевые. Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961. С. 209.

Д. Г. Симонов

К истории Отдельной Сибирской армии (декабрь 1918 – июль 1919 г.)

В условиях широкомасштабной Гражданской войны весной 1919 г. центр тяжести в военных действиях находился на Восточном фронте, где против Красной армии действовала Российская армия адмирала А.В. Колчака. Лозунг «Все на борьбу с Колчаком!» в это время стал главным для Советской республики. Одним из трех основных оперативных объединений вооруженных сил, находившихся под верховным командованием адмирала А.В. Колчака весной 1919 г., являлась Сибирская армия. Отдельные аспекты истории Сибирской армии были рассмотрены в публикациях Б.Б. Филимонова¹, Ф.Е. Огородникова², С.В. Волкова³, М.Г. Ситникова⁴ и Д.Г. Симонова⁵. Однако ряд вопросов, связанных с организационной структурой, комплектованием личным составом и боевой деятельностью Сибирской армии, не нашел должного отражения в историографии.

Сибирская армия была образована приказом Верховного правителя адмирала А.В. Колчака от 24 декабря 1918 г. из войск Екатеринбургской группы Западного фронта. Должность командующего армией занял перешедший на русскую службу чешский генерал Р. Гайда. Для формирования штаба армии ему предлагалось использовать штаб прежней Сибирской армии, которому в кратчайший срок следовало перебазироваться из Омска в Екатеринбург. Врид начальника штаба Сибирской армии был назначен Генштаба генерал-майор Б.П. Богословский, генерал-квартирмейстером штаба армии – Генштаба полковник А.П. Попов, дежурным генералом штаба армии – генерал-майор М.Н. Фукин⁶.

В административном отношении весь тыловой район Сибирской армии вошел в состав Тюменского военного округа на театре военных действий. Главный начальник округа генерал В.В. Рычков, непосредственно подчинявшийся командарму, являлся одновременно и главным начальником снабжения армии. В состав округа входили Тобольский, Березовский, Тюменский, Туринский, Ялуторовский и Ишимский уезды Тобольской губернии, Чердынский, Соликамский, Пермский, Кунгурский, Красноуфимский, Екатеринбургский, Верхотурский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский и по освобождению от большевиков – Оханский и Осинский уезды Пермской губернии. Уездные воинские начальники перечисленных административных единиц подчиня-

лись начальнику Пермской местной бригады генералу Г.С. Николаеву, который, в свою очередь, подчинялся главному начальнику округа⁷.

Первоначально в Сибирскую армию вошли I Средне-Сибирский армейский корпус генерала А.Н. Пепеляева в составе двух стрелковых дивизий – 1-й Сибирской (1-й Новониколаевский, 2-й Барабинский, 3-й Барнаульский и 4-й Енисейский полки) генерала Б. М. Зиневича и 2-й Сибирской (5-й Томский, 6-й Мариинский, 7-й Кузнецкий и 8-й Бийский полки) генерала А. Г. Укке-Уговца, 3-я Сибирская стрелковая дивизия (9-й Иркутский, 10-й Байкальский, 11-й Нижнеудинский и 12-й Верхнеудинский полки) полковника П. П. Гривина, 4-я Сибирская стрелковая дивизия (13-й Омский, 14-й Иртышский, 15-й Курганский и 16-й Ишимский полки) генерала Г. А. Вержбицкого, и Красноуфимская отдельная добровольческая бригада (1-й Красноуфимский и 2-й Кыштымский полки) поручика А.С. Рычагова.

Все эти воинские части и соединения были организованы летом 1918 г. в составе Сибирской армии первого формирования⁸. С 1 января 1919 г. в списки армии была включена Воткинская дивизия (1-й Воткинский заводской 17 августа, 2-й Сайгатский имени чехословаков, 3-й Осинский имени Минина и Пожарского и 4-й Воткинский имени Союзных держав полки) полковника Н.П. Альбокринова⁹ Кроме стрелковых полков, каждое из перечисленных войсковых соединений имело в своем составе по одному артиллерийскому, инженерному и кавалерийскому дивизиону, а с весны 1919 г. – егерскому полку или батальону.

Согласно приказу адмирала А.В. Колчака от 3 января 1919 г. в Сибирской армии был образован III Степной Сибирский армейский корпус во главе с генералом Г.А. Вержбицким. В состав корпуса вошли 4-я Сибирская стрелковая дивизия, в командование которой вступил генерал И. С. Смолин, и вновь сформированная 7-я Сибирская стрелковая дивизия (25-й Тобольский, 26-й Тюменский, 27-й Верхотурский и 28-й Ялуторовский полки) полковника Б.М. Черкасова. 25-й и 26-й полки этой дивизии, организованные еще в июле 1918 г., ранее действовали совместно с 4-й Сибирской стрелковой дивизией. 27-й полк был развернут из отдельного батальона капитана А.А. Куренкова. Вновь формируемый 28-й полк создавался на базе одного из кадровых полков II Степного Сибирского армейского корпуса. На формирование дивизии из Тюмени и Омска были направлены соответственно 6-й и 8-й Степные Сибирские кадровые полки¹⁰.

Для подготовки укомплектований начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Д.А. Лебедев 1 февраля 1919 г. предписал командующим армиям сформировать на театре военных действий

кадровые полки по расчету – один кадровый полк на каждую дивизию. С указанной целью в распоряжение командующего Сибирской армией он передал находившиеся на территории Омского военного округа 1-й Новоиколаевский и 2-й Барабинский кадровые, а также 4-й и 7-й Степные Сибирские кадровые полки¹¹. По прибытии к новому месту дислокации эти полки были объединены в две тыловые кадровые бригады с подчинением генералам А.Н. Пепеляеву и Г.А. Вержбицкому.

Кроме того, 9 февраля Гайда распорядился для трех дивизий I Средне-Сибирского корпуса сформировать трехполковую прифронтовую кадровую бригаду со штабом в Перми, для III Степного Сибирского корпуса – двухполковую прифронтовую кадровую бригаду со штабом в Кунгуре, а для 3-й Сибирской стрелковой дивизии – прифронтовой кадровый полк в Красноуфимске. Для укомплектования полков предлагалось использовать намечавшихся к мобилизации солдат призывов 1914–1920 гг., в том числе генералу Пепеляеву – из Чердынского, Соликамского, Пермского и Оханского уездов, генералу Вержбицкому – из Осинского, Кунгурского и Верхотурского уездов, генералу Гривину – из Красноуфимского уезда¹².

В течение всего времени своего существования организационная структура Сибирской армии, на уровне входивших в ее состав соединений, постоянно изменялась. Так, в январе 1919 г. по собственной инициативе генерал Пепеляев приступил к формированию в составе I Средне-Сибирского корпуса 1-й Пермской (16-й Сибирской) стрелковой дивизии из 1-го Пермского, 2-го Чердынского, 3-го Добрянского и 4-го Соликамского полков (начдив – генерал-майор В.И. Шаров) и Сибирской штурмовой бригады четырехбатальонного состава (комбриг – подполковник В.И. Урбанковский). 9 февраля 1919 г. вышел официальный приказ по армии о создании этих двух соединений. 26 апреля Тыловая кадровая бригада корпуса (1-й Новоиколаевский и 2-й Барабинский кадровые полки) была преобразована в 17-ю Сибирскую стрелковую отдельную бригаду с переименованием полков в 65-й Обский и 66-й Алтайский (комбриг – полковник Я.Н. Перчук)¹³. В конце мая – начале июня эта бригада и 16-я Сибирская стрелковая дивизия вошли в состав вновь образованного V Сибирского армейского корпуса. В составе III Степного Сибирского корпуса приказом Гайды от 27 июня из 1-го и 2-го Егерских полков, а также 1-го и 2-го Прифронтовых кадровых полков была образована 18-я Сибирская стрелковая дивизия (69-й, 70-й, 71-й и 72-й Сибирские стрелковые полки) под командованием полковника Н.Н. Казагранди¹⁴.

26 марта генерал Гайда приказал образовать 1-й Сводный Сибирский корпус в составе 3-й и 15-й Сибирских стрелковых дивизий, а также Златоустовско-Красноуфимской стрелковой бригады под командованием генерала П.П. Гривина. С 3 апреля этот корпус стал именоваться IV Сибирским армейским. 15-я Сибирская стрелковая дивизия корпуса формировалась следующим образом. Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 30 января 1919 г. из дислоцировавшихся в Омске 1-го и 2-го Степных Сибирских кадровых полков была образована Отдельная Сибирская стрелковая бригада с переименованием полков соответственно в 18-й Павлодарский и 20-й Акмолинский Сибирские стрелковые. В феврале Омская Отдельная Сибирская стрелковая бригада, возглавляемая полковником Н.С. Вознесенским, прибыла в распоряжение командующего Сибирской армией. 15 марта генерал Гайда приказал эту бригаду переформировать в Степную Сибирскую стрелковую дивизию, для чего 18-му и 20-му полкам предлагалось выделить третьи батальоны на формирование третьего полка дивизии. Находившийся в прикомандировании к III Степному Сибирскому корпусу 10-й Бугурусланский стрелковый полк был включен в состав Отдельной Омской бригады в качестве четвертого полка будущей дивизии. С 26 марта формируемая дивизия именовалась 15-й Сибирской стрелковой, а вошедшие в ее состав полки – 57-м Павлодарским, 58-м Акмолинским, 59-м Саянским и 60-м Бугурусланским (с 30 апреля – 60-м Сибирским) стрелковыми. Для непосредственного пополнения 15-й дивизии предлагалось сформировать Прифронтный кадровый полк¹⁵.

23 марта генерал Гайда приказал сформировать II Сводный армейский корпус, в состав которого включались Воткинская стрелковая дивизия, 1-й Екатеринбургский кадровый полк и Бессмертный ударный батальон. Кадровый полк подлежал развертыванию в три полка трехбатальонного состава, а Бессмертный ударный батальон – в двухбатальонный полк. Для вновь формируемой дивизии (из кадрового полка и ударного батальона) на базе Тюменской кадровой батареи предстояло сформировать трехбатареинный легкий артиллерийский дивизион. 3 апреля корпус получил наименование V армейского, а формируемая в его составе дивизия – Сарапульской стрелковой. Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант Ф.П. Панов, начальником Сарапульской дивизии – полковник Головин. 8 апреля Бессмертный ударный полк был исключен из состава Сарапульской дивизии и подчинен непосредственно командующему Сибирской армии. 27 июня VIII армейский Камский корпус был расформирован, а входившие в

его состав 15-я Воткинская и 16-я Сарапульская стрелковые дивизии сведены в одну 15-ю Воткинскую стрелковую дивизию. Полки этой дивизии получили наименования 57-го Воткинского, 58-го Казанского, 59-го Лайшевского и 60-го Чистопольского¹⁶.

Последним по времени создания стал Сводный Сибирский ударный корпус, формировавшийся в качестве главного резерва Сибирской армии. Известно, что воинские части, официально именовавшиеся «ударными», появились в Русской армии во время революции 1917 года. «При многих полках, – писал генерал А.И. Деникин, в то время начальник штаба Верховного главнокомандующего, – организовались свои ударные команды, роты, батальоны. Туда уходили все, в ком сохранилась ещё совесть, или те, кому просто опостылела безрадостная, опошленная до крайности, полная лени, сквернословия и озорства полковая жизнь. Я видел много раз ударников и всегда – сосредоточенными, угрюмыми. В полках к ним относились сдержанно и даже злобно. А когда пришло время наступления, они пошли на колючую проволоку, под убийственный огонь, такие же угрюмые, одинокие, пошли под градом вражьих пуль и зачастую... злых насмешек своих товарищей, потерявших и стыд, и совесть. Потом их стали посылать бессменно изо дня в день и на разведку, и в охранение, и на усмирения – за весь полк, так как все остальные вышли из повиновения»¹⁷.

Героический ореол и боевые традиции ударных батальонов Русской армии и, прежде всего, их внешняя символика, по мнению генерала Гайды вполне могли сработать в деле повышению боевого духа антибольшевистских вооруженных сил.

По всей видимости, идею о формировании ударных частей командующему Сибирской армией генералу Гайда подал подполковник А.А. Власов. В ходе антибольшевистского восстания в Ижевске в августе 1918 г. он по собственной инициативе из рабочих и фронтовиков организовал ударный батальон, который «не только бил и гнал вдесятеро более многочисленные красные банды», но и очень деятельно «поставлял» Ижевской народной армии «отнимаемое у большевиков оружие и имущество». Так, в одном из боев батальон подполковника А.А. Власова захватил у красных девять орудий, 63 пулемета и 300 повозок. В ходе отступления из Прикамья на Уфу в ноябре 1918 г. батальон, именовавшийся уже «бессмертным», понес большие потери, в том числе был тяжело ранен и его командир¹⁸. В январе 1919 г. остатки батальона под наименованием Ижевского партизанского отряда вошли в состав Сибирской армии.

13 февраля 1919 г. начальник Ижевского партизанского отряда подполковник Власов получил приказ командарма немедленно приступить к формированию в Екатеринбурге Отдельного бессмертного батальона Сибирской армии, вскоре преобразованного в 1-й Бессмертный ударный генерала Гайды полк. Впредь до окончательного сформирования он во всех отношениях был подчинен командиру Екатеринбургской кадровой бригады полковнику В. Воронову, затем входил в состав Сарапульской стрелковой дивизии, а с 8 апреля вошел в непосредственное подчинение командующему армией генералу Гайде¹⁹. Вероятно, Гайда рассматривал этот полк как свою личную «гвардию»²⁰.

5 февраля 1919 г. командующий Сибирской армией приказал подполковнику А.Н. Лабунцову немедленно приступить к формированию Отдельной Сибирской ударной бригады. Согласно приказу от 13 февраля бригада должна была иметь в своем составе три отдельных пехотных батальона (по четыре роты в каждом), кавалерийский эскадрон (три взвода), ударный артиллерийский дивизион (три батареи), отдельный пулеметный батальон (три роты) и отдельную инженерную роту (три саперных взвода, телеграфное отделение, парк, команды инженеров и железнодорожников).

Во исполнение приказа по армии от 8 марта полковник В. Воронов приступил к формированию 2-й Отдельной Сибирской ударной бригады. В ее составе предполагалось образовать 4-й, 5-й и 6-й отдельные ударные батальоны, 2-й отдельный ударный пулеметный батальон, 2-й отдельный ударный кавалерийский эскадрон, 2-й отдельный ударный артиллерийский дивизион и 2-ю отдельную ударную инженерную роту. Формирование 2-й бригады осуществлялось по штатам, утвержденным для Отдельной Сибирской ударной бригады. На формирование 2-й ударной бригады передавалась в полном составе Екатеринбургская кадровая бригада, которая была образована 31 января 1919 г. в составе двух пехотных кадровых полков и двух кадровых артиллерийских дивизионов. В связи с образованием 2-й Ударной бригады ранее образованной бригаде полковника Лабунцова был присвоен 1-й номер²¹.

По приказу генерала Гайды от 26 апреля 1919 г. 1-я и 2-я Отдельные Сибирские ударные бригады подлежали развертыванию в две дивизии трехполкового состава, и объединению в Сводный корпус. Приказом от 30 апреля из отдельных кавалерийских эскадронов бывших 1-й и 2-й ударных бригад был сформирован Отдельный ударный гусарский дивизион под командованием подполковника Матвеева. Приказом от 20 мая впредь до окончательного сформирования Сводный корпус предлагалось именовать Сводным Ударным Сибирским

корпусом. В его состав должны были войти 1-я Ударная Сибирская дивизия (1-й, 2-й, 3-й и 4-й Ударные Сибирские полки) и 2-я Ударная Сибирская дивизия (5-й, 6-й, 7-й и 8-й Ударные Сибирские полки). Тем же приказом входившие в состав дивизий Ударные Сибирские артиллерийские дивизионы сводились в 1-ю и 2-ю Ударные Сибирские артиллерийские бригады. Отдельный Ударный гусарский дивизион был переименован в Ударный Сибирский гусарский полк, а входившие в состав дивизий инженерные роты сведены в Ударный Сибирский инженерный батальон.

Командиром корпуса генерал Гайда собирался назначить полковника А.П. Степанова. До его прибытия к месту службы временное командование корпусом командарм возложил на инспектора артиллерии Сибирской армии генерал-майора П. Томашевского. Врид начальника штаба корпуса был назначен полковник Н.Н. Рыбалтовский, ранее занимавший должность начальника оперативного отдела штаба армии. Обязанности начальников формируемых дивизий исполняли командиры бывших ударных бригад²². Рядовой и унтер-офицерский состав частей корпуса пополнялся исключительно за счет лиц, принудительно мобилизованных в войска в течение февраля-мая 1919 г.

В связи с наличием у Сибирской армии двух главных операционных направлений – Глазовского и Казанского – в конце апреля – начале мая 1919 г. генерал Гайда приступил к организации в составе армии двух армейских групп. В состав Северной группы генерала А.Н. Пепеляева вошли I Средне-Сибирский корпус (1-я и 2-я дивизии), 16-я Сибирская стрелковая дивизия и 17-я отдельная Сибирская стрелковая бригада, предполагавшиеся к объединению в V Сибирский армейский корпус, а также 1-я отдельная Сибирская штурмовая бригада. Южную группу генерала Г. А. Вержбицкого составили III Степной Сибирский армейский корпус (4-я и 7-я дивизии, 3-я Сибирская штурмовая бригада) и IV Сибирский корпус (3-я и 15-я дивизии, Златоустовско-Красноуфимская бригада). Командующим группами предоставлялись права командующего неотдельной армией. Не вошли в состав групп VIII армейский Камский и Сводный ударный корпуса, а также прибывшая из Омского военного округа 1-я кавалерийская дивизия генерала Д. Я. Миловича²³.

* * *

К началу 1919 г. Сибирская армия была укомплектована в основном новобранцами 1898–1899 гг. рождения, призванными в войска Временным Сибирским правительством осенью 1918 г. В ходе предстоящего наступления требовалось организовать бесперебойное пополнение Сибирской армии личным составом, в связи с чем на территории

Тюменского военного округа с санкции адмирала Колчака был проведен ряд мобилизаций.

26 января 1919 г. генерал Гайда подписал приказ о мобилизации в армию сроком на шесть месяцев призывников сроков службы 1914–1918 гг., проживавших на территории Пермского, Соликамского, Оханского, Кунгурского, Верхотурского, Красноуфимского и Екатеринбургского уездов. Призывники из Ирбитского, Шадринского и Камышловского уездов ставились на учет у уездных воинских начальников. Первым днем мобилизации назначалось 1 февраля 1919 г.

Через два дня, 28 января, на всей территории Пермской губернии в армию были призваны на тот же срок мужчины в возрасте от 18 до 25 лет с образованием не менее четырех классов средних учебных заведений. Пунктами сбора призываемых в Пермском, Оханском и Соликамском уездах устанавливалась Пермь, в Кунгурском и Верхотурском уездах – Кунгур, в Красноуфимском уезде – Красноуфимск, в Ирбитском, Камышловском, Шадринском и Екатеринбургском уездах – Екатеринбург. Всем призываемым предлагалось выехать в указанные пункты не позднее 4 февраля 1919 г. Согласно обоим приказам, призываемые должны были иметь при себе валенки, полушубки и по две-три смены белья. Рабочие и служащие железных дорог, а также фабрик и заводов, выполнявших военные заказы, от призыва в армию освобождались, но переходили на положение военнообязанных²⁴.

25 марта 1919 г. на территории Ирбитского, Туринского, Березовского, Тобольского, Тюменского, Ялуторовского и Ишимского уездов был объявлен досрочный призыв новобранцев срока службы 1921 г., т. е. родившихся в 1900 г. Первым днем мобилизации устанавливалось 30 марта²⁵. Через месяц, 30 апреля 1919 г., Гайда отдал приказ о мобилизации на шесть месяцев запасных солдат сроков службы 1908–1913 гг., проживавших в уездах по левому берегу р. Кама. В обоих случаях всех мобилизованных следовало направить в Екатеринбург²⁶.

В целом на территории Тюменского военного округа мобилизации прошли вполне успешно, хотя массового энтузиазма от предстоящей военной службы большинство призывников не испытывало. В тобольской газете «Сибирский листок» 18 марта 1919 г. отмечалось: «Насколько гладко и с большим подъемом происходил призыв интеллигентной части населения, настолько же шероховато и с большими трениями наблюдался призыв среди призывных солдат пяти последних возрастов». Наиболее крупными эксцессами стали вооруженные восстания в Туринске (7 марта) и Тюмени (13 марта), в которых участвовало около тысячи мобилизованных солдат²⁷.

Судя по всему, заметное распространение среди призванных и поставленных в строй солдат получило дезертирство. Это вызвало принятие ряда весьма строгих мер со стороны командования Сибирской армии. Из солдат, самовольно отлучившихся до 2 марта и добровольно явившихся к 15 марта генерал Гайда приказал сформировать дисциплинарный батальон и отправить его на фронт к генералу Гривину «на исправление»; всех самовольно отлучившихся после 2 марта и всех неявившихся к 15 марта – предавать военно-полевому суду, по приговору которого и расстреливать; точно также поступать и с дезертирами, принадлежавшими к частям Западной армии. Лиц, укрывавших дезертиров, Гайда приказал также предавать военно-полевому суду с последующей отправкой на каторгу сроком на 10 лет с полной конфискацией имущества²⁸.

24 апреля 1919 г. генерал Гайда распорядился мобилизовать сроком на шесть месяцев подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров всех родов войск сроков службы с 1907 по 1914 гг. включительно в Чердынском, Соликамском, Пермском, Глазовском, Оханском, Сарапульском, Осинском, Красноуфимском, Кунгурском, Екатеринбургском, Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Шадринском, Туринском, Березовском, Тюменском, Ялуторовском, Ишимском и Тобольском уездах. Общее руководство мобилизацией возлагалось на начальника Пермской местной бригады. Первым днем мобилизации устанавливалось 1 мая. Со сборных пунктов уездных воинских начальников все мобилизованные подлежали отправке в Екатеринбург.

Для переподготовки призванных по мобилизации подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров 6 мая были открыты временные повторительные унтер-офицерские курсы, рассчитанные на 1 тыс. человек. Начальником курсов состоял штаб-офицер для поручений при командующем Сибирской армией подполковник Луцков. 16 июня срок обучения на курсах закончился, а их переменный состав отправился на пополнение действующих корпусов Сибирской армии²⁹.

Уровень дисциплины данного контингента также вызывал серьезные нарекания. В приказе по войскам Сибирской армии 26 мая 1919 г. генерал Гайда обратил внимание на то, что «мобилизованные унтер-офицеры и подпрапорщики, уже одетые в военную форму, проявляют полное пренебрежение к элементарным требованиям воинской дисциплины: при встрече с офицерами не только не приветствуют их, но умышленно подчеркивают полное невнимание к ним». Подобное отношение старых солдат к воинской дисциплине, как справедливо отметил Гайда, весьма вредно отражалось на молодых солдатах³⁰.

Максимальной численности за все время своего существования Сибирская армия достигла к концу мая 1919 г. По состоянию на 1 июня в рядах Сибирской армии и подведомственном ей Тюменского военного округа на театре военных действий насчитывалось 152 142 чел. (см. табл. 1).

*Таблица 1 **

Численный состав Сибирской армии на 1 июня 1919 г.

	Офицеров	Чиновников	Строевых солдат	Добровольтцев	Нестроевых солдат	Лошадей
Штаб армии	418	89	9 813	179	1 209	880
Северная группа	2 333	450	41 608	896	13 377	10 939
Южная группа	2 023	399	37 907	3 419	10 572	9 221
Сводный ударный корпус с приданными частями	268	53	9 341	263	1 881	2 962
Итого в армии	5 042	991	98 669	4 757	27 039	24 002
Тюменский военный округ	641	221	10 310	1 144	3 328	2 223
Всего	5 683	1 212	108 979	5 901	30 367	26 225

* *Сост. по:* РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 64. Л. 12–13.

Организация снабжения этой огромной массы людей была поставлена из рук вон плохо. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что бойцы Сибирской армии часто бывали раздетыми и голодными. Но недостатки в снабжении армии были вызваны не только объективными, но и субъективными факторами. Генерал М.К. Дитерихс, в начале июля 1919 г. объехав фронт Сибирской армии, обратил внимание на то, что в действующих на фронте частях за отсутствием летних головных уборов люди носили зимние папахи, многие, не располагая нижним бельем, надевали гимнастерки на голое тело, шинели у солдат имелись только в виде исключения. Но в тыловых частях все были одеты. При этом старшие начальники дружно заявляли генералу, что «войска голодают, войска раздеты, центральные органы ничего не высылают и не заботятся об армии, отсюда – недовольство солдат, офицеров и всех».

Проведя собственное расследование, Дитерихс выяснил, что из 45 тыс. комплектов полного обмундирования, полученных Сибирской

армией в конце весны, на фронт было отправлено лишь 12 тыс., а все остальное – в тыловые части. В то время как фронтовики почти не имели летних головных уборов, на полках Екатеринбургского вещевого склада пылилась 31 тыс. фуражек. Аналогичная картина наблюдалась в отношении шинелей, обмундирования и белья. В условиях, когда солдаты на фронте голодали, в интендантстве Сибирской армии значился остаток в 57 тыс. пудов продовольствия и несоответствие между данными отправленного центральными органами снабжения и полученного на 239 тыс. пудов.

В итоге генерал Дитерихс сделал вывод: «Всеми видами довольствия и снабжения войска могли быть удовлетворены, если не полностью, то, во всяком случае, в значительно большей степени, если бы всюду не царило бездействие власти, преступное нерадение, представление заведомо ложных цифровых сведений о наличии людей и потребности и невероятно преступное бюрократическое отношение к своим обязанностям и работе». Краткое ознакомление с постановкой дела снабжения в Сибирской армии подвигло генерала Дитерихса к отстранению от должности главного начальника снабжений Сибирской армии генерала В.В. Рычкова и назначению самого широкого расследования его деятельности³¹.

К январю 1919 г. Сибирская армия, не считая воткинцев, еще не готовых к бою, имела 33 640 штыков, 2 465 сабель, 443 пулемета и 73 орудия. На левом фланге армии, южнее Кунгура, и на тракте Бирск – Кунгур располагались части генерала П.П. Гривина. Несколько южнее на том же тракте находилась Воткинская дивизия³² полковника Н.А. Альбокринова. Участок фронта к юго-западу от Кунгура до Бисерского завода занимала 7-я Уральская дивизия горных стрелков генерала С.М. Торейкина, вскоре переданная в состав соседней Западной армии. В полосе железной дороги Пермь – Вятка действовал I Средне-Сибирский армейский корпус генерала А.Н. Пепеляева, фронт которого проходил в 30 км западнее Перми, круто загибаясь левым флангом и переходя на левый берег р. Кама в 8 км к юго-западу от Перми. К северу от пепеляевского корпуса, на правом берегу Камы в районе села Ильинское (около 60 км севернее Перми) сосредоточивались части III Степного Сибирского армейского корпуса генерала Г. А. Вержбицкого. Им противостояли войска 2-й и 3-й армий советского Восточного фронта, силы которых оценивались белыми в 36 000 штыков, 2 100 сабель, 800 пулеметов и 138 орудий³³.

Пользуясь превосходством с силах, в конце декабря 1918 – начале января 1919 г. 2-я красная армия нанесла удар в направлении на Кунгур с целью охвата левого фланга Сибирской армии. Добившись незначительных успехов, 20 января 1919 г. красные вынуждены были перейти к обороне. К этому времени командование Сибирской армией осуществило еще ранее задуманный контрманевр. Части генерала Вержбицкого были переброшены с северного участка фронта в район Юговского и Бисерского заводов и 22 января предприняли наступление против левого фланга 2-й красной армии. В ходе проведения Кунгурской операции (22 января – 7 марта 1919 г.) генерал Вержбицкий отбросил красных от Кунгура, захватил ряд укрепленных пунктов, включая г. Оса, около 3,5 тыс. пленных, девять орудий и много других трофеев³⁴.

В начале марта 1919 г. началось общее наступление антибольшевистских вооруженных сил, находившихся под верховным командованием адмирала А.В. Колчака. Сибирская армия, приступившая к активным наступательным действиям 4 марта, получила задачу взять Глазов, Сарапул, Воткинский и Ижевский заводы и выйти на линию р. Лекма – Лоза – Силич – Ижевский завод – Сарапул – Кама до устья р. Белая, разбив 2-ю и 3-ю красные армии³⁵.

Накануне перехода в наступление, к 1 марта 1919 г., боевой состав Сибирской армии насчитывал 39,3 тыс. штыков, 2,9 тыс. сабель, 86 орудий и 446 пулеметов. Общая численность армии составляла 65 344 чел., в том числе 3 276 офицеров, 53 079 бойцов, 8 989 обозных и нестроевых (см. табл. 2). 2-я и 3-я красные армии к этому времени имели 46 тыс. штыков, 4,6 тыс. сабель, 139 орудий и 966 пулеметов³⁶.

Главный удар I Средне-Сибирского корпуса генерала Пепеляева был направлен между Осой и Оханском, в стык 2-й и 3-й красных армий. Части III Степного Сибирского корпуса генерала Вержбицкого атаковали южнее Осы через р. Тулва. Ударная группа корпуса Пепеляева, перейдя в вечерние сумерки по льду р. Кама, разделилась на три части: первая двинулась на Оханск, средняя – прямо на запад, на д. Сосновское, левая – на юг, на Осу. Этот главный удар сопровождался менее значительными ударами: к северу от Оханска, в районе Табарское, и к северу от железной дороги на Лузино.

Пока правый фланг корпуса медленно продвигался по направлению железной дороги, его ударная группа быстро заняла несколько деревень по правому берегу Камы, в том числе Очерский завод (северо-западнее Оханска). 7 марта отряды белых с трех сторон ворвались в Оханск. После этого правая колонна ударной группы отделилась через Очерский завод на Табарское, чтобы выйти на станцию Кузьма и отрезать путь

отступления 29-й советской стрелковой дивизии, медленно отходившей перед правым флангом корпуса Пепеляева. Средняя колонна была направлена через Сосновское и Кленовское в еще более глубокий охват на ст. Кез, а левая двинулась в тыл советских войск, оперировавших у Осы. Корпус генерала Вержбицкого занял 8 марта Богомяковское и Осу, после чего совместно с Воткинской дивизией начал развивать наступление в общем направлении на Воткинск³⁷.

Таблица 2 *

Боевой и численный состав Сибирской армии к 1 марта 1919 г.

	Офицеров		Штыков	Артиллеристов	Пулеметчиков	Разведчиков	Связистов	Бомбометчиков	Обозных и нестроевых	Пулеметов	Бомбометов	Лошадей	Орудий	Сабель
	Кадровых	Военного времени												
1-й Средне-Сиб. корпус	11	1 519	18 958	1 480	1 772	795	542	25	2 628	195	7	3 065	38	929
3-й Степной Сиб. корпус	57	1 280	11 325	873	1 646	831	781	66	3 469	169	5	3 562	38	510
Воткинская дивизия	8	168	5 618	144	528	314	367	-	1 920	73	5	3 467	8	1 165
Красноуфимская бригада	-	27	843	96	84	87	111	-	207	9	1	678	2	255
Омская Отд. Сиб. бригада	7	199	2 565	-	265	127	174	-	765	-	-	863	-	-
Итого в армии	83	3 193	39 309	2 593	4 225	2 027	1 975	91	8 989	446	18	11 635	86	2 859

* *Сост. по:* РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 64. Л. 59–60.

7 апреля около 19 час. при активном содействии местного населения белые заняли г. Воткинск. Штаб и часть войск 7-й советской стрелковой дивизии сдались в плен, в том числе командир дивизии бывший генерал-майор Романов и его начальник штаба бывший полковник Ковалевский. Белым также достались шесть исправных паровозов, 120 вагонов и заводское оборудование. После боев у Верхнего и Нижнего Армыза в 3 час. 9 апреля обходная колонна белых штыковым ударом овладела укрепленной позицией противника у дер. Ершовка и в результате четырехчасового боя заняла г. Сарапул. При этом было захвачено 2,5 тыс. плен-

ных, около 2 тыс. винтовок, 15 пулеметов и 50 стволов к пулеметам Кольта, шесть пароходов, 32 баржи, бронепоезд, 16 вагонов печеного хлеба, несколько вагонов овса и крупы, большие запасы прессованного сена и другие трофеи. Имевший важное стратегическое значение железнодорожный мост через Каму красные уничтожить не успели, взорвав только один из шести его пролетов. В 11 час. 13 апреля белые ворвались в Ижевский завод и после горячего боя к 15 час. заняли его³⁸.

К середине мая под натиском Сибирской армии соединения 2-й красной армии отошли за реку Вятка – последний оборонительный рубеж на пути к Казани, а соединения 3-й красной армии, прикрывавшие Глазов, Вятку, – на рубеж рек Кильмезь, Чепца³⁹.

К 23 мая командование Сибирской армии по указанию Колчака перенесло основные усилия своих войск с казанского на вятское направление. Оно намечало на левом фланге, опираясь на реки Кама и Вятка, войсками IV Сводно-Сибирского корпуса обороняться, а в центре охватывающими ударами двух корпусов (III Степного Сибирского с юга, I Средне-Сибирского с севера) захватить Глазов, затем Вятку. По данным советского командования, Сибирская армия имела до 54,3 тыс. штыков, 3,7 тыс. сабель, 111 орудий и 572 пулемета. Противостоящие ей 2-я и 3-я красные армии насчитывали 41,2 тыс. штыков, 5,1 тыс. сабель, 189 орудий и 1 006 пулеметов

По сведениям колчаковского штаба Верховного главнокомандующего, к 10 июня 1919 г., боевой состав армии выражался в 56,7 тыс. штыков, 4 тыс. сабель, 164 орудия и 600 пулеметов (см. табл. 3). Таким образом, Сибирская армия располагала несколько большими силами, нежели предполагал противник. Но в любом случае, белые превосходя красных в живой силе, существенно уступали им в оснащении орудиями и пулеметами.

В свою очередь советское командование разработало план Сарапуло-Воткинской наступательной операции, который предусматривал разгром Сибирской армии двумя ударами. Главный, охватывающий удар по ее левому флангу (IV Сводно-Сибирскому корпусу) с рубежа реки Вятка на Сарапул – Воткинск наносила 2-я армия при поддержке Волжской флотилии, вспомогательный удар с рубежа реки Кильмезь на Ижевский завод (по III Степному Сибирскому корпусу) – ударная группа 3-й армии. Остальные войска 3-й армии должны были активной обороной отразить атаки противника на Глазов – Вятку. В последующем намечался переход в наступление всех войск Северной группы, чтобы совместными усилиями 2-й армии с юго-запада, а 3-й армии с северо-запада, захватив главные силы Сибирской армии в клещи, уничтожить их западнее Перми.

Таблица 3 *

Боевой состав Сибирской армии к 10 июня 1919 г.

Наименование частей	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий	Самолетов
СЕВЕРНАЯ ГРУППА ГЕНЕРАЛА ПЕПЕЛЯЕВА					
<i>1-й Средне-Сибирский армейский корпус</i>					
1-я Сибирская стрелковая дивизия	7 227	-	95	15	-
2-я Сибирская стрелковая дивизия	8 328	-	67	18	-
Итого в корпусе	15 555	-	162	33	-
<i>5-й Сибирский армейский корпус</i>					
16-я Сибирская стрелковая дивизия	4 597	-	31	12	-
17-я Сибирская отдельная бригада	3 451	-	11	6	-
Итого в корпусе	8 048	-	44	18	-
Части, приданные группе	4 737	1 188	98	22	4
Итого в Северной группе	28 340	1 188	302	73	4
ЮЖНАЯ ГРУППА ГЕНЕРАЛА ВЕРЖБИЦКОГО					
<i>3-й Стетной Сибирский армейский корпус</i>					
4-я Сибирская стрелковая дивизия	4 029	390	78	19	-
7-я Сибирская стрелковая дивизия	4 188	195	56	11	-
Сводная дивизия	6 097	180	55	20	-
Итого в корпусе	14 314	765	189	50	-
<i>4-й Сибирский армейский корпус</i>					
3-я Сибирская стрелковая дивизия	1 727	222	27	8	-
15-я Сибирская стрелковая дивизия	1 691	102	23	10	-
Красноуфимская бригада	1 254	350	23	2	-
Итого в корпусе	4 672	674	63	20	-
Части, приданные группе	-	-	-	6	5
Итого в Южной группе	18 979	1 439	252	76	5
СВОДНЫЙ УДАРНЫЙ КОРПУС					
1-я Ударная дивизия	2 000	54	6	6	-
2-я Ударная дивизия	1 300	-	5	4	-
Итого в корпусе	3 300	54	11	10	-
ЧАСТИ, ПРИДААННЫЕ СИБИРСКОЙ АРМИИ					
1-й и 4-й батальоны морских стрелков	930	-	4	1	-
<i>8-й армейский Камский корпус</i>					
15-я Воткинская стрелковая дивизия	-	-	-	-	-
16-я Сарапульская стрелковая дивизия	2 600	-	3	-	-
Бессмертный полк имени Гайды	2 500	-	10	-	-
1-я кавалерийская дивизия	-	1 290	18	4	-
Итого в приданных частях	6 030	1 290	35	5	-
Всего в Сибирской армии	56 649	3 971	600	164	9

* Сост. по: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 64. Л. 2–3об.

24 мая части 2-й красной армии переправились на левый берег Вятки и, преодолевая сопротивление IV Сводно-Сибирского корпуса, к 30 мая продвинулись на правом фланге на 100 км, в центре на 30–50 км, а на левом фланге – только на 5–10 км. В ходе этого наступления красные захватили Елабугу (26 мая). На фронте ударной группы 3-й армии красные первоначально не имели успеха. В течение 23–30 мая войска III Степного Сибирского корпуса нанесли встречный удар по противнику и потеснили его на запад на 40–50 км, создав угрозу Глазову. Чтобы не потерять этот важный пункт на подступах к Вятке, командование 3-й армии сняло с ударной группы более 60 % сил и бросило их на глазовское направление. Ослабленной ударной группе ставилась активная задача – наступлением на юго-восток, в стык IV Сводно-Сибирского и III Степного Сибирского корпусов, оказывать содействие 2-й армии ⁴⁰.

В середине мая в связи с отступлением частей Западной армии генерала М.В. Ханжина между ее правым флангом и левым флангом Сибирской армии возник разрыв приблизительно в 90 км. Этот участок фронта вынужден был обеспечивать 32-й Прикамский полк 8-й Камской стрелковой дивизии, против которого действовали две дивизии противника. Дабы воспрепятствовать прорыву красных на тыловые коммуникации Сибирской армии генерал Гайда вынужден был использовать свой последний резерв – Сводный Сибирский ударный корпус. Из Екатеринбурга части корпуса были отправлены в Пермь, а затем на кораблях Камской военной флотилии переброшены к устью р. Белая (левый приток Камы). По свидетельству Гайды, в корпусе насчитывалось 5 730 штыков. Кроме того, корпусу были приданы 2-й Казанский стрелковый полк, 1-й и 4-й батальоны Отдельной бригады морских стрелков и батальон 1-го Бессмертного Ударного генерала Гайды полка, всего около 1 500 штыков. По данным советского командования боевой состав корпуса (вероятно, с учетом приданных частей) насчитывал 6,6 тыс. штыков и сабель, 6–8 орудий и около 90 пулеметов.

27 мая генерал П. Томашевский приказал своим войскам занять позиции вдоль северного берега р. Белая и приготовиться к ее форсированию. 2-й ударной дивизии надлежало занять участок от устья Белой до р. Кунт, 1-й ударной дивизии – от р. Кунт до р. Быстрый Таныш, 4-му батальону морских стрелков и 2-му Казанскому полку – от р. Быстрый Таныш до Большого Батраново. Корпусной резерв составили батальон Бессмертного полка и 1-й батальон морских стрелков.

Переправившись через р. Белая, Сводный ударный корпус начал движение на юг. 28 мая наступавшие части корпуса неожиданно для его командования оказались между 27-й и 35-й стрелковыми дивизия-

ми 5-й красной армии, которые и атаковали белых в оба фланга. После жестокого поражения в районе села Байсарова части корпуса бежали к Бирску, где были окончательно разгромлены. Красные захватили одно орудие, восемь пулеметов и 800 пленных. В течение 28–29 мая корпус потерял убитыми, ранеными и пленными половину своего состава⁴¹.

Особенно пострадала 2-я ударная дивизия, на личный состав которой генерал Гайда и возложил всю ответственность за случившееся. В секретном приказе по войскам Сибирской армии от 31 мая 1919 г. говорилось: «Донесения с фронта принесли позорные вести относительно 6-го и 7-го Ударных полков, которые, наступая на противника, не выдержали встречного боя и стали отходить. Отступление этих полков скоро превратилось в бегство, столь поспешное, что некоторые солдаты бросали оружие и сапоги и в панике бежали от врага, которого были призваны победить».

В связи с вышеизложенным генерал Гайда приказал всех солдат, вышедших из боя без сапог или без винтовок, немедленно арестовать, а всех виновных в поражении (включая офицеров) отдать под суд. При этом командиру корпуса предоставлялось право расстреливать без суда всех дезертиров-солдат, бежавших от красных. Начальнику 2-й Ударной Сибирской дивизии полковнику В. Воронову за то, что он не принял решительных мер к прекращению панического бегства офицеров и солдат, был объявлен строгий выговор. Дивизия и ее 6-й и 7-й полки лишались наименования «Ударных Сибирских». Офицерам и солдатам указанных полков было предложено немедленно снять отличия формы ударных частей и черные погоны. Имевшееся у личного состава этих двух полков английское обмундирование Гайда потребовал немедленно заменить на старое, менее пригодное к носке. Изъятые же английское обмундирование подлежало сдаче в штаб армии для выдачи более достойным частям Сибирской армии. 2-я дивизия лишалась права пользоваться отпусками. Всех мобилизованных старых солдат, по отбытии шести месяцев обязательной службы, командарм потребовал задержать до тех пор, пока дивизия своими успешными действиями против противника не смоет позор⁴².

После разгрома Сводного ударного корпуса у генерала Гайды уже не оставалось резервов для обеспечения своего левого фланга, что в конечном итоге предопределило общее поражение Сибирской армии в июне-июле 1919 г. В последующих боях Сводный Ударный Сибирский корпус заметной роли уже не играл, и 30 июля прекратил свое существование. Остатки его частей были сведены в 1-ю Екатеринбургскую дивизию, состоявшую из трех полков (начдив – полковник А.Н. Лабунцов). Приказом начальника штаба Верховного главноко-

мандующего от 14 сентября 1919 г. дивизии впредь предлагалось именоваться Екатеринбургской стрелковой, а входившим в ее состав полкам – 1-м, 2-м и 3-м Екатеринбургскими стрелковыми⁴³.

В связи с выдвиганием 5-й красной армии и Волжской флотилии к устью Белой, войска 2-й армии ускорили наступление. 1 июня они заняли Агрыз, а 2 июня – Сарапул. В результате контрудара белым удалось вернуть Агрыз, но через сутки, 3 июня, они были вынуждены вновь оставить его. Успешно отразив все контрудары противника, войска 2-й армии 7 июня захватили Ижевский завод, 11 июня – Воткинск. Введя в бой свежие резервы, красные форсировали Каму севернее Сарапула и развернули наступление на Красноуфимск.

В то время как 2-я армия успешно наступала, войска 3-й армии 2 июня под натиском 1-й Пермской и 2-й Сибирской стрелковых дивизий белых оставили Глазов. Однако, опираясь на успехи 2-й армии и получив крупные подкрепления, 3-я армия уже 7–9 июня перешла от обороны к наступлению. Командование Сибирской армии, опасаясь выхода в тыл войск 2-й и 5-й армий, усилило сопротивление на левом фланге, на красноуфимском и воткинском направлениях, а в центре вынуждено было начать отвод своих сил к Перми. К 12 июня войска 3-й армии продвинулись на 40–60 км на восток, а ее 29-я стрелковая дивизия, создав угрозу охвата Глазова с юга и севера, вынудила белых 13 июня оставить город.

13–14 июня войска 2-й и 3-й армий перешли к преследованию поспешно отступавших частей Сибирской армии. 2-я армия к 21 июня овладела рубежом Оса – Оханск и переправила на левый берег Камы (южнее Осы) часть своих сил. Войска 3-й армии к 22 июня выдвинулись на рубеж Оханск – Карагай, где завязали бои за сильно укрепленную позицию, возведенную белыми на дальних подступах к Перми. Опираясь на эту позицию, Сибирская армия старалась не допустить 3-ю армию к Каме и удержать пермский район. Однако в ходе контр наступления ей было нанесено сокрушительное поражение. Войска белых были отброшены за Каму на всех направлениях, кроме пермского. Захваченные на левом берегу плацдармы давали возможность советским войскам наступать как на Красноуфимск, так и на Пермь⁴⁴.

После выхода на линию р. Кама 2-я и 3-я красные армии приступили к проведению Пермской наступательной операции. В составе армий насчитывалось 45 тыс. штыков, 4,8 тыс. сабель, 947 пулеметов, 206 орудий и три бронепоезда. Волжская военная флотилия имела 37 боевых кораблей. Им противостояли соединения Сибирской армии, имевшие 57 тыс. штыков, 3,5 тыс. сабель, 440 пулеметов, 106 орудий и четыре бронепоезда. Белогвардейская Камская флотилия состояла из

34 вооруженных судов различного типа. Советские войска превосходили врага в 1,4 раза по саблям, в 1,9 по орудиям и в 2,1 по пулеметам, но в 1,2 раза уступали ему в штыках.

Войска 2-й армии 24–26 июня нанесли поражение соединениям Южной группы Сибирской армии и через три дня вышли к реке Ирень и Кунгуру, создав угрозу тылу ее Северной группы. 30 июня красные прорвали оборону белых на реке Ирень и 1 июля заняли Кунгур. 3-я армия в течение трех дней вела тяжелые бои по прорыву укрепленной позиции белых на подступах к Перми. 27 июня ее 29-я стрелковая дивизия прорвала оборону белых и через два дня вышла к Каме, а 30-я стрелковая дивизия форсировала Каму южнее Оханска и 30 июня начала наступление на Пермь с юга. 1 июля 29-я стрелковая дивизия, наносившая удар с севера, заняла Пермь.

К этому времени еще более усугубился процесс разложения Сибирской армии, выразившийся в массовом переходе на сторону противника целых воинских частей. Так, 30 июня у деревни Косотурихи (в 28 км юго-западнее Перми) без боя сдались красным 3-й Добрянский и 4-й Соликамский полки из состава 1-й (16-й) Сибирской стрелковой дивизии – всего около тысячи солдат вместе с командиром одного из полков и шестью офицерами при семи пулемётах⁴⁵.

В результате проведенной красными операции Сибирская армия была рассечена на две части: одна отступала к Екатеринбург, другая – на Кушву, Нижний Тагил. Камская белогвардейская флотилия была частично сожжена и потоплена, частично уведена колчаковцами в Соликамск и Чердын⁴⁶.

После завершения Пермской операции войска 2-й и 3-й армий перешли в наступление на Екатеринбург. Замысел Екатеринбургской операции предусматривал: в ходе неотступного преследования Сибирской армии силами 2-й и правого фланга 3-й армий на екатеринбургском направлении и левого фланга 3-й армии на Нижний Тагил, Верхотурье завершить разгром противника, освободить Екатеринбург и весь Средний Урал. Были приняты меры по усилению левого крыла фронта: 2-я армия получила до 8 тыс. человек пополнения, в 3-ю армию влилось 12 тыс. человек⁴⁷. Части 2-й и 3-й красных армий имели 40,3 тыс. штыков, 5,7 тыс. сабель, 226 орудий и 961 пулемет, Сибирская армия – 34,1 тыс. штыков, 5,1 тыс. сабель, 154 орудия и 538 пулеметов.

2-я армия, преследуя части IV Сибирского и Сводного ударного корпусов, к 11 июля вышла на рубеж Михайловский, Бисертский, где натолкнулась на заблаговременно подготовленную оборону противника. Но, обойдя левый фланг Сводного ударного корпуса, красные вышли к

с. Мраморское, перерезав железную дорогу Екатеринбург – Челябинск, и создав угрозу тылу оборонительной позиции белых. В результате удара с фронта и тыла 15 июля 1919 г. красные заняли Екатеринбург.

Аналогичный маневр провели войска 3-й армии, вынужденные прорывать оборону белых на р. Чусовая. 16 июля подвижная группа советских войск под командованием Н.Д. Томина вышла в тыл белым и перерезала железную дорогу Екатеринбург – Верхотурье, окончательно расчленив Сибирскую армию на две изолированные группировки. Южная под отступала на Челябинск, а Северная – на Верхотурье⁴⁸.

В условиях начавшегося развала фронта 7 июля 1919 г. генерал Гайда покинул пост командующего армией, уйдя «в отпуск по болезни». Его преемником стал генерал М.К. Дитерихс. Приказом адмирала А.В. Колчака от 14 июля 1919 г. М.К. Дитерихс был назначен на вновь учрежденную должность главнокомандующего Восточным фронтом с подчинением ему всех войск Сибирской и Западной отдельных армий, которые сводились в три неотдельные армии. При этом Сибирская армия разделялась на 1-ю под командованием генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева и 2-ю генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого⁴⁹.

В состав 1-й Сибирской армии вошли I Средне-Сибирский корпус (1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии), 7-я и 16-я Сибирские стрелковые дивизии, 17-я отдельная Сибирская стрелковая бригада, отряд полковника А.В. Бордзиловского, штурмовая и егерская бригады бывшей Северной группы войск Сибирской армии. Из указанных частей генералу А.Н. Пепеляеву предписывалось выделить авангардную группу в составе отряда полковника Бордзиловского и 7-й Сибирской стрелковой дивизии с задачей обеспечивать Кушвинский, Тагильский и Егоршинский узлы, упорно прикрывать направления Соликамск – Верхотурье, Верхотурье – Ирбит, Тюмень, Кушва – Тагил, Егоршино – Ирбит. Остальные части должны были сосредоточиться в районе Тюмень – Ялуторовск для реорганизации, пополнения и снаряжения.

Во 2-ю армию вошли группа генерала П.П. Гривина (3-я и 15-я Сибирские, 15-я Воткинская стрелковые дивизии и временно – 1-я кавалерийская дивизия и части Сводного ударного корпуса, которые предписывалось свести в 1-ю Екатеринбургскую дивизию), группа генерала Г.А. Вержбицкого (4-я и 18-я Сибирские стрелковые дивизии, штурмовая бригада III Степного Сибирского корпуса), группа генерала В.И. Волкова (1-я Сибирская казачья и Уфимская кавалерийская дивизии, 1-я Красноуфимская бригада). Командующему армией поручалось обеспечивать узловую железнодорожную станцию Богданович и район станции Островская, прикрывая направление на Богданович – Камыш-

лов – Тюмень и Сысертский – Островская – Долматов – Шадринск – оз. Кабанье – Курган. Главные силы 2-й армии должны были расположиться в районе Долматов – Шадринск для переформирования и пополнения и составить резерв командующего Восточным фронтом⁵⁰.

* * *

Причина поражения Сибирской армии в борьбе с красными имеет множество факторов. Прежде всего, штабом Сибирской армии и вышестоящим штабом Верховного главнокомандующего были допущены серьезные стратегические просчеты. Так, в конце мая – начале июня 1919 г. когда на левом фланге Сибирской армии уже наметился прорыв красных, генерал Гайда вместо того, чтобы парировать удар противника, сосредоточил основные силы на правом фланге армии и направил их в наступление на Глазов, Вятку. Левый фланг Сибирской армии в это время «повис в воздухе», не имея соприкосновения с соседней Западной армией.

По всей видимости, генерал Гайда сознательно шел на риск Глазовского наступления, будучи уверен, что положение на левом фланге будет восстановлено при помощи Сводного Сибирского ударного корпуса – последнего козыря в его большой военной игре. Однако, несмотря на свое громкое название, корпус оказался не жизнеспособным войсковым соединением. На конец мая он находился на начальной стадии формирования. В силу крайне сжатых сроков его развертывания, подавляющее большинство полковых, батальонных и ротных командиров были назначены на свои должности накануне или даже во время выдвижения частей на фронт. Это означало, что командиры не имели времени ознакомиться со своими подчиненными, а подчиненные – со своими командирами. Весьма примечательно, что даже начальники дивизий – полковники Лабунцов и Воронов были официально допущены к исполнению должностей лишь 30 мая 1919 г. Воинские части и подразделения корпуса, не являясь сплоченными коллективами, были обречены на неустойчивость в бою. К тому же они отправились на фронт без телефонов, кухонь, обоза и даже не будучи полностью вооруженными.

Генерал Гайда изначально допустил просчет, приняв решение о формировании новых частей исключительно из мобилизованного контингента. Как показывает опыт гражданской войны, единственным правильным было бы пополнение до штатного состава и последующее развертывание уже имевшихся в армии частей и соединений, которые располагали надежным и проверенным в боях личным составом. Формирование новых соединений отвлекало большое количество потенциальных командиров и бойцов на штабную работу и нестроевую службу и истощало и без того небогатые материальные ресурсы белых властей. Еще одним

просчетом являлось то, что срок службы мобилизованного в армию контингента официально ограничивался шестью месяцами. Видимо, Гайда всерьез рассчитывал за полгода осуществить полный и окончательный разгром советского Восточного фронта. Но надежды на скорую победу не оправдались. Отступление Сибирской армии в июле-августе 1919 г., в ходе которого были потеряны важнейшие в стратегическом отношении Пермь и Екатеринбург, совпало по времени с завершением установленного ранее срока службы у значительной части солдат, что явилось одной из предпосылок для массового дезертирства солдат.

Штаб Сибирской армии оказался не в состоянии эффективно распорядиться имеющимися в его распоряжении людскими контингентами. Из анализа данных таблиц 1, 2 и 3 видно, что в течение марта – мая 1919 г. численность личного состава в армии увеличилась более, чем в два раза. При этом ее боевой состав вырос лишь в 1,5 раза, а численность нестроевого элемента – в три раза. Непропорциональное увеличение численности боевой и небоевой составляющих в личном составе связано было не только с организационными просчетами в комплектовании армии, но и с отсутствием у генерала Гайды объективной возможности полностью вооружить мобилизованных и обеспечить их всем необходимым. Недостаток снабжения усугублялся халатностью и воровством военных интендантов.

К началу лета 1919 г. Сибирская армия добилась небольшого превосходства над красными в количестве штыков и сабель, но разрыв в соотношении оснащенности пушками и пулеметами неизменно оставался в пользу противника. При таком соотношении сил белые объективно не могли добиться сколько-нибудь долговременных успехов в наступательных операциях. Если же войска Сибирской армии вплоть до начала июня и удерживали стратегическую инициативу на фронте, то достигалось это исключительно за счет более высокого по сравнению с противником уровня боеспособности частей, максимального напряжения моральных и физических сил личного состава.

¹ Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М.: Рейтар, 1999. 160 с.

² Огородников Ф. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938. 316 с.

³ Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.: Издат. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 672 с.

⁴ Ситников М.Г. Полковник Е.И. Урбанковский и его штурмовики // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2003. №12. С. 28–39; *Он же*. Пермская Сибирская стрелковая дивизия // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2010. № 18. С. 5–61.

⁵ Симонов Д.Г. К истории Сводного Сибирского ударного корпуса армии адмирала А.В. Колчака // Сибирь в период Гражданской войны. Материалы Международной науч. конф. Кемерово, 6–7 февр. 2007 г. Кемерово, 2007. С. 55–57; *Он же*. Сибирская армия ад-

- мирала А.В. Колчака: организационная структура и комплектование личным составом (декабрь 1918 – июль 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 37–41.
- ⁶ РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 3. Л. 115; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 20.
- ⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1497. Л. 10–11.
- ⁸ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 612 с.
- ⁹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 14.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; Д. 16. Л. 171.
- ¹¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 16. Л. 171.
- ¹² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 23.
- ¹³ Там же. Л. 152, 198.
- ¹⁴ Там же. Л. 250.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 16. Л. 119, 467; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 87, 111, 118, 162.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 94, 118, 250.
- ¹⁷ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Париж, 1921. Т. 1. Вып. 2. С. 138.
- ¹⁸ Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 11 февраля
- ¹⁹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 25, 118об.
- ²⁰ 9 апреля 1919 г. генерал Гайда объявил форму одежды 1-го Бессмертного ударного полка. Головной убор – папахи и кепи с черными кантами. Шаровары – защитного цвета с черными кантами. Гимнастерка – защитного цвета с черными кантами по воротнику и обшлагам; на груди – щит, обшитый черным кантом и двумя гнездами для патронов, обшитыми черным кантом. Погоны – защитные с переплетающимися буквами Б (красного цвета), У (черного цвета) и сверху их – буквы ГГ белого цвета. Погоны, петлицы (защитные), воротник и обшлага шинели обшиты черными кантами. Нарукавный знак – маленький череп на черном щитке на левом рукаве выше локтя (РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 119)
- ²¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 20, 22, 25, 77, 85, 88, 98. Для чинов вновь формируемых ударных частей устанавливались особые отличия формы одежды. В частности, для пехотных частей 2-й Ударной бригады устанавливались черные погоны с синими просветами и выпушками; на левом рукаве щиток синего цвета с черепом и костями, под щитком красно-черный угол; на шароварах – синие лампасы. В артиллерии – черные погоны с красными просветами и выпушками; на левом рукаве – красный щит с черепом и костями; под щитком – красно-черный угол; на шароварах – красные лампасы. Для чинов штаба – черные погоны с белыми просветами и выпушками; на левом рукаве – белый щиток с черепом и костями; под щитком – красно-черный угол; на шароварах – белые лампасы. На погонах – римская цифра II. В батальонах, соответственно с их нумерацией, на погонах размещалась арабская цифра 4, 5 или 6.
- ²² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 152, 162, 201, 215.
- ²³ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 171. Л. 165–167; Ф. 39888. Оп. 1. Д. 3. Л. 31–32.
- ²⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 143.
- ²⁵ Голос Сибирской армии (Екатеринбург). 1919. 29 марта.
- ²⁶ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 159
- ²⁷ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.) Сб. документов и материалов Свердловск, 1967. С. 277–191.
- ²⁸ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1506. Л. 11.
- ²⁹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 19, 20, 23 20.
- ³⁰ Там же. Л. 23.
- ³¹ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
- ³² В последних числах февраля 15-й Омской дивизии был передан участок фронта, ранее занимаемый Воткинской дивизией. Воткинцы же перешли на левый фланг III Степного Сибирского корпуса для действий в направлении Воткинского и Ижевского заводов.
- ³³ Огородников Ф. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938. С. 38.

-
- ³⁴ Русская армия (Омск). 1919. 12 июля.
- ³⁵ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.
- ³⁶ *Огородников Ф.* Удар по Колчаку... С. 73.
- ³⁷ *Огородников Ф.* Там же. С. 97–98.
- ³⁸ Голос Сибирской армии (Екатеринбург). 1919. 16 апреля.; *Огородников Ф.* Удар по Колчаку С. 137.
- ³⁹ Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2. С. 66.
- ⁴⁰ Там же. С. 72–73.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 43. Л. 16, 17; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 322–324; История гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4. С. 115; Гражданская война в СССР. Т. 2... С. 71.
- ⁴² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 223.
- ⁴³ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1481. Ч. VIII, IX. Б. л.; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 69. Л. 13.
- ⁴⁴ Гражданская война в СССР. Т. 2... С. 73–75.
- ⁴⁵ *Паздников Н.Ф.* Борьба за Пермь: Пермские события в гражданской войне. Пермь, 1988. С. 166
- ⁴⁶ Гражданская война в СССР. Т. 2... С. 81–82.
- ⁴⁷ Там же. С. 82.
- ⁴⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1987. С. 206–207.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 105
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 587.

**Причины и проявления молодежной преступности в Сибири
в 1920–1930-е годы***

После установления Советской власти в Сибири одной из важных ее задач стало восстановление правопорядка на территории региона, в том числе формирование у подрастающего поколения готовности следовать принятым в обществе правовым нормам. Необходимо было воспитывать у молодых людей новое правовое сознание. Задача пропаганды права возлагалась на правоохранные органы Сибири, прежде всего на судебные учреждения. В своей деятельности суды особое внимание обращали на преодоление и профилактику преступности среди молодежи.

В настоящей статье рассмотрены основные причины и проявления молодежной преступности и меры, предпринимавшиеся для ее сокращения. Источниками изучения темы являются архивные материалы из фондов правоохранных и государственных органов, общественно-политических организаций Сибири, а также опубликованные документальные материалы.

Социально-политический и экономический кризис в послереволюционной Сибири вызвал дестабилизацию общества, снижение уровня социального и правового контроля за поведением людей. Кроме того, для людей традиционно-аграрного общества (а такими продолжала оставаться подавляющая часть сибирского населения) недоверие к праву и закону, правоохранным органам государства было типично. Следствием этого стал рост преступности и других форм девиантного поведения, в которые втянулась значительная часть молодежи Сибири.

Еще до начала крупных социальных потрясений – Мировой войны и революции 1917 г. – Сибирь по уровню преступности занимала одно из первых мест среди других регионов Российской империи. Если в среднем по России в 1913 г. количество осужденных за различные преступления составляло 105 человек на 100 тыс. населения, то в Енисейской губернии данный показатель достигал 200, а в Иркутской губернии почти 260 человек¹.

После установления Советской власти в Сибири преступность находилась на значительно более высоком уровне по сравнению с дореволюционными временами, поскольку экстремальные условия существования людей создали благоприятную почву для криминализации по-

* *Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ (исследовательский проект № 12-01-00224а).*

вседневной жизни. По данным ЦСУ, в 1923 г. в Сибири совершалось 10,5 преступлений на тысячу человек населения, тогда как в целом по РСФСР этот показатель составлял 14,4 правонарушений².

Разрушение существовавшей в Российской империи правовой системы и обеспечивавших ее функционирование учреждений привело к серьезным негативным последствиям. О том, в каком состоянии находились работники и учреждения правоохранительных органов в Сибири, свидетельствуют материалы обследования, проведенного наркоматом РКИ РСФСР в 1923 г. Проверка показала, что в органах милиции Сибири наблюдается хроническая нехватка работников, оголены даже такие наиболее важные участки, как уголовный розыск, оперативная работа. Не хватало оружия, оборудования, не только форменного обмундирования, но даже необходимой одежды для сотрудников³.

В плачевном состоянии находились и судебные учреждения Сибири. Помещения обследованных судов были не приспособлены для ведения судопроизводства. Заработная плата как самих судей, так и вспомогательного персонала была значительно ниже средней по аналогичным профессиям. Количество судов для обслуживания огромной территории Сибири было явно недостаточным⁴.

В местах лишения свободы в Сибири, по данным на 1923 г., находилось 9 737 человек, в то время как количество мест в них составляло только 7 360, в числе заключенных мужчин было 93,8 %, женщин – 5,5 %, несовершеннолетних – 0,7 процента⁵.

В начале 1920-х годов Сибирь по уровню преступности занимала примерно 10–11 место среди других регионов России. Лидерами по уровню преступности являлись более урбанизированные центральные и южные районы России с центрами преступности в Москве, Петрограде, Одессе и Ростове. Однако отставание Сибири от общероссийских показателей возникло только благодаря обширности территории и преобладанию сельского населения. Города же Сибири в это время представляли собой очаги повышенной преступности. По данным за 1924 г., на тысячу жителей городского населения приходилось 17,13 осужденных за различные преступления, в то время как в сельской местности Сибири этот показатель составил только 6,12 человек⁶.

Проявления повседневной бытовой преступности заполнили улицы сибирских городов. В составе преступлений преобладали такие их виды, которые превращали жизнь городского жителя в постоянную борьбу за свое выживание и сохранение своего имущества. Это, прежде всего, воровство и разбой, часто сопровождавшиеся убийствами, мошенничеством в различных видах. Особенно досаждало жителям массо-

вое уличное хулиганство, связанное с насилием против личности. Среди хулиганов большинство составляли молодые люди.

В целом в составе преступников молодежь составляла значительную часть. Проявления девиантного поведения, выходящего за рамки правовых норм, в повседневной жизнедеятельности молодежи были весьма разнообразны: от ссор и драк в быту, в семье, до совершения различных имущественных преступлений: кражи, разбой и т. п. Многочисленными были также преступления против личности, включая убийства.

По данным судебной статистики, в 1923 г. несовершеннолетние в возрасте от 14 до 17 лет составляли 3,5 % осужденных, молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет – 40,9 %; в 1924 г. эти показатели составляли соответственно 3,8 % и 38,6 процента⁷. Данные по Сибири были близки к общероссийским показателям. По сведениям, приведенным А.И. Солженицыным в его исследовании «Архипелаг Гулаг», 48 % находившихся в местах заключения в СССР в 1927 г. имели возраст от 16 до 24 лет⁸.

Для подавляющего большинства сибирской молодежи в рассматриваемый период закон и право были неведомой областью. Своеобразной формой знакомства с этой сферой общественной жизни стало для многих молодых людей привлечение их к суду за совершение правонарушений. Можно сказать, что именно участие в судебном процессе или его восприятие становилось для молодежи распространенным способом освоения данной области знания. Суд становился своеобразной школой, где молодые люди получали первые уроки права.

Излишне говорить, что подобный способ знакомства с законом мало соответствовал задачам правового воспитания молодежи. Кроме того, он создавал у молодежи неверное представление о роли суда в обществе только как карательного института, так как столкновение с судом, как правило, означало лишение свободы или другие наказания в форме ограничения личностных и имущественных прав.

Уголовная ответственность для молодежи по Уголовному кодексу РСФСР, принятому в 1922 г., наступала с 16 лет, по некоторым наиболее тяжким преступлениям – с 14 лет. К тому же до наступления совершеннолетия – 18 лет – наказание за совершенные преступления могло быть сокращено вдвое. По преступлениям, совершенным подростками до 16 лет, была установлена особая система прохождения и рассмотрения уголовных дел: вначале они должны были рассматриваться комиссиями по делам несовершеннолетних.

Несовершеннолетние правонарушители в возрасте от 14 до 16 лет могли быть арестованы только с санкции комиссии по делам несовер-

шеннолетних. Уголовные наказания к ним применялись только в том случае, если комиссия по делам несовершеннолетних признавала недейственными другие способы наказания⁹.

Для рассмотрения преступлений несовершеннолетних в начале 1920-х годов в Сибири было создано девять специальных комиссий, которые работали под наблюдением судебных органов. В 1923 г. они рассмотрели 1 757 дел с привлечением 2 463 подростков. Около 20 % подростков в итоге оказывалось в местах заключения, около 1/3 – в детских домах и в домах для «морально-дефективных» детей¹⁰. К сожалению, после пребывания в местах лишения свободы жизненный путь большинства этих подростков был, как правило, накрепко связан с преступным миром.

Бедственное положение населения, которое ставило перед молодыми людьми задачу элементарного выживания, обеспечивало почву для прихода молодежи в криминальную среду. Но вступление молодых людей на путь преступной деятельности вызывалось не только низким уровнем жизни. Определенную роль играла также популярность среди значительной части молодежи тех лет криминальной среды и криминального образа жизни, так называемая «блатная романтика».

Атмосфера криминального мира, нормы и ценности блатной романтики являлись частью городской жизни в первые послереволюционные десятилетия. В такой извращенной форме осуществлялось приобщение молодежи к городской культуре, точнее – к ее негативному сегменту. Трагическим заблуждением молодых людей было убеждение, что таким образом можно утвердить себя в обществе, обеспечить свое материальное благополучие. Как показывают материалы судебных процессов, молодость таких «романтиков» могла закончиться, не получив шансов перерасти во взрослую жизнь. Например, в Иркутской губернии осенью 1925 г. была ликвидирована банда Сеньки Черных, которая длительное время терроризировала население. Банда состояла из молодых людей в возрасте от 15 до 22 лет. В составе банды постоянно находилось от 12 до 16 человек, в том числе четверо членов банды были женского пола: две девушки 17–18 лет и две молодые женщины постарше. В состав банды входили совсем юные подростки: одному из участников – Комарову Макару исполнилось только 14 лет.

Банда действовала в районе Иркутского тракта, нападая на проезжавших, грабила потребительские общества, магазины, не останавливалась даже перед убийством людей. Одним из громких преступлений этой банды стала организация крушения поезда. Бандиты ждали почтовый поезд, который перевозил деньги. Но к счастью для пассажиров,

ехавших в этом поезде, он опоздал, и под откос пошел товарный поезд. В ходе крушения два человека погибли и двое были ранены. Деятельность банды нанесла ущерб населению округа на десятки тысяч рублей. Только лошадей было похищено не менее 85. Более 400 человек пострадали в той или иной степени от преступлений, совершенных бандой, а от четырех до десяти человек (по разным сведениям) погибли от их рук.

Все это заставило милицию бросить на уничтожение банды крупные силы. В результате перестрелки главарь банды Сенька Черных и его брат были убиты, остальные члены банды – арестованы. Все члены банды, достигшие совершеннолетия, судом были приговорены к расстрелу, подростки – к заключению в концлагерь¹¹. Можно подвести печальный итог: молодежь, пытавшаяся сделать свою жизнь красивой и обеспеченной за счет преступных действий, не получала материального благополучия, а зачастую теряла и самое главное свою ценность – жизнь.

В числе участников молодежных преступных группировок достаточно часто встречались и комсомольцы. Так, в 1925 г. в Новониколаевске была арестована преступная группа под руководством члена РКСМ Перепелкина Михаила, 21 года. В состав шайки входили подростки в возрасте 17–20 лет. Михаил был самым старшим из них. Они, имея на вооружении револьвер и нож, нападали на людей в вечернее время, избивали, грабили. 24 ноября 1925 г. все члены этой банды были приговорены к заключению на три года в концлагерь¹².

На рубеже 1920–1930-х годов, в период «великого перелома», сопровождавшегося социальными катаклизмами для сельского и городского населения Сибири, молодежная преступность выросла, как и общий уровень преступности. Криминальная статистика, не всегда полно отражая долю молодежи в составе правонарушителей, фиксировала в числе арестованных и осужденных прежде всего группу, требовавшую особого внимания, – несовершеннолетних. По данным сибирской краевой прокуратуры, в начале 1930 г. в числе 23 тыс. заключенных в лагерях Сибирского края несовершеннолетние составляли около 500 человек. Краевая прокуратура поставила задачу перевести несовершеннолетних в детские колонии или освободить и передать на поруки с тем, чтобы освободить места для новых арестантов, которые должны были хлынуть в лагеря в связи с проведением политики ликвидации кулачества как класса¹³.

По данным на 1 мая 1933 г., в Западно-Сибирском крае, как следовало из доклада начальника краевого управления исправительно-трудовых учреждений Н.В. Емеца председателю крайисполкома Ф.П. Грядинскому, в местах заключения находилось 24 584 человека, в том числе в домах заключения – около двух тысяч, в их числе

400 несовершеннолетних. Кроме того, в крае находилось под арестом примерно 18 тысяч человек, из них 14 649 было арестовано милицией, 3 411 – ОГПУ. Итого на территории Западной Сибири общее число людей, лишенных свободы, по данным на весну 1933 г., превышало 43 тысячи человек, а иногда этот показатель доходил до 50 тысяч¹⁴. Значительную их часть, как свидетельствует судебная статистика, составляли молодые люди.

Ситуация распространившегося по СССР голода 1933 г. также отозвалась на состоянии преступности в Сибири. В 1933 г. правоохранительные органы края отмечали явный рост преступности. При этом значительная часть преступников рекрутировалась из молодежи. Также рост преступности происходил за счет детской беспризорности. Так, в докладной записке начальника Западно-Сибирского краевого управления милиции И.Г. Домарева отмечалось, что с 1 октября 1932 г. по 1 октября 1933 г. резко возросло число грабежей, разбоев и убийств. В крае был проведен трехмесячник по ликвидации бандитских уголовных элементов с предоставлением особой тройке ОГПУ права внесудебной расправы вплоть до расстрела.

В Западно-Сибирском крае за 1933 г. было вскрыто и ликвидировано 150 банд, в которые входило около тысячи человек. К уголовной ответственности было привлечено 809 человек, из них к высшей мере были приговорены 294, к 10 годам лишения свободы – 358, к пяти годам – 113 человек¹⁵.

В оперативной сводке краевого управления милиции за первый квартал 1934 г. отмечалось, что ликвидировано 104 банды с числом участников 418 человек. В том числе в Новосибирске была ликвидирована банда Шипилова, в которой состояло 15 молодых людей в возрасте от 15 до 22 лет. Банда совершила 20 ограблений, 15 грабежей и три убийства¹⁶.

В середине 1930-х годов преступления, совершенные подростками, стали давать существенную прибавку к статистике общей преступности. В совместной докладной записке полномочного представителя ОГПУ Н.Н. Алексеева и начальника краевого управления милиции И.Г. Домрачева председателю крайисполкома Ф.П. Грядинскому от 4 июня 1934 г. сообщалось, что в городах Западной Сибири сложилось крайне неблагоприятное положение с детской преступностью, особенно в Новосибирске. Только в течение января – апреля 1934 г. подростками в возрасте от 10 до 16 лет в Новосибирске было совершено не менее 100 преступлений. В том числе 75 из них было совершено организованными преступными группами. Это были ограбления, кражи из магазинов, похищение товара на базаре и другие правонарушения¹⁷.

Причинами роста молодежной преступности стали нищенские условия жизни значительных масс населения, возрастание масштабов беспризорности в результате социальных катаклизмов, охвативших город и деревню в первой половине 1930-х годов. В Новосибирске в течение 1933 г. было задержано 870 малолетних беспризорных преступников, а также 820 беспризорных, уже подлежащих к привлечению к уголовной ответственности¹⁸.

Между малолетними правонарушителями довольно часто возникали споры и драки, которые заканчивались серьезными травмами или даже смертью. Так, в Новосибирске 23 марта 1934 г. двенадцатилетний Федор Тимофеев ударил ножом тринадцатилетнего Семена Николаева, который в результате полученного ранения скончался. Так как Тимофеев не достиг еще возраста привлечения к уголовной ответственности, он был отпущен на свободу и вскоре снова порезал ножом одного из своих товарищей¹⁹.

Неблагополучным было положение с преступностью несовершеннолетних в школах ФЗУ. Например, в Барнауле ученик ФЗУ овчинно-шубного завода Анатолий Казанцев, которому исполнилось всего 15 лет, был привлечен к уголовной ответственности за изнасилование нескольких девушек под угрозой применения холодного оружия. Одна из его жертв получила ножевое ранение²⁰.

Рост молодежной преступности заставил руководство СССР обратить на это явление особое внимание и принять специальные меры. 7 апреля 1935 г. был издан Указ ЦИК СССР о введении новой нормы уголовного кодекса РСФСР, устанавливавшей уголовную ответственность для несовершеннолетних с 12 лет и отменявшей для них смягчение наказаний²¹. Известный канадский исследователь П. Соломон считает, что это было прямолинейным и поспешным решением, принятым по указанию самого И.В. Сталина²².

В борьбе с молодежной преступностью после принятия Указа от 7 апреля 1935 г. были усилены репрессивные меры. В результате за первую половину 1936 г. Западно-Сибирским краевым судом было осуждено 33 малолетних преступника: в возрасте от 12 до 13 лет – три человека, в возрасте 14 лет – 15 человек, в возрасте 15 лет – 15 человек, в том числе 10 человек из осужденных в момент совершения преступления были школьниками²³.

Преступность несовершеннолетних охватывала практически все виды преступлений. Из преступлений, совершенных несовершеннолетними за первую половину 1936 г., кражи составили 54,5 %, ограбле-

ния – 21,2 %, убийства и ранения – 12,1 %, избияния школьников – 9,1 %, изнасилования – 3,1 процент²⁴.

Необходимо отметить, что, получив заслуженное наказание и попадая в места заключения, молодежь вряд ли прониклась там уважением к закону. Скорее наоборот, она еще более привыкала к отсутствию правового регулирования, к жестокости и насилию. Несовершеннолетние правонарушители сталкивались с неограниченным насилием как только попадали в руки милиции или других органов, занимавшихся работой с беспризорными и безнадзорными детьми. Например, по данным обследования в 1935 г. детских приемников и колоний условия содержания детей в этих учреждениях во многих случаях были просто ужасными²⁵.

Обращение в этих учреждениях с подростками отражало как жестокость персонала, так и низкий культурный и материальный уровень системы в целом. Комиссия, обследовавшая в 1935 г. Барабинский детский приемник, зафиксировала в своих актах ужасающую антисанитарию и бесчеловечное содержание детей, вплоть до нанесения побоев. Стекла в помещении приемника были выбиты, кругом лежали кучи мусора. Пищевые продукты хранились вместе с отходами. Дети вынуждены были спать по трое на одной койке. Многие не имели обуви, а их одежду составляли лохмотья. Положение было столь недопустимым, что заведующий Барабинским детским приемником был отдан под суд²⁶.

В 1935 г. детские приемники и колонии были переданы из ведения Наркомата просвещения в НКВД, что вряд ли сделало условия пребывания малолетних правонарушителей в этих учреждениях более сносными. Факты жестокого обращения с несовершеннолетними преступниками были зафиксированы в 1935 г. в Томской трудовой колонии НКВД. Здесь был оборудован карцер, который представлял из себя узкое и темное помещение без каких-либо нар или места для сидения; окно не было застеклено, из-за чего здесь было холодно и сыро. Подростков помещали в карцер полураздетыми, в трусах и майке, и они были вынуждены спать на навозе, покрывавшем пол²⁷.

Организация исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних правонарушителей была необходимой мерой. Но в условиях низкого культурного и материального уровня населения СССР в целом положение в этих учреждениях было настолько тяжелым, что не гарантивало действительного исправления и перевоспитания попадавшей туда молодежи. На 1 января 1939 г. только в Новосибирской области в колониях НКВД для несовершеннолетних преступников находилось 2 734 подростка²⁸.

Таким образом, в 1920–1930-е годы значительная часть молодежи Сибири оказывалась в числе правонарушителей, а многие попали в мес-

та лишения свободы. Даже при относительно небольшой доли правонарушителей в общем составе молодого поколения влияние ее на общий процесс социализации молодежи было очень серьезным и ощутимым. Для молодежи в силу особенностей возраста образцы девиантного поведения имели особую притягательную силу из-за соблазнительных возможностей освободиться из-под контроля взрослых, получить мнимую свободу и материальную независимость. Все это многократно усиливалось в той ситуации повышенной криминализации повседневной жизни, в которой в исследуемый период находилось население Сибири.

В создавшихся условиях правоохранительные органы Сибири, прежде всего, милиция и суд, пытались воздействовать на сознание и поведение молодежи с помощью в основном карательных санкций. Правовое воспитание молодежи получало одностороннее направление, при котором государство воспринималось только как высшая контролирующая сила. Все это становилось еще одним фактором, препятствовавшим формированию в стране гражданского правового общества.

Правовая социализация молодежи Сибири проходила в условиях действия двух противоположных тенденций. С одной стороны, государство пыталось утвердить в поведении молодежи привычку к правовому регулированию всех отношений. С другой стороны, само государство демонстрировало приоритет волевых насильственных решений перед правовыми методами регулирования социальных отношений и конфликтов.

¹ ГАНО. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 55. Л. 105–107.

² ЦСУ к 3-ему съезду Советов СССР. Стат. справочник. М., 1925. С. 114.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 6. Д. 298. Л. 23, 35, 43, 48; Д. 305. Л. 18, 32, 39.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 6. Д. 112. Л. 33, 38, 56, 64; Д. 115. Л. 23, 26, 43, 51.

⁵ ЦСУ к 3-ему съезду Советов СССР. С. 118.

⁶ Статистический бюллетень Сибирского края. Новосибирск, 1926. № 3. С. 4–6.

⁷ Статистический бюллетень... С. 7. Расхождение с вышеприведенными данными по доле несовершеннолетних в числе заключенных возникало, видимо, из-за того, что не все осужденные оказывались в местах заключения.

⁸ *Солженицын А.И.* Архипелаг Гулаг. Малое собрание соч. М., 1991. Т. 6. С. 277.

⁹ Собрание узаконений СССР. М., 1926. № 80. Ст. 600.

¹⁰ ЦСУ к 3-ему съезду Советов СССР. С. 117.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 15. Л. 125–150, 208; Д. 17. Л. 52.

¹² Там же. Л. 345–346.

¹³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 114. Л. 8.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 166. Л. 12–28.

¹⁵ Там же. Л. 8–23.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192. Л. 38–40.

¹⁷ Там же. Л. 64.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175. Л. 6.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192. Л. 67.

²⁰ Там же. Л. 23.

²¹ Известия. 1935. 8 апреля.

²² *Соломон П.* Уголовная юстиция при Сталине. М., 1998. С. 235.

²³ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 83. Л. 64.

²⁴ Там же.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-923. Оп. 1. Д. 1118. Л. 10–43.

²⁶ Там же. Л. 24–25.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 344. Л. 22.

Из истории сопротивления единоличного крестьянства Сибири массовой коллективизации

В январе 1934 г. в Москве состоялся XVII съезд ВКП(б), который сталинская пропаганда оценила как «съезд победителей». У партийно-советской элиты было много оснований для празднования на съезде, но главным из них, без сомнения, была победа над российским крестьянством. Сплошная коллективизация в целом была завершена, сопротивление крестьян сломлено, позади остался 1933 г. – один из самых драматичных в истории сталинской «революции сверху». В результате, по характеристике Ю.А. Мошкова, к началу 1934 г. «возникло состояние относительной стабилизации положения в сельском хозяйстве, некоего неустойчивого равновесия между властью и крестьянством. Большинству колхозников пришлось свыкнуться с мыслью, что их труд в общественном секторе идет в пользу государства, а их собственное существование в значительной степени зависит от того, что они получают от своего огорода и своей коровы»¹.

Однако к 1934 г. приблизительно треть крестьянских хозяйств России все еще сохраняла свое единоличное состояние. В то время как основная масса колхозного крестьянства смирилась со своим подневольным положением и пыталась адаптироваться к новым условиям, в том числе за счет развития личных приусадебных хозяйств, отходничества, систематического уклонения от работы в колхозе или работы «спустя рукава», единоличники всеми силами пытались сохранить свою самостоятельность. Это обстоятельство расценивалось руководством СССР как главная причина замедления темпов сплошной коллективизации, что, в свою очередь, привело к смене государственного курса в деревне, который, начиная с середины 1934 г., стал ориентироваться на полную ликвидацию крестьян-единоличников как социальной группы. В качестве главного рычага ликвидации единоличных хозяйств служило налогообложение, которое, по оценке В.А. Ильиных, с этого времени стало носить в их отношении реквизиционный характер².

Резкое увеличение ставок сельскохозяйственного налога для единоличников, равно как размеров самообложения и сборов на культурно-бытовые нужды села, изменение принципов привлечения единоличных хозяйств к обязательным поставкам зерна, молока и мяса, введение для них осенью 1934 г. дополнительного («единовременного») налога³, а также предоставление судебным органам дополнительных прав, позволяющих производить конфискацию имущества единоличников в случае

невыполнения ими денежных налогов и государственных поставок, вели к разорению и резкому сокращению числа единоличных хозяйств⁴.

Налоговое давление со стороны государства закономерным образом вызвало сопротивление единоличных крестьян, выразившееся в первую очередь в отказе платить налоги и выполнять натуральные государственные поставки. Нередко во главе «саботирующих» единоличников оказывались верующие, в первую очередь представители православных и протестантских «сект». Из них же формировались группы, наиболее бескомпромиссно выступавшие против разорительного налогообложения и апеллировавшие при этом к авторитету христианских норм и заповедей. В результате деятельность «сектантов», сопротивлявшихся вступлению в колхозы и агитировавших за отказ от уплаты налогов и от выполнения государственных обязательств, стала причиной серьезной обеспокоенности как местных властей, так и высшего партийно-советского руководства СССР. Особую тревогу у них, особенно на завершающем этапе коллективизации, стала вызывать способность «сектантов» выполнить роль объединяющего фактора для единоличников и содействовать формированию устойчивых групп, годами отказывавших местным властям в повиновении.

В настоящей статье, написанной в жанре микроистории, ставится задача изучить сопротивление коллективизации в 1929–1935 гг. группы верующих-единоличников села Плешково⁵ Плешковского сельского совета Бийского района Западно-Сибирского края. Это позволит исследовать как направления, формы и методы борьбы власти с единоличным крестьянством, так и лучше понять и охарактеризовать жизненные миры сибирского крестьянства, проанализировать социальные стратегии и практики, благодаря которым единоличники превратились в 1930-е годы в настоящих «мастеров» выживания, оценить возможности и границы их адаптации к новым общественно-политическим и хозяйственным реалиям. Специфика исследуемого явления заключается не только в экстраординарной по своему упорству и длительности попытке крупной крестьянской группы поступать в течение многих лет наперекор власти, но и в том, что потребовалось личное вмешательство И.В. Сталина и решение Политбюро ЦК ВКП(б), чтобы положить этому конец.

Поскольку постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1935 г. и телеграмма партийного руководства Западно-Сибирского края от 21 апреля 1935 г., на основании которой было принято соответствующее постановление, послужили для настоящей статьи ключевыми документами, вне контекста которых дальнейшее рассмотрение вопроса является проблематичным, имеет смысл процитировать их полностью.

Телеграмма секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, отправленная шифром 21 апреля 1935 г. в 19.40 из Новосибирска гласила: «Москва. ЦК ВКП(б). т.т. Сталину, Молотову. В Плешковском сельсовете Бийского района проживало больше ста семей баптистов⁶, которые демонстративно отказываются выполнять мероприятия Советской власти, ряд лет открыто саботируют ее мероприятия и не выполняют никаких государственных обязательств, чем разлагают окружающее население и вызывают возмущение со стороны лучшей части колхозников. За последние 2–3 года за контрреволюционные выступления половина их осуждена. Сейчас отказались сеять⁷. На вопросы представителей власти и следственных органов не отвечают. О[б] их поведении было доложено во время пребывания в крае т.т. Молотову и Кагановичу⁸. Считаю политически необходимым выселить оставшиеся 55 семейств в административном порядке органами НКВД в Нарымский округ. Просим это мероприятие санкционировать»⁹.

23 апреля 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело опросом «вопрос о баптистах, саботирующих мероприятия Советской власти (телеграмма т. Эйхе)». В поддержку предложения Р.И. Эйхе высказались И.В. Сталин, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, Г.К. Орджоникидзе, М.И. Калинин и В.Я. Чубарь. 26 апреля 1935 г. это решение было документально оформлено постановлением Политбюро (протокол заседания № 24, пункт 190): «Поручить НКВД выселить в административном порядке из Бийского района Западной Сибири в Нарымский округ 55 семейств баптистов, саботирующих мероприятия Советской власти»¹⁰. Соответствующие выписки из протокола заседания были направлены Р.И. Эйхе и наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде.

Необходимо отметить, что практически одновременно с постановлением о выселении плешковских «саботажников» Политбюро приняло еще два аналогичных решения о депортациях групп верующих, в течение ряда лет упорно отказывавшихся от уплаты налогов. В тот же день, 26 апреля 1935 г., Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало высылку в спецпоселки Вахшстроля¹¹ Таджикистана целиком всей колонии меннонитов пос. Ак-Мечеть Хивинского района Хорезмского округа (78 семей – 323 чел.), саботировавших в течение ряда лет выполнение сельхозналога, мясopоставок и контрактацию хлопка, а также «дезорганизующих своей работой окружающие колхозы и единоличников»¹². 1 июня 1935 г. Политбюро удовлетворило ходатайство Воронежского обкома ВКП(б) о выселении из Моршанского района в Нарымский округ 16 семей (84 человека) из секты «молчальников», систематически отказывавших-

ся на протяжении 1934–1935 гг. от выполнения государственных обязательств и какого-либо общения с представителями властей¹³.

Предыстория же депортации плешковских «баптистов» такова. Группа единоличников Плешково Бийского района под руководством Г.Т. Смертина¹⁴, К.Г. Ходырева, М.Д. Ходырева и Г.П. Зыбарева, начиная с 1928 г., систематически отказывалась от выполнения государственных обязательств и контактов с представителями властей¹⁵. Первоначально в состав группы входило около 20 баптистов и православных. В 1929 г. Г.Т. Смертин был осужден на три года лишения свободы, в декабре 1930 г. были арестованы и осуждены еще семеро вожаков группы. Но, как отмечали чекисты, «после ликвидации и изъятия семи человек главарей группировки работа последней в с. Плешково не прекратилась, оставшиеся же на месте родственники Ходыревых и Зыбаревых, которых [мы] надеялись разложить путем воздействия [со стороны] сов[етских] организаций, продолжали по-прежнему [...] по сговору не подчиняться никаким распоряжениям представителей власти»¹⁶. О групповой спайке свидетельствовало также то, что единоличники наотрез отказывались разговаривать с членами сельского совета. Так как при вызовах в сельский совет и различные комиссии члены группы ссылались на Евангелие и при обращении к ним представителей власти они свои руки складывали крестом, на селе их прозвали баптистами. Летом 1931 г. чекистами в рамках агентурной разработки «Непримиримые» было проведено изъятие еще 12 членов группы, в том числе семерых Ходыревых и двух представителей семьи Зыбаревых, которые после четырехмесячного следствия были освобождены как «социально близкие». Тем не менее в октябре 1931 г. трое из них были вновь арестованы и осуждены в судебном порядке¹⁷.

В 1932 г. за отказ от выполнения государственных обязательств, отказ ехать на лесозаготовки и саботаж мероприятий Советской власти были осуждены 30 жителей Плешково. Арест членов первой группы в составе 25 «баптистов-сектантов», в том числе двух православных священников и двух монахинь, был произведен 25 марта 1932 г., а 13 июня 1932 г. все они были осуждены Особой тройкой Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Западно-Сибирскому краю к трем и пяти годам лишения свободы по ст. 58-10, 11 УК РСФСР.

Помимо традиционных обвинений в невыполнении государственных обязательств и срыва проводимых на селе мероприятий партии и Советской власти, в вину им ставилось написание антисоветских листовок. Одна из них гласила: «Кто верует в Бога миряни не здавайте анчихристу хлеб и скот. Бог нам поможет состояние против их. Больше-

виков скоро не будит терпите»¹⁸. Во другой говорилось: «Не помогайте коммунистам, ето антихристы прятайте хлеб а то помрете сами стгоду не давайте скотину зареж ее себе большевиков скоро не будит поднимайтесь войной весь белый свет пойдет на антихристов и их побьют потом будит хорошо терпите скоро»¹⁹.

Авторитет «саботажников» среди крестьян был настолько велик, что в ноябре 1931 г. сельсовет в течение пяти дней не мог созвать общее собрание граждан для принятия плана хлебозаготовок, и только после временной изоляции милицией тринадцати человек в «каталажной тюрьме» собрание удалось провести²⁰. Пятеро участников второй группы во главе с И.Г. Черданцевым были также арестованы в один день – 14 сентября 1932 г. и осуждены Особой тройкой при ПП ОГПУ Западно-Сибирского края 14 ноября 1932 г. к срокам от трех до десяти лет²¹. В вину им ставилась попытка «вновь оживить антисоветскую деятельность группы» путем агитации за отказ от выполнения хлебозаготовок.

Хлебозаготовительная кампания 1933 г. вызвала новый крупный конфликт религиозных нонконформистов и местных властей. Если весной 1933 г. в группе «баптистов» состояло 10–12 хозяйств, то к сентябрю 1933 г. их число увеличилось уже до пятидесяти. В Плешково были сорваны посевная, уборочная, мясозаготовительная кампании и под угрозой оказались хлебозаготовки. Но на этот раз местные власти решили апеллировать уже к авторитету Центра, косвенно признавая свою неспособность справиться с ситуацией. 4 сентября 1933 г., рассмотрев на своем заседании вопрос о саботаже со стороны 53 единоличных хозяйств Плешковского сельсовета, «выразившемся в отказе приема платежных извещений по хлебу, а также и налогам», Бийский райком ВКП(б) во главе с секретарем Малышевым обязал начальника Бийского районного отдела ОГПУ Ф.Г. Худолеева-Громова провести расследование, а также постановил: «Принимая во внимание проявление из года в год организованного саботажа со стороны значительного количества единоличных хозяйств мероприятиям, проводимым на селе, просить крайком ВКП(б) о разрешении изъятия по линии ОГПУ руководителей и организаторов этой группы»²².

Спустя два дня, 6 сентября 1933 г., 20 единоличников во главе с Г.Т. Смертиным, П.М. Казакеевым и Г.Т. Мосаковым были арестованы чекистами. Как отмечалось в составленном бийскими чекистами обвинительном заключении, «в 1933 г. с апреля месяца группа была организационно оформлена, в руководство которой встал кулак, 7 раз осужденный за а[нти]с[оветскую] деятельность Смертин Григорий Трофимович, и уже с мая месяца группа активизировалась путем проведения

нелегальных собраний под предлогом чтения священных книг, на каждом проводимом группой собрании стояли вопросы об организованной борьбе с Сов[етской] властью, о срыве проводимых сельскохозяйственных кампаний [...]. С 1929 года по октябрь месяц 1933 года группой не уплачено разных налогов [в сумме] 27 924 руб. и не выполнено гос[ударственных] обязательств 6 869,3 цент[неров]. Задачи группировки были как можно больше втягивать в группу неплательщиков, саботирующих все гос[ударственные] обязательства»²³.

На допросах арестованные держались независимо. Один из них, Кондратий Ходырев, так объяснял категорический отказ платить налоги: «Коль мы не будем платить налогов, Советской власти нечем будет платить долги иностранцам, а раз не будут платить долги, значит будет война, а война, конечно, должна разрешиться в пользу иностранцев лишь потому, что в данный момент очень много народа, недовольных существующим строем»²⁴.

Но если даже Ходырев и его товарищи и верили в эту теорию, придуманную деревенским философом, к безоглядному сопротивлению их двигала обида и ненависть к власти, не только заставлявшей их жить по непонятным жестоким законам, но и причинившей много горя и страданий им и их близким. Дилемма большевистского насилия заключалась в том, что оно с необходимостью порождало все больше и больше «обиженных и оскорбленных», которые со временем превращались в настоящих врагов власти, что вызывало новый виток насилия.

Биографии 20 человек, осужденных 25 октября 1933 г. судебной тройкой ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю к 10 годам лишения свободы, не оставляют в этом сомнения. У Г.Т. Смертина была осуждена и выслана жена, расстрелян младший брат, два сына отбывали наказание в Сиблаге по ст. 58-11 УК. П.М. Казакеев репрессировали в 1931 г. на год за отказ от выполнения государственных обязательств, а его брат был раскулачен и осужден, сын отбывал наказание за отказ служить в РККА. Г.Т. Мосаков дважды привлекался к административной ответственности за невыполнение государственных обязательств, а в 1932 г. находился под следствием. К.Г. Ходырев был осужден на два года лишения свободы и пять лет высылки, его четыре сына отбывали наказание по ст. 58-11 УК. И.А. Чернов привлекался в 1933 г. к административной ответственности за невыполнение государственных обязательств. Два брата и отец А.П. Зыбарева репрессировались по ст. 58-11 УК. Сам он находился под следствием по этой же статье. А.Д. Корналева за невыполнение государственных обязательств в 1931 г. по ст. 61 УК осудили к году лагерей. А.А. Пуризова за аналогичную провинность суд приговорил в

1931 г. к полутора годам. За это же отбывал наказание Н.В. Недобежкин. «Лишенец» А.Н. Решетов в 1933 г. находился под следствием. Г.И. Чернов и Е.Д. Барбошин привлекались в 1933 г. к административной ответственности за невыполнение государственных обязательств. И.А. Чернова (однофамильца первого) осудили по ст. 109 УК на полтора года «за разложение РККА». Г.В. Мерзликина в 1931 г. решением суда приговорили к году лишения свободы за невыполнение государственных обязательств. М.В. Фролов находился под следствием по обвинению в преступлениях по ст. 58-11 УК. В.Н. Вагина сельский суд в 1933 г. осудил за невыполнение государственных обязательств. Н.И. Клиников привлекался в 1933 г. в административном порядке за невыполнение государственных обязательств. А.Н. Паксеева в 1928 г. осудили по ст. 162 УК, в 1933 г. он привлекался к ответственности в административном порядке. И.И. Шахов дважды привлекался в 1933 г. к административной ответственности за невыполнение государственных обязательств, Я.П. Ходырев – дважды штрафовался в административном порядке, а один из его братьев отбывал наказание по ст. 58-11 УК²⁵.

Судя по всему, в результате осуждения двадцати наиболее активных членов группы власти на какое-то время добились умиротворения села. По крайней мере, данные об арестах в селе в 1934 г. не обнаружены. Очередная группа плешковских «саботажников» в составе шести человек была арестована 4 апреля 1935 г., за две недели до отправки телеграммы Р.И. Эйхе. Поводом для ареста послужило постановление Плешковского сельского совета от 2 апреля 1935 г., потребовавшего от «районных следственных органов» привлечь к судебной ответственности «группу людей, которые ряд лет не выполняют своих обязательств перед государством, организуют явный саботаж и нынешний год, категорически отказываются принимать план посева»²⁶. 13–14 мая 1935 г. выездной сессией спецколлегии Западно-Сибирского краевого суда в Бийске двое из них – Т.Г. Иванов и И.С. Комов – были осуждены к высшей мере наказания, остальные – И.Н. Гладких, В.С. Мерзликин, М.Г. Иванов и Д.Г. Коновалов – к заключению в концлагеря сроком на пять и десять лет²⁷.

Все шестеро относились к социальным группам, традиционно подвергавшимся гонениям в СССР – верующие и единоличники, бывшие осужденные. Так, Т.Г. Иванов в 1930 г. был осужден на пять лет, В.С. Мерзликин в 1932 г. репрессирован за отказ от военной службы и имел двух осужденных родственников, Д.Г. Коновалов в 1933 г. был осужден на год по ст. 74 УК. Как следует из приговора суда, группа с 1929 г. под руководством «кулака Смертина» занималась контррево-

люционной деятельностью, направленной «на срыв и противодействие всех мероприятий Советской власти», систематически проводя нелегальные собрания, не пуская своих детей в школу, отказываясь признавать сельсовет и выполнять все государственные обязательства. 72 хозяйства, входившие в состав группы, за время с 1930 г. по 1935 г. не внесли налогов на общую сумму 39 941 руб., не сдали в счет государственных поставок 84 центнера мяса²⁸.

На допросах они пытались отстаивать свою позицию. В частности, Т.Г. Иванов заявлял: «Да, я принять посевной план, доведенный сельсоветом, отказался вследствие того, что каждое обязательство должно быть добровольно в свободной стране [...]. Я отказываюсь не только от принятия посевного плана 1935 г., но и от других обязательств. Я отказывался, отказываюсь и буду отказываться от мясоналога, культсбора, всех без исключения платежей, от участия в дорожном, школьном и другом строительстве, от участия в лесозаготовках, от службы в Красной Армии и других, так как ничего этого мне не нужно [...]. Мне нужна такая власть, которая обеспечила бы свободу крестьянам и независимость, эта же власть никакой свободы для крестьян не дает и не обеспечивает»²⁹. После вынесения приговора плешковцы категорически отказались от получения копий приговора для обжалования, от подачи кассационных жалоб, равно как и от каких-либо других подписей.

«Операция по выселению» 45 кулацко-зажиточных хозяйств³⁰ из Плешково Бийского района была проведена сотрудниками управления НКВД по Западно-Сибирскому краю 11 мая 1935 г. Всего подлежало «изъятию» 163 человека, из них мужчин – 24, женщин – 58, детей – 81. Чекистам удалось «изъять» 157 человек; еще шестерых планировалось задержать дополнительно. Как сообщалось 22 мая 1935 г. в специальном сообщении секретно-политического отдела главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД о выселении кулацко-антисоветского элемента из Бийского района Западно-Сибирского края, адресованном Г.Г. Ягоде, Я.С. Агранову и Г.Е. Прокофьеву, «из числа изъятых имеется только 6 глав семей, остальные главы ранее осуждены и отбывают наказание». 14 мая 1935 г. выселяемые были погружены в Бийске на баржу и «направлены в трудпоселки Нарымского округа»³¹.

Когда автор «спецсообщения», помощник начальника 5-го отделения ГУГБ НКВД Голубев сообщил, что «при выселении эксцессов не было», он явно лукавил или не обладал полной информацией. Как следует из спецсообщения управления НКВД по Западно-Сибирскому краю, подписанного заместителем начальника управления НКВД М.А. Волковым, выселяемые плешковцы в Бийске отказывались брать

свои вещи и грузить их на баржу, и их в результате были вынуждены грузить привлеченные к операции милиционеры и чекисты. 13 мая 1935 г. еще на берегу плешковцы при раздаче хлеба отказывались называть свои фамилии и отвечать на вопросы. Сотрудники НКВД в ответ арестовали «зачинщика» этого пассивного сопротивления, и только после этого в настроении высланных «наступил перелом». Они стали отвечать на вопросы, перенесли на баржу остальную груз, подоили коров, предназначенных для детей переселенцев. Выселяемые были обеспечены также лошадьми, телегами и сбруей, а также сельскохозяйственными орудиями. Можно только догадываться, какая судьба ожидала их в «погибелном» Нарыме – чекисты констатировали нехватку семенного зерна для озимого сева и наличие трудоспособных мужчин только в 19 из 46 семей³².

После высылки «саботажников» Бийский райком ВКП(б) развернул массово-разъяснительную работу среди крестьян Плешковского сельсовета. Как констатировал М.А. Волков, «большинство колхозников и значительная часть единоличников к выселению саботажников сева отнеслись положительно [...]. Однако перелом в настроении единоличников еще недостаточен. Темпы сева в единоличном секторе после выселения 46 хозяйств еще неудовлетворительны и не обеспечивают окончания сева в намеченный срок»³³.

Справедливости ради надо отметить, что локальная депортация 163 жителей Плешково была лишь эпизодом, хотя и весьма заметным, на фоне массовой высылки на север из сел и деревень Западной Сибири единоличников, «саботирующих сев». Соответствующее постановление «выслать по 5–10 хозяйств [...] из сел, имеющих большой процент единоличников», было принято Политбюро ЦК ВКП(б) опросом 20 мая 1935 г. в ответ на телеграмму Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинского³⁴. В ходе карательной акции во исполнение решения Политбюро из 55 районов края было вывезено 588 хозяйств или 2 615 человек, еще 2 612 единоличников были привлечены органами НКВД к уголовной ответственности по ст. 61, 73, 79 и 58 УК РСФСР «за саботаж подготовки сева и обязательств по посеву». В целом по СССР за январь – май 1935 г. из мест проживания было выселено около 21 тыс. семей общим количеством примерно в 100 тыс. человек³⁵.

Возможно, именно массовый отказ плешковцев сеять стал последней каплей, переполнившей чашу терпения краевых властей. План посева, доведенный единоличникам Плешковского сельсовета в размере 1932 га, был на 14 мая 1935 г. выполнен только на 25,3 %, в то время как в колхозном секторе – на 72,4 %. Как констатировали чекисты,

«подвергшиеся выселению вели среди единоличников агитацию за отказ от получения заданий по севу и от выполнения обязательств по хлебопоставкам. Особенно большое значение имел личный пример этих хозяйств, категорически отказывавшихся от сева»³⁶.

Можно с большой долей уверенности предположить, что случай с плешковскими «саботажниками» был в своем роде уникален для Сибири по длительности пассивного сопротивления, оказанного властям относительно устойчивой локальной группой крестьян. Сам же факт образования такой группы, костяк которой составляли «сектанты», был для Сибири первой половины 1930-х годов вполне обыденным явлением. Партийные и советские работники районного звена традиционно расценивали «сектантов» в качестве одних из главных противников коллективизации. Так, реагируя на директиву Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 27 марта 1933 г., в которой районному руководству давалось указание подготовиться к массовой операции по очистке колхозов, совхозов, предприятий и выселению из сельской местности «классово враждебного элемента», функционеры Назаровского района предложили в том числе выселить «баптистов – руководителей баптистских кружков – занимающихся антисоветской агитацией»³⁷.

С аналогичным предложением, содержавшимся в докладной записке о крестьянах – единоличниках и необходимости изменения политики по отношению к ним, в июне 1934 г. выступило руководство Иконниковского райкома ВКП(б). Как следует из записки, «бригадирами единоличников», возглавлявшими их и оказывавшими наиболее активное сопротивление попыткам властей привлечь единоличников на помощь совхозам и колхозам, являлась «самая меньшая, но самая твердая, антисоветски настроенная» группа в составе бывших кулаков и верующих. В качестве наиболее показательного примера приводилась попытка привлечь население пос. Круглый Бутовского сельсовета на помощь совхозу № 229. Население поселка – «единоличники, и притом много из них баптистов», наотрез отказалось: «Никуда работать не пойдем, мы вам не батраки». Районное руководство видело только один способ успешного завершения коллективизации – удалить из деревни все «кулаческие» и антисоветские элементы и усилить налоговое давление на единоличников³⁸.

Пассивное сопротивление оказывали властям также сектанты-иоанниты³⁹ Тюменцевского района Западно-Сибирского края. Судебной тройкой ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю 25 октября 1933 г. к пяти и десяти годам лишения свободы были приговорены 23 жителя сел Мезенцево, Макарово, поселков Тульский и Нижне-Медведский Тю-

менцевского района, арестованные 9 сентября 1933 г. Члены секты, именовавшие себя «божанами», по имени одного из руководителей секты, «твердозаданца» Дмитрия Божана, считали Советскую власть порождением антихриста и отказывались вступать в колхозы, платить налоги, продавать государству продукты, саботировали хлебозаготовки и т. д.⁴⁰ Ряд данных дает также основание предполагать, что в ходе ликвидации данной организации «церковников» вместе с сектантами-иоаннитами был репрессирован ряд баптистов, проживавших с ними по соседству в селе Усть-Мосиха Ребрихинского района. Здесь к 1933 г. насчитывалось около ста человек, которые также отказывались нести воинскую повинность, вступать в колхозы и платить налоги⁴¹.

Осенью 1935 г. чекистами Тюменцевского района была «вскрыта» очередная группа иоаннитов поселков Тульский и Нижне-Медведский, саботировавших требования властей. 15 человек во главе с бежавшим из Бамлага И.И. Мельниковым были арестованы «в момент помола зерна на своей нелегальной мельнице, замаскированной в яме, на которой рос подсолнух и куда была проведена сигнализация»⁴². Аналогичные ямы, вырытые под домами, в огородах и других местах, «сектанты» также использовали «для нелегальных сборищ». Ядро группы составляли шестеро человек, уже репрессированных как «божане» в 1933 г., однако совершивших побег из мест заключения или досрочно освобожденных. Дело вел опытный сотрудник секретно-политического отдела управления НКВД Западно-Сибирского края М.А. Буйницкий, в течение 1930-х годов специализировавшийся на «религиозниках». Как гласил приговор выездной сессии краевого суда⁴³ под председательством Н.Г. Афанасьева от 9–11 сентября 1935 г, верующие «из года в год не выполняли государственных обязательств», в 1935 г. поставили «себе в задачу организовать контрреволюционный саботаж по выполнению государственных обязательств по зернопоставкам», для выполнения этой цели собирали нелегальные собрания и вели контрреволюционную агитацию среди единоличников Мезенцевского сельсовета. В итоге пятеро обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные – к пяти – десяти годам заключения в концлагеря. Показательно, что Ребрихинское районное отделение НКВД тут же возобновило законсервированную оперативную разработку «Заклятые» в отношении «сектантов» села Усть-Мосиха, начатую еще в 1933 г.

О том, как верующие могли выступать в деревне в качестве центра антиколхозной сопротивления, также наглядно свидетельствуют материалы процесса над группой баптистов села Тяхта Кытмановского района Западно-Сибирского края, прошедшего в сентябре 1935 г. На ска-

мье подсудимых оказались баптисты Т.М. Петренко, А.К. Кавешников и С.Г. Черков. Все трое – единоличники, в прошлом зажиточные крестьяне, обвинялись в антисоветской агитации, отказе от уплаты налогов, невыполнении хлебозаготовок и мясоставок⁴⁴. Руководитель религиозной группы, существовавшей с 1905 г. и состоявшей на то время из 12 «братьев» и пяти «сестер», Т.М. Петренко ходил с Евангелием по домам колхозников, проповедовал, причем в ходе проповедей неоднократно заявлял, что колхозы развалятся, на их месте возродятся религиозные общины, «не будет их [колхозов] и также не будет и Советской власти»⁴⁵. А.К. Кавешников призывал односельчан выходить из колхоза, так как «там антихристы кормятся чужим трудом»⁴⁶.

Но самым большим преступлением, с точки зрения суда, было то, что ряд крестьян стал поступать по примеру баптистов. 12 домохозяев, жившие с ними на одном участке, отказались производить платежи в пользу государства, в результате чего «сельсовет уборочную сорвал, хлебопоставки не выполняет по колхозам, а единоличный сектор совсем ничего не выполняет, получают массовые невыходы на работу колхозников и сам выход из колхозов»⁴⁷. На суде Т.М. Петренко откровенно заявил: «Я борец с Советской властью и с бандитами Советской власти, работники все Сов[етской] власти – самозванцы, которых не выбирают, а они сами поступают и лезут со свиным рылом в советский огород [...]. У колхозников глаза собачьи». Петренко был осужден по статье 61-3 УК на два года и по статье 58-10 УК – к пяти годам ссылки с конфискацией имущества, А.К. Кавешников – к двум годам лишения свободы и С.Г. Черков – к году исправительно-трудовых работ⁴⁸. В марте 1936 г. Т.М. Петренко был повторно осужден за антисоветскую агитацию к пяти годам лишения свободы выездной сессией краевого суда под председательством Т.Т. Блекиса.

Карательные акции в отношении непокорных жителей Плешково не ограничились судебными процессами и высылкой 1935 г. В ходе так называемой «кулацкой» операции по приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. алтайскими чекистами было сфабриковано дело «контрреволюционной монархической повстанческой организации церковников в г. Бийске и с. Плешково» во главе с благочинным церковей Бийского района отцом Петром (Мильским). В 1950-е годы бывший начальник Алтайского районного отделения НКВД Л.И. Иванов дал подробные показания о том, как осуществлялись аресты в Плешково: «Группе сотрудников Бийского РО МВД⁴⁹, в которую входил и я, руководством Бийского РО НКВД было дано задание выехать в с. Плешково и собрать там данные на ранее судимых за контрреволюционные пре-

ступления, на кулаков, на лиц, плохо выполняющих госпоставки, на лиц, не вступающих в колхозы и ведущих антиколхозные и антисоветские разговоры. Это задание нами было выполнено. На таких лиц мы получили от сельсовета отрицательные справки-характеристики, допросили несколько свидетелей о некоторых фактах антисоветских и антиколхозных высказываний, имевших место со стороны этих людей, и все эти материалы привезли начальнику РО НКВД. Примерно через месяц была создана опер[ативная] бригада, которой было поручено произвести в с. Плешково арест всех тех лиц, на которых мы привезли материалы [...]. Я помню, что до первого выезда в с. Плешково я видел неофициальные материалы на некоторых из арестованных по этому делу о том, что они допускают антисоветские проявления, направленные против коллективизации, и расхваление единоличного пользования землей»⁵⁰.

Всего в рамках дела «организации церковников» в июле–августе 1937 г. в Плешково было арестовано 52 человека, причем подавляющее большинство – в один день, 28 июля 1937 г. Постановлением тройки при управлении НКВД по Западно-Сибирскому краю от 18 августа 1937 г. девять человек из Плешково были приговорены к заключению в концлагеря, остальные – к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Бийске 27 августа 1937 г. Из 52 человек ранее был ранее осужден 31 человек, в том числе в рамках вышеупомянутых дел, еще семеро были раскулачены, высылались и бежали из ссылки. Остальные 14 человек входили в состав церковного совета либо характеризовались как бывшие кулаки и лица «без определенных занятий»⁵¹.

Следовательно, в Плешково в 1937 г. чекисты осуществили целенаправленную и, с их точки зрения, вполне обоснованную селекцию жертв, выбирая уже отмеченных клеймом осуждения, высылки, раскулачивания и т. п. Единственной крупной фальсификацией с их стороны стало объединение арестованных в «монархическую церковную организацию»⁵². Еще две группы жителей Плешково в количестве 13 и 12 человек были осуждены тройкой управления НКВД по Алтайскому краю 28 ноября и 28 декабря 1937 г. В качестве отягчающего обстоятельства у подавляющего большинства в приговоре указывалось: «без определенных занятий»⁵³. Печальная «плешковская история» очень важна с точки зрения адекватного понимания причин арестов и алгоритма действия карательных органов на местах в ходе массовых операций НКВД 1937–1938 гг. Совершенно очевидно, что речь здесь идет о совершенно целенаправленном терроре, что опровергает распространенную в историографии точку зрения об эксцессивных, «слепых» репрессиях. Принцип действия органов НКВД в отношении преследования жи-

телей Плешково, который для «кулацкой» операции скорее был типичным, чем исключительным, совсем не напоминает знаменитый образ «Большого террора», принадлежащий перу американского историка-«ревизиониста» Дж. Арч Гетти: сумасшедший, забравшийся на башню с оружием в руках и открывший беспорядочную стрельбу по толпе.

Таким образом, можно утверждать, что отказ от выполнения государственных обязательств, имевший в середине 1920-х годов в деревне эпизодический и случайный характер, стал в первой половине 1930-х годов одним из главных способов сопротивления единоличного крестьянства колхозной системе. Сопротивление локальных групп единоличников приобрело особо устойчивый характер, если они состояли из верующих – «сектантов», связанных родственными связями и возглавлялись самобытными лидерами с острым чувством справедливости и собственного достоинства. По сути дела, жесткий нонконформизм единоличников, сводившийся в идеале к полной самоизоляции от государства и хозяйственной автаркии, являлся оборотной стороной стратегии «политической мимикрии» колхозного крестьянства.

В свое время Габор Риттершпорн, размышляя о несоответствии грандиозности процесса коллективизации и размаха крестьянского протеста, в том числе о небольшом, с его точки зрения, количестве антиколхозных вооруженных выступлений, сделал вывод о высокой степени адаптации крестьянства к новым условиям, созданию им некой «антикультуры» в рамках коллективизированной деревни⁵⁴. Этот вывод справедлив, но только отчасти. Масштаб истинного размаха пассивного крестьянского сопротивления в 1930-е годы еще не оценен в должной мере. О том, насколько опасным было для власти «оружие слабых», наглядно свидетельствует история «саботажников» из сибирского села Плешково.

¹ Мошков Ю.А. Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х годов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти томах. М., 2002. Т. 4 (1934–1936). С. 7.

² Политика раскрестьянивания в Сибири. / Отв. редакторы В.А. Ильных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2000. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 5, 66–74. За увеличение налогового давления на единоличников высказались практически все участники совещания в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации, состоявшегося 2 июля 1934 г., в том числе И.В. Сталин. Он, в частности, заявил о необходимости «в порядке экономических и финансовых мероприятий воспитать, перевоспитать [индивидуалов] и дать понять, что им выгоднее быть в колхозе, чем в индивидуалах находиться [...]». Очевидно, надо усилить налоговый пресс, но я против того, чтобы усилить этот пресс так, чтобы от него, у индивидуала, ничего не осталось». (См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 191).

³ Инициатором введения налога стал В.М. Молотов. 13 сентября 1934 г., находясь в Омске, он предложил издать декрет об единовременном налоге в размере 300 млн руб., мотивируя предложение ростом денежных доходов единоличных хозяйств и необходимостью создать

«дополнительный нажим на единоличника [...] для улучшения дела с хлебозаготовками». (См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 219).

⁴ По данным В.А. Ильиных, с 1 октября 1934 г. по 1 января 1935 г. количество единоличных дворов в Западно-Сибирском крае уменьшилось с 305,7 до 253,3 тыс. (на 17,1%), к осени 1935 г. их осталось в два раза меньше, а к лету 1936 г. вновь произошло двукратное сокращение численности. На 1 октября 1936 г. в крае насчитывалось 58,6 тыс. семей единоличников, что составляло 7,8 % от общего числа крестьянских дворов. (См. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 71).

⁵ Сегодня – село Плешково Зонального района Алтайского края, центр Плешковского сельского совета, население – около 1,3 тыс. жителей. Основано в 1777 г. старообрядцами во главе с Аникой Плешковым, чьим именем и названо, на берегу озера Иткуль. Одно из крупнейших старожильческих сел Алтая. Во время описываемых событий насчитывало около тысячи крестьянских дворов.

⁶ Скорее всего, Р.И. Эйхе, опираясь на данные, предоставленные сотрудниками НКВД и местными властями, ошибочно называет конфессиональную принадлежность группы плешковских «саботажников». Не отрицая наличие среди них баптистов, есть основание предполагать, что речь идет в основном о православных, образовавших группу, близкую по своим убеждениям к Истинно-Православной церкви.

⁷ В соответствии с постановлением III сессии ЦИК СССР о единоличниках (1933 г.), хозяйства, саботировавшие доводившиеся до них планы посева и упорно не желавшие обрабатывать свою землю, привлекались к уголовной ответственности с лишением приусадебного участка и в отдельных случаях – с высылкой из мест проживания. (См.: Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие решения Коммунистической партии и советского правительства. 1927–1935. М., 1957. С. 486).

⁸ О поездках в Сибирь высокопоставленных сталинских эмиссаров см.: *Панков С.А.* Каганович в Сибири: погромные акции 1929–1936 гг. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2. С. 589–596. В.М. Молотов проинспектировал главные зернопроизводящие районы Алтая и Западной Сибири 6–19 сентября 1934 г., Л.М. Каганович – во второй декаде октября 1934 г.

⁹ АПРФ. Ф. 30. Оп. 30. Д. 197. Л. 50. Документ опубликован вместе с нашими комментариями: (См.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2-х кн. Отв. редактор Н.Н. Покровский. М., 2005. Кн. 1. С. 667, 839–840).

¹⁰ АПРФ. Ф. 30. Оп. 30. Д. 197. Л. 49; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. Кн. 1. С. 669–670. О решении Политбюро выслать из Бийского района 55 семейств баптистов упоминает также О.Б. Мозохин. (См.: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 142).

¹¹ Речь идет о строительстве отводного магистрального канала для орошения долины реки Вахш.

¹² Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. Кн. 1. С. 668, 671–672, 840–841.

¹³ Там же, С. 670–673. Эти постановления Политбюро ЦК ВКП(б) были отнюдь не первыми решениями высших органов власти СССР, санкционирующими высылку группы граждан по конфессиональному признаку за отказ от выполнения государственных обязательств. Очевидно, первое подобное постановление было принято 6 июля 1929 г. Антирелигиозной комиссией при ЦК ВКП(б) в отношении членов секты так называемых «краснодраконовцев». Тогда комиссия решила подвергнуть высылке в «отдаленные местности» СССР до сотни отдельных хозяйств «краснодраконовцев». Название «краснодраконовцы» использовалось, как правило, представителями советской власти, т. к. члены данной группы верующих сравнивали советскую власть с драконом Апокалипсиса. Самоназвание возникшего около 1923 г. в Центрально-Черноземной области религиозного течения православного толка – «федоровцы». «Федоровцы» срывали хлебозаготовки, отказывались от государственных платежей, призывали население к отказу от подписки на займы. Судебные процессы над активом «федоровцев» прошли в Воронеже осенью 1929 г. и весной 1930 г. (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 41).

- ¹⁴ Смертин Григорий Трофимович (1887 – ?), уроженец Томской губернии, бывший унтер-офицер царской армии, единоличник, житель с. Вершинино и Плешково Бийского района. К сентябрю 1933 г. семь раз осуждался за антисоветскую деятельность. (в 1923 г. дважды за невыполнение государственных обязательств, в 1924 г. – за хищение леса, в 1928 – по ст. 58-10 УК, в 1929 г. – по ст. 58-8 УК, в 1929 г. – по ст. 58-10 УК, в 1930 г. – по ст. 73 и 76 УК), был раскулачен и лишен избирательных прав. В 1933 г. приговорен к 10 годам лагерей. В архивно-следственных делах нет четких указаний на конфессиональную принадлежность Смертина. Скорее всего он принадлежал к секте православного толка, хотя в свидетельских показаниях также неоднократно упоминается о его принадлежности к баптистам.
- ¹⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 142. Л. 268; ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6144. Л. 1–42.
- ¹⁶ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 19842. Л. 131.
- ¹⁷ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 18655. Л. 78–87.
- ¹⁸ Здесь и ниже сохранена орфография документа.
- ¹⁹ В качестве улики эти листовки приобщены к следственному делу. См. ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 19842. См. также: Гришаев В.Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004. С. 191–192.
- ²⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 19842. Л. 237–238.
- ²¹ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 18655. Л. 78–87.
- ²² ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 18731. Л. 103.
- ²³ Там же. Л. 185–196.
- ²⁴ Там же. Л. 186.
- ²⁵ Там же. Л. 190–195.
- ²⁶ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 22315. Л. 2, 179–184.
- ²⁷ Т.Г. Иванову и И.С. Комову мера наказания была заменена 7 июня 1935 г. Верховным судом РСФСР на 10 лет лишения свободы.
- ²⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 648. Л. 290–291.
- ²⁹ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 22315. Л. 68.
- ³⁰ В постановлении Политбюро речь шла о 55 семействах. В документе о проведении карательной акции речь идет в одном случае уже о 45, в другом случае – о 46 семействах. Очевидно, цифра выселяемых семей была скорректирована в меньшую сторону органами НКВД по согласованию с руководством крайкома ВКП(б). В справке НКВД СССР о выселении кулачества и антисоветского элемента в первой половине 1935 г. от 15 июля 1935 г. сообщается о выселении из Плешково 46 семей «единоличников-сектантов» численностью 163 чел. (См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 551).
- ³¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1013. Л. 32. За сведения из ЦА ФСБ автор благодарит А.Г. Теплякова.
- ³² Там же. Л. 40–42. Это спецсообщение было послано начальником СПО НКВД Г.А. Молчановым А.Н. Поскребышеву, который в свою очередь направил материалы И.В. Сталину, секретарям ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, А.А. Жданову и Н.И. Ежову, председателю СНК СССР В.М. Молотову и заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлеву.
- ³³ Там же. Л. 43.
- ³⁴ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 498–502; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. Кн. 1. С. 672–673, 841
- ³⁵ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 24, 550–551; ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1013. Л. 54.
- ³⁶ Там же. Л. 47.
- ³⁷ Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 98.
- ³⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 121.
- ³⁹ Иоанниты – православная секта, возникшая в конце 19 в., свое название получила в честь св. Иоанна Кронштадтского.

⁴⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12743. Л. 238–252.

⁴¹ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12144. Л. 20.

⁴² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 648. Л. 123–124; ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12766. Л. 263–268.

⁴³ Дело было передано для слушания по общей подсудности краевого суда только потому, что две сессии Спецколлегии крайсуда уже выехали в районы, а дело было необходимо срочно рассмотреть в связи с «к-р саботажем уборочной кампании 1935 г.». Соответствующее решение было принято Президиумом Западно-Сибирского краевого суда 4 сентября 1935 г. (См.: ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12766. Л. 279).

⁴⁴ ГАНО. Ф. 1027. Оп. 3. Д. 260. Л. 10–12.

⁴⁵ Там же. Л. 3.

⁴⁶ Там же. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Л. 10.

⁴⁸ Там же. Л. 8.

⁴⁹ Правильно – НКВД.

⁵⁰ Протокол допроса опубликован: Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447. Сост. М. Юнге, Р. Биннер и др. М., 2010. С. 519–521.

⁵¹ См. *Гришаев В. Ф.* Невинно убиенные. С. 145–151.

⁵² Судя по показаниям Л.И. Иванова, арестованные жители Плешково отрицали из предъявленных им обвинений главным образом факт участия в «организации»: «[...] когда обвиняемый мне заявлял, что он ни в какой организации не состоял и что он не знает что такое монархическая организация, я объяснял, что это значит то, что ты не вступил, допустим, в колхоз или высказывался против колхозов, следовательно вольно или невольно тянул страну к старым дореволюционным порядкам, убеждал его, что это именно так и многие обвиняемые подписывали эти протоколы допроса» (См.: Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. С. 520).

⁵³ Протоколы заседания тройки см.: ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 129, 231.

⁵⁴ *Rittersporn G.* Das kollektivierete Dorf in der bauuerlichen Gegenkultur // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: neue Wege der Forschung.* Muenchen, 1998. S. 147–167.

В. И. Шишкин

Кольцовская трагедия: из истории репрессий и реабилитации этстонского населения Сибири (1937–1959 гг.)

Пожалуй, одной из самых трагических страниц отечественной истории является время «Большого террора», когда созданная большевиками репрессивная машина действовала против собственного народа особенно безжалостно. Советские карательные органы арестовали, лишили свободы и казнили сотни тысяч граждан СССР. Только в 1937–1938 гг., на который пришелся пик репрессий, они арестовали 3 141 тыс. человек, 1 345 тыс. из которых осудили по политическим мотивам, причем 50,7 % из этого числа приговорили к высшей мере наказания – расстрелу¹.

Каток репрессий прошелся по всей территории огромного Советского Союза без исключения. Он растоптал судьбы людей разного возраста и национальности, вероисповедания и образования, происхождения и положения. Пощады не знали ни стар, ни млад, ни горожане, ни селяне, ни высший слой партийно-советской номенклатуры, ни находившиеся на самом низу социальной лестницы разного рода маргинальные элементы.

В этом скорбном ряду Сибирь не стала исключением. Более того, в советский период времени она была превращена в огромный концентрационный лагерь, получивший название «Сиблаг», куда выслали и сослали сотни тысяч людей из других регионов СССР. Но последнее обстоятельство отнюдь не гарантировало тех, кто уже жил в Сибири, от преследования и репрессий. Складывается впечатление, что все было даже как бы наоборот. Ведь жизнь в Сибири почти всегда – так сложилось и повелось исстари – ценилась меньше. К тому же сибиряки, как правило, были людьми более самостоятельными, независимыми и, следовательно, более опасными для любой власти. Поэтому советские карательные органы свирепствовали здесь еще безудержнее.

К настоящему времени усилиями сотрудников «Мемориала», профессиональных историков, краеведов, журналистов восстановлены имена огромного количества жертв этого произвола и вершивших его палачей. Подготовлены и опубликованы «Книги памяти жертв политических репрессий» или аналогичные издания по Республике Алтай (два тома), по Республике Бурятия (один том) и по Республике Хакасия (три тома), по Алтайскому (шесть томов) и по Красноярскому (пять томов) краям, по Иркутской (пять томов), Кемеровской (два тома), Новосибирской (три тома), Омской (девять томов), Томской (пять томов) и Тюменской (два тома) областям. Аналогичная работа ведется в Рес-

публике Бурятия и в бывшей Читинской области (Восточное Забайкалье). Большая часть имен невинно пострадавших от государственной власти и затем ей же реабилитированных выявлена и опубликована. Однако даже эта элементарная, преимущественно поисковая по своему характеру работа далека от завершения. Что же касается научного исследования всего комплекса проблем «Большого террора», то она ведется очень бессистемно и фрагментарно.

Возьмем одно из важнейших направлений этого изучения: репрессии против «инонационального» населения в Сибири, под которым понимаются аборигены и пришлые нерусские. К настоящему времени относительно активно ведется работа по анализу репрессий только против наиболее крупных сибирских этносов: алтайцев, бурятов, хакасов и якутов². Что касается пришлых нерусских народов, то здесь серьезные результаты достигнуты в исследовании только немцев и поляков³. На этом фоне явно отстающим участком выглядит ситуация с изучением репрессий против эстонского населения, хотя в начале 1930-х годов здесь проживало не менее 30 тыс. эстонцев и выходцев из Эстонии. Опубликованные в самой Эстонии во второй половине 1990 – начале 2000-х годов книги, в которых приводится около 16,5 тыс. имен репрессированных в СССР эстонцев и уроженцев Эстонии, не решают названной проблемы⁴.

В данной статье поставлена очень скромная задача: частично восполнить указанный пробел, рассказав о той трагедии, которая произошла в конце 1937 – начале 1938 г. с жителями Кольцовского сельсовета Ижморского района Новосибирской (ныне – Кемеровской) области. Предлагаемый материал нужно расценивать как продолжение нашей публикации о памятнике эстонцам – жертвам сталинских репрессий и об установивших его в 1966 г. людях, которая была написана более двух десятков лет тому назад и которая завершалась обещанием продолжить рассказ⁵.

Первые эстонцы появились в Сибири в потоке других прибалтов в начале XIX в. Но большая их часть переселилась в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. Видимо, в самом начале XX в., скорее всего в 1900 г., возникло поселение Кольцовка, ставшее местом проживания и центром притяжения для большинства эстонцев, осевших в юго-западной части Мариинского уезда Томской губернии. Дома и хозяйственные постройки жителей Кольцовки тянулись с запада на восток параллельно переселенческому тракту Щеглово (ныне – областной центр Кемерово) – Мариинск и небольшой речушки Кольцовка, являвшейся левым притоком реки Алчедат.

Неподалеку от Кольцовки протекала еще одна, более крупная река, носившая интригующее название Золотой Китат и изобиловавшая в то время рыбой. С правой стороны переселенческого тракта находилась знаменитая Мариинская тайга, которая манила своими золотыми россыпями, была богата кедром, зверем, дичью, ягодами и грибами. А по правому берегу Алчедата тянулась пригодная для занятия земледелием и животноводством лесостепь, перемежавшаяся березовыми колками и сосновыми борами.

Не случайно, что эти места многие эстонцы облюбовали для своих хуторов и заимок. Одни из них обосновались на левом берегу Алчедата и около впадавших к нему таежных ручьев, другие – в черной тайге, третьи – вдоль полевых речушек вроде Байдана. Они поставили амбары и риги, оборудовали мельницы и запруды, расчистили тайгу и лес под посев зерновых и для покоса. С тех пор эти места получили название их хозяев и закрепились в местной топонимике. Так появились, например, «Пехков угол» на реке Алчедат и «Шпанерова поляна» в ближайшей тайге. «Угол» получил свое название от эстонской фамилии Пехк, а «поляна» была обязана своим происхождением Шпанерам.

Кольцовка как место проживания для переселенцев было благоприятное. Она располагалась между поселком Златогорка и селом Красный Яр Златогорской волости Мариинского уезда. До волостного центра, которым являлся Красный Яр, было недалеко – около пяти верст. Но до ближайшей железнодорожной станции Ижморская, что стояла на Транссибирской магистрали, было почти в десять раз дальше – около 50 верст. До уездного города Мариинска это расстояние нужно было удвоить. К 1917 г. численность населения Кольцовки достигла почти 500 человек. Она входила в семерку самых крупных по этому показателю эстонских поселений Сибири и была третьей по величине в Томской губернии ⁶.

Эстонцы, занятые тяжелым трудом, жили довольно обособленно. Со своими соседями – русскими, украинцами, чувашами – они контактировали мало. В быту использовали только родной язык. В числе их приоритетов было обучение детей, для чего они почти сразу же создали начальное училище ⁷. Преподавал в нем Михаил Юрьевич Матс (1875 г. рождения), имевший незаконченное среднее образование. Он же выполнял обязанности пастора.

К местным природно-климатическим условиям эстонские переселенцы адаптировались довольно быстро. Наряду с традиционными занятиями земледелием и скотоводством они быстро переняли у здешних старожилов способы охоты и ловли речной рыбы, овладели кедровым промыслом и выкуркой смолы. Некоторые мужчины трудились в арте-

лях старателей, мывших золотосодержащий песок в верховьях протекавших неподалеку горных речек Малый и Средний Кельбес.

Революция и гражданская война почти не коснулись кольцовских эстонцев. Жили они в основном вдоль кромки бескрайней тайги и в самой тайге, властям не досаждали, и быстро сменявшие друг друга власти их тоже почти не трогали. Правда, есть данные о том, что во время колчаковщины несколько местных жителей ушли в партизаны, судя по всему в отряд под командованием П.К. Лубкова, оперировавшего преимущественно к северо-востоку от Ижморки. Время от времени партизаны во главе с П.К. Лубковым наведывались и в Златогорскую волость, чтобы разогнать колчаковскую милицию или, наоборот, скрыться от преследовавших их белогвардейцев. Во время одного из таких походов карательный отряд прапорщика Корзуна по указке М.Ю. Матса сжег четыре дома кольцовских жителей, названных им партизанами. После разгрома колчаковцев в Кольцовке была установлена Советская власть и образован сельсовет.

1920-е годы, на которые пришлась новая экономическая политика, также были относительно благополучными. В 1924 г. в Западной Сибири началось административно-территориальное переустройство, так называемое районирование: были ликвидированы волости, уезды и губернии и вместо них созданы районы и округа. Кольцовский сельсовет сначала вошел в Троицкий район Томского округа. Тогда же Советская власть декларировала ставку на законность и культурного, другими словами – зажиточного, крестьянина. В рамках нэпа заметные подвижки произошли в национальной политике: Советская власть стала поощрять национальную культуру, создавать национальные сельские советы, разрешила вести делопроизводство в местных учреждениях на языках национальных меньшинств.

Не обошли стороной эти веяния и Кольцовку. В 1926 г. сюда прибыли Маргын Янович Кресс и Генрих Рейнович Яксон. Они были командированы по партийной линии из Москвы для усиления коммунистического влияния среди соотечественников. М.Я. Кресс тогда был еще совсем молодым человеком. Он родился 17 июля 1905 г. в Ревеле, в 16 лет вступил в Коммунистическую партию Эстонии. В начале 1921 г. М.Я. Кресс состоял членом Ревельского подпольного комитета комсомола и одновременно служил делопроизводителем коммунистической фракции Рийгигогу (парламента). Когда над М.Я. Крессом нависла угроза ареста, его переправили в советскую Россию, в Петроград. Здесь молодой коммунист сначала учился на рабочем факультете Эстонского пролетарского университета, а затем окончил Ленинградскую партийно-

советскую школу. В 1922–1923 гг. он избирался членом Василеостровского райкома РКП(б), кандидатом в члены губернского исполкома советов. Прибыв в Кольцовку, М.Я. Кресс активно включился в общественно-политическую работу. В 1927–1928 гг. он избирался членом Томского окружного комитета ВЛКСМ, с середины 1930 г. состоял членом Ижморского райкома ВКП(б) и исполкома советов, одно время был председателем Кольцовского сельсовета и сельского потребительского общества. Приехавший с М.Я. Крессом Г.Р. Яксон стал работать в Кольцовке учителем, заменив на этой должности М.Ю. Матса.

Хотя те, кто Советской власти представлялся социально чуждым или по каким-либо причинам опасным, в 1920-годы подвергались как дискриминации, так и репрессиям. Например, дважды лишали права участвовать в выборах в Советы и внесли в категорию так называемых «лишенцев» М.Ю. Матса. Еще суровее Советская власть обошлась с имевшим крупное хозяйство Иосифом Матвеевичем Пурландом (родился 8 января 1870 г.). Он был зачислен в «кулаки» и в 1927 г. осужден на три года лишения свободы. В 1929 г. был исключен из ВКП(б) и приговорен к двум месяцам принудительных работ Арнольд Александрович Эльман.

Особенно резко ситуация изменилась на рубеже 1920–1930-х годов, когда подверглись репрессиям сначала пасторы и беспартийные учителя-эстонцы, а затем в ходе массовой коллективизации – зажиточные хозяева, отнесенные органами Советской власти к категории «кулаков». В 1933 г. к тому времени остепенившийся и ставший отцом двух дочерей и сына М.Я. Кресс был исключен из рядов ВКП(б). В 1935 г. его вывели из состава Ижморского райисполкома советов. Он переселился в поселок Сухой соседнего Кельбесского сельсовета, где устроился работать подручным слесаря. Лишился своей учительской должности Г.Р. Яксон. В последующие несколько лет отдельные эстонцы попадали под жернова органов государственной безопасности во время проведения ими так называемых «национальных» операций. Особенно часто это случалось при преследовании немцев и других прибалтов, которые рассматривались руководством Советского Союза как потенциальная «пятая колонна»⁸.

Но 1937 г. для советских эстонцев, живших в Сибири, выдался особенно жестоким. В этом году они впервые стали непосредственным объектом специальных операций органов государственной безопасности. Такое внимание к эстонцам было откликом спецслужб на речь Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников» на февральско-мартовском пленуме ЦК партии, когда вождь

заявил, что по мере завершения строительства социализма классовая борьба будет обостряться. С этого времени шпиономания и доношительство, которые для многих граждан Советского Союза уже являлись нормой жизни, стали ее главной смыслом и целью.

Судя по всему, первой чекистской операцией, направленной против эстонцев, было «дело», получившее официальное название «Фонтанники». Этимология этого странного слова такова. Изначально «фонтанниками» именовались члены эстонского клуба политэмигрантов в Ленинграде, который существовал с середины 1920-х годов и располагался на Фонтанке. Точно так же в 1937 г. ленинградские чекисты называли «дело», в ходе которого они якобы ликвидировали группу шпионов и вредителей, завербованных эстонской разведкой из числа политэмигрантов, состоявших в этом клубе и тесно связанных с «троцкистами-террористами»⁹.

Весной – летом 1937 г. в разных городах и районах Западно-Сибирского края органы государственной безопасности арестовали несколько десятков эстонцев. Первоначально их намеревались представить как диверсионно-повстанческую террористическую организацию, созданную прибывшими из Ленинграда в Западную Сибирь членами разгромленной троцкистско-зиновьевской фракционной группы Коммунистической партии Эстонии, и тоже поименовали «фонтанниками». 25 августа 1937 г. «тройка» управления НКВД по Западно-Сибирскому краю рассмотрела материалы о первой группе эстонцев, руководителем которой считался А.Я. Пуна – заведующий сельскохозяйственным отделом издававшейся Западно-Сибирским краевым комитетом ВКП(б) на эстонском языке газеты «Коммунар». «Тройка» приговорила 11 человек к высшей мере наказания, шестеро подсудимых получили по 10 лет и один – восемь лет лишения свободы и заключения в исправительно-трудовых лагерях¹⁰.

Но затем, судя по всему, у чекистского руководства возникла идея переквалифицировать арестованных эстонцев в членов фашистской эстонской контрреволюционной организации. Во всяком случае именно такое обвинение было сформулировано в постановлении, составленном в конце сентября 1937 г. сотрудником контрразведывательного отдела управления НКВД по Новосибирской области О.Ю. Эденбергом, кстати, эстонцем по национальности. Последнее свидетельствовало о намерении руководства органов НКВД только что образованной Новосибирской области придать этой «национальной» операции широкие масштабы¹¹.

Как утверждали чекисты, переехавшие из Ленинграда в Сибирь и арестованные ими П.Ю. Аммер и А.А. Персон показали, что здесь су-

ществовала разветвленная «контрреволюционная эстонская шпионско-диверсионная и террористическая организация». Во главе ее, якобы, находился руководящий Сибирский центр, который состоял из Я.А. Пельдема и А.И. Розберга (в источниках и в публикациях он иногда ошибочно называется Ройзбергом или Розенбергом). Затем задним числом в состав Сибирского центра был включен уже расстрелянный к тому времени А.Я. Пуна.

Названные люди не случайно были избраны чекистами на роль руководителей эстонской контрреволюционной организации, поскольку по характеру своей работы они имели широкие контакты со своими соотечественниками. Выходец из крестьян 47-летний Ян Адович Пельдема вступил в большевистскую партию в апреле 1918 г. Во время гражданской войны он служил в военно-революционных трибуналах на Украине. В начале 1920-х годов Я.А. Пельдема являлся одним из руководителей эстонской секции Сибирского бюро ЦК РКП(б), затем – Сибирского крайкома РКП(б)–ВКП(б). Имея всего лишь начальное образование, в 1922 г. он стал редактором выходившей в Новониколаевске (Новосибирске) на эстонском языке еженедельной газеты «Siberi Teataja» («Сибирские известия»). Во многом благодаря Я.А. Пельдема с 1922 по 1925 г. тираж газеты удалось увеличить с 200 до 2 400 экземпляров, а количество подписчиков – со 150 до 2 200. С 1927 г. газета стала выходить на четырех страницах. Как свидетельствует ее тираж, достигший в 1928 г. 4,8 тыс. экземпляров, газета была довольно популярной среди эстонского населения. В 1926–1930 гг. в качестве бесплатного приложения к газете стал издаваться сельскохозяйственный и литературный журнал «Uus Kula» («Новая деревня»). В марте 1930 г. газета переименовала свое название на «Коммунар». Она имела довольно квалифицированный журналистский коллектив и широкую сеть местных корреспондентов из рабочих и крестьян, начала издаваться два раза в неделю. Но 20 октября 1933 г. Я.А. Пельдема был переведен на другую работу и назначен председателем Западно-Сибирского радиокomiteта.

Александр Иоганович Розберг был на два года моложе Я.А. Пельдема. В РКП(б) он вступил, как минимум, на год позже, но имел среднее (по другим данным – даже высшее) образование. С 1929 г. он работал заместителем редактора газеты «Siberi Teataja», а после ухода Я.А. Пельдема в радиокomiteт был назначен редактором газеты «Коммунар». В марте 1936 г. его перевели работать в Ойрот-Туру (ныне – Горно-Алтайск) инструктором Ойротского областного комитета ВКП(б).

С грубейшим нарушением даже тех упрощенных норм судопроизводства, которые существовали в советских карательных органах

(по «делу» в целом даже не было составлено обвинительное заключение), «тройка» управления НКВД по Западно-Сибирскому краю приняла «дело» о группе Пельдема – Розберга к рассмотрению. В нее, кроме Я.А. Пельдема и А.И. Розберга, были включены еще 11 человек: живший в Новосибирске слесарь В.К. Вейсман, инструктор Западно-Сибирского краевого исполкома советов И.Ю. Весткрольд, учитель села Ускуль Татарского района И.Я. Кауниссар (раньше работавший в газете «Коммунар»), слесарь завода № 5 Новосибирска И.Я. Климентс (другое написание фамилии – Клеметс), завхоз промартели «Деятель» города Мариинск А.К. Луми, житель села Эстония Белоглазовского района Ю.Я. Паульман, новосибирская портниха А.И. Педрас, заведующий магазином № 19 Новосибирска М.А. Поресс, бухгалтер Бердского физиотерапевтического санатория О.Я. Пусепп управляющий сельскохозяйственным банком города Татарск П.М. Рябин и сотрудник пожарной охраны Новосибирска Н.И. Тамберг. Постановлением от 13 сентября 1937 г. все 13 человек, якобы состоявшие в этой группе, были приговорены к высшей мере наказания и через пять дней расстреляны¹².

Дальнейшие действия органов государственной безопасности были вполне логичными и легко прогнозируемыми. Разгром Сибирского центра эстонской контрреволюционной организации в Новосибирске требовалось подкрепить обнаружением его ячеек на местах. Это развязало руки низовому аппарату НКВД, и чекисты тех административно-территориальных единиц, в которых проживали эстонцы, не могли не воспользоваться представившейся им возможностью. Угроза нависла над всеми районами, в которых проживали эстонцы и тем более имелись эстонские поселения. В конце 1937 – первой половине 1938 г. в Новосибирской области репрессии обрушились на эстонцев Мошковского и Тогучинского районов, где в общей сложности было арестовано 90 человек, около 60 из которых подверглись расстрелу¹³. Тогда же чекисты добрались и до эстонцев Кольцовского сельсовета.

Напомню, что в июне 1930 г. Троицкий район, в который входил Кольцовский сельсовет, был упразднен, а вся ранее входившая в него территория и населенные пункты перешли в Ижморский район. Несмотря на проведенное укрупнение, Ижморский район оставался одним из самых мелких в Западной Сибири. На 1 июля 1937 г. в нем насчитывалось всего 22 сельсовета, 29 клубов и 18 изб-читален. Районная организация коммунистов, являвшаяся опорой сталинского режима, была немногочисленная – 160 членов и кандидатов в члены ВКП(б). В районе имелся 121 колхоз, которые обслуживали три МТС, распола-

гавшие 41 комбайном, 14 тракторными сноповязалками, 400 жатками и 80 сложными молотилками¹⁴.

В Ижморском районе Кольцовский сельсовет, охватывавший всего 47 кв. км., был самым маленьким по территории и принадлежал к числу четырех самых отдаленных от райцентра. Он включал в себя только три населенных пункта (село Кольцовка, поселки Будовка и Кольцовка-2), в которых насчитывалось 115 домохозяйств (дворов). В самой Кольцовке имелись начальная школа, сельское потребительское общество (сельпо) и изба-читальня. Большинство трудоспособного населения, проживавшего на территории сельсовета, являлись членами трех колхозов: сельхозартелей «Коммунар» и «Пунане липп» («Красное знамя») и промысловой артели «Пихтач». Особенно маленькой была промартель «Пихтач», в которой числилось всего 22 колхозника, трудившихся главным образом на пихтовом заводе. Но пять домохозяйств Кольцовского сельсовета оставались единоличными.

Колхозы Кольцовского сельсовета из-за отдаленности и малочисленности земельных угодий, пригодных для посева зерновых, МТС не обслуживались. Это означало, что главной тягловой силой в колхозах оставались лошади, а преобладающим – ручной труд. Трудовая дисциплина в колхозах была низкой, колхозники часто просто не выходили на работу. На молочно-товарных фермах был большой падеж общественного скота. Впрочем, аналогичное положение с животноводством наблюдалась в большинстве колхозов района.

Шестого ноября 1936 г. самый крупный и передовой колхоз Кольцовского сельсовета артель «Пунане липп» получила государственный акт, в соответствии с которым за ней в бессрочное пользование закреплялось 2 480 гектара земли. Посевная площадь была невелика, не достигая даже десятой части закрепленной за колхозом территории. Но в «Пунане липп» продолжались работы по раскорчевке земли для увеличения площади пашни. Урожайность в колхозах Кольцовского сельсовета была невысокой. В «Пунане липп» она составляла 10,4 центнера с гектара¹⁵.

В 1937 г. Ижморский район жил в атмосфере, во многом созданной под влиянием установок руководства ВКП(б) и лично И.В. Сталина. Например, 2 января президиум районного исполкома советов обязал председателей сельсоветов организовать в каждом колхозе кружки по изучению доклада И.В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР, сделанном 25 ноября 1936 г. на VIII чрезвычайном Всесоюзном съезде советов, и «на основе этого исторического документа добиваться повышения производительности труда, организации подъема волны ста-

хановского движения и лучшей подготовки к весеннему севу, за рекордные урожаи»¹⁶.

После февральско-мартовского пленума 1937 г. Ижморский район буквально лихорадило. Его партийно-советское руководство и актив стали заниматься в основном поисками шпионов и вредителей и доношением друг на друга. Уже 6 апреля 1937 г. в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) от кого-то из местных коммунистов поступила информация о том, что «становится все более и более очевидно, что в районе орудуют враги народа». Из-за взаимной подозрительности и недоверия друг к другу на проходившей 23–29 апреля 1937 г. районной конференции ВКП(б) коммунисты не могли избрать членов райкома партии в течение трех дней. 27 мая начальник Ижморского районного отдела НКВД младший лейтенант государственной безопасности Е.Х. Мартынов донес по инстанции начальнику управления НКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронову, что на этой партконференции классовая бдительность членов ВКП(б) «притуплялась», а критика и самокритика «была развернута недостаточно». Похоже, тем самым Е.Х. Мартынов пытался отомстить своим товарищам по партии за то, что они забаллотировали его в члены бюро райкома.

Первого июля бюро Ижморского райкома ВКП(б) нанесло по Е.Х. Мартынову ответный удар. На своем закрытом заседании оно заслушало его сообщение о работе районного отдела НКВД и признало, что он «до сего времени не перестроил своей работы в соответствии с решениями пленума ЦК ВКП(б), доклада и заключительного слова тов. Сталина» и что аппарат районного отдела НКВД «не приведен в надлежащую боевую мобилизованность для борьбы с контрреволюционными враждебными элементами». Бюро райкома посчитало, что такое положение является «результатом наличия элементов благодушия в аппарате рай[онного отдела] НКВД и его руководителя тов. Мартынова». Проанализировав несколько частных конфликтов на бытовой почве, которые оно интерпретировало как вылазки враждебных элементов, бюро райкома вынесло Е.Х. Мартынову предупреждение и предложило «немедленно извлечь уроки из отмеченных фактов для перестройки своей работы».

Еще раньше, 16 июня, бюро райкома ВКП(б) приняло постановление, в котором предупредило сельсоветы о необходимости «усиления революционной бдительности каждого члена сельсовета». Оно потребовало от них «давать решительный отпор» малейшему проявлению классово враждебных вылазок.

Для характеристики атмосферы того времени, существовавшей в Ижморском районе, весьма показательны два документа. Первый из

них – это принятое 30 июля XII пленумом райисполкома советов постановление, посвященное подготовке к уборке урожая 1937 г. Оно завершалось требованием «еще выше поднять большевистскую бдительность и беспощадно вести борьбу с врагами народа»¹⁷.

Второй документ – постановление совместного заседания бюро райкома ВКП(б) и президиума райисполкома советов от 2 сентября 1937 г., который был принят по итогам обсуждения промежуточных результатов уборки хлеба и его сдачи государству. Констатируя, что много сжатого хлеба в районе еще не заскирдовано и не обмолочено, это заседание главной причиной такого «позорного состояния» назвало наличие «недостаточно решительной борьбы с фактами враждебных действий в отдельных колхозах». От имени райкома ВКП(б) и райисполкома совместное заседание предупредило все партийные организации, председателей сельсоветов и колхозов, работников МТС, «каждого партийного и непартийного большевика», что «враги народа – охвостья троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских бандитов, гнусные агенты японо-германского фашизма, шпионы и вредители – всяческими способами пытаются подорвать колхозы, сорвать хлебосдачу и хлебоуборку». Основным условием успешной уборки урожая, говорилось в постановлении, должны явиться «высокая революционная большевистская бдительность, беспощадное разоблачение, выкорчевывание и подавление врагов народа, куда бы они ни прятались»¹⁸.

Если бы многие из тех, кто разжигал эту истерию, знали, чем она для них лично обернется, то, возможно, вели бы себя иначе или, во всяком случае, более осмотрительно. Однако они думали, что все эти призывы «искать и выкорчевывать врагов народа» воплощать в жизнь будут они, а их самих репрессивные меры не коснутся. Но в жизни все оказалось совсем иначе. В результате уже в конце лета – начале осени 1937 г. по политическим причинам были исключены из ВКП(б) второй секретарь райкома партии А.Т. Кожевников, член бюро райкома А.Г. Седов, заведующий районным отделом народного образования, секретарь райисполкома И.А. Борисов, исполняющая должность заведующего районным финансовым отделом Сартакова. К январю 1938 г. с формулировкой «как враги народа» были исключены из рядов ВКП(б) очередной секретарь райкома партии М.К. Еременко, член президиума районного исполкома советов Д.Т. Клыков, член райисполкома Силантьев, директор Троицкой МТС Киргетов и многие другие.

Но на состоявшихся 22 января, 18 апреля и 20 июля 1938 г. пленумах райисполкома советов недавно избранные секретари райкома ВКП(б) Бикбулатов и Полунов, исполняющий обязанности председа-

теля райисполкома П.П. Сорокин, заведующий районным земельным отделом Т.И. Козлов, редактор районной газеты «Знамя ударника» Т.В. Медведев, районный прокурор С.С. Рубанов продолжали требовать от коммунистов и советского актива искать и находить новых врагов народа. Кстати, к концу 1938 г. в их числе оказался и сам прокурор С.С. Рубанов, который был арестован органами НКВД¹⁹.

Поиск шпионов, вредителей и врагов народа сопровождался совершенно абсурдными с точки зрения здравого смысла требованиями в хозяйственной сфере. Одной из такого рода нелепых задач стала директива Ижморского райкома ВКП(б) начать весенний сев 1938 г. значительно раньше, чем в предыдущие годы. Естественно, что нашлись руководители колхозов, которые послушно последовали таким инструкциям и даже попытались их перевыполнить. Так, одним из первых в районе, 11 апреля, приступил к севу колхоз «12 декабря». Более того, его председатель Богулко 18 апреля на пленуме райисполкома советов заявил, что «когда мы начали сеять, мы убедились, что можно было начать сев раньше».

В то же время были отдельные руководители колхозов и даже целые хозяйства, которые оказывали пассивное сопротивление неразумной директиве. Такая ситуация сложилась, например, в соседнем с Кольцовкой Красноярском сельсовете. По признанию его председателя Бизина, «отдельные пред[седатели] колхозов бросают печать и отказываются от руководства колхозами». Заведующий районным земельным отделом, член президиума райисполкома Т.И. Козлов утверждал, что «кр[асно]ярские колхозы с[ель]совет насильно выгнал в поле»²⁰. Однако такое поведение со стороны колхозников являлось исключением.

Созданная в Ижморском районе атмосфера, безусловно, угнетающе действовала на большинство населения. Весьма показательным в этом отношении поведение советского актива. Состоявшийся 6 декабря 1938 г. XVII пленум райисполкома признал, что в первом полугодии 1938 г. количество населения, принимавшего участие (а на самом деле, просто числившегося) в работе секций сельсоветов и депутатских групп, «значительно сократилось». В действительности же большинства секций не существовало даже на бумаге²¹. Сельсоветы, являвшиеся фундаментом Советской власти, утратили реальные связи с населением. Они превратились в абсолютно бюрократические учреждения, став одним из послушных звеньев тоталитарной государственной машины.

Кольцовский сельсовет в этом отношении не составлял исключения. Его председателем в начале 1937 г. являлся 55-летний Август Данилович Меус, служивший сталинскому режиму не из-за страха, а из убеж-

дений. Он был коммунистом, в числе первых вступил в колхоз «Пуна-не липп». Правда, руководством колхоза А.Д. Меус был недоволен, обвиняя его председателя во многих грехах: в семейственности, недостатке самокритики, зажиме критики и даже в саботаже государственных мероприятий. Особенно большое недовольство А.Д. Меуса вызывало то, что значительная часть кольцовских колхозников продолжала жить на хуторах. Поэтому апреле 1937 г. на X пленуме райисполкома советов он проявил инициативу и поставил вопрос о ликвидации такой системы в подведомственном ему сельсовете²².

Партийно-советское начальство района ценило А.Д. Меуса за политико-идеологическую преданность, но считало недостаточно дисциплинированным и жестким руководителем. Из-за этого на апрельском пленуме райкома ВКП(б) он был исключен из списка кандидатов в члены райкома партии. Но в июне 1937 г. оно сочло возможным поощрить А.Д. Меуса, переведя его на работу в Ижморку на малозначительную должность старшего инспектора Госстраха районного финансового отдела²³.

Вместо А.Д. Меуса президиум райисполкома рекомендовал на пост председателя Кольцовского сельсовета жившего в соседнем селе Вяземка члена ВКП(б) эстонца Мартына Блумбаха. Но летом некоторое время обязанности председателя исполнял местный коммунист Август Юганович Микк. М. Блумбах председателем был недолго, так как в ноябре его тоже перевели на работу в Госстрах районного финансового отдела. На этот раз должность председателя сельсовета перешла к Яну Генриховичу Янсону²⁴.

Я.Г. Янсон среди местной эстонской колонии был фигурой заметной. К тому времени ему исполнилось 44 года. Он был из состоятельной (по чекистской терминологии – кулацкой) семьи. Первый раз в Сибирь Ян приехал в пятнадцатилетнем возрасте. С 1913 по 1917 г. снова проживал в Эстонии. В молодые годы Я.Г. Янсон занимался спортивной борьбой, имел всероссийскую известность и обширные знакомства. В 1930 г. он вступил в колхоз «Пунане липп», но в отличие от своих предшественников остался беспартийным. Одно время Я.Г. Янсон служил в соседнем селе Красный Яр на почте, затем снова вернулся в колхоз. В 1932 г. его жена была арестована за хищение колхозного хлеба и приговорена к 10 годам лишения свободы. Будучи колхозником, Я.Г. Янсон держал небольшое подсобное хозяйство, в котором были лошадь, корова и три овцы.

Внешне в Кольцовке и в прилежавших к ней эстонских хуторах все было по-прежнему. С осени 1937 г. наряду с уборкой урожая и его обмолотом очередной заботой сельсовета стала организация и проведе-

ние первых выборов на основе новой, сталинской Конституции. Постановлением президиума райисполкома от 27 октября в Кольцовке были созданы избирательный участок № 177 по выборам в Совет Союза и избирательный участок № 453 по выборам в Совет национальностей. Председателем избирательной комиссии был назначен уже живший в Ижморке представитель районного центра А.Д. Меус и местные советские активисты Э.В. Иллус и Ю.Ю. Пусеп²⁵.

«Гром» над эстонцами, жившими в Ижморском районе, грянул в самом начале зимы. 3 декабря 1937 г. сотрудники Ижморского районного отдела НКВД произвели аресты заведующего местным радиоузлом Освальда Густавовича Лауга и радиста-монтера этого же радиоузла Яна Петровича Пехка, проживавших вместе в районном центре по улице Коммунистическая, дом 2.

Затем последовала череда арестов других эстонцев. 5 декабря были взяты А.Г. Арак, М.Ю. Матс и В.М. Пехк в Кольцовке, И.М. Пурланд – в Пихтаче, Э.Ю. Пусеп – в Красном Яре, А.А. Эльман – в поселке Будовка, 7 декабря – М.Я. Кресс в поселке Сухой Кельбесского сельсовета Барзасского района, 8 декабря – И.М. Янсон в поселке Верхне-Зимовский Тихеевского сельсовета, 10 декабря – Г.В. Ячмулин в деревне Азаново Ижморского сельсовета и А.Г. Каарна в Ижморке. К тому времени А.Г. Арак (родился 5 апреля 1892 г.) состоял кандидатом в члены ВКП(б) и работал контролером сберкассы в Красном Яре, А.Г. Каарна (родился 21 июня 1912 г., был инвалидом – не имел одной ноги) – преподавал в Ижморской средней школе, М.Ю. Матс заведовал молочно-товарной фермой, В.М. Пехк (родился в Юрьеве в 1896 г.) был счетоводом промартели «Пихтач», И.М. Пурланд – сторожем в «Пихтаче», Э.Ю. Пусеп (1908 г. рождения) – кассиром Красноярской сберкассы, А.А. Эльман – секретарем Кольцовского сельсовета, И.М. Янсон – продавцом отдела рабочего снабжения Китатского леспромпхоза. В качестве меры пресечения для арестованных начальник Мариинского оперативного сектора управления государственной безопасности НКВД назначил содержание под стражей при Мариинской тюрьме, куда их всех немедленно доставили.

В справке, составленной не позднее 8 декабря 1937 г. помощником оперативного уполномоченного сержантом госбезопасности И.В. Дорофеевым и начальником Ижморского районного отдела НКВД Е.Х. Мартыновым, причины произведенных арестов объяснялись тем, что в Ижморский районный отдел НКВД поступил материал, свидетельствовавший о том, что в Кольцовском сельсовете «создана контрреволюционная троцкистско-шпионско-диверсионная повстанческая группа».

Между тем в архивно-следственном деле никакого материала, подтверждающего наличие такой группы, не содержится. Совершенно очевидно, что чекистам не удалось получить его в ходе обысков, которые они проводили во время арестов. На первых порах единственными документами, которые могли использовать чекисты в целях обвинения подозреваемых, являлись составленные председателем и секретарем Кольцовского сельсовета справки на М.Я. Кресса и О.Г. Лаугу. В них М.Я. Крессу и О.Г. Лауге давалась отрицательная общественно-политическая характеристика. Правда, самый большой грех, который им приписывался кольцовскими сельсоветчиками, состоял в том, что они контактировали с покончившим жизнь самоубийством членом Ижморского райкома ВКП(б) Поволоцким и с арестованным к тому времени бывшим учителем Г.Р. Япсоном.

Чекисты, составлявшие справку на арестованных, историю создания этой «контрреволюционной группы» освещали так. Якобы еще в 1921 г. эстонская разведка завербовала М.Я. Кресса и Г.Р. Япсона и перебросила их в РСФСР для создания шпионской повстанческо-диверсионной организации. В Петрограде они вступили в РКП(б) и поступили в партийно-советскую школу, по окончании которой прибыли в Кольцовку. В Кольцовке М.Я. Кресс и Г.Р. Япсон установили контакт с М.Ю. Матсом, которого авторы справки назвали «бывшим пастором лютеранского вероучения, колчаковским шпионом, эсеро-меньшевиком», и О.Г. Лаугой, имевшим на своей квартире радиоприемник. Совместными усилиями они создали контрреволюционную организацию, имевшую связь с Эстонией по почте и с 1931 г. – с помощью радио. Чекисты утверждали, что названная группа распространяла клевету на Советскую власть, восхваляла капиталистический строй и «банду» Л.Д. Троцкого, «обрабатывала» в соответствующем духе молодежь, призывала к созданию организации для борьбы против Советской власти и для ее свержения в случае возникновения войны.

Как известно, при отсутствии доказательств для составления обвинения чекисты почти всегда прибегали в использовании признательных показаний арестованных. В данном случае они действовали по привычной схеме. Допросы начались 6 декабря. Вели их сотрудники Ижморского районного отдела НКВД И.В. Дорофеев и В. Маслов, а также оперативный уполномоченный 3-го отделения управления государственной безопасности Мариинского оперативного сектора Деев. Как правило, последственным задавали одни и те же вопросы: когда и откуда прибыли в СССР; кто из родственников и знакомых проживает за границей, в том числе в Эстонии, и в СССР; кем завербован и кого завербовал; состав и

задачи контрреволюционной группы или организации; как осуществляли вредительство; есть ли оружие; получаете ли эстонские газеты?

Если верить материалам следствия, то все без исключения арестованные дали признательные показания. В протоколах допросов М.Я. Кресса и О.Г. Лауги имеются записи о том, что они были завербованы в контрреволюционную организацию летом 1933 г. Я.А. Пельдема и А.И. Розбергом, когда те приезжали в Кольцовку. Тем самым изначально чекистская версия о том, что кольцовскую группу создал эстонский шпион М.Я. Кресс, была фактически отвергнута. М.Я. Кресс в качестве шпиона упоминался только в протоколе допроса Г.В. Ячмулина, который сам в следственных документах назывался то завербованным эстонской полицией с 1928 г., то эстонским шпионом с 1929 г. Но отмеченные противоречия не смущали сотрудников НКВД. Роль руководителя разоблаченной группы от М.Я. Кресса они как бы «передали» О.Г. Лауге, скорее всего потому, что он являлся коллегой и подчиненным уже расстрелянного «руководителя» так называемого Сибирского центра Я.А. Пельдема. В протоколе допроса М.Я. Кресса зафиксировано утверждение о том, что в СССР существует эстонская контрреволюционная организация, имеющая всесоюзный масштаб с руководящим центром в Москве, и пофамильно названы многие ее члены, проживавшие в Сибири и даже за ее пределами.

Относительно задач, которые возлагались на контрреволюционную организацию, во втором протоколе допроса О.Г. Лауги имеется такая запись: «[...] Вести пропаганду фашистских идей среди эстонского населения и восхвалять порядки фашистской Эстонии, распространять контрреволюционную агитацию против существующих советских порядков в СССР, вести вредительскую диверсионную работу в колхозах и промышленных предприятиях, подрывать мощь Советского Союза. В военное время контрреволюционные группы нашей организации должны были проводить диверсионно-разрушительную работу на транспорте с тем, чтобы лишить переброски военных грузов и продовольствия для Красной армии, и по указанию организации поднять восстание в тылу Красной армии».

Примерно такие же записи содержатся в протоколах допросов других подследственных. Так, живший в Кольцовке В.М. Пехк признался в том, что это он вместе с И.М. Пурландом сжег кузницу в промартели «Пихтач». Но особенно странно впечатление оставляет такой фрагмент показаний, зафиксированный в протоколе допроса В.М. Пехка: «В момент вооруженного восстания против Советской власти я взял на себя обязательство разбирать железнодорожное полотно и производить крушения

поездов, а наши повстанческие отряды должны [были] их захватывать». Напомню, что эти операции должны были осуществлять жители Кольцовки, находившейся примерно в 50 верстах от железной дороги!

В протоколе допроса О.Г. Лауги приведен список всех 12 членов якобы руководимой им группы, правда, не вполне совпадающий со списком арестованных 3–10 декабря. Среди этих 12 человек фигурирует и фамилия председателя Кольцовского сельсовета Я.Г. Янсона, находившегося в то время на свободе, принимавшего участие в качестве понятого в арестах и подписывавшего справки на арестованных.

10–12 декабря 1937 г. всем арестованным было объявлено об окончании следствия. Их ознакомили с имевшимися протоколами допросов. Арестованные согласились с зафиксированными показаниями и от каких-либо дополнений отказались. 14 декабря начальник Мариинского оперативного сектора управления государственной безопасности НКВД утвердил обвинительное заключение. В нем говорилось, что Мариинский оперативный сектор раскрыл и ликвидировал фашистскую, диверсионно-повстанческую организацию во главе с О.Г. Лаугой, созданную из эстонцев по заданию зарубежных разведывательных органов. В обвинительном заключении утверждалось, что «наряду с подготовкой к вооруженным выступлениям против Советской власти участники организации вели активную контрреволюционную деятельность, направленную на развал колхозов, путем вредительских и диверсионных актов уничтожали скот, совершали поджоги, вели контрреволюционную фашистскую агитацию, призывали эстонское население к активной борьбе с Советской властью». В заключении констатировалось, что подследственные виновными себя признали и поэтому подлежат суду по статье 58-2-9-10-11 Уголовного кодекса РСФСР.

Дело «группы Лауги», которому был присвоен № 43682, рассматривалось 9 января 1938 г. в Новосибирске так называемой «двойкой», состоявшей из представителей НКВД и прокуратуры СССР. Всем подсудимым была вынесена высшая мера наказания – расстрел. 27 января того же года приговор был приведен в исполнение²⁶.

Чекисты еще не закончили писать обвинительное заключение на «группу Лауги», когда приступили ко второй серии арестов эстонцев, проживавших в Ижморском районе. Главная причина новой волны арестов заключалась в том, что еще оставалась на свободе основная масса людей, которых одновременно можно было идентифицировать по двум серьезным основаниям: и как вредителей (врагов народа), и как предателей, в том числе шпионов враждебных государств. Послед-

нее обстоятельство в глазах высшего и местного партийно-советского и чекистского руководства делало их более опасными для дела строительства социализма.

Но для проведения масштабной чистки имелись и исключительно локальные причины. Между разными группами местных эстонцев существовали непростые отношения, которые время от времени принимали конфликтный характер на личной и бытовой почве. По мере насаждения среди эстонского населения атмосферы тотальной подозрительности появились такие граждане (прежде всего – коммунисты и советский актив), которые были склонны не только интерпретировать взаимоотношения сквозь призму обострения классовой борьбы, но и разрешать конфликты в свою пользу, апеллируя к органам государственной безопасности.

Для иллюстрации сказанного весьма показательным заседанием Кольцовского сельсовета, состоявшееся 9 декабря 1937 г., когда первая волна арестов, затронувшая местных жителей, уже почти прошла. В заседании участвовали председатель сельсовета Я.Г. Янсон, члены сельсовета А.А. Вилль, О. Иллу, А.Ю. Микк, Х.О. Пельт, Э.М. Эйгус, Ю.А. Эльман и в качестве представителя райисполкома А.Д. Меус. Совершенно естественно, что сельсовет принял решение исключить из списков избирателей всех уже арестованных. Одновременно он постановил сообщить районному руководству дискредитирующие сведения об Анне Микк и Томасе Строде.

Тогда же сельсовет обсудил поступившее из колхоза «Коммунар» заявление (акт) о «покушении» на Ю.А. Эльмана со стороны А.О. Падрасона и некоторых других колхозников. Из протокольной записи невозможно понять, о чем конкретно идет речь. Но важно другое. В речах выступивших в прениях А.Д. Меуса и Э.М. Эйгус прозвучали такие оценки: «Там работает классовый враг, надо дело передать следственным органам», «там действует классовый враг, и не было классовой бдительности со стороны колхозников». По итогам обсуждения вопроса сельсовет вынес постановление передать заявление «следственным органам для привлечения к законной ответственности»²⁷.

На этот раз ордера на арест кольцовских эстонцев выдавал Ижморский районный отдел НКВД. В основном его же сотрудники производили аресты подозреваемых. 14 декабря в Кольцовке были арестованы председатель сельсовета Я.Г. Янсон, члены колхоза «Пунане липп» Ю.А. Анги, Я.К. Арак, братья О.Я. и П.Я. Вебер, А.Б. Иваск, Г.Я. Лутс, А.Ю. Пехк, Г.Ю. Тихазе, А.Ф. Эрлих, члены промартели «Пихтач» А.Ю. Кивит, Э.Ю. Корп, Г.Л. Пельт, А.К. Уйга, Г.С. Шпанер, колхозник из «Коммуна-

ра» А.Я. Вебер, работавший продавцом в деревне Новониколаевка А.М. Пехк, почтальон Ю.Ю. Тихазе, в поселке Будовка – члены колхоза «Коммунар» Э.И. Кульман, Ю.Я. Мюрк, братья А.О. и Ю.О. Падрасон, Э.П. Панк, Ю.А. Эльман, работавший кузнецом в «Пунане липп» О.Я. Отсман, в Ижморке – слесарь местной МТС Ю.А. Вилль. 15 декабря аресты продолжались. В Кольцовке чекисты и сотрудники милиции взяли колхозников «Пунане липп» Ю.Г. Каарна и А.А. Руутника, членов промартели «Пихтач» братьев Д.Ю. и Ю.Ю. Ционов, единоличника В.Г. Циона и продавца сельпо Р.А. Эльмана, в поселке Майский соседнего Вяземского сельсовета – члена промартели «Майский» А.И. Соо.

Вслед затем по ордерам, выданным Чебулинским районным отделом НКВД, 15, 18 и 21 в селе Козеюль Чебулинского района были арестованы эстонцы единоличники К.Ю. Абель, Ф.К. Ратосеп, Р.К. Трейял, не имевший определенного занятия Ю.П. Марфельд и в селе Тихеевка Ижморского района – стожар колхоза «Свобода» В.К. Линт.

Единственной информацией, которой располагал Ижморский районный отдел НКВД ко времени проведения новой серии арестов на подозреваемых, было имевшееся в протоколе допроса О.Г. Лауги упоминание о том, что он вовлек в свою группу председателя Кольцовского сельсовета Я.Г. Янсона. Поэтому Я.Г. Янсон сразу же был квалифицирован чекистами как участник «к[онтр]р[еволюционной] фашистской эстонской диверсионно-повстанческой организации, созданной по заданию зарубежных разведывательных органов, которая готовилась к вооруженному выступлению против Советской власти и совершению диверсионных актов».

На всех остальных арестованных органы госбезопасности никакими инкриминирующими материалами не располагали. Впрочем, чекисты в них и не нуждались, поскольку им удалось быстро получить многочисленные признательные показания. Так, 17 и 19 декабря 1937 г. состоялись два допроса Я.Г. Янсона, которые вел начальник районного отдела НКВД Е.Х. Мартынов. В результате в протоколах допросов Я.Г. Янсона появились такие совершенно абсурдные «признания», плохо согласовавшиеся друг с другом. В одном случае в них утверждалось, что Я.Г. Янсон еще в 1925 г. был завербован бывшим учителем Г.Р. Яксоном и тем самым являлся эстонским разведчиком, который «на территории Советского Союза проводил шпионскую и контрреволюционную работу». В другом месте говорилось, что в контрреволюционную организацию он был вовлечен в сентябре 1933 г. М.Я. Крессом и поддерживал связь с членом руководящего Сибирского центра А.Я. Пуной. В третьем месте Я.Г. Янсону приписывалась

роль связника с бандой Жаркова – так в оперативных документах НКВД именовалась группа крестьян Троицкого сельсовета, не пожелавших в 1931 г. идти в колхоз и оказавших вооруженное сопротивление местным властям.

В протоколе допроса Я.Г. Янсона имеется признание того, что он создал и руководил контрреволюционной организацией, в которую входило 35 эстонцев. Здесь же приводятся их фамилии, имена и отчества, а также утверждается, что члены этой организации вели диверсионно-подрывную работу: ломали сельскохозяйственные машины в колхозах, способствовали падежу скота, готовили диверсии на железнодорожном транспорте. Кроме того, они намеревались осуществить террористический акт против первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе.

Протоколы допросов остальных подследственных имеют, с одной стороны, столь же откровенные, с другой – совершенно неконкретные признания об их антисоветской деятельности. В качестве типичного примера можно привести такой фрагмент из протокола допроса А.О. Падрасона:

«Вопрос: Следствием установлено, что Вы являетесь участником контрреволюционной эстонской фашистской организации. Признаете Вы это?

Ответ: Да, признаю. Я являюсь участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой группы, существовавшей в колхозах Кольцовского сельсовета Ижморского района, которая входила в состав эстонской национальной фашистской организации».

Намного хуже у чекистов обстояло дело с фактами, которые подтверждали бы антисоветскую деятельность возглавляемой Я.Г. Янсоном группы. Вот один из примеров того, что могли чекисты конкретно поставить в вину подозреваемым. Почтальону Ю.Ю. Тихазе инкриминировалось, что он «в контрреволюционных целях уничтожал центральные газеты “Правда”, “Известия”, журналы, идущие в издучитальню и красные уголки в колхозах».

19–22 декабря 1937 г. всем арестованным, количество которых было доведено до 38 человек, объявили об окончании следствия и ознакомили с протоколами допросов. Арестованные подтвердили свои показания и отказались сделать какие-либо дополнения. 23 декабря оперативный уполномоченный 3-го отдела управления государственной безопасности НКВД по Новосибирской области Л.А. Маслов завершил составление обвинительного заключения по делу № 51763 о «контрреволюционной фашистской эстонской организации, созданной по ука-

занию одного из членов Сибирского краевого центра – Пуна». Поскольку все подследственные признали себя виновными, в обвинительном заключении было сформулировано предложение о передаче дела в суд по статье 58-2-9-10-11 Уголовного кодекса РСФСР.

Дело № 51763 рассматривалось 15 января 1938 г. в Новосибирске комиссией НКВД и прокуратуры СССР. 36 из 38 подсудимых были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, двое самых молодых – Р.К. Трейял и Д.Ю. Цион – получили по десять лет лишения свободы и заключения в исправительно-трудовые лагеря. 22 февраля 1938 г. расстрельный приговор был приведен в исполнение²⁸.

Последняя волна арестов накрыла кольцовских эстонцев в июле 1938 г. У этой волны был нетипичный, довольно медленный «разбег». Первая по времени справка с обоснованием необходимости ареста и привлечения к уголовной ответственности Э.Г. Янсона, работавшего бригадиром колхоза «Пунане липп», была составлена 22 июня; справка на председателя того же колхоза К.Ю. Кивита – только двадцать дней спустя; справка на остальных троих подозреваемых, являвшихся его подчиненными, – столяра А.А. Иваска, тракториста М.Ю. Кивита и Ю.М. Пумбу – 13 июля. Четыре ордера на арест были выданы 17 июля, а пятый, на Э.Г. Янсона – только 20 июля. А.А. Иваска и Ю.М. Пумбу взяли 17, обоих Кивитов – на следующий день, Э.Г. Янсона – 20 июля. Мерой пресечения было назначено содержание под стражей при камере предварительного заключения Ижморского районного отделения милиции. Складывается такое впечатление, что эти аресты осуществлялись как бы по инерции и без ясного понимания того, зачем они делаются.

Органы госбезопасности заручились характеристиками на арестованных, которые написал новый председатель Кольцовского сельсовета Ю.Ю. Пусеп, и свидетельскими показаниями, которые 20 июля дали А.Д. Меус и тот же Ю.Ю. Пусеп. Во всех этих документах подследственные характеризовались отрицательно, но при этом в них отсутствовали какие-либо конкретные сведения.

Если верить протоколам допросов, которые вели сотрудники Ижморского районного отдела НКВД, все подозреваемые дали признательные показания. К.Ю. Кивит даже сообщил, что был вовлечен в организацию еще в 1935 г. О.Г. Лаугой, а после его ареста возглавил группу. Правда, такое утверждение противоречило показаниям Я.Г. Янсона, данным в декабре 1937 г., но это чекистов не волновало. Единственный человек, который (возможно – на самом деле) первоначально отказался признать свою вину, был Э.Г. Янсон. Во всяком случае в протоколе его допроса от 21 июля 1938 г. содержатся две такие

записи: «Виновным себя не признаю, участником контрреволюционной группы не являюсь и о существовании таковой мне ничего не известно» и «Повторяю, что в контрреволюционной группе я не состоял и о существовании последней мне не известно». Однако после беседы, проведенной с ним новым начальником Ижморского районного отдела НКВД Медведевым, Э.Г. Янсон тоже во всем сознался.

20–21 июля арестованным было объявлено об окончании предварительного следствия. На следующий день помощник оперативного уполномоченного Ижморского районного отдела НКВД Е. Ковальшко завершил составление обвинительного заключения по делу, которому был присвоен № 4883, и затем оно было передано в суд. 2 октября 1938 г. дело поступило на рассмотрение «тройки» управления НКВД по Новосибирской области. «Тройка» приговорила всех подсудимых к высшей мере наказания – расстрелу, который был приведен в исполнение 21 ноября 1938 года²⁹.

В результате только по трем выявленным «делам» в одном Ижморском районе в 1937–1938 гг. органы НКВД арестовали 53 эстонцев, 51 из которых были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. Самая большая доля этого печального «урожа» – 41 арестованный, из которых 39 человек были расстреляны, – выпала на Кольцовский сельсовет. Если принять во внимание, что в конце 1937 г. в нем насчитывалось около 350 человек, то менее чем за год сельсовет лишился, как минимум, 11,7 % всего населения. Доля потерь среди мужского взрослого населения, которое являлось главным кормильцем, достигала почти половины. К концу 1938 г. в Кольцовском сельсовете осталось всего 101 домохозяйство³⁰.

* * *

Никакой информацией о том, что произошло с их арестованными отцами, мужьями, братьями, племянниками и знакомыми, никто из кольцовских эстонцев не располагал. Как водится, не исключали худшего, но все же надеялись на лучшее. Однако обстановка в СССР почти два десятка лет не позволяла его гражданам даже поинтересоваться у советских властей о судьбе арестованных и бесследно исчезнувших. Лишь после смерти И.В. Сталина появилась робкая надежда выяснить правду.

Первый, кто предпринял такую попытку, был проживавший в Тарту Герман Юганович Кивит. 30 августа 1955 г. он не побоялся обратиться с заявлением к председателю КГБ при Совете министров СССР, в котором просил сообщить о местонахождении, если они живы, а в случае смерти – о дате таковой, его родных братьев Карла и Михаила.

Проверка по оперативно-справочной картотеке учетно-архивного отдела КГБ быстро показала, что такая информация содержится в архивно-следственном деле № 716791, хранящемся в КГБ СССР. Это дело было переслано в Кемерово. 8 декабря 1955 г. начальник учетно-архивного управления КГБ по Кемеровской области подполковник Грехов отправил в Таллин начальнику учетно-архивного отдела КГБ при Совете министров Эстонской ССР документ, в котором просил своего эстонского коллегу «объявить устно под расписку» Г.Ю. Кивиту, что его брат К.Ю. Кивит «был приговорен к 10 годам ИТЛ и умер в заключении» 3 апреля 1942 г. от острого септического эндокардита, а другой брат, М.Ю. Кивит, умер 20 января 1945 г. от абсцесса печени и гнойного холецистита.

Недостовверные сведения о приговоре суда и смерти своих родственников получили первоначально от органов КГБ и некоторые другие эстонцы. Так, жившей в селе Красный Яр Юлии Гансовне Пехк сообщили, что ее муж, В.Г. Пехк, скончался 29 апреля 1943 г.

Возникает вполне закономерный вопрос о том, как могли сотрудники КГБ допустить столь грубые ошибки и дать неверную информацию? В действительности никаких офицеры госбезопасности ошибок не допустили. Как вскоре выяснилось, руководство СССР и КГБ отдало местным органам госбезопасности приказ не сообщать в ответах на запросы граждан о судьбе их родственников о вынесении приговоров, присуждавших арестованных к высшей мере наказания, и о приведении таких приговоров в исполнение.

Другими словами, руководство СССР и КГБ продолжало осознанно, целенаправленно и бессовестно лгать своим гражданам. Тем самым достигались сразу, как минимум, две цели. Во-первых, резко сокращалось количество расстрелянных в ходе репрессий, что уменьшало их масштабы и частично смягчало вину органов госбезопасности за «Большой террор». Во-вторых, немного смягчало горечь утраты у заявителей, поскольку им психологически легче было пережить информацию о смерти своих родственников во время Великой Отечественной войны по причине болезни, чем о расстреле по приговору советского суда. Более того, такая информация у некоторых пострадавших граждан порождала иллюзию, что их отцы, мужья и братья погибли в тылу, работая вместе с другими советскими людьми на победу над фашистами.

Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева 25 февраля 1956 г. на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях» серьезно повлиял на внутривластную обстановку в СССР, открыл

новые возможности для выяснения правды о жертвах политических репрессий времен «Большого террора».

К проверке достоверности материалов предварительного следствия и обоснованности судебных постановлений разных «двоек», «троек» и «комиссий» приступили органы КГБ. Большое значение для понимания того, что творилось в недрах аппарата управления НКВД по Западно-Сибирскому краю и по Новосибирской области в 1937–1938 гг., имели показания некоторых его бывших сотрудников. Особенно важную информацию содержало обнаруженное в архивах заявление бывшего помощника начальника секретно-политического отдела управления НКВД по Новосибирской области младшего лейтенанта госбезопасности С.С. Корпулева. С.С. Корпулев осмелился нарушить корпоративную солидарность чекистов и откровенно написал о царивших в ведомстве госбезопасности нравах и порядках в ЦК ВКП(б), Совнарком СССР, наркому внутренних дел, прокурору СССР и председателю военной коллегии Верховного суда. Кстати, за «отклонение» от внутриведомственных норм поведения в 1938 г. С.С. Корпулев был осужден на пять лет заключения в исправительно-трудовой лагерь.

С.С. Корпулев раскрыл главные секреты того, как на стадии предварительного следствия сотрудникам НКВД удавалось получать признательные показания от арестованных и как составлялись протоколы допросов, содержащие такие показания. «Составляемые следователями протоколы допросов обвиняемых, – писал он, – давались на обработку начальникам отделов, их заместителям и помощникам, которые передавали эти протоколы до такой степени, что их сами следователи не узнавали, после чего черновики протоколов перепечатывались на машинке и отдавались обвиняемым для подписания».

«Если же обвиняемые отказывались писать такие вымыслы или подписывать протоколы допросов, – сообщал С.С. Корпулев, – они подвергались стойкам на ногах без пищи и сна до тех пор, пока не подписывали или не начинали писать их, попадая в безвыходное положение, так как большинство арестованных просиживало и простаивало на допросах 5–10–20 и более суток».

Обвиняемые предупреждались, что им все равно подписывать протоколы придется, в противном случае на них следствие получит материалы от других обвиняемых, причем больше, чем они сами о себе покажут. Если же не сознаетесь, значит будете беспощадно уничтожены как не разоружившиеся враги, а при наличии сознания поедите в лагерь и будете жить».

Допрошенные в 1956 г. сотрудниками КГБ репрессированные эстонцы Д.Ф. Верш, О.К. Казак и А.А. Петерсон, осужденные в 1937 г. по «делу А.Я. Пуны» и проведенные в исправительно-трудовых лагерях по 10 лет, подтвердили то, о чем писал С.С. Корпулев. Они показали, что «ни в каких контрреволюционных организациях не состояли и никакой антисоветской деятельностью не занимались, а записи в протоколах их допросов в 1937 году не соответствуют действительности, что эти протоколы заранее составлялись следователями, и в результате применения насилия протоколы они вынуждены были подписать»³¹.

Процитированный документ позволяет понять происхождение признательных показаний, которые фигурируют в протоколах допросов, данных арестованными эстонцами на предварительном следствии. Поскольку в большинстве случаев временной лаг между арестами подозреваемых и подписанием ими протоколов допросов был очень небольшой, едва ли к ним применялись «стойки» и тем более – физическое воздействие. Скорее всего, дело ограничивалось элементарным обманом: чекисты обещали за дачу нужных им сведений сохранить арестованным жизнь и ограничить меру наказания лишением свободы.

Уже к концу лета 1956 г. проведенная управлением КГБ по Новосибирской области проверка архивно-следственных дел о так называемых «контрреволюционных эстонских шпионско-диверсионных и террористических организациях» показала, что в действительности в 1934–1938 гг. в Западной Сибири их не существовало, а все эти дела являются фальсифицированными.

Объективная оценка содеянного органами госбезопасности в 1937–1938 гг. значительно облегчила родственникам репрессированных возможность сделать следующие шаги в поисках истины и восстановления честного имени пострадавших. Так, 23 ноября 1957 г. Вольдемар Карлович Кивит, проживавший в селе Мальковка того же сельсовета Мариинского района, подал заявление Кемеровскому областному прокурору о судьбе своего отца. 10 февраля 1958 г. прокурор Кемеровской области государственный советник юстиции 3-го класса А. Сатаров по заявлению В.К. Кивита внес по делу К.Ю. Кивита протест в порядке надзора в президиум Кемеровского областного суда.

Основанием для прокурорского протеста стала проведенная управлением КГБ по Кемеровской области проверка, в ходе которой было установлено, что в 1937–1938 гг. «никаких данных о существовании повстанческих организаций на территории Кемеровской области не было, а обвинение арестованным предъявлялось необоснованно». Руководствуясь указом Президиума Верховного совета СССР от

19 августа 1955 г., прокурор А. Сатаров ходатайствовал перед судом об отмене постановления «тройки» управления НКВД по Новосибирской области от 2 октября 1938 г. в отношении пяти человек, а дело № 31266 просил прекратить за отсутствием состава преступления. 17 февраля 1958 г. президиум Кемеровского областного суда протест прокурора удовлетворил, приговор «тройки» отменил, всех репрессированных по данному делу реабилитировал.

Затем 25 февраля 1958 г. подали заявления Югана Петровна Вебер и Юлия Мартыновна Кивит, проживавшие в селе Мальковка Мариинского района, с просьбой выяснить судьбу их сыновей П.Я. Вебера и М.Ю. Кивита; 5 и 7 марта Юля Яновна Янсон и Альма Федоровна Отсман из Кольцовки – о судьбе своих мужей, Я.Г. Янсона и О.Я. Отсмана; 27 мая жившая в селе Красный Яр Юлия Гансовна Пехк – о судьбе своего мужа В.М. Пехка; 25 сентября Сельма Александровна Пехк из поселка Новый Свет Златогорского сельсовета – о судьбе А.М. Пехка.

В ответ на заявление Ю.Г. Пехк прокуратура Кемеровской области направила в следственный отдел управления КГБ по Кемеровской области для проверки дело № 31261. 16 августа 1958 г. следователь управления КГБ старший лейтенант Сысоев допросил Ю.Г. Пехк, а также еще двух жен репрессированных – М.И. Пурланд и Л.А. Яковлеву. 7 марта 1959 г. по инициативе Ю.Г. Пехк заявлению следственный отдел управления КГБ по Кемеровской области вынес заключение о том, что дело № 31261 является сплошной фальсификацией и предложил постановление «двойки» от 9 января 1938 г. отменить, а дело прекратить за отсутствием состава преступления.

Двадцать седьмого апреля, основываясь на заключении областного управления КГБ, полковник юстиции П. Орлов внес в военный трибунал Сибирского военного округа протест по «делу Лауги». Определением военного трибунала Сибирского военного округа от 9 июня 1959 г. в надзорном порядке приговор комиссии НКВД и прокуратуры СССР был отменен за отсутствием события преступления, а все расстрелянные по этому приговору были реабилитированы.

По остальным заявлениям следственное управление КГБ по Кемеровской области, рассмотрев архивно-следственное дело № 31319 и произведя дополнительную проверку, 23 сентября 1958 г. пришло к заключению, что обвинения арестованных были основаны на их личных признательных показаниях, другими доказательствами не подтверждены и вызывают сомнения в своей правдоподобности; данных о принадлежности Я.Г. Янсона к разведывательным органам Эстонии не обнаружено; никакой эстонской контрреволюционной организации на территории

Кемеровской области не существовало. Предъявленное подсудимым обвинение оно квалифицировало как необоснованное, предложило постановление комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 15 января 1938 г. отменить, а дело прекратить за отсутствием состава преступления.

Двенадцатого мая 1959 г. заместитель прокурора РСФСР государственный советник юстиции 3-го класса Н.С. Лучинин в порядке надзора внес протест в судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 20 июня 1959 г. судебная коллегия, рассмотрев этот протест, заслушав доклад члена суда Гаврилкина и заключение прокурора Радзивилловой об удовлетворении протеста, нашла, что приговор от 15 января 1938 г. подлежит отмене, а дело – прекращению за отсутствием состава преступления.

В результате через двадцать с небольшим лет после ареста нескольких десятков эстонцев, живших в Ижморском и в близлежащих районах, завеса, скрывавшая тайну об их судьбе, благодаря настойчивости их родственников была частично приоткрыта. Не сразу, но заявители получили из советских правоохранительных органов информацию о расстреле арестованных, произведенном на основе фальсифицированных органами советской государственной безопасности дел. Эти расстрельные приговоры были квалифицированы советскими судебными инстанциями как неправомочные и отменены за отсутствием события или состава преступления, а значительная часть расстрелянных даже была реабилитирована.

Летом 1966 г. по инициативе Вольдемара Карловича Кивита, которому активно помогали Карл Петрович Вебер, Александр Августович Иваск, Петр Александрович Руутник, Якуб Иллус и Лидия Падрасон (Мюрк), на старом кольцовском кладбище, что за речушкой Кольцовка на бугре, был тайно установлен памятник жертвам репрессий. Эти люди откликнулись на предложение В.К. Кивита о сооружении памятника не случайно. У всех у них был свой долг перед земляками и соотечественниками. В 1937–1938 гг. Вебер лишился отца и дяди, Иллус – брата, Падрасон – мужа, Руутник – отца и дяди. Памятник сооружали втайне от односельчан и даже от родственников, поскольку боялись, что об этом узнают местные власти и запретят его установку. Памятник представляет собой традиционный пирамидальный обелиск примерно трехметровой высоты, на северной стороне которого в нижней части расположен прямоугольник из нержавеющей стали. На нем выбит текст на эстонском языке, коротко сообщающий о происшедшей здесь в 1937–1938 гг. трагедии и фамилии тех 66 человек, которые были репрессированы.

Казалось бы, правда восторжествовала, а память о жертвах репрессий увековечена. Однако сделать такой вывод было нельзя ни тогда, ни сегодня, поскольку у этого преступления не нашлось виновных, которые понесли бы наказание за содеянное. Хотя имя главного преступника достаточно хорошо просматривается сквозь факты описанных трагических событий. Точнее, у этого преступника много разных имен, поскольку он был многолик и почти вездесущ. Вот главные из них: сталинизм, тоталитаризм, ВКП(б), НКВД. Не нужно забывать эти слова. Напротив, необходимо помнить их для того, чтобы больше не допустить возвращения из научного лексикона в реальную политическую жизнь.

¹ Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1. С. 318.

² Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ). Улан-Удэ, 1992; Возвращение. Сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993; Библиографический словарь репрессированных писателей Бурятии. Улан-Удэ, 1996; *Иванова Т.С.* Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х – 30-е гг.). Новосибирск, 1998; *Тузужекова В.Н., Карлов С.В.* Репрессии в Хакасии. Абакан, 1998; *Яковлев Н.М.* Жертвы сталинских репрессий в Якутии // Вопросы истории. М., 2003. № 12; *Степанов М.Г.* Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930 – начале 1950-х гг. Абакан, 2006; и др.

³ *Ханевич В.А.* Белостокская трагедия. (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск, 1993; *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М., 1995; «Польская операция» НКВД 1937–1938. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; Сибирский Белосток. Сборник документов и материалов. Составитель В.А. Ханевич. Томск, 1998; Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. (Наказанный народ. Репрессии против российских немцев). М., 1999;

⁴ См.: *Voimatu vaikida = Невозможно молчать / Autor-koostaja H. Sabbo = Авт.-сост. Г. Саббо. – Tallinn: Uhiselu., 1996. [Кн.] 1–2; Eesti inventuur = Инвентаризация Эстонии. 1998. [Кн.] 3; Vagivalla sajand = Век насилия. 1999. [Кн.] 4; Hukatud ja huljatud = Отверженные и истребленные. 2000. [Кн.] 5; Hukatud ja huljatud = Отверженные и истребленные. 2002, [Кн.] 6.*

⁵ *Шишкин В.* Таежный обелиск // Кузбасс (Кемерово). 1990. 9 декабря.

⁶ *Колоткин М.Н.* Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 2010. С. 289–291.

⁷ Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 432–433.

⁸ *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 372, 376.

⁹ Подробнее см.: УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, АСД № П-28949; О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. Сборник. М., 1937.

¹⁰ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 4530.

¹¹ В конце сентября 1937 г. из Западно-Сибирского края были выделены Алтайский край и Новосибирская область. Руководство НКВД вновь образованных административно-территориальных единиц жаждало отличиться на поприще борьбы со шпионами, диверсантами и другими различного рода «врагами народа», чтобы продемонстрировать столичному начальству свою бдительность и верность. Не исключено, что именно этим обстоятельством объясняется возникновение ряда «дел» в Западной Сибири в конце 1937–1938 гг.

¹² УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 8429; Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1. С. 25, 207, 63, 65, 134, 140, 207, 224, 239, 244, 258.

-
- ¹³ *Тепляков А.Г.* Машина террора... С. 376.
- ¹⁴ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 243; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3263. Л. 34; Ижморскому району – 80 лет (1924–2004). [Ленинск-Кузнецк,] 2004. С. 16.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 153, 249, 269; Д. 33. Л. 1, 62; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3264. Л. 44.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 2.
- ¹⁷ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3263. Л. 36.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 253; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3264. Л. 40.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 38. Л.1–2, 8, 15, 24.
- ²⁰ Там же. Л. 8.
- ²¹ Там же. Л. 29.
- ²² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3263. Л. 15.
- ²³ Там же. Л. 156.
- ²⁴ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 275; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3263. Л. 37; Д. 3264. Л. 83, 85.
- ²⁵ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 32. Л. 331; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3264. Л. 119.
- ²⁶ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 31261.
- ²⁷ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 35. Л. 11–12.
- ²⁸ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 31319.
- ²⁹ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 716791.
- ³⁰ ГАКО. Ф. Р-67. Оп. 2. Д. 33. Л. 76.
- ³¹ УФСБ РФ по Кемеровской области, АСД № 4530.

И. М. Савицкий

Государственные органы управления оборонно-промышленным комплексом СССР в годы «холодной войны» (1946–1965 гг.)

После окончания Великой Отечественной войны в связи с новыми задачами произошли существенные изменения в действовавшей структуре управления промышленностью, в том числе ее оборонными отраслями. Законом, принятым Верховным советом СССР 15 марта 1946 г., наркоматы были преобразованы в министерства союзного и республиканского уровня ¹.

Для управления оборонной промышленностью было создано несколько министерств: вооружения, которое затем преобразовали в министерство оборонной промышленности, авиационной промышленности, судостроительной промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, транспортного машиностроения, электропромышленности. В последующее время из него выделили министерство средств связи, но затем оба министерства объединили в министерство радиотехнической и электронной промышленности. Названные министерства руководили производством практически тех же видов вооружения, что и их предшественники-наркоматы, а также созданием новых видов вооружения.

В связи с изменившейся международной обстановкой руководство СССР особое внимание уделяло производству ядерного оружия и средств его доставки, что потребовало организации новых отраслей и подотраслей промышленности. 20 августа 1945 г. ГКО принял постановление «О Специальном комитете при ГКО», на который была возложена задача руководить «всеми работами по использованию внутренней энергии урана». Председателем Спецкомитета ГКО назначил Л.П. Берию, который являлся наркомом внутренних дел и заместителем председателя ГКО, заместителями председателя Спецкомитета – секретаря ЦК ВКП(б), заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР Г.М. Маленкова и председателя Госплана СССР, первого заместителя председателя СНК СССР Н.А. Вознесенского. Членами Специального комитета ГКО назначил выдающихся учёных-физиков академиком И.В. Курчатова и П.Л. Капицу, крупных хозяйственников Б.Л. Ванникова, А.П. Завенягина, М.Г. Первухина и представителя органов внутренних дел В.А. Михнёва. На Спецкомитет также возлагалась обязанность организации научно-исследовательских работ по атомной энергии, широкое развёртывание геологической разведки и создания сырьевой базы по добыче урана, промышленности по его переработке, производству специального

оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии, а также строительство атомно-энергетических установок, разработка и производство атомной бомбы.

Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов, вносимых на обсуждение Спецкомитета при ГКО, планов научно-исследовательских работ и отчётов по ним, а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию энергии урана в Спецкомитете был создан Технический совет, переименованный впоследствии в Научно-технический совет. Его председателем был назначен Б.Л. Ванников, заместителями председателя – И.В. Курчатов и М.Г. Первухин, членами – академики А.И. Алиханов, А.Ф. Иоффе, Н.Н. Семёнов и В.Г. Хлопин, профессора Ю.Б. Харитон, А.И. Лейпунский, а также А.П. Завенягин, В.А. Малышев и В.С. Поздняков. Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими структурами и работой промышленных предприятий по использованию атомной энергии урана и производству атомных бомб этим постановлением при СНК СССР организовывалось Первое главное управление (ПГУ).

В соответствии с постановлением ГКО Спецкомитет при ГКО разрабатывал и представлял на утверждение председателя ГКО планы работ комитета, Первое главное управление при СНК СССР – мероприятия по их осуществлению. Спецкомитет при ГКО принимал необходимые меры по обеспечению выполнения заданий, возложенных на него настоящим постановлением, издавал распоряжения, обязательные для наркоматов и ведомств, а в случаях, требовавших решения правительства, вносил свои предложения непосредственно на утверждение председателя ГКО, а после ликвидации ГКО 4 сентября 1945 г. – председателя СНК СССР. В Госплане СССР организовывалось управление по обеспечению реализации заданий Спецкомитета, финансированию расходов и содержанию Спецкомитета. Устанавливалось, что никакие организации, учреждения и лица без особого решения ГКО не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность Первого главного управления, его предприятий, учреждений, а также требовать справки о его работе или работах, выполняемых по приказам Первого главного управления. Вся отчётность по указанным вопросам направляется только Спецкомитету при ГКО.

Для создания «изделия» (так условно называли атомную бомбу) 9 апреля 1946 г. постановлением Совета министров СССР при лаборатории № 2 АН СССР учредили Специальное конструкторское бюро (КБ-11). Самая секретная в Советском Союзе организация располага-

лась в посёлке Сарово (ныне г. Саров). В последующие годы в связи с развитием атомной промышленности создавались новые организационные структуры, но основные принципы, указанные в этом постановлении ГКО, оставались неизменными вплоть до 1953 года ².

Девятого апреля 1945 г. СНК СССР утвердил новую структуру Первого главного управления при правительстве. Она состояла из следующих управлений: горно-металлургического, специальных предприятий, научных учреждений, строительного, оборудования и приборов, материально-технического снабжения и других подразделений. По данным на 29 октября 1949 г. в центральном аппарате Первого главного управления при Совете министров СССР работало 1 746 чел., в том числе инженерно-технических работников – 545 чел, служащих – 548 чел. и других работников – 653 человек. Общая численность работающих на предприятиях и рудниках, в научных, исследовательских, проектных и конструкторских организациях, а также в центральном аппарате составляла 237 878 чел., в том числе рабочих основного производства – 169 754 чел., научных и инженерно-технических работников – 18 891 чел., служащих и младшего обслуживающего персонала – 14 921 человек ³.

С целью более эффективного развития сырьевой базы атомной промышленности в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 27 декабря 1949 г. «Об образовании Второго главного управления при Совете министров СССР» из состава Первого главного управления было выделено Горно-металлургическое управление и ряд других подразделений, а на их основе создано Второе главное управление (ВГУ) ВГУпри Совете министров СССР. В его состав входило семь отечественных предприятий по добыче и переработке урановой руды, в том числе Ермаковское рудоуправление в Читинской области.

На Второе главное управление возлагалась организация всей добычи урановых руд на действующих и вновь открываемых отечественных месторождениях урана и переработка их в концентраты на обогатительных фабриках и химических заводах, а также дальнейшее улучшение технологических процессов переработки урановых руд в концентраты, внедрение в производство новых технологий по повышению извлечения урана из руд и разработка новых месторождений урана. Управлению предписывалось осуществлять контроль за ходом поисковых и геологических работ на уран и торий, ведущихся другими министерствами и ведомствами, а также разработка и представление в правительство планов по развитию отечественной сырьевой базы урана.

Структура управления состояла из управления горных предприятий, обогатительных фабрик и химических заводов, отделов и административно-хозяйственных подразделений. На рабочих, служащих и инженерно-технических работников Второго главного управления при Совете министров СССР, его предприятий и учреждений распространялись права и льготы, установленные для соответствующих рабочих, служащих и ИТР Первого главного управления. Начальником Второго главного управления был назначен П.Я. Антропов, его первым заместителем – Б.И. Нифонтов, заместителями – С.П. Александров, М.А. Герашенко, П.А. Жебелев, Н.Б. Карпов, А.Т. Чечков; также утверждены члены коллегии Второго главного управления при Совете министров СССР в составе 11 человек ⁴.

Постановлением Совета министров СССР от 16 марта 1953 г. Первое и Второе главные управления были объединены. Начальником объединённого Первого главного управления назначили А.П. Завенягина, его первым заместителем Е.П. Славского, заместителями начальника – П.Я. Антропова и Н.И. Павлова. В его составе имелось 28 подразделений, в которых работали 1 850 чел. (на 350 чел. меньше, чем было в ПГУ и ВГУ, вместе взятых).

Третье главное управление (ТГУ) было создано при Спецкомитете 3 февраля 1951 г. для организации научных исследований и производства в области создания управляемых ракет дальнего действия (его начальником стал В.М. Рябиков). Постановлением Совета министров СССР от 1 июля 1953 г. на базе недавно созданного Первого и Третьего главных управлений при Совете министров СССР было образовано министерство среднего машиностроения СССР. Структура крупнейшего министерства была утверждена в составе 2 644 человек. Министром среднего машиностроения был назначен заместитель председателя Совета министров СССР В.А. Малышев, а его первыми заместителями утверждены Б.Л. Ванников и М.В. Хруничев, заместителями – П.Я. Антропов, А.П. Завенягин и В.М. Рябиков.

В структуре министерства действовало девять главных управлений, в том числе горного оборудования, металлургического оборудования, химического оборудования, приборостроения, специального машиностроения, транспортного машиностроения (Спецмонтаж), промышленного и специального строительства, материально-технического снабжения, а также другие управления и отделы, которые в полной мере обеспечивали не только производство, но и функционирование производственной и социально-бытовой инфраструктуры подчинённых ему предприятий, организаций и учреждений. Кроме того, оно взяло на се-

бя многие функции бывшего Спецкомитета при Совете министров СССР. В систему министерства среднего машиностроения также были переданы основные подразделения Главпромстроя МВД СССР. 13 ноября 1954 г. структура Минсредмаша СССР была уточнена, а его штатная численность уменьшена до 2 214 человек. В феврале 1955 г. в Министерстве среднего машиностроения СССР создали Научно-технический совет по противоракетной обороне⁵.

Это министерство подчинялось только председателю Совета министров СССР и секретарю ЦК КПСС, председателю Совета обороны СССР. Руководители, члены коллегии, начальники управлений и важнейших отделов, а также директора основных НИИ и КБ, их первые заместители и главные конструкторы основных видов вновь создаваемой ядерной техники являлись номенклатурой ЦК КПСС.

Возглавивший министерство В.А. Малышев по специальности был инженером-машиностроителем. С конца 1945 г. он находился у истоков организации атомного производства, а затем обеспечивал всю кооперацию машиностроительных предприятий СССР по выпуску оборудования для диффузионных заводов, которые осуществляли производство обогащённого урана-235. С января 1950 г. В.А. Малышев работал министром судостроительной промышленности. По его инициативе в 1952 г. Первым главным управлением при Совете министров СССР и Министерством судостроительной промышленности СССР было подготовлено и подписано И.В. Сталиным постановление правительства о строительстве в СССР первой в мире атомной подводной лодки с ядерно-энергетической установкой. В 1952 г. его избрали членом Президиума ЦК КПСС. После смерти И.В. Сталина В.А. Малышева назначили ответственным за программу ядерного оружия и средств доставки потенциальному противнику.

Деятельность его в 1953–1955 гг. была тесно связана с разработкой и испытанием первых термоядерных бомб, ракетной и космической техники, в том числе испытанием первой термоядерной бомбы на Семипалатинском полигоне 12 августа 1953 г. На состояние здоровья уже больного В.А. Малышева оказали влияние изменения в высшем эшелоне власти, освобождение Г.М. Маленкова от руководства правительством Советского Союза. В.А. Малышев работал министром среднего машиностроения СССР до февраля 1955 г., а затем в течение года председателем Государственного комитета по новой технике.

28 февраля 1955 г. министром среднего машиностроения и заместителем председателя Совета министров СССР назначили А.П. Завенягина. 31 декабря 1956 г. в связи со смертью А.П. Завенягина исполнение обя-

занностей министра среднего машиностроения возложили на первого заместителя министра Б.Л. Ванникова, а 30 апреля 1957 г. назначили министром среднего машиностроения М.Г. Первухина с сохранением за ним обязанностей первого заместителя председателя Совета министров СССР. 24 июля 1957 г. указом Президиума Верховного Совета СССР министром среднего машиностроения был назначен Е.П. Славский.

В 1963 г. Министерство среднего машиностроения СССР реорганизовали в Государственный производственный комитет по среднему машиностроению СССР, а 2 марта 1965 г. преобразовали в Министерство среднего машиностроения СССР под руководством Е.П. Славского. Раздробление системы управления в условиях совнархозов привело к ослаблению контроля со стороны Центра. В результате, как отмечал министр среднего машиностроения Е.П. Славский, ряд заводов различных совнархозов не выполнил обязательства по поставке специального оборудования, сорвал графики выполнения заказов для Минсредмаша СССР.

Министерство среднего машиностроения СССР, которое осуществляло управление ядерно-оружейным комплексом, имело в своём подчинении крупные комбинаты, заводы, научно-исследовательские, проектно-конструкторские и строительные организации. Основными задачами этой самой секретной из отраслей оборонной промышленности, являлись добыча сырья, производство делящихся и радиоактивных материалов, необходимых для ядерных зарядов; хранение, учёт, контроль, техническое обслуживание, транспортировка и физическая защита ядерных зарядов и боеприпасов; обеспечение безопасной эксплуатации в войсках; авторский надзор на всех этапах производства и функционирования ядерных зарядов и боеприпасов; предупреждение аварийных ситуаций и готовность к ликвидации аварий с ядерным оружием; демонтаж ядерных боеприпасов, снимаемых с вооружения; утилизация делящихся и радиоактивных материалов после их извлечения из ядерных зарядов и боеприпасов; обеспечение Министерства обороны СССР ядерными зарядами и боеприпасами⁶.

Таким образом, после решения организационных задач система управления атомной промышленностью начала устойчиво функционировать, но её структура изменилась. Созданное в 1953 г. Министерство среднего машиностроения СССР, за исключением примерно двух лет в условиях управления совнархозов, стабильно и результативно действовало многие годы. Структура министерства в годы «холодной войны» до устойчивого состояния прошла сложные преобразования, тогда как структура других министерств оборонно-промышленного комплекса сформировалась в более ранний период.

Имеющееся ядерное оружие требовало создания средств его доставки к заданным целям. Основным из них является ракетная техника. Её разработка и производство осуществлялись практически во всех государственных структурах оборонной промышленности. 13 мая 1946 г. И.В. Сталин подписал постановление Совета министров СССР «Вопросы реактивного вооружения», в соответствии с которым был создан Специальный комитет при Совете министров СССР по реактивной технике под председательством Г.М. Маленкова. Этому комитету была поставлена задача координировать научно-исследовательские, опытно-конструкторские работы и осуществлять кооперацию предприятий различных министерств и ведомств по изготовлению опытных образцов и серий реактивной военной техники и вооружения. Членами комитета был утверждены министр вооружения Д.Ф. Устинов, первый заместитель командующего артиллерией Вооружённых сил СССР, начальник Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлев, заместитель председателя Госплана П.И. Кирпичников, заместитель министра внутренних дел И.А. Серов, министр сельскохозяйственного машиностроения П.И. Горемыкин, первый заместитель министра средств связи И.Г. Зубович, первый заместитель министра электропромышленности Н.Э. Носовский и академик И.А. Берг.

Головными ведомствами по разработке и производству ракетного вооружения были определены министерство вооружения СССР (ракеты на жидком топливе), министерство сельскохозяйственного машиностроения СССР (пороховые ракеты, ракетные взрыватели и порох) и министерство авиационной промышленности СССР (жидкостные ракетные двигатели, реактивные самолёты-снаряды, т. е. крылатые ракеты). В качестве смежников определялись министерство электропромышленности СССР (электроаппаратура и радиолокационные станции), министерство химической промышленности СССР (жидкое ракетное топливо), министерство машиностроения и приборостроения СССР (стартовые комплексы и пусковые установки). В головных и смежных министерствах организовывались управления по ракетной технике. В министерстве обороны СССР создавалось управление реактивного вооружения, в составе Госплана СССР – отдел по реактивной технике.

Одновременно с образованием Специального комитета по ракетной технике по инициативе Д.Ф. Устинова министерство вооружения СССР постановило на базе завода № 88, коллектив которого в годы Великой Отечественной войны занимался разработкой и производством артиллерийских систем, создать Научно-исследовательский институт реактивного вооружения, получивший закрытое наименование

НИИ-88 министерства вооружения (ЦНИИ машиностроения). Институт располагал научно-исследовательскими лабораториями, СКБ, опытными заводами и испытательной станцией. На институт возлагалась разработка баллистических ракет дальнего действия. Кроме того, он отвечал за создание зенитных управляемых снарядов «земля–воздух», а также неуправляемых зенитных ракет. Министерство оборонной промышленности СССР стало ведущим ведомством по разработке баллистических ракет. Главным конструктором НИИ-88 был назначен С.П. Королёв. В начале сентября 1946 г. в НИИ-88 сформировали шесть новых конструкторских отделов, полностью переведённых на ракетную тематику. Отделы возглавляли С.П. Королёв, А.М. Исаев, П.И. Костин, С.Ю. Рашков, В.И. Синильщиков и С.П. Уманский.

В соответствии с этим же постановлением Совета министров СССР создавались новые или перепрофилировались под новую тематику ряд НИИ и КБ. Разработка двигательных установок для баллистических ракет поручалась ОКБ-456 (НПО «Энергомаш») министерства авиационной промышленности СССР (главный конструктор В.П. Глушко); систем автономного и радиоуправления – НИИ-885 (НИИ космического приборостроения) министерства промышленности средств связи СССР, выделенное из министерства электропромышленности СССР (главный конструктор М.С. Рязанский); гироскопического оборудования – НИИ-10 (НИИ прикладной механики) министерства судостроительной промышленности СССР (главный конструктор В.П. Кузнецов); наземного оборудования – ГСКБ «Спецмаш» (НПО «Энергомаш») министерства машиностроения и приборостроения СССР (главный конструктор В.П. Бармин).

Так же, как С.П. Королёв, все главные конструкторы в будущем стали академиками. Они вошли в состав образованного под руководством С.П. Королёва Совета главных конструкторов, а руководимые ими организации составили научно-технический костяк зарождающейся отрасли – отечественного ракетостроения. Кроме того, на неё, как и в атомной промышленности, работали многие другие научные и конструкторские организации⁷.

Важную роль в развитии ракетостроения сыграло совещание в Кремле 14 апреля 1947 г., на котором было принято решение сосредоточиться прежде всего на конструировании ракет по немецкому образцу. После совещания состоялась встреча главного конструктора С.П. Королёва с И.В. Сталиным, во время которой он, видимо, окончательно убедился в перспективности ракет. По воспоминаниям С.П. Королёва, И.В. Сталина «интересовали скорость, дальность и высота полёта, по-

лезный груз, который она сможет нести. Особенно с пристрастием он расспрашивал точность её попадания в цель». С 1947 г. резко возростал объём финансирования работ, связанных с ракетным вооружением.

В 1949 г. была осуществлена реорганизация управления ракетной отраслью. 29 августа постановлением Совета министров СССР Специальный комитет по ракетному вооружению ликвидировали, а его функции передали вновь созданному ведомству при министерстве обороны (возглавил его генерал М.И. Неделин). 3 февраля 1951 г. в соответствии с постановлением Совета министров СССР было образовано Третье главное управление при Совете министров СССР, на которое возлагалось развитие науки и техники по созданию управляемых ракет, самолётов (носителей оружия) и ракет дальнего действия. Начальником ТГУ назначили бывшего первого заместителя министра вооружения В.М. Рябиков. До 1951 г. эта работа велась в Первом главном управлении при Совете министров СССР, министерстве авиационной промышленности, министерстве сельскохозяйственного машиностроения и других ведомствах.

В середине 1950-х годов появился новый крупный конструкторский центр ракетостроения, который выделился из ОКБ-1 С.П. Королёва. Его сотрудники работали в направлении использования высококипящих компонентов топлива. Новое ОКБ-586 (КБ «Южное») возглавил М.К. Янгель. КБ имело полную самостоятельность. К середине 1960-х годов оно вместе с подмосковным КБ-52 В.Н. Челомея обеспечивало разработку стратегических ракет наземного блокирования. Вся космическая техника оставалась за ОКБ-1 С.П. Королёва. Конструкторскому бюро М.К. Янгеля определялась разработка тяжёлых межконтинентальных ракет, КБ В.Н. Челомея – лёгких.

Четырнадцатого апреля 1955 г. постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР из министерства среднего машиностроения СССР были выделены Главспецмаш, управление транспортного машиностроения, КБ-1, ОКБ-2 и ряд других предприятий и конструкторских организаций, решавших задачи ракетостроения. На их базе был создан Специализированный комитет по вооружению Советской армии и Военно-морского флота СССР под руководством В.М. Рябикова⁸.

Добиться значимых результатов в создании и применении ракетной и реактивной техники без использования радиолокационных приборов практически невозможно. Это стало особенно очевидным в годы Великой Отечественной войны. Поэтому в начале июля 1943 г. ГКО СССР принял постановление «О мероприятиях по организации производства радиолокационной аппаратуры». В соответствии с ним началось строи-

тельство Всесоюзного института по радиолокации, Всесоюзного электровакуумного института и Центрального проектно-конструкторского бюро. В ходе «холодной войны» и угрозы применения стратегической авиации США с ядерным оружием на борту особое значение приобрели мероприятия по укреплению противовоздушной обороны СССР. Кроме ПВО, в радиолокационных и радиоэлектронных системах (точной навигации самолётов и боевых кораблей, управления зенитными и баллистическими ракетами) крайне нуждались войска других родов. Характерной особенностью производства средств радиолокации является тесная связь и зависимость их от других передовых областей техники: электровакуумной и полупроводниковой промышленности, приборостроения, специальных отраслей химии, металлургии и электротехники.

Десятого июля 1946 г. Совет министров СССР в целях обеспечения комплексного выполнения плана научно-исследовательских и опытных работ по радиолокационной технике принял постановление «Вопросы радиолокации». Головными министерствами по производству радиолокационной техники это постановление определило министерство промышленности средств связи СССР (наземные станции обнаружения и радионавигационные системы), министерство вооружения СССР (наземные станции управления огнём полевой и зенитной артиллерии), министерстве сельскохозяйственного машиностроения СССР (радиолокационные бесконтактные взрыватели для снарядов, ракет и авиационных бомб), министерстве авиационной промышленности СССР (самолётные радиолокационные системы) и министерство судостроительной промышленности СССР (радиолокационные станции для Военно-морского флота СССР).

Общее руководство работами по конструированию и производству радиолокационной техники правительство возложило на Комитет по радиолокации (№ 3) при Совете министров СССР под председательством Г.М. Маленкова. Позднее председателем Комитета по радиолокации был назначен М.З. Сабуров. В его состав вошли академик А.И. Берг, Н.А. Булганин, П.И. Кирпичников и А.И. Шокин. Комитет по радиолокации имел право добиваться выполнения в первоочередном порядке всех заказов по разработке и комплектованию радиолокационных систем, привлекать научные и технические кадры из других отраслей промышленности. В общей сложности на решение задач по производству радиолокационной техники было переведено три НИИ и шесть ОКБ министерства промышленности средств связи СССР, три ОКБ министерства вооружения СССР, семь ОКБ министерства авиационной промышленности СССР, два НИИ и три ОКБ министерства

сельскохозяйственного машиностроения СССР, НИИ артиллерийского приборостроения и Государственный краснознамённый НИИ Военно-воздушных сил СССР министерства обороны СССР.

В августе 1949 г. Комитет по радиолокации ликвидировали, а его функции по планированию работы в области радиолокации передали Пятому главному управлению министерства обороны СССР. В дальнейшем значительная часть тематики, курируемой комитетом, перешла в ведение Третьего главного управления. И всё же деятельность Комитета сыграла важную роль в развитии средств связи, радиолокации и радионавигации. Это позволило развернуть ряд станций дальнего обнаружения самолётов вероятного противника и наведения на них истребительной авиации. Одновременно удалось создать образцы радиолокаторов для самолётов, навигационной аппаратуры для Военно-морского флота СССР и т. д.

По инициативе И.В. Сталина 12 августа 1951 г. Совет министров СССР принял постановление о создании противовоздушной обороны Москвы, рассчитанной на отражение массированного налёта с любого направления. Головной организацией по разработке этой системы стало КБ-1 (ЦКБ «Алмаз», а затем НПО «Алмаз» им. академика А.А. Расплетина). Его сформировали на базе специального КБ-1 министерства вооружения СССР, занимавшегося созданием авиационной противокорабельной ракеты. Главными конструкторами КБ-1 были П.Н. Куксенко и С.Л. Берия. В этой организации работали учёные и специалисты в области радиолокации, систем управления и других направлений науки и техники.

На основании указа Президиума Верховного совета от 21 января 1954 г. и постановления Совета министров СССР от 26 января 1954 г. было образовано министерство радиотехнической промышленности СССР, на которое возлагалась задача комплексного развития всех отраслей радиоэлектроники⁹. Таким образом, структура создания и производства ракетной, реактивной и радиолокационной техники в СССР отличалась от структуры атомной промышленности. Созданием и производством ракетной, реактивной и радиолокационной техники занималось семь министерств, которые поддерживали связь с рядом институтов Академии наук СССР. Основным было министерство вооружения СССР, которое 15 марта 1953 г. переименовали в министерство оборонной промышленности СССР. Большинство проблем производства ракетной, реактивной и радиолокационной техники решали министерства авиационной, радиотехнической, судостроительной, химиче-

ской, электротехнической промышленности, тяжёлого машиностроения и министерства обороны СССР.

В процессе развития производства ракетной, реактивной и радиолокационной техники возникли десятки новых видов производств по выпуску ракетных двигателей, жаропрочных, конструкционных материалов: тонких большеразмерных листов из специальных марганцевистых сталей и из сплава марганца и алюминия для создания оболочек ракет, специального топлива, приборов и датчиков для автономных систем управления полётом ракет, стартового оборудования, испытательных стендов и полигонов, железнодорожных транспортировщиков доставки ракет на стартовые позиции. Всё это расширяло предприятия различных отраслей промышленности.

Организационная разобщённость производства ракетной, реактивной и радиолокационной техники ещё в большей мере усилилась в связи с переходом в 1957 г. к территориальному принципу управления (совнархозам) и созданию комитетов по отраслям промышленности. Но одновременно усилилась координирующая роль Военно-промышленной комиссии при Президиуме Совета министров СССР.

Централизованная система управления промышленностью и строительством через отраслевые наркоматы, а с марта 1946 г. – через министерства позволяла решать поставленные задачи по развитию их важнейших отраслей, подготовке инженерно-технических и руководящих кадров. Она дала возможность в годы Великой Отечественной войны перебазировать большое количество предприятий, особенно оборонной промышленности, в восточные районы страны, в короткие сроки воссоздать их и организовать производство необходимых фронту боеприпасов, вооружения и другой военной техники, а в послевоенные годы восстановить народное хозяйство, разрушенное во время войны. Пятая пятилетка, по признанию советских экономистов, была одной из лучших по экономической эффективности. Но уже тогда наметилась тенденция замедления темпов промышленного производства.

Мировая научно-техническая революция и «холодная война» оказали большое влияние на развитие промышленности, особенно оборонных её отраслей, и обозначили ряд сложных проблем. Предстояло мощное развитие электроэнергетики за счёт строительства крупных гидро-, тепло-, а затем и атомных электростанций. Производство ядерного оружия и ракетной техники зависело от развития на принципиально новой основе химической, металлургической, радиотехнической и электронной промышленности, от изготовления сверхчистых материалов, особенно цветных металлов. Необходимые ресурсы для решения этих задач были со-

средоточены в восточных регионах СССР. В связи с этим предстояло сделать новый шаг в развитии производственной базы на основе передовых достижений науки и техники, а, следовательно, приблизить научные исследования к производству, а также подготовить кадры, особенно инженерные, по новым направлениям науки и техники.

На производственную деятельность предприятий этих отраслей промышленности непосредственное влияние оказала прежде всего отраслевая наука. В середине 1950-х годов в системе министерств авиационной, судостроительной и радиотехнической промышленности действовало 270 опытных заводов, крупных конструкторских бюро, специальных научно-исследовательских и проектных институтов, которые активно работали над созданием новых образцов вооружения и военной техники.

Из всех регионов Сибири наиболее продвинутой в этом отношении была Новосибирская область. Здесь имелось пять научно-исследовательских институтов с крупным экспериментальным производством. Но они в это время только ещё создавали материально-техническую базу, формировали кадры. Кроме того, имелись филиалы центральных НИИ, КБ, проектных организаций. На предприятиях работали конструкторские бюро. С целью развития перспективных экономических районов на востоке страны Совет министров СССР 18 мая 1957 г. принял постановление «Об организациях Сибирского отделения Академии наук СССР», в ведении которого предусматривалось мощное развитие научно-исследовательских институтов по новейшим отраслям науки. В Новосибирске было создано два вуза, необходимость в которых обосновывалась ещё в годы войны. Открылись новые специальности в действующих вузах Сибири, Московский институт цветных металлов был переведен в Красноярск. Но это всё в Сибири только начинало действовать и могло оказать реальную помощь промышленному производству через несколько лет.

В послевоенную пятилетку значительно усилился процесс специализации министерств. Но чрезмерная централизация управления вела к сужению прав союзных республик. В 1953 г. предприятия республиканского подчинения производили 31 % промышленной продукции, а предприятия союзного подчинения – 69 %. Руководящие республиканские и местные органы власти были оторваны от управления расположенными на их территории предприятиями¹⁰.

В 1954 г. по решению ЦК КПСС и Совета министров СССР была осуществлена реорганизация структуры управления министерств и ведомств, произведено сокращение их штатов. В 46 министерствах и ведомствах СССР упразднено 200 главных управлений и отделов, 147 трестов,

93 местных управления, 898 снабженческих организаций, 4,5 тыс. различных контор и около 4 тыс. мелких структурных подразделений¹¹.

Значительное внимание совершенствованию управления промышленностью уделил июльский 1955 г. пленум ЦК КПСС. В постановлении пленума отмечалось, что в промышленности слабо развиты специализация и кооперирование предприятий, недостаточно эффективно работали отраслевые научно-исследовательские институты, неудовлетворительно внедрялась в производство новая техника. Ставилась задача устранить недостатки в размещении производительных сил, так как в восточных районах страны темпы развития промышленности были в два раза меньше, чем в целом по СССР. Несмотря на принятые меры, структура управления промышленностью оставалась многоступенчатой и громоздкой. Министерства и ведомства не стремились приблизить управленческий аппарат к местам расположения промышленных предприятий. Многие научно-исследовательские учреждения были оторваны от производственной базы¹².

В 1954–1956 гг. советское правительство перераспределило функции управления промышленностью: из общесоюзного в республиканское подчинение было передано около 15 тыс. предприятий металлургии, угольной, нефтяной, лесной и других отраслей промышленности. В ведении союзных структур на территории РСФСР оставались наиболее крупные предприятия, которые находились в подчинении 37 союзных и союзно-республиканских министерств промышленности и строительства.

Но после передачи предприятий из союзного в республиканское подчинение и частичного изменения структуры управления промышленностью и строительством в работе министерств не были устранены крупные недостатки. Ведомственные барьеры мешали специализации и кооперированию производства предприятий различных отраслей, не использовались местные возможности развития производства. Такая система управления отрицательно сказывалась и на организации материально-технического снабжения. Сеть снабженческих организаций была громоздкой и дорогостоящей. К середине 1950-х годов в значительной мере определилась специализация регионов, выкристаллизовались их особенности и интересы, которые необходимо было учитывать с точки зрения их промышленного развития и управления производством.

Учитывая всё это, правительство пришло к выводу, что необходимо менять отраслевую систему управления промышленностью и строительством на территориальную и на этой основе разрешить назревшие проблемы. После XX съезда КПСС эта тенденция ещё в большей мере укрепилась. Февральский 1957 г. пленум ЦК КПСС признал необходи-

мым перестроить систему управления промышленностью и строительством. Было принято решение о переходе от отраслевой к территориальной системе управления этими основными отраслями народного хозяйства, упразднить союзные и союзно-республиканские министерства, создать советы народного хозяйства экономических административных районов. 10 мая 1957 г. Верховный совет СССР принял закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством»¹³.

В соответствии с постановлением Совета министров РСФСР от 1 июня 1957 г. в Российской Федерации было упразднено 25 общесоюзных и союзно-республиканских министерств и образовано 67 совнархозов. В Сибири были созданы совнархозы Алтайского, Кемеровского, Новосибирского, Омского, Тюменского, Красноярского, Иркутского, Бурятского, Читинского и Якутского экономических административных районов.

По данным на 1956 г., в Новосибирской области действовало 473 государственных промышленных предприятия, из них союзного подчинения – 114, республиканского – 139, местного – 220. Во всей промышленности области были заняты 233 тыс. человек, из них в тяжёлой промышленности – 158 тыс. человек. Ведущими отраслями являлись машиностроение и металлообработка, на предприятиях которых работали 124 тыс. человек.

В ведение совнархоза Новосибирского экономического административного района вошло 196 промышленных предприятий, которые находились в подчинении 28 союзных и республиканских министерств. Кроме того, в его систему входило восемь НИИ и филиалов (из них пять НИИ оборонных отраслей промышленности), 11 проектных организаций, 13 техникумов и профессионально-технические училища, готовившие кадры для промышленности и строительства. Всего на предприятиях и в организациях совнархоза работали 187 тыс. человек. Эти предприятия производили продукции на 10 337 млн руб.

Структура совнархозов определялась спецификой экономических районов, но организационные принципы управления были едиными. Каждый из них имел отраслевые управления, объединения однородных предприятий и функциональные управления, отделы. Так, в составе Новосибирского совнархоза действовали следующие отраслевые управления: первое управление (входили предприятия оборонной промышленности), радиотехнической, металлургической и химической, лёгкой, лесной промышленности, Новосибирэнерго, строительства и строительных материалов, главное управление снабжения и сбыта, шесть трестов и

один комбинат. Совнархозы Сибири находились в подчинении Всесоюзного совета народного хозяйства, Госплана РСФСР и СССР.

Однако изменение системы управления промышленностью и строительством, ликвидация отраслевых министерств вызвали несогласие некоторых членов ЦК КПСС – видных хозяйственных руководителей, особенно оборонных отраслей промышленности. В связи с этим Президиум ЦК КПСС назначил в начале июля 1957 г. комиссию в составе М. Хруничева (председатель), И. Сербина (заведующий отделом ЦК КПСС), П. Дементьева (министр авиационной промышленности СССР), Д. Устинова (министр оборонной промышленности СССР), В. Калмыкова (министр радиотехнической промышленности СССР) и А. Редькина (министр судостроительной промышленности СССР). 7 июля 1957 г. комиссия М. Хруничева представила в Президиум ЦК КПСС проект постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о новой системе управления оборонной промышленностью. В этом проекте министерства авиационной, оборонной, судостроительной и радиотехнической промышленности сохранялись с целью организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию новых видов вооружения, боевой техники и руководства их внедрением в серийное производство.

10 августа 1957 г. Совет министров СССР принял постановление «Об оборонных отраслях промышленности» в связи с законом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». В соответствии с этим постановлением важнейшими задачами совнархозов, в ведении которых находились предприятия и организации оборонных отраслей промышленности, считалось быстрее создание и внедрение в промышленное производство новейших образцов военной и специальной техники; обеспечение дальнейшего развития оборонных отраслей промышленности и выполнение государственных планов производства военной техники на базе внедрения высокопроизводительной и совершенной технологии; мобилизационных мощностей предприятий оборонной промышленности и первоочередное обеспечение их материалами, полуфабрикатами и новыми изделиями.

На совнархозы также возлагалась ответственность за производственную и финансово-хозяйственную деятельность предприятий оборонной промышленности; за обеспечение выполнения годовых и перспективных планов производства военной и гражданской техники; за разработку новых видов военной техники конструкторскими бюро, находящимися в ведении совнархозов; за соблюдение на предприятиях

технологической дисциплины; за выпуск продукции высокого качества. Совнархозы совместно с министерствами оборонной промышленности должны были обеспечивать кооперацию предприятий с другими предприятиями данного и других экономических районов по изготовлению и поставкам материалов, полуфабрикатов, готовых изделий, оборудования; разработку совместно с министерствами оборонной промышленности проектов годовых и перспективных планов производства и поставок военной техники, капитального строительства; разработку проектов мобилизационных планов с учётом максимального использования мощностей других предприятий экономического района для производства военной техники.

Министерства авиационной, оборонной, судостроительной и радиотехнической промышленности СССР были ответственны за планирование соответствующих оборонных отраслей промышленности и обеспечение высокого технического уровня в развитии производства этих отраслей, а также за производственную и финансово-хозяйственную деятельность находящихся в ведении министерств научно-исследовательских, проектных и опытно-конструкторских организаций, опытных заводов; за разработку новых видов военной и специальной техники, развитие научно-исследовательских работ, а также совместно с совнархозами за координацию и планирование опытных работ в области военной и специальной техники, выполняемых специальными и особыми конструкторскими бюро совнархозов; за определение на основе требований министерства обороны СССР основных направлений создания новых образцов военной и специализированной техники; за внедрение совместно с совнархозами в серийное производство новых образцов военной техники, высокопроизводительной и совершенной технологии.

Предприятиям оборонных отраслей промышленности устанавливалась ответственность в части планирования и изготовления опытных образцов или модификаций военной техники, внедрения в серийное производство этой техники и новой технологии, а также создания на предприятиях мобилизационных мощностей, руководствуясь решениями министерств оборонных отраслей промышленности. Задания по изготовлению опытных образцов или опытных партий новой техники подлежали выполнению предприятиями оборонной промышленности в первоочередном порядке. Работы по изготовлению опытных образцов или партий военной техники должны выполняться по договорам с заказчиками: с министерством обороны СССР и министерствами оборонных отраслей промышленности, включаться в планы предприятий и финансироваться заказчиками¹⁴.

В соответствии с этим постановлением совнархозы в значительной мере попадали в подчинение министерств оборонных отраслей промышленности, особенно по таким важнейшим показателям, как развитие новой техники и технологии, создание мобилизационных мощностей и др. А предприятия оказались в двойном подчинении: министерствам оборонных отраслей промышленности и местным совнархозам.

Двадцать первого октября 1957 г. Президиум ЦК КПСС поручил отделу ЦК КПСС по оборонной промышленности, министерству обороны СССР и руководителям министерств оборонной промышленности разработать мероприятия по дальнейшему развитию ракетной техники и других видов вооружения, а также предложения по организации и координации работ в этой области. Комиссия под руководством М. Хруничева приняла решение сосредоточить работы в области реактивной и ракетной техники в министерстве авиационной промышленности СССР, а работы в области систем управления, радиолокации и электроники – в министерстве радиотехнической промышленности СССР.

Двадцать шестого ноября 1957 г. в Президиуме ЦК КПСС под председательством Н.С. Хрущёва состоялось совещание, на котором присутствовали все главные конструкторы ракетной и авиационной техники, директора заводов и руководители министерств оборонных отраслей промышленности. Вопрос был решён силовым путём. По итогам совещания комиссия под руководством М. Хруничева представила в ЦК КПСС и Совет министров СССР проект постановления, в котором было записано, что «та временная роль, которая отводилась министерствам на период реорганизации в деле серийного производства военной техники, потеряла своё значение и дальнейшее существование этих министерств не вызывается необходимостью».

В проекте постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР, подготовленном в декабре 1957 г. Госпланом СССР, сказано, что «проведённая перестройка управления промышленностью полностью себя оправдала; совнархозы экономических административных районов окрепли и обеспечили руководство промышленностью. В начале 1958 г. отраслевые министерства оборонной промышленности были упразднены»¹⁵.

Непосредственное влияние на ускорение технического прогресса в промышленности оказали научно-исследовательские, конструкторские, проектные организации и учреждения с опытным производством, которые были развиты в основном в отраслях оборонной промышленности, а теперь переходили в ведение совнархозов. Однако большинство их размещалось в Москве, Ленинграде, Московской и центральных областях. В других регионах, в том числе восточных, они только организовыва-

лись, создавали свою материально-техническую базу, формировали кадры. Сосредоточение управления научно-исследовательскими, конструкторскими и проектными организациями преимущественно в совнархозах центральных районов СССР вело к тому, что они не имели влияния на ускорение научно-технического прогресса на предприятиях промышленности других региональных совнархозов.

Поэтому для руководства научно-исследовательскими институтами, конструкторскими и проектными организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их деятельности по созданию новых образцов вооружения и военной техники, внедрению их в производство правительство создало при Совете министров СССР государственные комитеты по авиационной технике, оборонной технике, судостроению, радиоэлектронике, автоматизации и машиностроению и другим отраслям, а в 1964 г. – по электронике и химии. Перед государственными комитетами Советом министров СССР были поставлены такие задачи: на основе требований министерства обороны СССР создать новые образцы реактивной, ракетной и других видов специальной военной техники с целью обеспечения превосходства над зарубежной техникой; руководить всеми научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями и предприятиями, находящимися в их ведении, совместно с предприятиями и организациями, находящимися в составе совнархозов, внедрять в серийное производство новые образцы военной и специальной техники; участвовать в разработке контрольных цифр производства этой продукции, подлежащей включению в перспективные планы развития народного хозяйства СССР.

Для координации деятельности государственных комитетов, их взаимодействия с министерством обороны СССР и совнархозами экономических районов при Президиуме Совета министров СССР создавалась Комиссия по военно-промышленным вопросам. В экономических районах, имевших значительное количество оборонных предприятий, вводилась должность заместителя председателя совнархоза по оборонной промышленности¹⁶.

Практика работы совнархозов показала, что несмотря на значительное увеличение объёмов промышленного производства и рост капитальных вложений в строительстве, просматривалась тенденция замедления темпов роста производства, невыполнения плановых показателей ввода в действие основных производственных фондов. Строительные организации не осваивали выделяемых капитальных вложений как в промышленном, так и в гражданском строительстве.

Замедлились темпы внедрения научно-технических достижений в производство и освоения новых видов продукции. Этот недостаток в основном был связан с тем, что наиболее значимые головные научно-исследовательские институты, государственные конструкторские и проектные организации, которые осуществляли разработку новой техники, находились в подчинении государственных комитетов Совета министров СССР по отраслям промышленности. Однако они не могли в полной мере оказывать влияние на предприятия, на которых должно осваиваться производство новой техники. Совнархозы и подведомственные им предприятия в большей мере были заинтересованы в выполнении государственного плана по выпуску освоенной продукции, так как от этого зависело их финансовое состояние. А внедрение новой техники и освоение производства новых видов продукции считалось второстепенным делом.

ЦК КПСС провёл два пленума, июньский 1959 г. и июльский 1960 г., на которых рассматривались вопросы ускорения научно-технического прогресса в промышленности, внедрения в производство передовых технологий и освоение новых, прогрессивных видов продукции. Перед пленумами комиссии ЦК партии тщательно проверяли предприятия, отраслевые научно-исследовательские и проектные организации многих совнархозов и государственных комитетов, причём эти проверки велись по отраслям промышленности. В заключениях комиссий отмечались как положительные, так и отрицательные факты, сдерживавшие технический прогресс по зависящим и не зависящим от предприятий причинам.

На июньском 1959 г. пленуме ЦК КПСС «О работе партийных и советских организаций и советов народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве» в основном заслушивались доклады председателей наиболее крупных совнархозов, среди них председателя Новосибирского совнархоза В.Т. Забалуева. Кроме того, в стенографическом отчёте опубликованы тексты докладов не выступивших на пленуме председателей совнархозов: Омского – Б.П. Еленичева, Красноярского – П.Ф. Ломако и Кемеровского – А.Н. Задемидко.

В постановлении пленума подчёркивалось, что комплексная механизация и автоматизация производственных процессов – основное средство технического прогресса. Однако в большинстве отраслей промышленности ещё не решён вопрос о комплексной механизации, а в области автоматизации пока решается частная задача – автоматизация отдельных агрегатов и операций. В решении этих проблем велика роль науки, особенно отраслевой. Но многие научно-

исследовательские институты слабо связаны с производством, мало занимаются крупными проблемами по хозяйственным договорам с совнархозами и предприятиями¹⁷.

Проблема была настолько острой, что на июльском 1960 г. пленуме ЦК КПСС также рассматривался вопрос «О ходе выполнения решений XXI съезда КПСС о развитии промышленности, транспорта и внедрении в производство новейших достижений науки и техники». На пленуме после двух докладов были заслушаны председатели четырёх совнархозов, в том числе Красноярского (П.Ф. Ломако) и Кемеровского (Л.Е. Графов). В постановлении пленума было обращено внимание хозяйственных организаций, всех работников науки и техники на необходимость повышения эффективности работы научно-исследовательских и проектных институтов, конструкторских бюро, сокращения сроков выполнения научно-исследовательских, конструкторских работ и внедрения их в производство.

Пленум потребовал от всех государственных структур, работавших с промышленностью и строительством, в том числе от совнархозов и государственных комитетов Совета министров СССР, улучшить руководство работой научно-исследовательских и проектных институтов, конструкторских бюро и других научных учреждений, ликвидировать научный параллелизм, не допускать включения в планы мало актуальных тем, укрепить исследовательскую, проектную, конструкторскую и экспериментальную базу¹⁸. Как видно, совнархозы не были в состоянии успешно решать научно-технические проблемы развития промышленности и её отраслей.

С ликвидацией министерств нарушилось централизованное руководство отраслями. Вместе с положительными результатами перестройки управления промышленностью в работе совнархозов экономических административных районов обнаружились и другие существенные недостатки. Попыткой устранить эти недостатки являлось образование 11 января 1963 г. Совета народного хозяйства СССР. Среди важнейших его функций было совместное с государственными комитетами Совета министров СССР обеспечение выполнения планов научно-исследовательских работ по изготовлению опытных образцов машин, оборудования, приборов, других изделий, материалов и серийному их производству¹⁹. Это направление деятельности было одним из главных в ускорении научно-технического прогресса в промышленности.

Также 11 января 1963 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О повышении роли государственных комитетов и их ответственности за развитие отраслей промышленности».

В соответствии с этим постановлением государственные комитеты находились при Госплане СССР, их председатели наделялись правами министров. Определялось, что госкомитеты рассматривают планы развития соответствующих отраслей промышленности и научно-технического прогресса, устанавливают номенклатуру продукции, отвечающую современным достижениям науки и техники, снимают с производства устаревшие машины, механизмы, оборудование и приборы. Кроме того, на них было возложено осуществление единой технической политики, а также разработка технико-экономических проблем в развитии соответствующей отрасли промышленности.

Государственные комитеты по отраслям промышленности распределяли материальные и финансовые ресурсы, выделяемые для выполнения планов по новой технике, а также финансировали научно-исследовательские, проектно-конструкторские и экспериментальные работы. В их непосредственное подчинение были переданы ведущие конструкторские бюро заводов, научно-исследовательские, проектные и проектно-технологические институты, проектно-конструкторские организации с опытно-экспериментальной базой. Они могли заслушивать на своих заседаниях сообщения руководителей предприятий, организаций и учреждений по вопросам создания и освоения производства новых образцов оборудования, изделий и направления их в производство²⁰.

Учитывая принятые меры, в начале 1963 г. правительство решило укрупнить совнархозы. В РСФСР было создано 24 совета народного хозяйства экономических районов. 11 января 1963 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О совершенствовании управления капитальным строительством», в соответствии с которым на Государственный комитет Совета министров СССР по делам строительства (Госстрой СССР) возлагалась задача руководства и организация через Советы министров союзных республик, межреспубликанские организации по строительству, министерства и ведомства СССР промышленного и сельскохозяйственного строительства и обеспечение ввода в действие производственных мощностей и основных фондов²¹. В укрупнённых регионах создавались структуры по управлению строительными организациями, которые находились в подчинении Госстроя СССР.

После укрупнения в Сибири были образованы совнархозы Западно-Сибирского, Кузбасского, Красноярского и Восточно-Сибирского экономических районов. В управлении Кузбасского совнархоза входили промышленные предприятия Кемеровской области и Алтайского края, Красноярского – Красноярского края и Тувинской АССР, Восточно-Сибирского – Иркутской, Читинской областей, Бурятской и Якутской

АССР. В подчинении Совета народного хозяйства Западно-Сибирского экономического района находилось 410 промышленных предприятий Новосибирской, Омской и Томской областей, на которых работали 559 тыс. человек.

Структура совнархоза Западно-Сибирского экономического района принципиально не изменилась. Для непосредственного управления промышленностью в системе СНХ создано 15 отраслевых управлений: агрегатостроения, точного машиностроения, общего машиностроения, радиотехнической и электронной, электротехнической промышленности, металлургии, нефтехимической промышленности и других отраслей. Образовано 20 функциональных управлений и отделов, в том числе планово-экономическое управление, организации труда, зарплаты и техники безопасности, производственно-техническое, капитального строительства, руководящих кадров и учебных заведений, инспекция по качеству продукции, отдел внешнеэкономических связей и другие. Структура других совнархозов была аналогичной с учётом специфики промышленности.

Однако Государственные комитеты по отраслям промышленности при Госплане СССР не могли в полной мере оказывать влияние на предприятия, на которых должно было осваиваться производство новой техники. Они не могли преодолеть недостатки, которые проявились после введения территориальной системы управления. Предпринятые организационные мероприятия не ликвидировали противоречия между развитием отраслей промышленности и системой территориального управления ими.

Управление через совнархозы ослабило централизованное плановое руководство развитием экономики. Совнархозы, устранив некоторые недостатки в работе министерств, всё больше стали разграничивать промышленное производство на отдельные отрасли. В связи с растущей специализацией производства увеличивалось число самостоятельных отраслей. В промышленности страны их насчитывалось более трехсот. Система территориального управления подрывала экономическое руководство отраслями промышленности как единым производственным и техническим комплексом. Она затрудняла проведение технической политики, внедрение в производство новейших достижений науки и техники. Поэтому правительство предприняло меры к свёртыванию деятельности совнархозов.

Второго марта 1965 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление, в соответствии с которым в совнархозах ликвидировались управления, непосредственно связанные с оборонной промышленностью.

ленностью. Было признано необходимым на основе государственных комитетов по отраслям промышленности создать такие общесоюзные министерства: авиационное, оборонное, радиотехническое, электронное, судостроительное, общего машиностроения. Передать в ведение этих министерств предприятия и организации оборонной промышленности по состоянию на 1 января 1965 г. с утверждёнными планами на год по производству, капитальному строительству, труду, себестоимости продукции, материально-техническому снабжению, с фондом заработной платы и другими плановыми заданиями²².

Сентябрьский 1965 г. пленум ЦК КПСС, рассмотрев вопрос «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и укреплении экономического стимулирования промышленности», подвёл итоги работы правительства по изменению управления промышленностью. В постановлении пленума подчёркивалось, что следует организовать управление промышленностью по отраслевому принципу, сосредоточить руководство предприятиями, научно-исследовательскими институтами, конструкторскими и проектными организациями в едином союзно-республиканском или общесоюзном органе. В дополнение к общесоюзным министерствам по оборонным отраслям промышленности были образованы союзно-республиканские и союзные министерства по другим отраслям промышленности²³.

Пленум ЦК КПСС потребовал от руководства экономикой повышения эффективности общественного производства, совершенствования планирования при одновременном повышении прав и самостоятельности предприятий на основе полного хозрасчёта; усиления экономических методов руководства; использования экономических рычагов: прибыли, кредита, премий; введения новой системы показателей: оценка работы организации по реализации продукции, по уровню рентабельности и выполнению планов по поставкам.

В связи с организацией совнархозов в декабре 1957 г. для координации деятельности оборонной промышленности была создана Комиссия Президиума Совета министров СССР по военно-промышленным вопросам. Её возглавил бывший министр оборонной промышленности Д.Ф. Устинов, ставший также заместителем председателя Совета министров СССР. Комиссия была создана на базе Специального комитета Совета министров СССР, образованного в 1955 г. При Комиссии создали Научно-технический совет. В сферу деятельности Комиссии входили вновь организованные госкомитеты электронной промышленности и общего машиностроения (космос и баллистические ракеты), а уже в конце 1960-х годов – министерство среднего машиностроения

СССР (атомная промышленность) и министерство машиностроения СССР (боеприпасы). В её работе наряду с руководителями соответствующих отраслей участвовали заместитель министра обороны, председатель Госплана СССР, президент Академии наук СССР, командующие видами Вооружённых сил СССР, заведующий отделом оборонной промышленности ЦК и секретарь ЦК, курировавший это направление.

Комиссия в своём ведении концентрировала огромный научный потенциал: в середине 1960-х годов на долю научно-исследовательских организаций приходилось свыше 30 % научных сотрудников, насчитывавшихся в Российской Федерации (без учёта научно-педагогических кадров). Решения Комиссии являлись обязательными для всех министерств, ведомств, совнархозов и организаций независимо от их подчинённости. По заданию Комиссии работали многие учёные из академических институтов, вузов, отраслевых научных учреждений. Все вместе они осваивали, по различным оценкам, от 60 до 80 % средств, выделяемых в СССР на науку.

Вместе с тем власть Комиссии по военно-промышленным вопросам строго ограничивалась. Её решения приобретали силу только после их оформления в виде постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР. Важнейшие проблемы стратегического назначения Комиссия выносила на обсуждение Совета обороны СССР. Не распоряжалась она и распределением материальных средств и бюджетных ассигнований. Для их распределения требовалось постановление ЦК или личное распоряжение председателя Совета министров СССР. Кадровые вопросы также находились вне власти Комиссии. Этим занимался секретарь ЦК КПСС. Повседневная деятельность Комиссии жёстко контролировалась отделом оборонной промышленности ЦК КПСС. По многочисленным свидетельствам, его бессменному заведующему И.Д. Сербину зачастую принадлежало «последнее слово» при принятии ключевых решений. И всё же Комиссия Президиума Совета министров СССР по военно-промышленным вопросам являлась надведомственным органом, имевшим реальные полномочия в сфере управления научно-техническим прогрессом²⁴.

Таким образом, система управления производством ракетно-реактивного и радиолокационного вооружения с самого начала являлась очень сложной в связи с тем, что его созданием и изготовлением занималось до десятка министерств, и в то же время отсутствовала достаточно мощная структура, которая координировала их деятельность.

При совнархозах система управления оборонной промышленности ещё больше усложнилась. Она привела к раздроблению отраслей и ра-

зобощению научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций с производством. Поэтому оборонные предприятия были выведены из системы совнархозов раньше, чем они ликвидированы и восстановлены отраслевые министерства, почти в том же составе, который существовал до совнархозов. В то же время с организацией совнархозов была создана достаточно действенная структура для координации деятельности предприятий всех отраслей оборонной промышленности – Комиссия Президиума Совета министров СССР по военно-промышленным вопросам, которая в условиях управления совнархозов не смогла добиться устранения появившихся недостатков. Но с воссозданием министерств её деятельность стала более результативной, как и оборонного отдела ЦК КПСС.

¹ Большая советская энциклопедия. М., 1974. Т. 17. С. 838.

² *Симанов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М., 1996. С. 212–213; Ради мира на земле. Томск, 1999. С. 24; Атомный проект СССР. Документы и материалы. М. – Саров, 2003. Т. 2. Кн. 1. С. 11–13

³ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Кн. 4. С. 701–702, 719–720; *Артёмов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 82–86.

⁴ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Кн. 4. С. 388–391.

⁵ *Круглов А.К.* Штаб Атомпрома. М., 1998. С. 105–106, 111–113.

⁶ *Круглов А.К.* Как создавалась атомная промышленность СССР. М., 1994. С. 364–365; Атомная отрасль России. События. Взгляд в будущее. М., 1998. С. 68; *Круглов А.К.* Штаб Атомпрома. С. 138–141; *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны. М., 2000. С. 78; Ядерный оружейный комплекс. М., 2007. Т. 14. С. 10.

⁷ *Симанов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР... С. 231, 233; Атомная отрасль России... С. 57; *Артёмов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели... С. 88–91; *Уманский С.П.* Ракеты-носители. Космодромы. М., 2007. С. 23, 25, 33, 27, 28.

⁸ СССР и холодная война. М., 1995. С. 172, 175; Атомная отрасль России... С. 65, 72; *Артёмов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели... С. 213–214.

⁹ *Симанов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР... С. 253–255; *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны... С. 93, 96; *Артёмов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели... С. 92.

¹⁰ История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. 6. С. 285–286.

¹¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. М., 1968. Т. 4. С. 146.

¹² Борьба КПСС за завершение строительства социализма (1953–1958 годы). Документы и материалы. М., 1961. С. 176–194.

¹³ Там же. С. 388–395, 541–547.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 492. Л. 343–346.

¹⁵ *Симанов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР... С. 285–286.

¹⁶ Там же. С. 287–288.

¹⁷ Пленум ЦК КПСС. 24–29 июля 1959 г. Стенографический отчёт. М., 1959. С. 334, 586, 754, 815, 505, 506, 513.

¹⁸ Пленум ЦК КПСС. 13–16 июля 1960 г. Стенографический отчёт. М., 1960. С. 66, 80, 316.

¹⁹ Справочник партийного работника. М., 1964. Вып. 5. С. 68, 69.

²⁰ ГАНО. Ф. П-4«б». Оп. 1. Д. 269. Л. 39–42.

²¹ Там же. Л. 36–39.

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 601. Л. 3–5; История социалистической экономики СССР... С. 289–290.

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 601. Л. 27–28.

²⁴ *Черток Б.Е.* Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны. 3-е изд. М., 2002. С. 311–313;
Артёмов Е.Т. Научно-техническая политика советской модели... С. 197–198.

Идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.)

Коммунистическая партия являлась важнейшим политическим институтом СССР. Она определяла направления внутренней и внешней политики советского государства, принципы функционирования его экономической системы и содержание общественно-политической жизни. В середине 1980-х годов КПСС инициировала преобразования, получившие название «перестройка», которые оказали важнейшее влияние не только на судьбу Советского Союза, но и на глобальные политические и экономические процессы. В ходе перестройки глубокие изменения претерпела идейно-политическая атмосфера советского общества. В СССР в конце 1980-х годов зародился реальный политический плюрализм, многопартийность, возникла конкуренция и началась борьба между различными идейно-политическими течениями за умонастроения людей.

В силу руководящей политической роли КПСС взгляды и позиции ее членов, их отношение к курсу на перестройку и степень участия в различных общественно-политических движениях являются ключевым показателем реформаторского потенциала власти, ее способности к адаптации и борьбе в условиях состязательной демократии. Исследование этих вопросов имеет и большую общественную актуальность. Возникшее в России в декабре 2011 г. протестное движение и реакция власти на него заставили политологов искать исторические параллели, конструировать объяснительные модели, в основании которых лежат факты из истории СССР периода перестройки. Как это часто бывает в условиях «экспертного штурма», многие авторы использовали исторический материал непрофессионально. Поэтому объективное изучение завершающего этапа советской истории поможет «очищению» современной аналитики от грубых фактических ошибок, политических мифов и, в конечном итоге, позволит глубже понять современную политическую ситуацию.

Изучение идейно-политических процессов, протекавших в КПСС в период перестройки, началось в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Однако дальше констатации факта, что идеология КПСС находилась в кризисе, авторы той поры, как правило, не шли¹. В 1990-е годы в условиях господствовавшего антикоммунизма исследователи потеряли интерес к истории коммунистической партии. В это десятилетие вышло небольшое количество малосодержательных публикаций, однако появились первые исследования, посвященные организациям КПСС Западной Сибири: это кол-

лективная монография «Томская область: исторический очерк», статьи Л.Н. Лопатина и С.А. Мордвинцевой². В них авторы описали политический кризис в парторганизациях, но сделали это поверхностно.

В 2000-е и последующие годы интерес исследователей к истории КПСС периода перестройки стал нарастать. По этой теме были защищены кандидатские диссертации; она рассматривалась в нескольких монографиях, авторы которых уделили внимание идейно-политической трансформации партии. Е.И. Волгин и А.А. Лапин проанализировали появление и развитие различных идейных течений и платформ в партии³. В монографиях С.В. Новикова, А.Г. Осипова и В.И. Козодоя, С.А. Величко, В.Н. Казьмина, а также в диссертациях Д.В. Сердюкова и М.В. Котлярова были рассмотрены вопросы идейно-политической фрагментации парторганизаций Западной Сибири, политические конфликты в них, участие членов КПСС в деятельности политизированных неформальных движений и в протестных акциях⁴. Перечисленные исследователи аккумулировали богатый эмпирический материал, но не концептуализировали его, поэтому многие проблемы остались еще недостаточно осмысленными. В литературе до сих пор слабо проанализированы факторы и динамика идейно-политических процессов в парторганизациях, плохо выделены ключевые тенденции и специфика Западной Сибири.

В истории перестройки остается еще немало «белых пятен», в том числе из-за лакун в источниках. В частности, подавляющее большинство документов аппарата ЦК КПСС до сих пор не рассекречены. Однако идейно-политические процессы в партии являются одной из немногих тем, которая обеспечена широкой и разнообразной источниковой базой. В настоящее время в библиотеках исследователям доступны официальные материалы КПСС, основные периодические издания того времени, мемуары партийных работников, а в архивах – важнейшие партийные документы: протоколы заседаний партийных конференций, пленумов и собраний парторганизаций, отчеты отделов партийных комитетов. В совокупности эти материалы весьма информативны и позволяют успешно решить ключевые проблемы.

В отечественной и зарубежной историографии, посвященной идейно-политическим процессам в СССР, утвердилась точка зрения, согласно которой в 1960 – первой половине 1980-х годов идейная монолитность советского тоталитарного политического режима постепенно размывалась⁵. Утверждалось, что в СССР возникли и развивались идейные течения, одно из которых условно можно назвать национально ориентированным (консервативные и либеральные формы почвенничества), а другое – западническим (поскольку оно состояло из либерал-демократов и

социал-демократов, придерживавшихся еврокоммунистических взглядов). Сквозь официальную идеологическую доктрину пробивались также различные религиозные и националистические течения. Их представители проявляли себя по-разному. Некоторые заняли диссидентскую позицию; большая же часть старалась вписаться в узкие рамки существовавшего в то время «плюрализма» и не шла на прямую конфронтацию с властью. Поэтому процессы духовного поиска были заметны главным образом в культурной жизни: на страницах «толстых» столичных литературных журналов, в песнях и там- и самиздате⁶.

К причинам, способствовавшим появлению и распространению новых политических идей в Советском Союзе, историки относят стремительную урбанизацию и интеллектуализацию советского общества, повлекшую смену культурного типа с сельского на городской, расширение контактов со странами Запада, идейное и культурное наследие хрущевской «оттепели». Не умаляя значение всех этих факторов, основной причиной все же следует назвать процесс дальнейшей рутинизации режима, руководство в котором сохраняли старевшие и безликие бюрократы⁷. Этот процесс наглядно проявил себя в идейно-теоретической сфере, в агитации и пропаганде КПСС. В идеологии партии получили распространение догматизм, призванный доказать преимущества социалистической экономики, политического строя, советского образа жизни, невзирая на факты, разоблачавшие эти утверждения. В агитации и пропаганде распространились стандартизация, однообразие и формализм, что вело к оторванности ее от реальной жизни. Эти оценки разделяли и партийные ученые, с началом перестройки включившие их в официальные учебники по идеологической работе⁸. Нельзя сказать, что руководство партии «до Горбачева» не понимало этой проблемы. Попытку переосмыслить социалистическую систему предпринял Ю.В. Андропов⁹. Однако она, как и другие назревшие политические шаги, была прервана в связи с его скорой кончиной.

Какое влияние оказывала неадекватность официальных идеологических положений КПСС на политические настроения и позиции коммунистов Западной Сибири «накануне» перестройки, определить достаточно трудно. Парторганизации специально не собирали и не анализировали информацию о настроениях коммунистов и населения. Кроме того, в парторганизациях отсутствовала практика ведения дискуссий по идейно-политическим вопросам. Одним из явных последствий такого положения стало распространение политического конформизма среди коммунистов, что проявлялось в проведении заорганизованных партийных форумов, формальном отношении к агитационно-пропагандистской работе¹⁰.

Но конформизм был не единственной «внутренней болезнью», до поры до времени не видной внешнему наблюдателю. В среде членов партии, как и в различных общественных слоях, зрел латентный политический негативизм. Партийные работники Западной Сибири в воспоминаниях отмечают, что в первой половине 1980-х годов в советском обществе чувствовалась скрытая напряженность, нарастание различного рода противоречий на бытовом уровне из-за нерешенности многих социальных проблем. На этом фоне недовольство членов партии порожидала укоренившаяся практика постоянного одобрения речей и докладов руководителей партии и страны. В последние годы нахождения у власти Л.И. Брежнева у коммунистов вызывала раздражение его явная неадекватность как Генерального секретаря партии. Приход к власти Ю.В. Андропова вселил надежды на позитивные изменения, но его скорый уход из жизни и избрание на пост Генерального секретаря ЦК КПСС немощного К.У. Черненко еще больше усилили негативные настроения¹¹. О деградации руководства партии коммунисты на местах говорили только в кулуарах, часто недовольство выражалось в форме саркастических анекдотов. Открытое выражение членами партии возмущения высшим партийно-государственным руководством, естественно, сдерживалось из-за боязни репрессий: исключения из рядов КПСС и увольнения с работы.

Приход в марте 1985 г. на высший партийный пост М.С. Горбачева и его первые инициативы вызвали положительную реакцию коммунистов, в том числе в Западной Сибири. С.И. Манякин, занимавший в то время должность первого секретаря Омского обкома КПСС, вспоминал, что несмотря на малую известность М.С. Горбачева в стране всем уже надоели «полуживые мумии в Политбюро», и поэтому люди охотно приветствовали сравнительно молодого человека, возглавившего КПСС¹². М.С. Горбачев располагал к себе не только благодаря тому, что положительно выделялся на фоне престарелой партийной элиты. Судя по воспоминаниям С.И. Манякина, партийные работники считали нового Генерального секретаря ЦК КПСС выдвиженцем Ю.В. Андропова и думали, что экс-председатель КГБ СССР в силу своей «исключительной» осведомленности не мог ошибиться в выборе протезе¹³. Практически сразу после прихода к власти на Апрельском пленуме ЦК КПСС в 1985 г. М.С. Горбачев провозгласил курс на ускорение социально-экономического развития страны, что оправдало позитивные ожидания коммунистов¹⁴. К тому же новый «партийный вождь» принялся активно обновлять руководство партии, что свидетельствовало о серьезности его

политических намерений. К марту 1986 г. его назначенцы составляли три пятых членов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС¹⁵.

Позитивный политический эффект имели подготовка, проведение и итоги XXVII съезда КПСС, прошедшего 25 февраля – 6 марта 1986 г. Съезд принял новую редакцию Программы партии и новый Устав. В них сохранилась преемственность идейно-политических основ КПСС. Вместе с этим были внесены важные изменения. В новой редакции Программы партии не обозначались конкретные сроки построения коммунистического общества, а только заявлялось о намерении достичь значительных успехов в социально-экономическом развитии страны к 2000 году¹⁶. Главный партийный документ стал более конкретным и «близким к жизни», что вызвало положительную реакцию членов партии. В свою очередь в Политическом докладе ЦК КПСС съезду, с которым выступил М.С. Горбачев, прозвучала критика «застойных явлений» в политической и экономической жизни, которые, по мнению руководства КПСС, стали причиной появления многих проблем. Для их преодоления был провозглашен курс на ускорение социально-экономического развития страны и перестройку партийной работы.

Положительное влияние названных событий на политические настроения коммунистов отражают стенограммы партийных конференций и заседаний пленумов парткомов разного уровня. Прозвучавшие на съезде КПСС оценки социально-экономической ситуации и сформулированные задачи придали уверенность партийным руководителям на местах. На краевых и областных пленумах они заявляли о том, что партия получила правдивую, а приукрашенную картину положения дел в экономике, социальной и культурной сферах. Ускорение социально-экономического развития уверенно назвалось стратегией, способной решить накопившиеся проблемы¹⁷.

После XXVII съезда КПСС заседания пленумов обкомов и крайкома в Западной Сибири стали приобретать более деловой и конструктивный характер, поскольку их повестка дня включала злободневные вопросы: строительство жилья, улучшение снабжения товарами и продуктами, повышение их качества, борьба с такими социальными пороками, как пьянство и воровство.

О «перезагрузке» доверия к КПСС говорит и динамика численности коммунистов. В 1985–1986 гг. наметилось увеличение количества принятых в КПСС. В общесоюзном масштабе в 1985 г. в КПСС было принято 609,9 тыс. чел., в 1986 г. – 640,7 тыс. человек¹⁸. В парторганизациях Западной Сибири в 1985–1986 гг. также наблюдалась положительная дина-

мика роста численности. За 1985 г. количество коммунистов на этой территории выросло на 20,4 тыс. чел., а в 1986 г. – на 23,9 тыс. человек¹⁹.

Можно назвать несколько причин того, почему новый курс получил поддержку коммунистов Западной Сибири. Очевидную положительную реакцию вызвала смена руководства партии, энергичный и открытый политический стиль М.С. Горбачева. На настроения членов партии оказывала сильное влияние традиция одобрения решений партийных съездов. Наконец, сформулированные на пленумах ЦК КПСС и XXVII съезде задачи были адекватны тем проблемам, которые волновали коммунистов на местах. Смысл курса на перестройку лапидарно выразил секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачев лозунгом «Больше социализма!»²⁰, означавший комплексное решение народнохозяйственных и социальных проблем, которые остро ощущались в урбанизированной Западной Сибири. Две трети членов КПСС в этом регионе проживали в городах. Большинство из них работало в индустрии, где ключевую роль играло машиностроение. Между тем сибирские города отличались неразвитостью социально-бытовой инфраструктуры и плохим продовольственным снабжением²¹. Именно наращивание вложений в машиностроение и смежные отрасли, а также улучшение качества жизни городских жителей стали ключевыми пунктами политики КПСС на этом этапе²².

Вместе с тем перестройка подразумевала изменение стиля и методов партийной работы. Но в ходе решения этой задачи в парторганизациях возникло много вопросов, так как ЦК внятно не разъяснил новую «технологию». Инструкторов ЦК КПСС местные партийные работники часто спрашивали, в чем конкретно должно заключаться изменение форм и методов партийной работы. На партийных совещаниях даже озвучивались предложения о необходимости разработки и публикации в «Правде» специальной инструкции по перестройке²³. Опрос секретарей и инструкторов агитационно-пропагандистских отделов партийных комитетов, проведенный в сентябре 1986 г. в Новосибирской высшей партийной школе, показал, что партийные работники «увязли в разговорах о перестройке», но не совершали конкретных шагов для ее воплощения. Главной сдерживающей причиной называлось опасение проявить инициативу, которая по-прежнему «наказуема»²⁴.

Реализация курса на перестройку натолкнулась на жестко централизованный и иерархический принцип построения КПСС. «Солдаты партии», давно жившие по бюрократическим нормам, не могли возглавить «живое творчество масс», на которое надеялся М.С. Горбачев. Перестройка начала «буксовать». С середины 1986 г. в речах Генерального секретаря ЦК КПСС все чаще стала звучать критика «недемократичного» стиля ра-

боты руководящих кадров партии²⁵. С этого времени начался рост взаимного недоверия между руководителем партии и местной партийной элитой. Одновременно М.С. Горбачев в своем понимании сути проблем советского общества стал склоняться к идеям социал-демократов или, как их называл Р.А. Медведев, «партийных демократов»²⁶.

Центром формирования группы людей с такими взглядами стал журнал «Проблемы мира и социализма», издававшийся в Праге. В 1960–1970-е годы в журнале работали Е.А. Амбарцумов, Б.А. Грушин, Ю.Ф. Корякин, О.Р. Лацис, М.К. Мамардашвили, И.Т. Фролов, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров. Позднее часть из них стала ответственными работниками ЦК КПСС, помощниками членов Политбюро ЦК КПСС, в том числе Генеральных секретарей ЦК КПСС Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и М.С. Горбачева. С точки зрения этой группы созданная в Советском Союзе социалистическая модель имела серьезные искажения, которые нуждались в исправлении. По их мнению, «первичной ошибкой», которая привела к «деформации социализма», была политическая практика И.В. Сталина, создавшего жесткую авторитарную систему²⁷. Со второй половины 1986 г. данная мысль постепенно стала стержневой в идеологии перестройки, определив изменение политического курса в сторону демократизации и десталинизации.

Теоретики этого идейно-политического поворота понимали, что к нему необходимо подготовить общественное мнение. Поэтому идеологические изменения начались с «культурного фронта». В 1986 г. в ряде городов СССР был разрешен показ фильма Т. Абуладзе «Покаяние», в котором в художественных формах осмысливались репрессии и подавление инакомыслия в годы правления И.В. Сталина. В театральной среде известность получили постановки по пьесам М.Ф. Шатрова на общественно-политическую тематику.

Новые культурные веянья проникли и в Западную Сибирь, но с заметным отставанием. В апреле 1987 г. на сцене Томского драматического театра был поставлен спектакль по пьесе М. Ф. Шатрова «Диктатура совести. Споры и размышления 1986 года в двух частях», который столичные зрители впервые увидели в марте 1986 г. на сцене театра им. Ленинского комсомола в Москве. Для советского зрителя спектакль был провокативным. На сцене совершался импровизированный «суд над Лениным», высвечивавший многие недостатки социалистического строя. Уже на этом этапе реакция зрителей, в том числе членов КПСС, которым была предложена дискуссия о причинах современных «пороков» советского общества, показала, что критическое осмысление прошлого партии может привести к полному отрицанию социалистической системы.

Поэтому даже культурные «эксперименты» вызвали беспокойство и настороженное отношение руководящих партийных деятелей²⁸.

Следующим шагом стало расширение границ обсуждения актуальных проблем как в обществе в целом, так и в партии. С этой целью в январе 1987 г. был проведен пленум ЦК КПСС, поставивший задачу демократизации кадровой политики и развития гласности. С начала 1987 г. в публикациях центральных советских газет стал расти удельный вес критических материалов²⁹. Параллельно усилился уровень критики внутри КПСС. На заседаниях пленумов партийных комитетов Западной Сибири все чаще стали звучать негативные оценки положения дел в экономике, социальной политике, культуре. Нередко критика и самокритика на партийных собраниях и пленумах в 1987 г. приобретала гротескные формы, создавая впечатление, что позитивных фактов в деятельности парторганизаций практически не было³⁰.

При этом внутрипартийная критика изменила содержание и перестала носить обезличенный характер. Осенью – зимой 1987 г. в парторганизациях Западной Сибири состоялись отчеты выборных партийных органов по руководству перестройкой. В ходе обсуждения отчетов коммунисты гораздо чаще и жестче, чем прежде, критиковали бюро партийных комитетов и их секретарей, в том числе первых. В основном недовольство выражалось «командным» стилем работы и личными качествами секретарей: грубостью, нетерпимостью к возражениям, неумению слушать других³¹. Внедрение новых норм внутрипартийной жизни, правда, имело довольно ограниченные рамки. Руководство партийных комитетов не допускало спонтанных выступлений, стремилось ими управлять. Для этого создавались специальные комиссии по выяснению «вклада» каждого члена бюро партийного комитета в перестройку и четкая фиксация всех критических выступлений на пленумах с последующим составлением отчетов об их количестве и характере³².

Расширение пространства гласности, рост критики и самокритики хотя и создавали некомфортные условия для партийной номенклатуры, но в целом положительно влияли на настроение коммунистов. Общей оценкой, господствовавшей в 1987 г., было «оздоровление» партии. Члены КПСС, несмотря на ограниченность демократизации, что на центральном уровне ярко показал инцидент с Б.Н. Ельциным, а на местном – сохранение прежних практик выборов секретарей партийных комитетов, ощущали реальные подвижки в идейно-политической сфере. Тем более руководство партии готово было идти все дальше и дальше.

Существенный шаг в направлении десталинизации был сделан 2 ноября 1987 г., когда М.С. Горбачев озвучил доклад, посвященный 70-

летию Октябрьской революции «Октябрь и перестройка: революция продолжается». В нем впервые на официальном уровне система власти и управления народным хозяйством, сложившаяся при И. В. Сталине, была названа «административно-командной». В докладе было указано на личную причастность И.В. Сталина к массовым репрессиям. Но одновременно Генеральный секретарь ЦК КПСС произнес слова о «неоспоримом вкладе» И.В. Сталина в борьбу за социализм и его завоевания³³. В этом же месяце была опубликована и растражирована книга М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира», в которой были обобщены «перестроечные» идеи. В выступлении М.С. Горбачева к 70-летию Октябрьской революции и его книге не давалось однозначных оценок прошлого партии, в силу чего создавалось широкое поле для идеологического маневра. Это устраивало многих коммунистов, как тех, кому были близки идеи «оттепели», так и тех, кто не желал критики И.В. Сталина и созданного им режима. Тем не менее, выступление и книга стали важным идеологическим «водоразделом». С конца 1987 г. началась активная публикация материалов о ранее «запретных» темах советской истории, что явилось важнейшим фактором переосмысления исторического опыта коммунистической власти.

С этого времени в партии началось открытое оформление различных идеино-политических течений. Коммунисты публично заявляли о своем отношении к происходящему в идеино-политической сфере. Сторонники «социализма с человеческим лицом» впервые получили серьезный идеологический удар в марте 1988 г., когда газета «Советская Россия» опубликовала письмо Н.А. Андреевой «Не могу поступаться принципами». В письме открыто защищался И.В. Сталин и сталинизм, отстаивался классовый подход как основа марксистско-ленинского мировоззрения³⁴. Генеральный секретарь ЦК КПСС после некоторых колебаний дал отпор консерваторам. Газета «Правда» в апреле – мае 1988 г. выпустила несколько «залпов» по сталинистам³⁵.

Политическая борьба вокруг письма Н.А. Андреевой затронула парторганизации Западной Сибири. С разрешения бюро Омского обкома КПСС статья Н.А. Андреевой 15 марта 1988 г. появилась на страницах главной газеты области – «Омской правды»³⁶. Ее редактор за это позднее подвергся критике на пленуме Омского обкома. Его был вынужден защищать первый секретарь Омского обкома КПСС Е.Д. Похитайло³⁷. Партийное руководство Омской области оказалось единственным в Западной Сибири, открыто проявившем свою, по меньшей мере, лояльность консервативному течению. Однако подоб-

ные настроения были широко распространены среди партийной номенклатуры и рядовых коммунистов.

Процесс избавления от «наследия сталинизма» с трудом пробивал укоренившийся идеологический догматизм. Аксиоматические взгляды на прошлое страны, сформированные у членов партии, сопротивлялись идейно плюрализму и вызывали потребность в четком определении исторических истин. Первый секретарь Кировского райкома города Омска В. И. Мишина, выступая на пленуме Омского обкома КПСС 11 июня 1988 г., выразила распространенное мнение о том, чтобы «партия, ее Центральный Комитет дали объективную, правдивую политическую оценку историческому периоду страны с 1917 года». По ее мнению, история страны должна быть «научно обоснована, официально узаконена и войти во все учебники, учебные пособия, справочную и политическую литературу»³⁸.

Тем не менее, в 1988 г. решительная позиция Генерального секретаря ЦК КПСС и мощная агитационная кампания, связанная с подготовкой и затем обсуждением итогов XIX Всесоюзной партийной конференции (28 июня – 1 июля 1988 г.), обеспечили поддержку курсу на демократизацию. В парторганизациях началось разрушение политического конформизма, что выразилось в конфликтах вокруг выборов делегатов на Всесоюзную партконференцию. Омский обком КПСС организовал негласный отбор кандидатов в делегаты и формальное проведение партсобраний по их обсуждению. Это вызвало протест коммунистов Омска. Более того, 29 мая 1988 г. в Омске был организован митинг под лозунгом «Перестройка в нашей области: кто ей мешает?». На митинге присутствовало по разным оценкам от семи до десяти тысяч омичей. С его трибуны звучало много критики в адрес областного партийного руководства³⁹.

Наряду с этим в парторганизациях возникла организационная «инфраструктура» сторонников демократизации. Уникальным явлением для коммунистической партии, последовательно отстаивавшей свою идеологическую и организационную монолитность, стало появление весной 1988 г. партийных клубов, в которых собирались коммунисты, поддерживавшие реформаторские шаги М.С. Горбачева. В Западной Сибири партийные клубы появились в крупных городах. В Кемерово действовал клуб «Рабочий», в Новокузнецке – «Время», в Барнауле – «Точка зрения», в Томске – «Союз содействия революционной перестройке». Подобные объединения возникли в Новосибирском Академгородке, несколько организаций действовало в городе Бердске Новосибирской об-

ласти. Как правило, в деятельности партийных клубов принимали участие преподаватели вузов и сотрудники научных институтов⁴⁰.

О широкой поддержке на этом промежутке времени курса на демократизацию говорит отношение коммунистов Западной Сибири к «Тезисам Центрального комитета КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции». В них провозглашалось стремление партии развивать внутрипартийную демократию и расширять границы гласности⁴¹. В ходе их обсуждения коммунисты выступали за дальнейшую демократизацию, «наведение порядка» в партии и обществе. Наиболее смелые предложения исходили от сотрудников научных институтов, преподавателей вузов, творческой интеллигенции, которые предлагали восстановить историческую справедливость в отношении репрессированных, снять режим секретности с партийных документов, организовать альтернативные выборы в Советы⁴².

Все эти требования были не только учтены на партконференции, но и воплощены в конкретную политическую стратегию. Конференция приняла решение о наделении Советов всей полнотой законодательных, управленческих и контрольных функций. Высшим органом государственной власти в стране должен был стать Съезд народных депутатов СССР. Выборы депутатов на съезд планировалось провести весной 1989 г. В рамках этой реформы провозглашалась демократизация выборов народных депутатов – вводилась норма неограниченного выдвижения кандидатур, широкое и свободное их обсуждение. Одновременно начался процесс реабилитации репрессированных, сопровождавшийся активной литературно-публицистической поддержкой.

В целом 1988 г. можно назвать «звездным часом» инициаторов и идеологов перестройки. Им удалось добиться согласия партийных масс и закрепить решения о политической реформе, которая должна была значительно демократизировать политическую систему. Как писал в своих воспоминаниях М.С. Горбачев, после XIX Всесоюзной партийной конференции повернуть назад уже было невозможно⁴³. Однако в этом же году обозначились процессы, которые представляли серьезную угрозу для нового политического курса. Опасность стали представлять не только консерваторы из партийной элиты, которые однозначно почувствовали угрозу своему положению, но и партийные радикал-реформаторы и технократы.

Члены партии, выступавшие за решительные реформы, проникались антикоммунистическими настроениями. Отход от официальных идеологических установок порождался переосмыслением прошлого коммунистической партии, который активно разворачивался на публи-

цистическом поле, в культуре и научно-гуманитарной среде. Изучение и осмысление причин возникновения, практики и исторического значения сталинизма постепенно вели к отрицанию советского социализма как позитивной социально-политической системы. Например, в июне 1988 г. редактор главной партийной газеты Томской области «Красное знамя» Ю.И. Гришаев опубликовал большую статью «Отчуждение», в которой поставил под сомнение легитимность существующего политического строя, который, по мнению автора, сформировался в «сталинские времена» «путем насилия и лжи»⁴⁴.

Критика перестроечного курса с технократических позиций обуславливалась объективными экономическими процессами. Уже в 1987 г. проявились первые симптомы экономического кризиса, выразившиеся в легализации «теневой экономики» через кооперативное движение, создание для предприятий губительной ситуации «без плана и без рынка», в росте необеспеченных товарной массой денежных накоплений населения, что постепенно привело к острому дефициту на потребительском рынке. В сентябре 1988 г. М.С. Горбачев в ходе поездки в Красноярск лично столкнулся с негативным отношением населения к перестройке. Люди были озабочены не только отсутствием перемен к лучшему в сфере снабжения, но и вопросом о том, куда делись товары, которые еще недавно не были дефицитом⁴⁵. Опрос хозяйственных руководителей в Новосибирске в начале 1989 г. показал, что однозначная позитивная оценка перестройки сдерживалась, в первую очередь, потому, что были очевидны противоречия между ее культурными и политическими достижениями и отсутствием реальных результатов в области экономики. Руководители предприятий жестко критиковали отсутствие планов экономической реформы, начавшуюся «чехарду с ценами»⁴⁶.

Экономические проблемы оказывали большое влияние на отношение населения к органам власти и проводимому КПСС политическому курсу, поскольку в 1985–1986 гг. партия взяла на себя большие социальные обязательства, повысив позитивные ожидания населения. По прошествии трех лет перестройки многие из них так и не начали выполняться. Кредит доверия власти, который одновременно подрывался гласностью, стал уменьшаться. На настроения членов партии и особенно профессиональных партийных работников социально-экономические проблемы также оказывали сильное негативное влияние, так как они непосредственно сталкивались с критикой населения по поводу не выполненных партией обещаний. Кроме того, будучи по своей сути технократами (в Западной Сибири две трети руководящих партийных кадров были специалистами народного хозяйства), они не видели особой ценности в ду-

ховно-политических изменениях, а были нацелены на решение конкретных хозяйственных задач. Смещение акцентов перестройки с экономической на политическую область воспринималось ими негативно.

Рост социально-политического недовольства среди коммунистов отразила динамика численности партии. Количество принятых в КПСС в 1988 г. составило 522,9 тыс. человек, что было на 13,8 % меньше, чем в предыдущем году. Но самым существенным было то, что в 1988 г. – впервые после 1921 г. – большое количество коммунистов добровольно вышло из рядов КПСС. Их насчитывалось примерно 18 тыс. человек, что было в пять раз больше выбывших из партии в 1985 году⁴⁷. В парторганизациях Западной Сибири также наблюдалось значительное снижение темпов роста численности. За 1988 г. количество коммунистов увеличилось всего на 2,2 тыс. человек, что было в 5,3 раз меньше, чем за 1987 г. В Западной Сибири в 1988 г. из партии вышло около двух тысяч человек, что было в десять раз больше, чем в предыдущем году⁴⁸.

В 1989 г. негативные политические настроения как в обществе, так и внутри партии значительно усилились. Политический курс руководства КПСС стал сильнее подвергаться критике со стороны различных политических течений. Западная Сибирь не осталась в стороне от этих процессов. Более того, политическая напряженность на этой территории была заметно выше. В трех регионах – Кемеровской, Томской и Тюменской областях – первые секретари обкомов А.Г. Мельников, Г.П. Богомяков и В.И. Зоркальцев не смогли выиграть выборы народных депутатов СССР, прошедшие в марте 1989 г. Это серьезно подорвало авторитет областного партийного руководства среди местных коммунистов. В итоге Г.П. Богомяков в январе 1990 г. был вынужден уйти с поста первого секретаря, В.И. Зоркальцев не стал выставлять свою кандидатуру на выборах первого секретаря Томского обкома в июне 1990 г. Партийную карьеру смог продолжить только А.Г. Мельников, избранный в сентябре 1990 г. секретарем ЦК КП РСФСР.

В Кузбассе летом 1989 г. политическую обстановку дестабилизировали протестные выступления шахтеров, в результате которых забастовали рабочие практически всех угольных бассейнов страны. В забастовках шахтеров Кузбасса приняли участие около двухсот членов КПСС, продемонстрировав солидарность со своими коллегами и друзьями в пику политической лояльности. Кроме того, те коммунисты, которые открыто не заявляли о своей поддержке шахтерского движения, стали выходить из партии. По абсолютному и относительному количеству вышедших из КПСС Кемеровская областная парторганизация лидировала среди других парторганизаций Западной Сибири⁴⁹.

В 1989 г. возникшие в партии течения начали институализироваться. В ходе работы Московского партийного клуба, в котором принимали участие и представители Западной Сибири А.В. Минжуренко и С.С. Сулакшин, образовалась группа, ставшая основой наиболее влиятельного течения в партии, – «Демократическая платформа в КПСС» («Демплатформа»). В регионах стали создаваться партийные клубы, объединившие сторонников «Демплатформы». В Томске в начале осени 1989 г. по инициативе народного депутата СССР С.С. Сулакшина, был сформирован партийный клуб «Коммунисты за перестройку». В Омске клуб с таким же названием возглавил народный депутат СССР А.В. Минжуренко. В начале 1990 г. аналогичные клубы были созданы в Новосибирске и Барнауле⁵⁰.

Идеологи «Демплатформы» выработали оригинальный подход к истории советского социализма и путям реформирования общественно-политической системы. Коммунистическая перспектива ими полностью отвергалась как утопия. Представители «Демплатформы» были сторонниками рыночной экономики. Они предлагали не просто реформировать КПСС, а полностью демонтировать «тоталитарный тип партии», создав принципиально новую общественно-политическую организацию парламентского типа⁵¹.

В Западной Сибири влияние «Демплатформы» особенно ощущалась в Омске и Томске, так как в этих городах «Демплатформу» представляли яркие лидеры – народные депутаты СССР А.В. Минжуренко и С. С. Сулакшин. Проведенное Омским обкомом КПСС социологическое исследование весной 1990 г. показало, что «Демплатформу» поддерживало 11 % членов партии⁵². Руководство КПСС серьезно относилось к росту поддержки «Демплатформы» в партийных и общественных кругах. В марте 1990 г. Политбюро ЦК КПСС приняло решение об идейном и организационном размежевании со сторонниками «Демплатформы»⁵³. Затем 11 апреля 1990 г. газеты распространили Открытое письмо ЦК КПСС «За консолидацию на принципиальной основе». Этот документ осуждал проявление раскола и содержал жесткую критику, направленную в адрес «Демплатформы»⁵⁴.

После выборов народных депутатов СССР также довольно быстро оформилось консервативное идейно-политическое течение в КПСС. В Москве 18–19 мая 1989 г. прошла учредительная конференция Всесоюзного общества «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы» («Единство»). Одним из его лидеров стала Н.А. Андреева, письмо которой «Не могу поступаться принципами» стало основой идеологии партийных консерваторов.

В Западной Сибири заметных в публичном пространстве сторонников «Единства» не было. Однако партийные работники использовали риторику этого движения, особенно в плане критики действий высшего партийного руководства. После выборов народных депутатов СССР на различных партийных форумах секретари партийных комитетов начали констатировать наличие глубокого кризиса в партии и негативно высказывались на партийных форумах в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС. Особенно раздражала партийных работников кампания «очернительства» партии, «смакование» публицистами различных льгот и привилегий номенклатуры⁵⁵.

К началу 1990 г. у коммунистов Западной Сибири созрело разочарование в перестройке, что проявилось в публичном выражении претензий по поводу ее замысла и реализации. Члены партии заявляли, что, объявив перестройку, партия взялась за нее без подготовки, не имея четкой программы. По этой причине, считали коммунисты, произошло «забальтывание» преобразований, породившее недоверие к КПСС. Люди, остро ощущая нарастание экономических трудностей, с глубоким раздражением воспринимали политическое противоборство, которое, как они думали, мешало органам власти сосредоточиться на решении конкретных проблем⁵⁶. Распространение этих мнений среди членов партии свидетельствовало о сужении поддержки Генерального секретаря ЦК КПСС в партии и росте недоверия к союзному центру в целом.

В этих условиях М.С. Горбачев стремился удержать единство партии, что было залогом сохранения его политического лидерства. В 1990 г. политическая тактика и риторика Генерального секретаря ЦК КПСС стали носить компромиссный характер. Он стал лавировать между радикальным и консервативным течениями внутри партии, что ярко продемонстрировал очередной XXVIII съезд КПСС, состоявшийся 2–13 июля 1990 г. Члены КПСС ждали от партийного съезда того, что он «расставит все на свои места», даст ответы на мучившие людей общественно-политические вопросы. Однако решения съезда были расплывчатыми и туманными. Они апеллировали к абстрактному гуманизму и общечеловеческим ценностям. Ценой, заплаченной за компромисс между партийными группировками, стала утрата КПСС и М.С. Горбачевым политической инициативы.

Проведенные после съезда опросы общественного мнения среди коммунистов Западной Сибири, выступления на пленумах партийных комитетов свидетельствуют о разочаровании членов партии итогами этого партийного форума. Члены партии отмечали, что на съезде не были четко обозначены пути выхода из кризиса. КПСС, нуждавшаяся в

определении своего места и роли в новой политической системе, не получила конкретной программы⁵⁷. Лидеры «Демплатформы», разочарованные итогами XXVIII съезда, последовали примеру Б.Н. Ельцина, который положил партийный билет на трибуну общепартийного форума. Они вышли из партии и включились в создание «Республиканской партии России». В Новосибирской области в этом процессе участвовал народный депутат РСФСР Н.В. Богаенко, в Омской области – народный депутат СССР А.В. Минжуренко, в Томской области – народный депутат СССР С.С. Сулакшин⁵⁸.

После съезда выход из рядов КПСС резко усилился. В Новосибирской области в первой половине 1990 г. из партии добровольно вышло 5,2 тыс. членов, а во второй – 24,1 тыс. человек. В Кемеровской области за первое полугодие 1990 г. покинули ряды КПСС 14,5 тыс. человек, а за второе – 43,9 тыс. человек. В общей сложности количество коммунистов в парторганизациях Западной Сибири за 1990 г. уменьшилось на 226,2 тыс. человек (на 24,2 %) ⁵⁹. В свою очередь в течение этого года общая численность КПСС уменьшилась с 19,2 млн человек до 16,5 млн человек (на 14,1 %) ⁶⁰.

Выход коммунистов из партии обуславливался тем, что КПСС была подвергнута жесткой критике, а ее прошлое, идеалы и ценности были дискредитированы. Кроме того, партия, взявшись за осуществление программы качественного улучшения социально-экономической сферы, не смогла справиться с множеством поставленных задач. Напротив, уровень жизни населения в конце 1980 – начале 1990-х годов заметно снизился, что существенно подорвало авторитет КПСС.

Все эти общие процессы имели определенное региональное измерение. В Западной Сибири партийные ряды таяли стремительнее, чем в КПСС в целом. За 1989–1990 гг. численность парторганизаций Западной Сибири уменьшилась на 26,15 %, тогда как КПСС в целом – на 15,39 %. Причем наибольшее сокращение количества членов наблюдалось в Кемеровской, Томской и Тюменской областных парторганизациях, так как в этих регионах социально-политический кризис принял наиболее острые формы ⁶¹.

Особая ситуация сложилась в Кемеровской области, где началось мощное рабочее движение, значительно дестабилизировавшее политическую обстановку. В Томске наблюдалась высокая активность политизированных неформальных организаций. В этом городе демократические инициативы и политизированные неформальные движения получили широкую социальную базу, так как в нем проживало большое количество научной и преподавательской интеллигенции, аспирантов и сту-

дентов. Наряду с этим в Томской и Тюменской областях наиболее остро проявились диспропорции между темпами развития промышленного производства и социально-культурной сферой. В Тюменской области вследствие активного развития нефтегазовой отрасли быстрыми темпами росла численность экономически активного населения. Только с 1980 г. по 1985 г. количество занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих в Тюменской области увеличилась на 33,1 %, тогда как в других регионах Западной Сибири рост не превышал пяти процентов. Стремительное увеличение населения в северных территориях в 1980-е годы обострило социальные проблемы, связанные с обеспечением населения жильем, детскими садами, школами, объектами здравоохранения и другими элементами социальной инфраструктуры⁶².

При этом изменение системы экономических отношений в годы перестройки создало новые проблемы в этих регионах. Замена жесткого порядка планирования госзаказом поставила нефтегазовую отрасль, а также лесозаготовителей, которые играли существенную роль в экономике Томской области, в неравное положение. На предприятиях этих комплексов госзаказ составил почти 100 %. Свою продукцию они продавали по твердым государственным ценам, а значительную часть техники и оборудования вынуждены были покупать по договорным⁶³. Трудовые коллективы были недовольны такой системой, так как лишались средств не только для улучшения условий своего труда, но и для социального обустройства и улучшения снабжения товарами⁶⁴. Например, на пленуме Тюменского обкома 18 января 1990 г. оператор по добыче нефти и газа объединения «Надымгазпром», член обкома В.В. Гринев так охарактеризовал отношение «трудящихся» к политике КПСС: «У нас на работе нет ни одного дня, чтобы в адрес партии не слышать массу самых неприятных слов, вплоть до утверждения, что вас, коммунистов, ждет румынский вариант»⁶⁵.

Во второй половине 1990 г. критика и различные обвинения в адрес М.С. Горбачева и Политбюро ЦК КПСС стали распространенным явлением на пленумах партийных комитетов. Руководящие партийные работники стали открыто заявлять о своем недоверии М.С. Горбачеву. В Западной Сибири наиболее громким среди подобных выступлений стала публикация 14 ноября 1990 г. в «Омской правде» открытого письма Генеральному секретарю ЦК КПСС от первого секретаря Омского обкома И.А. Назарова. В письме он заявил, что партия «искусственно» была поставлена в рамки консервативной политической структуры, стала объектом необоснованной критики, шельмования. Полити-

ка М.С. Горбачева квалифицировалась им как непоследовательная и ведущая к развалу СССР, дестабилизации общества⁶⁶.

Взгляды И.А. Назарова разделяли многие руководящие партийные работники. Недоверие к руководителю партии среди региональной партийной элиты постепенно нарастало и, в конечном итоге, вылилось в требование его отставки на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КПСС 24 апреля 1991 г. Одним из активных сторонников отставки М.С. Горбачева был первый секретарь Кемеровского обкома КПСС А.М. Зайцев. На апрельском пленуме он первый выступил с требованием ухода М.С. Горбачева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. Однако пленум все же подавляющим большинством голосов отклонил заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, предложившего рассмотреть этот вопрос⁶⁷.

Рост недовольства среди партийной номенклатуры помимо антикоммунистической «истерии» в СМИ подогревался тем, что КПСС стремительно теряла власть. Ведущая политическая роль партийных комитетов была подорвана решениями XXVIII съезда, который высказался за переход к регулируемому рынку и, соответственно, за уход партии от управления экономикой. Одновременно съезд вынес решение о ликвидации номенклатуры кадров и за сохранение за аппаратом партийных комитетов только информационно-аналитических, прогнозно-социологических и консультативных функций⁶⁸.

Таким образом, в течение 1990 г. в политических настроениях коммунистов Западной Сибири произошел перелом. Около четверти членов партии, разочаровавшись в ее политике и идеалах, вышли из ее рядов. В свою очередь в парторганизациях началась консолидация консервативно настроенных коммунистов, которые были недовольны партийным руководством, однако не имели смелого лидера, который мог бы их возглавить.

В целом же настроения в парторганизациях Западной Сибири характеризовались нарастанием алармизма. На пленумах секретари партийных комитетов Западной Сибири констатировали, что парторганизации, не зная четких целей перестройки, так и не нашли своей новой роли, не разработали эффективных методов влияния на решение социально-экономических вопросов, пасовали перед необъективной критикой и нападками на КПСС, не проявляли инициативы. Распространенным было утверждение, что партия теряет власть, которая перемещается в Советы народных депутатов⁶⁹. Отмечалось, что отдельные попытки реформировать КПСС оказались неэффективными, что партия все больше превращается в дискуссионный клуб, что ее раздирают на части внутренние противоречия⁷⁰. Секретари партийных комитетов не стеснялись говорить о том, что «если так пойдет и дальше», то партии грозит «полный крах»⁷¹.

Для роста алармистских настроений в среде членов КПСС были объективные основания. В 1991 г. политико-юридическое положение КПСС на территории РСФСР стремительно ухудшалось. Парторганизации не могли противодействовать политике президента РСФСР Б.Н. Ельцина по департизации органов государственной власти, которая вела к окончательному упразднению особого статуса коммунистических структур в политической системе. Партийные ряды продолжали стремительно сокращаться, парторганизации становились неуправляемыми. Распространенным явлением стали случаи, когда в течение нескольких месяцев первичные парторганизации не проводили собрания. Около половины членов партии не участвовали в деятельности своих организаций и вели себя политически пассивно⁷². Все это происходило на фоне увеличения политической нестабильности. В ходе подготовки нового Союзного договора нарастала конфронтация в высшем государственном руководстве, что в итоге привело к августовскому политическому кризису.

Реакция парторганизаций Западной Сибири на события путча ГКЧП принципиально не отличалась от реакции других парторганизаций. Секретари партийных комитетов КПСС Западной Сибири, как и большинство их коллег, заняли выжидательную, внешне нейтральную позицию. Внеочередные пленумы партийных комитетов по обсуждению сложившейся ситуации не собирались, а те, которые проходили в дни путча (как, например, пленум Тюменского горкома КПСС), не стали давать оценок событиям в столице⁷³. Подавляющее большинство рядовых коммунистов также не стремилось публично выразить свое отношение к ГКЧП и действиям президента РСФСР. Тем не менее, ряд заявлений коммунистов, факты выявленные органами прокуратуры и социологические опросы, проведенные в дни путча, показывают, что большинство партийных работников Западной Сибири поддерживали ГКЧП, хотя и понимали противозаконность действий путчистов. Только небольшая часть коммунистов оценивала действия ГКЧП резко отрицательно. Однако ни та, ни другая группа, как и большинство членов партии, не предприняла активных действий. В этом их реакция не отличалась от позиции обычных граждан, которые боялись дестабилизации политической обстановки, репрессий и поэтому опасались огласить свое мнение и тем более открыто выступить на стороне той или иной силы⁷⁴. В итоге стремительные действия руководства РСФСР по дезавуированию политического противника и последовавшая затем жесткая критика КПСС в СМИ предопределили ее будущее. Объявленная Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина 23 августа 1991 г. приостановка дея-

тельности структур коммунистической партии на территории РСФСР не встретила сопротивления коммунистов Западной Сибири.

Проделанный анализ позволяет сделать вывод, что основными факторами развития идейно-политических процессов в парторганизациях Западной Сибири были решения центральных партийных форумов, выступления и публикации Генерального секретаря ЦК КПСС. Только с 1989 г. на политическую ситуацию в парторганизациях начали оказывать заметное влияние местные социально-политические условия. Среди них в первую очередь необходимо выделить мощное рабочее движение Кузбасса и недовольство жителей северных регионов качеством жизни, не соответствующим высокой экономической роли этой территории.

Коммунисты Западной Сибири первоначально поддержали курс на перестройку, который был нацелен на решение социально-экономических проблем. Консолидация партийных масс вокруг нового курса сохранялась три года: с 1985 по 1987 г. Поворот политики в сторону демократизации и десталинизации, явно обозначившийся к концу 1987 г., дал толчок идейно-политическому размежеванию в парторганизациях Западной Сибири. Шаги по демократизации политической системы негативно воспринимались руководящими партийными работниками, поскольку это напрямую угрожало их положению. Проводником демократизации в парторганизациях Западной Сибири стала «партийная интеллигенция»: преподаватели вузов, научные сотрудники, представители творческих профессий. Однако степень размежевания в партийной среде не стоит переоценивать. Образовавшиеся в КПСС течения консервативного и радикально-реформистского толка имели мало активных сторонников в парторганизациях Западной Сибири. Основная партийная масса оставалась лояльной курсу до тех пор, пока сохранялась социально-экономическая и политическая стабильность. Утрата партией контроля за политической и экономической ситуацией изменила позицию ее членов. Как может показаться на первый взгляд, в 1989–1991 гг. значительная часть «партийцев» перешла на антикоммунистические позиции, покинув ряды КПСС. В свою очередь в парторганизациях активизировались консерваторы. Эти процессы развивались, но они не являлись ключевым политическим трендом. В условиях глубокой трансформации режима большинство коммунистов проявило феноменальные адаптивные способности *Homo Sovieticus*. Они политически мимикрировали. Поэтому члены КПСС заняли выжидательную позицию в дни путча ГКЧП, а после приостановки деятельности партии на территории РСФСР не стали ее защищать.

- ¹ *Сергеев А.Г.* КПСС: роль и место в перестройке. М., 1989; Судьбы партии: проблемы, перспективы, прогнозы. М., 1990; Через тернии. М., 1990; *Куприянов Н.* Скоро ли развалится КПСС? М., 1990; *Евлахов А.А.* Кризис КПСС: истоки и уроки. М., 1991; КПСС: проблемы обновления. Сост. М. Алисов, А. Анохин, П. Бурмистров. М., 1991; *Hill R.J.* Gorbachev and CPSU // *The Journal of Communist Studies.* 1988. Vol. 4. № 4. P. 18–34; *Sakwa R.* Soviet Politic: An Introduction. London, New York, 1989. P. 125–150.
- ² Томская область: исторический очерк. Томск, 1994. С. 617–618, 629–630; *Лопатин Л.Н.* Кризис в Кемеровской областной партийной организации на фоне рабочего движения (1989–1991 гг.) // Из прошлого Сибири. Межвузовский сб. науч. трудов. Новосибирск, 1996. Вып. 2, Ч. 2. С. 180–189; *Мордвинцева С.А.* К вопросу о причинах кризисных явлений в КПСС в конце 80-х – начале 90-х гг. (по материалам Новосибирской и Омской областей) // По страницам российской истории: Сб. статей. Омск, 1996. С. 91–97.
- ³ *Волгин Е.И.* Эволюция КПСС в 1985–1991 гг. (историко-политологическое исследование). Дис. ... канд. полит. наук. М., 2000; *Лапин А.А.* Идеино-политическое размежевание и формирование оппозиционных течений в КПСС в 1988–1991 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- ⁴ *Новиков С.В.* Политические партии, общественно-политические движения, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимодействия. (1988–1996 гг.). Омск, 2002; *Осинов А.Г., Козодой В.И.* Политический спектр (формирование многопартийности в Западной Сибири 1986–1996). Новосибирск, 2003; *Козодой В.И.* Формирование многопартийности в Сибири. 1985–1996 гг. Новосибирск, 2004. *Козодой В.И.* Сибирский разлом. Общественно-политическая жизнь Сибири: 1985–1996 гг. Новосибирск, 2011; *Величко С.А.* Общественно-политическая жизнь Сибири (1985–1991 гг.). Омск, 2004; *Казьмин В.Н.* Идеино-политическая борьба в регионах России. 1971–1991 гг. (на примере Западной Сибири). Кемерово, 2009; *Сердюков Д.В.* Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы в 1985–1991 гг.: региональный аспект (на материалах ХМАО). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. *Котляров М.В.* Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.
- ⁵ См.: *Бюффа Дж.* От СССР к России. С. 62, 80; *Верт Н.* История советского государства. 1990–1991. М., 1992. С. 440; *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам СССР в 1917–1985 гг. М., 2000. С. 423; *Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г.* Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. М., 2005. С. 88–96; *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2007. С. 190–196, 214–233; *Полынов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940–первая половина 1980-х гг. СПб., 2010. С. 302–335.
- ⁶ *Полынов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки ... С. 303
- ⁷ *Лебедев С.В.* Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007. С. 271–272.
- ⁸ Идеологическая работа КПСС в условиях перестройки: Учеб. пособие для университетов марксизма-ленинизма. М., 1988. С. 59–61.
- ⁹ *Андропов Ю. В.* Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. М., 1983. № 3. С. 20.
- ¹⁰ *Котляров М.В.* Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири ... С. 137–139.
- ¹¹ См.: *Дягилев В.М.* Размышляя о прошлом, извлекай уроки на будущее // Давайте вспомним. Сб. статей. Томск, 1997. Вып. 2. С. 72; *Похитайло Е.Д.* Край мой сибирский. Омск, 1998. С. 156; *Казарезов В.В.* Ветер с полудня: трилогия. Новосибирск, 2002. С. 294–295; *Манякин С.И.* Сибирь далекая и близкая. М., 2003. С. 402; *Дорофеев П.М.* Во власти долга: Воспоминания, статьи, очерки, штрихи (1995–2005 гг.). Кемерово, 2005. С. 153.
- ¹² *Манякин С.И.* Сибирь далекая и близкая. С. 402.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Филатов А.П.* Жили – прожили мы не зря. Новосибирск, 2005. С. 182.
- ¹⁵ Политические процессы в условиях перестройки. М., 1991. Вып. 1. С. 11.

- ¹⁶ О проектах новой редакции Программы КПСС, изменений в Уставе КПСС, основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года. (Доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 октября 1985 г.) // Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 6–7.
- ¹⁷ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 28. Л. 6.
- ¹⁸ РГАНИ. Ф. 77. Оп. 5. Д. 5. Л. 37.
- ¹⁹ См. отчеты о численности и составе партийных организаций в ЦХАФ АК, ГАКО, ГАНО, ЦДНИОО, ЦДНИТО, ГАСПИТО.
- ²⁰ Правда. 1986. 6 ноября.
- ²¹ *Кужанова Н.В.* Социально-бытовая инфраструктура Сибири (1956–1980 гг.). Новосибирск, 1993; Она же. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е годы. Новосибирск, 1994.
- ²² См: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
- ²³ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 5765. Л. 166–167.
- ²⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 102. Д. 186. Л. 116.
- ²⁵ *Горбачев М.С.* Перестройка неотложна, она касается всех и во всем. (Речь на совещании актива Хабаровской краевой партийной организации 31 июля 1986 г.) // *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. С. 40, 50; *Горбачев М.С.* Углублять перестройку, прибавить в работе. (Речь на встрече с партийным активом Краснодарского края 18 сентября 1986 г.) // Избранные речи... С. 100.
- ²⁶ *Медведев Р.А.* Книга о социалистической демократии. Амстердам – Париж, 1972. С. 63.
- ²⁷ *Польнов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки ... С. 326.
- ²⁸ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 28. Д. 88. Л. 71.
- ²⁹ *Ковалев Ю. А.* «Негатив» в прессе и «эффект бумеранга» // Социологические исследования. М., 1987. № 5. С. 80–81.
- ³⁰ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 6140. Л. 53.
- ³¹ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 6373. Л. 4.
- ³² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 108. Д. 119. Л. 5–6.
- ³³ Октябрь и перестройка: революция продолжается (Доклад на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 г.) // *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5. С. 400–402.
- ³⁴ Советская Россия. 1988. 13 марта.
- ³⁵ Правда. 1988. 5 апреля и 4 мая.
- ³⁶ Омская правда. 1988. 15 марта.
- ³⁷ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 6685. Л. 6–7.
- ³⁸ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 6677. Л. 12.
- ³⁹ *Величко С.А.* Общественно-политическая жизнь ... С. 62–63.
- ⁴⁰ *Осипов А.Г., Козодой В. И.* Политический спектр ... С. 33.
- ⁴¹ Правда. 1988. 24 и 27 мая.
- ⁴² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 108. Д. 119. Л. 35–66; Красное знамя. 1988. 10 мая.
- ⁴³ *Горбачев М.С.* Понять перестройку ... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 166.
- ⁴⁴ Красное знамя. 1988. 26 июня.
- ⁴⁵ *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М., 1996. Кн. 1. С. 407.
- ⁴⁶ Советская Сибирь. 1989. 21 февраля.
- ⁴⁷ *Волгин В.И.* Эволюция КПСС ... С. 68–69.
- ⁴⁸ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 7582. Л. 1; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 84. Л. 16; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 158. Д. 930. Л. 10; ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 151. Д. 59. Л. 24.
- ⁴⁹ *Котляров М.В.* Динамика численности и состава организаций КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985 – первая половина 1991 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. ст. Новосибирск. С. 272.

- ⁵⁰ *Осинов А.Г.*, Козодой В. И. Политический спектр ... С. 40.
- ⁵¹ *Волгин Е.И.* Эволюция КПСС ... С. 128.
- ⁵² *Величко С.А.* Общественно-политическая жизнь ... С. 190.
- ⁵³ *Волгин Е.И.* Эволюция КПСС ... С. 130.
- ⁵⁴ Правда. 1990. 11 апреля
- ⁵⁵ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 151. Д. 29. Л. 26.
- ⁵⁶ Красное знамя. 1990. 18 марта.
- ⁵⁷ См., например: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 435. Л. 1–2.
- ⁵⁸ *Козодой В.И.* Сибирский разлом ... С. 105–107.
- ⁵⁹ *Котляров М.В.* Динамика численности и состава организаций КПСС Западной Сибири ... С. 275.
- ⁶⁰ *Волгин Е.И.* Эволюция КПСС ... С. 151.
- ⁶¹ *Котляров М.В.* Динамика численности и состава организаций КПСС Западной Сибири ... С. 275.
- ⁶² *Сердюков Д.В.* Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы ... С. 15–16.
- ⁶³ Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 605–630.
- ⁶⁴ *Коновалов А.Б.* Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006. С. 234–235.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 159. Д. 1069. Л. 65.
- ⁶⁶ Омская правда. 1990. 14 ноября
- ⁶⁷ Выступление А.М. Зайцева на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КПСС 24 апреля 1991 г. см.: Кузбасс. 1991. 30 апреля
- ⁶⁸ Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 86–88, 94–95, 113.
- ⁶⁹ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 152. Д. 2. Л. 8–13.
- ⁷⁰ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 7854. Л. 5.
- ⁷¹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 72. Д. 4. Л. 3–4.
- ⁷² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 459. Л. 29; ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 8072. Л. 1–7.
- ⁷³ Тюменская правда. 1991. 20 августа.
- ⁷⁴ О реакции членов КПСС на путч ГКЧП см.: Тюменская правда. 1991. 20 августа; Советская Сибирь. 1991. 21 августа; Красное знамя. 1991. 22 и 23 августа; Молодежь Алтая. 1991. 27 и 30 августа; Звезда Алтая. 1991. 7 сентября; Демократический Омск. 1991. № 18; Народная трибуна (Томск). 1991. 4 сентября; ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 158. Д. 171. Л. 119; ГАНО. Ф. П-11972. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

Институты гражданского общества Омска в 1990-е годы

Общественное внимание к проблемам гражданского общества закономерно: именно в последние годы вопрос о роли общественных институтов как в России в целом, так и на территории Сибири в силу разных причин актуализировался. Во многом такая актуализация детерминирована тем обстоятельством, что дееспособность российского государства напрямую зависит от трех решающих факторов: интенсификации темпов экономического развития, наиболее полного раскрытия потенциала человеческой личности и ускорения создания институтов гражданского общества с передачей им части функций государства, которые оно не должно или неспособно эффективно выполнять.

Существует большое количество определений гражданского общества: «совокупность внегосударственных общественных отношений и институтов, выражающих разнообразные ценности, интересы и потребности независимых друг от друга членов общества»¹; «формирующаяся и развивающаяся в демократических государствах человеческая общность, представленная 1) сетью добровольно образовавшихся негосударственных структур (объединения, организации, ассоциации, союзы, центры, клубы, фонды и т. д.) во всех сферах жизнедеятельности общества и 2) совокупностью негосударственных отношений – экономических, политических, социальных, духовных, религиозных и других»²; «система независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей»³.

В большинстве определений преобладают следующие моменты: независимые от государства институты и отношения; выражение ценностей, интересов и потребностей свободных людей; возможность самореализации личностей и коллективов; совокупность различных общественных объединений, движений, союзов и т. п., добровольно складывающихся и независимых от государства. Можно заключить, что интегрирующим, «собирательным» образом гражданского общества является система независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей. Гражданское общество включает в себя различные группы и сообщества: семью, церковь, политические партии, профсоюзы и другие общественные организации, органы местного самоуправ-

ления, средства массовой информации и т. д.

Становление гражданского общества является составной частью общемирового процесса модернизации, перехода от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Если исходить из понятия гражданского общества в широком смысле слова, то есть как комплекса самостоятельных организаций населения помимо государства и в каких-то случаях вопреки государству, то сходные тенденции имели место как на Западе, так и на Востоке. Другое дело, что на Западе этот процесс шел более интенсивно и вылился законченными формами. Что же касается остальных обществ, то им пришлось ориентироваться на западные образцы гражданского общества, хотя зачастую эти образцы пытались привить на другую почву, им не вполне соответствовавшую, что приводило к отличающимся результатам⁴.

России достался в наследство слишком минимальный опыт в плане становления гражданского общества. К тому же гражданское общество на Западе и в России – это, во многом, различающиеся феномены: по генезису, по типу, сущности, структуре, функциям. Гражданское общество требует поддержки естественно сложившейся мультикультурности, равенства всех перед законом и индивидуальной оценки каждого по результатам социально значимой деятельности, вне зависимости от этнической, конфессиональной или гендерной принадлежности. Показательно, что такое понимание возникло в рамках идеала западного «мультикультурного общества», с одной стороны, в противовес началам эгалитаризма, с другой – принципам тотальной универсализации человеческого бытия.

Ход общественного развития в XX в. показал не только возможность, но и необходимость параллельного роста активности как государства, так и гражданского общества, усиления их взаимовлияния. Абсурдными в этой связи выглядят как рецепты полного огосударствления гражданского общества, так и рекомендации полного удаления государства из сферы гражданского общества. Сильное государство и свобода могут быть вполне совместимы. Только мощное и в то же время ответственное государство может гарантировать всю полноту прав и свобод личности. Только активные, свободные граждане могут создать по-настоящему сильную власть, не поступаясь своими правами и свободами. По мере раскрепощения личности в демократическом государстве власть крепнет, а прочная и просвещенная власть открывает новые горизонты свободы перед индивидами.

Нужно отметить ряд характерных особенностей становления гражданского общества в России. К таким особенностям, проявившимся

рельефно в последние годы, можно отнести следующие. Во-первых, некоторые элементы гражданского общества, не будучи вследствие объективных и субъективных причин продуктом своего органического развития, привносятся извне и поневоле накладываются на традиционные для страны, специфические формы исторического, национально-психологического характера⁵, отсюда появляются некие причудливые гибриды. Во-вторых, становление институтов гражданского общества в России происходило в очень сжатые исторические сроки и крайне неравномерно. К внутренним противоречиям гражданского общества как такового прибавлялись такие противоречия специфически российского свойства, как традиционализм российской ментальности⁶. В-третьих, для российского социума также весьма характерна асимметрия во взаимоотношениях между государством и гражданским обществом: государство, «обогнав» становление гражданского общества и его институтов, затем воздействует на их развитие.

Традиционно «больной» для России является проблема засилья государства и чиновничьей бюрократии. Стремление ограничить государственную власть для гражданского общества – не самоцель. Целью является стремление установить правовое государство, прочные гарантии правопорядка как предпосылок выполнения государством возложенных на него функций, когда господствуют правовые нормы, когда исчезают возможности правонарушений со стороны самих государственных институтов, когда рухнет автократический устой: «государство – источник права для подданных, но не для самого себя». Первенство права есть обуздание своеволия чиновников и олицетворяемого ими государства, когда в первую очередь власть подчиняется правовым нормам, контролируемым только гражданским обществом, его общественными организациями⁷.

Безусловно, интересы гражданского общества и государства объективно и часто не совпадают. Становление гражданского общества в России, будучи нацеленным на освоение демократического опыта Запада, возможно в то же время лишь на путях кристаллизации собственного исторического чувства и сознания. Ни в одной стране гражданское общество не утверждалось в отрыве от национально-государственных традиций⁸.

Настоящая статья посвящена специфике деятельности институтов гражданского общества города Омска в 1990-е годы – со времени распада СССР до ухода с политической арены первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина. В ней прежде всего речь пойдет об областных и региональных общественных организациях, региональных

отделениях, филиалах и представительствах общероссийских неполитических общественных и некоммерческих организаций, фондах различных организационно-правовых форм, а также региональных отделениях политических партий. История становления и трансформации институтов гражданского общества в Омской области и ее административном, политическом и культурном центре – городе Омске, несомненно, вмещающем значительную часть общественно-активных граждан региона и задающим тон для становления институтов гражданского общества во всей области, позволяет выявить специфику развития гражданского общества в России в целом.

Данные об институтах гражданского общества почерпнуты из открытых источников, опубликованных в той или иной форме самими организациями, а также из обзоров и докладов о состоянии гражданского общества в Омской области, подготовленных организационно-кадровым управлением Правительства Омской области, Координационным общественным советом при мэре города Омска, Региональным центром по связям с общественностью, а также из фондов Исторического архива Омской области и личного архива автора статьи.

Спектр разнообразных общественных и общественно-политических организаций Омска начал формироваться под влиянием тех общественных процессов в СССР, а затем и в России, которые получили название «перестройки» и «радикальной экономической реформы». Возникшие как «неформальные», т. е. не регистрировавшиеся и не признававшиеся государством организации так называемых демократов – «Омский народный фронт», «Клуб избирателей» и им подобные – с распадом СССР и началом самостоятельной общественной жизни Российской Федерации стали трансформироваться в местные отделения различных политических партий. При этом амбиции отдельных местных лидеров, популярных журналистов, народных депутатов СССР и РСФСР, представителей вузовской интеллигенции и т. п. привели к тому, что первоначально единое общественное движение, строившееся на общем неприятии всевластия КПСС и 6-й статьи Конституции СССР, стало распадаться на отдельные сегменты.

Бурному всплеску возникновения и роста разнообразных общественно-политических, культурно-просветительских и национально-культурных общественных объединений способствовало формальное разрешение их создания и регистрации согласно Закону СССР «Об общественных объединениях» 1991 г., действовавшего до принятия аналогичного закона Российской Федерации в 1995 г.

Одной из первых постсоветских политических организаций в Омске

стала так называемая «Демократическая платформа» в КПСС, возглавлявшаяся в Омске историком, доцентом педагогического института, народным депутатом СССР и членом КПСС А.В. Минжуренко. После роспуска КПСС и распада СССР «Демократическая платформа» была преобразована в «Республиканскую партию России». Аналогичное переименование претерпело и её Омское отделение. Вес этой малочисленной политической организации вырос за счет того, что А.В. Минжуренко, возглавивший в августе 1991 г. «Комитет по защите законных органов власти», стал в дальнейшем Представителем Президента РФ в Омской области, а в 1993–1995 гг. являлся депутатом Государственной думы от партии «Демократический выбор России».

Левый фланг вузовской гуманитарной интеллигенции и учащейся молодежи, которая традиционно являлась питательной средой и основным костяком любой общественно-политической организации, консолидировался вокруг народного депутата РСФСР 1990–1993 гг., члена Совета Федерации 1993–1995 гг. и депутата Госдумы РФ с 1995 гг. О.Н. Смолина. Примыкавшие к нему сторонники создали так называемую «левую социал-демократическую» платформу, так и не трансформировавшуюся в отделение какой-либо федеральной партии. Тем не менее, длительное дистанцирование О.Н. Смолина от КПРФ, закончившееся только с отменой мажоритарных округов на выборах 2007 г., также свидетельствует о постепенном складывании «протопартийной» структуры.

Противоположный фланг общественно-политических организаций представляло региональное отделение Либерально-демократической партии России В.В. Жириновского, также одного из первых политических объединений, организационно оформившегося в Омске. Возглавлявшееся сначала Е.Д. Рохиным, а затем В.П. Росинским, оно изначально строилось на всемерном подражании своему оригинальному во всех отношениях лидеру. Основной номенклатурный состав организации составляли помощники депутатов фракции ЛДПР, собранные, как и сама фракция, «с бору по сосенке». Тем не менее, к числу их важных и интересных инициатив можно отнести создание и деятельность при отделении партии политического клуба «Либерал», возглавлявшегося В.Н. Панасенковым. Клуб проводил еженедельные заседания, на которых обсуждались животрепещущие политические проблемы, а также выпускал одноименную газету-листочку тиражом 999 экз. Всего вышло 12 номеров этого издания.

Для 1990-х годов была очень характерна клубная форма работы общественно-политических организаций. Поскольку у основной части общественно активного населения Омска, к которому прежде всего

относились вузовская интеллигенция, учащаяся молодёжь, инженерно-технические работники и рабочие оборонных заводов, уже испытывавшие серьёзные экономические трудности, а также пенсионеры, существовало стойкое неприятие членства в какой-либо партии и участия в работе партийных структур из-за 70-летней монополии на власть КПСС, то зачастую общественно-политическая организация вырастала из «политического клуба» по интересам.

Так, при демократических организациях «Омского народного фронта» существовал Омский клуб избирателей, консолидировавшийся на митингах 1988–1991 гг. и затем перешедший «под крышу» (в том числе и в буквальном смысле слова, чтобы не мёрзнуть на улице) Общественно-политического центра (ОПЦ)⁹. Во главе «Клуба избирателей» стояли лидеры демократов, в том числе Юрий Ермаков. Важную роль в организации общественных мероприятий в Омске в 1992–1993 гг. играл так называемый «Общественный комитет российских реформ», возглавлявшийся математиком из ОмГУ, безвременно погибшим Б.С. Сушниковым. Знаковым мероприятием комитета стало проведение осенью 1992 г. всё в том же ОПЦ «Областного форума сторонников реформ» с приглашением московских лидеров «Демократической России», народных депутатов РСФСР Л. Пономарёва, отца Глеба (Якунина) и других.

Подобной же клубной организацией, активно действовавшей в 1993–2000 гг., стало созданное будущим известным омским «политтехнологом» А.Т. Цалко Омское областное общественное объединение «Омский гражданский клуб». Объединение было создано 1 октября 1992 г. с целью объединения свободных личностей во имя экономического и духовного возрождения общества, защиты и реализации гражданских прав и свобод. «Гражданский клуб» был зарегистрирован в управлении юстиции по Омской области 9 декабря 1992 года¹⁰.

«Омский гражданский клуб», собиравшийся еженедельно на свои заседания в ОПЦ, обсуждал самые разнообразные политические и общественные проблемы. Основным костяком организации были 20–25 человек: инженерно-технические работники, пенсионеры, учащаяся молодёжь. В первые годы его существования заседания клуба посещали достаточно крупные фигуры, представлявшие самые разные общественные силы: народный депутат СССР А.И. Казанник, будущий депутат Законодательного собрания М.И. Машкарин (одно время – главный редактор омской коммунистической газеты «Красный путь»), упоминавшийся выше В.Н. Панасенков, представители местного самоуправления, депутаты горсовета.

Одной из основных форм деятельности «Омского гражданского клу-

ба» традиционно были встречи избирателей с депутатами всех уровней, а также с кандидатами в депутаты во время выборов, в том числе с кандидатами на посты высших должностных лиц Омска и области. На печатной машинке, а затем и на матричном принтере размножались так называемые «Листки “Омского гражданского клуба”» (всего их выпущено было более ста) тиражом 20–30 экземпляров, в которых публиковались выдержки из обсуждения различных вопросов, результаты собственных «социологических опросов», обращения и предложения в органы власти и местного самоуправления. «Листок» силами членов «Омского гражданского клуба» распространялся среди других организаций, в государственных учреждениях и органах власти, которые в 1990-е годы были, не в пример сегодняшнему дню, более доступны для рядового гражданина «с улицы» и живо, хотя и не всегда искренне, откликались на многочисленные предложения общественности.

Участниками проведенных «Клубом» мероприятий были лидеры практически всех общественно-политических объединений, действовавших на территории Омской области, представители власти, местного самоуправления, СМИ. В процессе обсуждений на «круглых столах», дискуссиях, рабочих заседаниях и т. д. за четыре года было выработано и принято около 100 различных документов (обращений, заявлений, резолюций), направленных в органы власти и управления местного и федерального уровня. Члены «Клуба» принимали участие в съездах, конгрессах, конференциях, семинарах федерального и местного уровня, в спортивных, культурных и других мероприятиях, а также в разработке альтернативных проектов региональных законов, в том числе «О выборах депутатов Законодательного собрания Омской области»; «О местном самоуправлении в Омской области»; «О выборах органов местного самоуправления в Омской области»; Устава города Омска; Устава местного самоуправления города Омска; «О государственной службе Омской области»; «О регулировании земельных отношений на территории Омской области». Информационно-аналитическая группа «Клуба» провела 24 опроса населения. По инициативе членов «Клуба» и на его базе было создано четыре общественные организации: Народная свободная академия (1993 г.), Омский рабочий клуб (1994 г.), Комитет по правам человека (1995 г.) и Общественный совет (1996 г.)¹¹.

13 ноября 1997 г. состоялось заседание Совета «Омского гражданского клуба», на котором был создан оргкомитет по подготовке и проведению в Омске конференции представителей общественных организаций по вопросу об учреждении должности Уполномоченного по правам человека по Омской области и разработке проекта Закона о его

функциях. Собственно конференция состоялась 10 декабря 1997 г., в Международный день прав человека. В условиях, когда официальные власти не спешили вводить должность уполномоченного по правам человека, предстоящая конференция, по замыслу ее организаторов, должна была подтолкнуть руководство области к этому шагу¹².

22 марта 1998 г. «Клуб» принял участие в выборах депутатов Законодательного собрания Омской области и Омского городского Совета. По Центральному избирательному округу № 10 кандидатом в депутаты Омского городского совета от «Гражданского клуба» выдвигался историк А.П. Сорокин¹³.

Когда в 1999 г. резко обострилась ситуация на муниципальном транспорте Омска, на общем собрании «Гражданского клуба» 10 июня 1999 г. было принято обращение к депутатам городского Совета и в Государственную думу РФ с требованием принять меры во избежание дальнейшего обострения ситуации и разумного использования скудных государственных ресурсов. В первую очередь в обращении предлагалось упорядочить льготы в целях обеспечения действительно нуждающихся (инвалидов, пенсионеров, многодетных, безработных, инвалидов Великой Отечественной войны и др.), а также аннулировать льготы работников всех силовых ведомств, депутатов всех уровней и их помощников, служащих администраций и государственных органов¹⁴. 24 июля 2000 г. «Гражданский клуб» был перерегистрирован по новому уставу и возобновил работу как Омская областная общественная организация, которая главным образом ведет работу по изучению общественного мнения омичей.

1992–1993 гг. характеризовались противостоянием Президента РФ и Государственной думы, что в миниатюре воспроизводилось и в провинции. Важной вехой, определившей размежевание общественно-политических организаций Омска, стал конституционный кризис осени 1993 г. и последовавший за ним референдум, а также выборы в Совет Федерации и в Государственную думу 12 декабря 1993 г. Именно после этих выборов наиболее весомыми общественно-политическими организациями области стали главным образом местные отделения политических партий, прошедших в Государственную думу: КПРФ, «Демократический выбор России» (ДВР, партия Е.Т. Гайдара), «Яблоко» (Г.А. Явлинский), ДПР (Н.И. Травкин), ЛДПР (В.В. Жириновский). Этот процесс нашел свое завершение на выборах 17 декабря 1995 г., когда в Государственную думу второго созыва из 43-х всероссийских политических организаций прошли только «партия власти»: «Наш дом – Россия», а также КПРФ, ЛДПР, ДВР и «Яблоко» (Явлинский –

Болдырев – Лукин). В дальнейшем, вплоть до 1999 г., именно отделения партий, имевших фракцию в Госдуме, а значит – и федеральное финансирование, офисы и офисную технику, доступ к СМИ определяли общественно-политическую атмосферу Омской области.

Российская специфика породила также партии лидерского типа, создававшиеся исключительно под крупную харизматическую политическую фигуру. Особенно любопытным явлением стали партии, образовавшиеся в сибирских регионах: «Партия народной совести» А.И. Казанника (Омск, 1995) и партия генерала А.И. Лебеда (Красноярск). В условиях общественно-политического разброда и шатаний, всеобщей потери ориентиров эти партии были выгодны как «верхам», которые получали достаточно дешёвый и послушный инструмент в регионах, так и «низам», которые завоевывали «оперативный простор» для реализации своей общественной активности и получали материальное финансирование своей деятельности. В регионах среди активистов подобных общественно-политических организаций присутствовали как идеалисты, работавшие «за идею», так и ловкие дельцы, пытавшиеся посредством политической деятельности заработать капитал либо сделать карьеру. Подобного рода организации создавались и действовали в Омске в 1993–1999 гг. Более того, они сыграли довольно весомую роль в формировании общественного сознания омичей и сошли со сцены только в связи с радикальным изменением общественно-политической обстановки.

Наиболее заметными среди этих политических организаций были Социал-демократическая партия России (СДПР) (председатель О.Г. Румянцев, в Омске – А.В. Бабенко¹⁵), Свободная демократическая партия России (СвДПР) (лидер – доктор геолого-минералогических наук М.Е. Салье, ее Омское отделение возглавлял А.Т. Цалко¹⁶), Народная партия «Свободная Россия» (1992–1993 гг.), впоследствии – Движение «Держава» (1994–1995 гг.) (лидер – вице-президент РСФСР генерал А.В. Руцкой, в Омске – М.В. Каганер), избирательный блок «Гражданский союз» (1995 г.) и Российский социал-демократический союз (РСДС, 1994–1996 гг., лидеры – В.С. Липицкий, М.С. Горбачёв, в Омске – Д.Ю. Шадрин¹⁷), а также такие экзотические объединения, как «Блок независимых» (1995 г., лидеры в Москве – И.Б. Ройтман, представитель президента по Москве В.Ф. Комчатов, в Омске – Ю.Н. Чесноков, В.Н. Николюк) или «Партия народной совести» (бессменный лидер и создатель – бывший народный депутат СССР, генеральный прокурор Российской Федерации профессор ОмГУ А.И. Казанник).

В Омске сторонники генерала А.И. Лебеда в 1996 г. создали движение «Честь и Родина». Инициатор и первый руководитель омского от-

деления – полковник С. Кузьмин, соратник А.И. Лебеда по Афганистану. В движении активно участвовали военнослужащие, не имевшие права быть членами политических партий. В марте 1998 г. руководитель движения Павел Ахременко участвовал в выборах в Законодательное собрание Омской области.

Особое место среди партий, возглавлявшихся харизматическими лидерами, занимало Общероссийское молодежное политическое общественное движения «Лебедь», официально зарегистрированное Министерством юстиции Российской Федерации 20 ноября 1998 г. Учредительная конференция Омского отделения состоялась в стенах Омского областного ОПЦ 23 сентября 1998 г. Руководителем Омского регионального отделения в 1998–2004 гг. являлся А.П. Сорокин.

Движение «Лебедь» было создано как молодежный филиал народно-республиканской партии и родственного ей движения «Честь и Родина», возглавляемых губернатором Красноярского края А.И. Лебедем¹⁸. Омским региональным отделением «Лебеда» в 1999–2000 гг. осуществлялась программа по раздаче новогодних подарков детям-инвалидам и детям из малообеспеченных семей Омской области. С 1999 г. отделение начало реализацию образовательной программы «С компьютером – на ты». 23 марта 2000 г. были завершены занятия с первой группой учащихся. С июня 2000 г. по ноябрь 2002 г. компьютерный класс «Лебеда» работал на базе ОмГУ при поддержке кафедры ПРО ЭВМ и Фонда Сороса, в 2002–2003 гг. – на базе Центра дополнительного образования «Эврика», а в 2003–2004 гг. – на философском факультете ОмГПУ при поддержке Областного детско-юношеского центра. Всего в Омске по этой программе было обучено компьютерной грамотности примерно 100 учащихся¹⁹. Омское отделение «Лебеда» тесно сотрудничало также с областным научным обществом учащихся «Поиск» по реализации долгосрочной образовательной программы по работе с одаренными детьми на базе оздоровительных лагерей. В 2000 г. члены «Лебеда» принимали участие в конференции молодежных организаций, посвященной вопросам сотрудничества общественных и политических молодежных организаций и органов местного самоуправления. После гибели А.И. Лебеда 28 апреля 2002 г. деятельность Омского регионального отделения продолжалась недолго и вскоре прекратилась²⁰.

Заметную роль в общественно-политической жизни Омской области до конца 1990-х годов играл также ряд других общественных объединений. По данным управления юстиции администрации Омской области, на 1 января 1999 г. в Омской области было зарегистрировано 44 политические организации и не менее 1,5 тысяч общественных объе-

динений.

Видное место среди них занимало Омское областное отделение Союза женщин России – неправительственной организации, созданной в 1991 г. на основе добровольного объединения женских советов и других женских организаций. В 1991–1994 гг. её руководителями являлась Л.П. Одинцова, в 1994–1999 гг. – Т.А. Наумова. Основная цель организации заключалась в координировании деятельности женских объединений в интересах женщин, семьи, материнства и детства, в работе с местными органами власти и в социальной защите женщин. Этой же традиции следуют многочисленные женские объединения по профессиональным и деловым признакам, которые ставят задачу поддерживать женщин в сфере их профессиональной самореализации.

Ведущие позиции в данной группе занимают Омское отделение межрегиональной ассоциации «Конверсия и женщины» (руководитель – Л.А. Кудринская). Цели этого движения – содействие женщинам конвертируемых предприятий в адаптации к изменениям в обществе, организация юридической помощи женщинам оборонных заводов, установление связей с властными структурами в реализации программ занятости женщин, сотрудничество со сферой бизнеса. Многочисленные женские клубы «Деловая женщина», «Татьяна», «Таис» помогали женщинам найти новую профессию, реализовать себя в новых экономических условиях. Заметную роль в этом процессе сыграла Омская региональная общественная организация «Женская инициатива»²¹.

Из общественно-политических организаций и движений непартийного типа второй половины 1990-х годов следует также отметить наиболее крупные организации крайне правого толка, в первую очередь – Российское общенародное движение (РОД). Оно было создано в марте 1995 г. на учредительном съезде в Омске, структурные подразделения РОД имелись в 65 субъектах Российской Федерации. Учредителем РОД выступил ряд политических и общественных организаций, в том числе Союз офицеров «За возрождение Отечества», структурные подразделения Российского воинского братства, формирования воинов и инвалидов Афганистана, Союз казачьих войск России и зарубежья, комитета солдатских матерей и женщин России. Движение возглавлял А.В. Баженов.

РОД выступало за восстановление на территории бывшего СССР «сильного единого и неделимого государства российского», за пропорциональное национальное представительство, свободное от разделяющих общество идеологических и партийно-политических пристрастий. В центр своих программных построений РОД ставил семью как ключевую ячейку общества. РОД в Омске проводил работу, нацеленную на

ограничение и запрещение нетрадиционных конфессий и тоталитарных сект, отстаивало православные духовные ценности, выступало за возрождение нравственных устоев русского народа²².

26 октября 1991 г. по инициативе группы народных депутатов под руководством народного депутата РСФСР, депутата Государственной думы от Омска С.Н. Бабурина было создано Общероссийское патриотическое движение Российский общенародный союз (РОС). РОС имел 50 региональных организаций, придерживающихся традиций соборности и коллективизма, выступавших за коренное изменение социально-экономического и политического курса, укрепление территориальной целостности России, за многоукладность экономики, включая частную собственность. В политической сфере предпочтение отдавалось «обновленной» советской системе с подчинением исполнительных органов представительным. На выборах 1995 г. в Госдуму РОС участвовал в составе блока «Власть – народу». В Омске движение было создано в 1992 г. В его рамках активно работали коммунисты и «правая» оппозиция. В Омске распространялась еженедельная газета «Время», издаваемая РОСом тиражом в 20 тыс экз. Руководитель РОСа в Омске в 1998 г. выступал В.Б. Николаев. На парламентских выборах 1995 г. лидер блока «Власть – народу» С.Н. Баурин прошел в Государственную думу по 130, городскому округу, а бывший первый секретарь Омского обкома КПСС С.И. Манякин – по 128 сельскому округу²³.

1990-е годы характеризуются существенными изменениями в российском партийном строительстве. Его исходной точкой стало начало раскола КПСС и распад СССР. Первые альтернативные КПСС политические партии возникли еще на завершающем отрезке существования Советской власти. Это были Демократическая партия и Либерально-демократическая партия, которые официально были зарегистрированы в соответствии с принятым в 1990 г. Законом СССР «Об общественных объединениях».

После провозглашения независимости России в стране начался второй этап партийного строительства, носивший в значительной степени характер самоорганизации общественных объединений. Этот период характеризовался бурным ростом числа общественно-политических организаций, и уже к началу 1993 г. их насчитывалось около двухсот. Но это были в основном не партии, а их прообразы.

Новый импульс формированию партийных структур дали прошедшие в конце 1993 г. выборы в первую Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации и референдум по принятию Конституции Российской Федерации, состоявшиеся в один день – 12 декабря 1993 г. Именно во время выборов возникли «новые правила игры», свя-

занные с порядком проведения выборов и разделением властей. С этого времени ведет отсчет очередной этап партийного строительства в России, его институализация. Партии получили реальный механизм влияния на государственную политику и тем самым – возможность стать институтом политического опосредования. На выборах 1993 г. в Госдуму прошло восемь партий, в 1995 г. – всего лишь четыре.

С 2000 г. начался новый этап партийного строительства в России, характеризующийся доминированием государственного управления над политической самоорганизацией. Принятый 11 июля 2001 г. Федеральный закон № 95-ФЗ «О политических партиях» фактически законсервировал кризис партийной системы, создав преференции для действующих непопулярных партий и поставив заслон для роста новых. В результате такого «ужесточения» к условиям деятельности партий их число стало резко сокращаться²⁴.

В условиях современной России институты гражданского общества выступают уже не столько неким «противовесом» государству, стремящимся сузить сферу влияния последнего, сколько пытаются оказать ему помощь во всех жизненно важных областях социальной действительности. Такая ситуация во многом была определена генезисом институтов гражданского общества в 1990-е годы, о чем свидетельствует пример Омской области. Институты гражданского общества пережили здесь очевидный процесс унификации и упорядочивания. И хотя число некоммерческих организаций формально остается большим, их возможности воздействовать на власть в настоящее время явно уступают 1990-м годам.

¹ Кочетков А.П. На пути к гражданскому обществу. М., 1992. С. 35.

² Политология. Под ред. Полуниной Г.В. М., 1999. С. 156.

³ Гаджиев К.С. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1998. С. 13

⁴ Там же. С. 6–7.

⁵ «Сопротивление материала». Исторические альтернативы на российской почве. М., 1999.

⁶ Крамник В.В. Имидж реформ: психология и культура перемен в России. СПб., 1995.

⁷ См.: Три взгляда на государство: христианские демократы, либералы, социал-демократы. М., 1992.

⁸ Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерк теории и методологии мирочелостности. М., 1999. С. 72–81.

⁹ Деятельность Омского областного Общественно-политического центра, позднее переименованного в Региональный центр по связям с общественностью, была важным консолидирующим фактором общественно-политической жизни Омска первой половины 1990-х годов. Под руководством А.Н. Пахолака, ОПЦ являлся неизменным местом встречи для всех омских общественников, независимо от их социальной, культурной или политической ориентации. Администрация ОПЦ предоставляла всем зарегистрированным организациям возможность на безвозмездной основе – вплоть до 1994 г. – проводить свои собрания в аудиториях центра. Те организации, которые имели финансирование, могли арендовать помещения под офисы. Важную роль в организации методической помощи общественникам играли консультанты ОПЦ В.Н. Федюшин, Н.И. Рыжова, Н.В. Тетерина, в дальнейшем –

М.И. Машкарин, Г.В. Брицко. Здесь же работала областная общественная палата, преобразованная затем в Ресурсный центр НКО во главе с его бессменным руководителем З.В. Тикуновой.

¹⁰ Документы этой организации, сохранившиеся первоначально в личных архивах её председателей А.Т. Цалко (1992–1996 гг.), А.П. Сорокина (1996–1999, 2002–2004 гг.), О.А. Милищенко (1999–2002, 2004–2006 гг.), В.В. Шишкина (2006–2009 гг.), хранятся в государственном учреждении «Исторический архив Омской области».

¹¹ Информационный листок ОГК № 69.

¹² Конференция как способ давления // «Зеркало». Омск, 1997. № 46 (224). С. 3; Раздел «Политика. Сообщения» // «Ореол-экспресс». Омск, 1998. 27 ноября – 33 декабря. С. 5.

¹³ Вечерний Омск, 1998, 17 марта.

¹⁴ ИАОО. Ф. П-9619. Оп. 1. Д. 22.

¹⁵ Позднее вместе с В.В. Рыбаковым и М.Н. Киселёвым он возглавлял омское отделение партии «Яблоко», пока руководство последним не перешло в 1998 г. к Ю.Н. Федотову.

¹⁶ В дальнейшем перешел в созданное в Омске при участии П.Н. Ахременко региональное отделение общественно-политического движения «Честь и Родина» и Российской народно-республиканской партии (партии генерала А.И. Лебеда).

¹⁷ Ныне депутат Омского городского совета.

¹⁸ Устав ОМПОД «Лебедь»: ИАОО. Ф. П-615. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

¹⁹ Отчёт о деятельности компьютерного класса: ИАОО. Ф. П-615. Оп. 1. Д. 21.

²⁰ Его архив передан на хранение в ИАОО, Фонд П-615.

²¹ Информационный вестник «О политических партиях Омской области». Ноябрь – декабрь 1998 г. / сост. Н.В. Тетерина, под ред. Н.И. Рьжовой. Омск, 1998. С. 6–8.

²² Там же. С. 18–19.

²³ Там же. С. 19–20.

²⁴ См.: Машкарин М.И., Магда Г.Л. Политическое пространство Омского Прииртышья: партийный аспект. Омск, 2007. Еще более четкая тенденция сокращения числа партий наблюдается в регионах. Так, например, если в Омской области по состоянию на 1 декабря 2003 г. на учете стояло 39 региональных отделений, то через три года их осталось всего 18. Прошедшие 11 марта 2007 г. в Омском Прииртышье выборы депутатов Законодательного собрания Омской области подтвердили, что из имевшегося на то время 21 регионального отделения политических партий политическую активность проявили менее десяти. В 2009–2011 гг. в Омской области были зарегистрированы и действовали только семь отделений политических партий.

Институты гражданского общества в постсоветской Хакасии

Как известно, постсоветский период ознаменован появлением и формированием во всех регионах Российской Федерации большого числа общественных организаций и объединений, отличающихся разнообразием и спецификой как по форме, так и по содержанию своей деятельности. В данной статье на основе статистического и эмпирического материала делается попытка показать особенности формирования современных институтов гражданского общества в отдельно взятом субъекте Российской Федерации – Республике Хакасия. При этом особое внимание в силу ряда причин, основным из которых является их наибольшая активность и плодотворная деятельность, будет уделено хакасским национальным и женским объединениям.

По данным министерства юстиции республики, в ведомственном реестре зарегистрированных некоммерческих организаций в настоящее время содержатся сведения о 636 некоммерческих организациях. Из года в год на протяжении последних лет наблюдается тенденция постепенного роста их общего числа. Так, с 2005 г. численность общественных объединений увеличилась с 333 до 348, а религиозных – с 70 до 76 организаций¹.

На основе полученного в министерстве национальной и территориальной политики Республики Хакасия эмпирического материала попытаемся дать типологизацию имеющихся в республике общественных объединений². С этой целью условно объединим их в несколько групп.

К первой группе отнесем те организации, которые имели те или иные политические цели. В эту группу попали все действующие в данном регионе политические партии. На сегодняшний день в числе официально зарегистрированных числятся восемь партий: региональные отделения политических партий Патриоты России, Справедливая Россия: Родина /Пенсионеры/ Жизнь, КПРФ, ЛДПР, Аграрная партия России, Правое дело, Яблоко и Единая Россия. Безусловно, все эти партии имеют собственные программы и политические лозунги. Главным лозунгом партии «Единая Россия», как известно, является политическая стабильность, поддержка курса президента в регионах, тогда как КПРФ выступает за социальное равенство, возврат к социализму и т. д.

Ко второй группе причислены национально-этнические объединения и движения, которые выделяются на общем фоне не только многообразием форм, но и численным участвующих в них граждан. Подобные объединения особенно активно стали появляться на всем постсоветском

пространстве в начале 1990-х годов, в период национального возрождения. В обобщенном виде их деятельность сводится к возрождению, сохранению и развитию культуры, традиций и обычаев своего народа.

Этническая мозаика изучаемого субъекта Российской Федерации предопределила формирование на данной территории разных по национальному признаку объединений. Не имея возможности сказать о них обо всех, охарактеризуем вкратце деятельность лишь некоторых из них. Например, потомки вольнодумцев и участников национально-освободительных движений и восстаний, сосланных в Сибирь царским правительством, а также депортированных в годы Советской власти из Польши создали в 2003 г. национальную общественную организацию «Полония», основной целью которой является сохранение национального самосознания, развитие польского языка и национальных традиций.

Созданная в 1990-е годы одна из первых общественная организация российских немцев «Видергебурт» наряду с возрождением национальной культуры и традиций оказывает реальную помощь в оформлении документов российских немцев, выезжающих на историческую родину. В то же время она активно способствует тому, чтобы представители немецкой диаспоры могли реализовывать свои гражданские права, участвовать в общественной и культурной жизни республики.

Основными задачами «Ассоциации корейской диаспоры» являются «воспитание молодежи и чествование стариков, взаимопомощь, содействие в трудоустройстве и организации переездов в Хакасию, осуществление связи с исторической родиной и др.». При «Ассоциации» создана школа корейского языка, в которой изучают не только язык, но и традиции и обычаи корейского народа.

В Хакасии на территории Бискалжинского поселкового совета и Балыксинского сельского совета Аскизского района, Анчальского и Матурского сельских советов Таштыпского района компактно проживают представители одного из коренных малочисленных народов Сибири – шорцы. В целях создания условий для практического осуществления программы сохранения и возрождения традиций шорского народного творчества в 1999 г. была создана региональная общественная организация – общество «Шория». Кроме того, организация практикует такую форму работы, как акции по оказанию гуманитарной помощи жителям шорских сел и поселков. За время своего существования общество добилось заметных результатов.

В следующую группу можно отнести разного рода культурные и творческие объединения, основной целью которых является пропаганда и популяризация достижений культуры, литературы и искусства, а также

организация и проведение различных культурных мероприятий (фестивалей, концертов, выставок, конкурсов). В их числе наиболее заметна деятельность таких организаций, как «Союз писателей Хакасии», «Союз композиторов Республики Хакасия», «Союз театральных деятелей Республики Хакасия», «Союз художников Республики Хакасия», региональная общественная организация последователей Рерихов «Рериховское общество» и творческая организация «Виола-квартет».

В самостоятельную группу следует выделить так называемые социальные объединения, куда вошли профсоюзные и профессиональные организации. Профсоюзное движение, как и прежде, выступает в сфере социальной защиты, отстаивает социальные гарантии, повышение уровня жизни населения и т. д. Здесь эти организации представлены как по отраслевому принципу, так и территориальному. В частности, в этом списке наряду с «Республиканской организацией профсоюза работников здравоохранения» или «Профсоюзом работников народного образования и науки» значится «Богградская районная организация профсоюза работников агропромышленного комплекса».

По основным целям и задачам близки к ним имеющиеся в республике многочисленные профессиональные объединения, в числе которых нужно назвать общественную организацию «Хакасско-немецкое общество юристов», региональную организацию «Союз предпринимателей малого и среднего бизнеса Республики Хакасия», «Хакасскую республиканскую ассоциацию врачей», общественную организацию водителей такси Республики Хакасия, «Союз ремесленников», межрегиональную организацию «Союз учителей немецкого языка Республики Хакасия и юга Красноярского края» и многие другие.

Наблюдаемые на данном этапе проблемы, связанные со здоровьем нации, в частности, обеспокоенность ростом алкоголизма и наркомании среди населения республики, обусловили появление на данной территории различных медицинских общественных объединений. Среди них есть и организации благотворительного характера. Например, «Центр социальной реабилитации и оздоровления детей», союз «Чернобыль» и др.

В эту же группу следует включить разного рода экологические движения, ратующие за сохранение и оздоровление окружающей среды, чистоту лесов и полей. К таковым можно отнести Хакасское региональное экологическое движение «Защита природы», экологический фонд «Живая планета», региональное отделение общероссийской эколого-гуманитарной общественной организации «Миллион друзей».

Отдельную группу составляют спортивные и оборонно-массовые структуры. Членами таких организаций, как «Федерация бокса Хака-

сии», «Федерация мотоциклетного спорта Республики Хакасия», физкультурно-спортивное объединение «Юность России» и «Спортивное общество “Спартак”», как правило, являются молодые люди, с одной стороны, сами занимающиеся тем или иным видом спорта, с другой – тем самым пропагандирующие здоровый образ жизни.

Говоря об институтах гражданского общества в Хакасии, необходимо специально сказать о религиозных объединениях. К числу особенностей периода религиозного возрождения хакасов, начавшегося, как и у других народов Российской Федерации, с 1990-х годов, следует отнести тот факт, что, несмотря на проведенную в прошлом среди них христианизацию, сегодня значительная часть хакасов обратилась не к православию, а к своим традиционным народным верованиям – в частности, к шаманизму. Вместе с тем перечень действующих сегодня в республике конфессий весьма широк. Зарегистрированные на настоящее время в министерстве юстиции республики 76 местных религиозных организаций представляют 16 различных конфессий, деноминаций и религиозных течений³. Кроме того, на территории Хакасии действуют не менее 90 религиозных групп (от трех до десяти и более членов), не имеющих государственной регистрации. Однако, по мнению независимых специалистов, их численность значительно занижена и может достигать 200 и более групп.

Ведущей конфессией в Республике Хакасия является Абаканско-Кызылская епархия Московского патриархата Русской православной церкви. Данная епархия состоит из сорока приходов, составляющих 53 % всех зарегистрированных в Хакасии религиозных организаций. На долю новых религиозных движений – протестантских религиозных объединений, которые принято считать деструктивными тоталитарными сектами, приходится 39 процентов⁴. По информации министерства национальной и территориальной политики республики, в настоящее время рост подобных религиозных организаций прекратился. В целом протестанты и неопротестанты не нарушают сложившийся конфессиональный баланс, а степень их влияния на религиозную ситуацию в республике незначительна.

В начале 1990-х годов, когда началось возрождение национальных традиций и обычаев, в Хакасии появилась религиозная организация «Центр хакасского шаманизма» – общество традиционной религии хакасского народа. Ее особенностью явилось объединение не только практикующих шаманов, но и всех приверженцев шаманизма. Кроме того, на территории Хакасии действует буддийская община «Замбала», состоящая в основном из представителей бурятской, калмыцкой и ту-

винской диаспор, хотя ее учредителями официально являются хакасы. В числе зарегистрированных числятся также две мусульманские и одна еврейская организации, деятельность которых за последние несколько лет заметно активизировалась. Например, в 2009 г. мусульманской общиной был приобретен земельный участок под строительство мечети в столице республики ⁵.

Среди членов всех этих организаций довольно высок процент молодежи и наблюдается тенденция дальнейшего его роста. Благодаря политике протекционизма, проводимой правительством по отношению к имеющимся в республике конфессиям, в религиозной сфере отмечается стабильность, сохранение межконфессионального мира.

В этой связи заслуживает внимания деятельность министерства национальной и территориальной политики республики. В частности, оно осуществляет полномочия по обеспечению взаимодействия органов государственной власти с религиозными объединениями. Как сказано в отчетном докладе этого министерства, «с целью профилактики и противодействия религиозному экстремизму и использования потенциала религиозных организаций по объединению их деятельности в вопросах духовно-нравственного воспитания членов российского общества» в декабре 2009 г. в республике была создана Межконфессиональная консультативная комиссия из представителей всех конфессий и деноминаций, существующих в Хакасии ⁶. Деятельность данной комиссии носит совещательный, консультативный характер, не обязательный для исполнения ее членами и регламентируется Положением о комиссии.

На состоявшихся в течение 2010 г. заседаниях названной комиссии обсуждалась практика преподавания религиозных дисциплин в общеобразовательных школах Хакасии, предложения по совершенствованию механизма по поддержке благотворительной деятельности религиозных объединений, реализующих социально значимые мероприятия, в т. ч. в области работы с молодежью, информационного обмена между государственными органами и религиозными организациями и др. Реализуя функцию поддержки благотворительной деятельности религиозных организаций, министерство проводит плановые организационные мероприятия, направленные на стимулирование гражданской ответственности, воспитание нравственных традиций, формирование этнической и религиозной толерантности, профилактику ксенофобии и религиозного экстремизма у жителей Хакасии. Указанные мероприятия осуществляются посредством организации и финансирования фестивалей, форумов, концертов, в которых принимают участие представители различных религиозных организаций ⁷.

Только за 2010 г. министерством было оказано организационно-финансовое содействие в проводимых Абаканско-Кызылской епархией межрегионального общественно-церковного мероприятия «Свято-Иннокетьевские чтения», республиканских общественно-церковных «Свято-Кирилло-Мефодиевских чтений», а также материальная помощь еврейской, мусульманской, католической религиозным общинам Хакасии для их участия в проведении совместных с национальными общественными организациями мероприятиях.

Следует также добавить, что для поддержки имеющихся в Хакасии общественных организаций данным министерством разработан проект долгосрочной республиканской целевой программы «Повышение роли негосударственных некоммерческих организаций в становлении институтов гражданского общества, защите прав граждан, решении социально-культурных и иных общественно значимых задач развития Республики Хакасия (2011–2013 гг.)», утверждённый постановлением правительства республики в декабре 2010 г. (№ 570) ⁸.

И, наконец, в отдельную группу целесообразно выделить хакасские национальные и женские движения, которые, как показала практика, из всего разнообразия существующих в республике общественных организаций оказались наиболее деятельными и реально функционирующими. Следует более подробно остановиться на работе некоторых из них, наиболее заметных в республике. В частности, на хакасских национальных движениях, которые делают в настоящее время все возможное для того, чтобы помочь тем, кому особенно трудно адаптироваться в новых социально-экономических условиях.

В этом ряду прежде всего назовем «Хакасское региональное общественное движение родов хакасского народа» с его исполнительным органом – «Советом старейшин родов хакасского народа», лигу хакасских женщин «Алтынай» и «Союз женщин Хакасии». По этническому составу первые две из них чисто хакасские, третья – преимущественно хакасская.

За последнее время непосредственно хакасскими общественными объединениями республики были проведены следующие наиболее значимые мероприятия: XII съезд хакасского народа, Дни тюркской письменности и культуры в Хакасии, семинар «Традиционные и сакральные знания коренных народов Республики Хакасия», круглые столы «Положение хакасских женщин на рынке труда» и «Роль средств массовой информации в гармонизации межнациональных отношений в Хакасии», республиканские праздники «Чыл пазы» (Новый год по хакасскому календарю), «Тун пайрам» (праздник первого молока) и «Уртун той» (праздник урожая), ярмарка сельских товаров «Мастерицы Сибири» в

рамках республиканского праздника, посвящённого 20-летию образования Республики Хакасия. В августе 2011 г. впервые состоялся фестиваль культуры и творчества шорцев «Искры культуры», посвященный Международному дню коренных народов мира, в котором участвовали разные коллективы национальных объединений республики⁹.

Если говорить о том, что же отстаивают политики-хакасы, то прежде всего – права хакасского народа как национальности, давшей название республике. Это включает в себя и необходимое представительство во всех уровнях власти, и развитие национальной культуры, языка и т. д. Пожалуй, в наиболее аккумулированном виде эти требования хакасских политиков представлены в программе и заявлениях выше названного «Хакасского регионального общественного движения родов хакасского народа». Так, в его уставе сказано, что «главными целями движения является борьба за повышение уровня жизни народа и защита интересов коренного этноса»¹⁰.

Кроме того, одной из важных задач Совета старейшин является упорядочение структуры и уточнение задач в целом родового движения. В настоящее время оно делится на три уровня. Первый – это роды, т. е. объединения родственников, по признаку общего предка, второй – районные Советы старейшин и третий – республиканский Совет старейшин. Каждый уровень родового движения является самостоятельным, независимым от других объединением, имеет определённый круг задач, но цель у всех одна – это обеспечение развития нации и воспитание потомков на основе национальных обычаев и традиций. Всего на территории Хакасии насчитывается триста родов, объединяющих тысячи семей (фамилий).

В 2006 г. XI съезд хакасского народа наметил круг наиболее острых проблем хакасского народа и поставил задачу найти пути их решения. В республиканский Совет старейшин было избрано 55 человек, в том числе 13 человек вошли в состав Президиума Совета старейшин, который возглавил и осуществлял практически всю организационную работу. За этот период состоялось 14 заседаний расширенного Совета старейшин, 73 заседания Президиума, на которых было рассмотрено около 190 вопросов. В соответствии с резолюцией съезда и Уставом организации одним из главных направлений деятельности Совета старейшин стала работа по защите интересов народа и борьба за сохранение основных ценностей нации: языка, культуры, обычаев и традиций.

В свое время общественный резонанс получили решения X съезда хакасского народа, созванного 28 февраля 2003 г. по инициативе ряда хакасских общественных объединений и республиканских творческих организаций. Главным на повестке дня был вопрос о современном со-

стоянии хакасского народа. На съезде обсуждалась проблемы безработицы, алкоголизации, деградации, разрушении традиционного уклада жизни хакасов. Примечательно, что правительство Республики Хакасия по обращению X съезда хакасского народа и «учитывая, что на состояние республики существенное влияние оказывает социальное самочувствие хакасского населения, которое преимущественно проживает в сельской местности и в значительной мере испытывает на себе все тяготы проводимых реформ, приняло постановление «О реализации предложений X съезда хакасского народа» (№ 164) ¹¹.

В июле 2006 г. Совет старейшин провел специальное заседание, на котором было принято обращение к президенту Российской Федерации «О пренебрежительном отношении к хакасской нации в республике», в котором была выражена тревога по поводу создавшейся межэтнической ситуации в Хакасии. В начале 2007 г. делегация Совета старейшин в составе четырех человек побывала в США (г. Нью-Йорк) в Организации Объединенных Наций, где они выступили на заседании Постоянного Форума коренных народов мира и дали информацию об истории и культуре хакасского народа, о его современных проблемах.

В этом же, 2006 г., по инициативе Совета старейшин была проведена научно–практическая конференция по проблемам сохранения и развития хакасского языка. Конференция приняла ряд рекомендаций, которые стали претворяться в жизнь. Например, на данном этапе в республике снята проблема с дефицитом учебников на хакасском языке. За последние три года выпущено около 50 наименований учебников. Совет старейшин добился возобновления издания периодических журналов и выпуска художественной литературы на хакасском языке.

По предложению Совета старейшин с помощью министерства культуры республики в 2010 г. начато издание библиотечки «Золотая серия Хакасии», в которой планируется публикация лучших сочинений писателей Хакасии. Большое внимание Совет старейшин уделял вопросу издания четырехтомной энциклопедии, освещающей вопросы истории, экономики, культуры и быта как титульной национальности республики, так и других этнических групп, живущих в Хакасско-Минусинской котловине.

Заслуживает особого внимания инициатива Совета старейшин, выступившего недавно с призывом ко всем хакасам взять из детских домов в свои семьи осиротевших детей из своего рода. Результаты этого обращения таковы: если в январе 2003 г. в детских домах Хакасии проживало 346 сирот, то на начало 2011 г. в них оставалось лишь три ребёнка. Все остальные были устроены в семьях ¹².

Следует отдельно сказать об упомянутом XII съезде хакасского народа, состоявшемся в марте 2011 г. В представленном на съезде отчетном докладе республиканского Совета старейшин были подведены итоги его работы практически за все время его существования и определен круг вопросов, требующих решения в ближайшей перспективе. При этом особое внимание в работе съезда было уделено наиболее животрепещущим проблемам титульного этноса республики. Так, в этом докладе говорилось о том, что «накануне XI съезда в республике стала складываться нездоровая ситуация по отношению к коренной нации. Причем виновницей этого стала республиканская власть. Действующее в то время руководство республики во главе с А.И. Лебедем взяло курс и стало проводить откровенную шовинистическую политику по отношению к коренному народу и, прежде всего, в сфере языка, образования, кадровой политики и по ряду других направлений. Вместо поиска путей межнационального согласия, укрепления дружбы между народами, населяющими республику, он начал использовать недопустимые силовые приёмы, которые морально давили коренное население»¹³.

В беседе с нами, состоявшейся в сентябре 2011 г., председатель Совета старейшин В.М. Торосов отметил, что «только после избрания в январе 2009 г. на должность председателя правительства В.М. Зимина ситуация стала меняться, наиболее острые проблемы в этой сфере стали оперативно сниматься, некоторые буквально в течение нескольких месяцев». Вместе с тем, по его мнению, на данном этапе наибольшую озабоченность вызывают вопросы представительства титульного этноса во властных структурах. Так, по сравнению с советским периодом резко сократилась численность хакасов в органах государственной власти как на республиканском уровне, так и на уровне местного самоуправления. По его глубокому убеждению, «присутствие национальных кадров в органах управления позволяет решать проблемы своевременно, спокойно, без национальных конфликтов. К примеру, никогда бы не возникла скандальная ситуация с учебниками на хакасском языке, окажись в министерстве образования достойный представитель коренной национальности. Таким образом, в настоящее время в работе Совета большое внимание уделяется именно этому аспекту – кадровой политике, где бы учитывался этнический фактор».

У женских организаций есть свои политические лозунги: например, реализация прав женщин во всех сферах жизнедеятельности, особенно во властных структурах. И все же основная их деятельность сводится к тому, чтобы помочь обездоленным. В первую очередь это, конечно, дети, оставшиеся без попечения родителей, а также малообеспеченные

и многодетные семьи. С этой целью проводится сбор разных средств, начиная с книг и заканчивая одеждой и продуктами. В последние годы в связи с резким ухудшением ситуации одним из направлений их деятельности стала борьба с алкоголизмом и наркоманией в хакасских семьях. Большую работу эти организации проводят в сельской местности. Вот что сказала В.Е. Майнагашева, одна из активных членов женского движения в Хакасии: «Когда мы выезжаем в села, мы стараемся донести до жителей простую истину, что испокон веков и в более тяжелую годину нас всегда кормила земля, а она вот у вас под ногами. Так почему же вы бедствуете? Почему, живя в деревне, не работаете на земле, не пользуетесь ее плодами?».

Вместе с тем, как пояснила в нашей беседе одна из учредителей Лиги хакасских женщин «Алтынай» Е.М. Кильчичакова, с годами деятельность их объединения стал шире и многограннее. В последнее время в их работе большое внимание уделяется образовательному и нравственно-воспитательному аспекту. В этой связи они не только активно участвуют в проводимых в республике подобных акциях, но и непосредственно сами являются их организаторами. Например, в ближайшие несколько лет женщины данной Лиги будут работать над реализацией проектов «Я открываю мир» и «Ах, как звучен мой язык!», направленных на повышение образования, сохранение и развитие родного языка среди хакасского населения. При этом она отметила, что сейчас правительство республики оказывает им должную помощь. Они также активно сотрудничают с разными министерствами и даже получают гранты. Так, ежегодно с 2006 г. распоряжением Президента Российской Федерации «Об обеспечении государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества», предусматривается финансовая поддержка общественных организаций из федерального бюджета (распоряжения Президента РФ от 08.05.2010 № 300-рп).

В 2010 г. в числе некоммерческих организаций Хакасии, признанных победителями открытого конкурса, стала Лига хакасских женщин «Алтынай», которой на реализацию проекта «Ярмарка сельских товаров “Мастерицы Сибири”» были выделены денежные средства в сумме около 600 тыс. рублей. Всего же за период с 2006 по 2010 гг. общественные объединения Республики Хакасия получили из средств федерального бюджета президентские гранты на общую сумму 9 433,3 тыс. рублей¹⁴.

Нельзя не сказать несколько слов об общественно-политических предпочтениях и ориентациях жителей республики. Сегодня неотъемлемой составляющей общественной жизни нашей страны стали разного

рода общественно-культурные движения и объединения, а также различные политические партии. Однако, как показали результаты этносоциологического опроса, осуществленного в трех республиках Южной Сибири – Республике Алтай, Республике Тува и Республике Хакасия в рамках проекта «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни» (2006–2008 гг.), подавляющее большинство опрошенных как среди представителей титульной национальности, так и местных русских не принимает участие в деятельности никаких движений и объединений¹⁵. Как видно по ответам опрошенных, в основной массе жителей Хакасии интерес к общественно-политической жизни не очень высок. Так, из общего числа опрошенных участвуют в работе политических партий лишь 10 % хакасов и 7 % русских, состоят в движении по защите прав человека около 8% хакасов и 7 % русских. Кроме того, 22 % русских респондентов сказали, что участвуют в работе профессиональных и 7 % – социальных объединений, т. е. в этом плане русское население республики оказалось более активным и динамичным.

Доля участвующих в других движениях и объединениях ничтожно мала. Кроме того, сравнение результатов данного исследования с материалами опроса, проведенного нами в Хакасии тремя годами ранее по программе «Этнорегиональные модели адаптации к условиям трансформирующегося общества (постсоветский опыт)», показало, что ситуация за эти годы практически не изменилась¹⁶.

Некоторое исключение среди титульной национальности составляют те, кто задействован в деятельности национально-культурных объединений. По результатам нашего исследования, среди хакасов численность таковых достигает 13 %. Добавим также, что во всех трех исследованных нами республиках представители титульной национальности в сравнении с местными русскими гораздо лучше осведомлены о работе тех объединений, которые отстаивают интересы их народа. В частности, среди хакасов положительно ответили на данный вопрос вдвое больше опрошенных, чем среди местных русских.

Вместе с тем большинство опрошенных считает необходимым участие в выборах должностных лиц. При этом среди разделяющих данную точку зрения в обеих этнических группах численность женщин (вопреки устоявшемуся мнению о политической пассивности российских женщин) заметно больше. Хотя объективности ради заметим, что, конечно же, в основном участие женщин в политической жизни республики ограничивается такими актами, как сбор подписей в период избирательной кампании, участие в санкционированных митингах и т. п.

И в заключение, говоря о действующих в республике объединениях и движениях, нельзя не сказать о недавно образовавшемся и стремительно набирающем обороты не только в Хакасии, но и во всех других регионах общественном движении «Общероссийский народный фронт». Идея создания этого движения, призванного собрать представителей не только политических партий, но также общественных организаций и активных граждан, была впервые высказана 6 мая 2011 г. премьер-министром Российской Федерации и лидером партии «Единая Россия» В.В. Путиным на межрегиональной партконференции в Волгограде. Как сказано в проекте Декларации, коалиция общественных сил создается для выработки и реализации долгосрочной программы развития нашего общества. «Мы хотим, – говорится в проекте Декларации, – чтобы создателями этой народной программы, а значит и курса, которым будет идти страна, стали миллионы наших сограждан. Задача “Общероссийского народного фронта” – открыть дорогу новым идеям, привлечь гражданское общество – молодежные, женские, ветеранские организации, деловые круги, профессиональные союзы и объединения, всех неравнодушных людей к решению важнейших вопросов развития страны. Сделать так, чтобы профессиональный, творческий потенциал граждан, их общественная инициатива были востребованы»¹⁷.

20 мая этого же года в Хакасии состоялось учредительное заседание Регионального координационного совета «Общероссийский народный фронт». Наряду с «единороссами» республики поддержали идею создания и вошли в состав Координационного совета «Общероссийский народный фронт» региональные отделения Союза пенсионеров России, Союза ветеранов войны и труда, «Деловая Россия», молодогвардейцы республики, Федерация независимых профсоюзов Хакасии, Союз женщин Хакасии, торгово-промышленная палата Республики Хакасия, организация «Боевое братство», Совет старейшин хакасского народа. Выступая на заседании совета, первый заместитель секретаря регионального политсовета партии «Единая Россия» С. Комаров подчеркнул, что предвыборная программа партии будет формироваться с учетом региональной составляющей. Участие общественников в формировании программы поможет учесть интересы всех слоев населения. Итогом первого заседания Регионального координационного совета «Общероссийский народный фронт» стало подписание проекта декларации об образовании «Общероссийского народного фронта», официально подтверждающее присоединение общественных организаций Хакасии к широкому движению по всей стране¹⁸. К концу лета 2011 г. вступили в Народный фронт

более сорока общественных организаций и трудовых коллективов, а также целые поселения и просто жители Хакасии¹⁹.

Хочется верить, что заявившее о себе и уже успевшее снискать среди разных слоев населения популярность движение «Общероссийский народный фронт» будет способствовать дальнейшей популяризации и активизации деятельности местных институтов гражданского общества, а также возрастанию роли самих жителей в общественно-политической жизни Республики Хакасия.

¹ Материалы получены в министерстве юстиции Республики Хакасия.

² Материалы получены в секторе межнациональных, межконфессиональных отношений и взаимодействия со структурами гражданского общества Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия.

³ Материалы получены в министерстве юстиции Республики Хакасия.

⁴ Материалы получены в секторе межнациональных, межконфессиональных отношений и взаимодействия со структурами гражданского общества министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Устав «Хакасского регионального общественного движения родов хакасского народа». Материалы получены в секторе межнациональных, межконфессиональных отношений и взаимодействия со структурами гражданского общества министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия.

¹¹ Материалы получены в пресс-службе правительства Республики Хакасия.

¹² Материалы получены в «Республиканском Совете старейшин».

¹³ Отчетный доклад республиканского Совета старейшин XII съезду хакасского народа. С. 6–7.

¹⁴ Материалы получены в «Республиканском Совете старейшин».

¹⁴ Материалы получены в министерстве национальной и территориальной политики Республики Хакасия.

¹⁵ Проект выполнен по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Руководитель исследовательского проекта «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни» З.В. Анайбан. В числе важных задач проекта явилось изучение адаптационных возможностей титульной национальности данных республик. Согласно выборке, в каждой республике было опрошено 400 городских и сельских жителей, в том числе 200 представителей титульной национальности и 200 русских.

¹⁶ Опрос был осуществлен среди населения Хакасии в 2003 г. в рамках исследовательского проекта «Этнорегиональные модели адаптации к условиям трансформирующегося общества (постсоветский опыт)» (№03-01-00042а), поддержанного Российским гуманитарным научным фондом. Целью исследования был анализ адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия – хакасов и русских в новых социально-экономических условиях. Согласно выборке было опрошено 600 столичных жителей республики, в том числе 300 хакасов – представителей титульной национальности и 300 русских.

¹⁷ Материалы получены в пресс-службе правительства Республики Хакасия.

¹⁸ Официальный сайт ОНФ в Республике Хакасия – www.narodfront.ru/khakassia.

¹⁹ Панорама Хакасии (Абакан). 2011, 5 сентября.

Список сокращений

АПРФ	Архив президента Российской Федерации
АСД	архивно-следственное дело
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ГАКО	Государственный архив Кемеровской области
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГАСПИТО	Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАТО	Государственный архив Томской области
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГБ	государственная безопасность
ГКО	Государственный комитет обороны
ГПУ	Государственное политическое управление
ЕПО	единое потребительское общество
ЗСК	Западно-Сибирский край
ИАОО	Исторический архив Омской области
ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь
ИТР	инженерно-технические работники
КГБ	Комитет государственной безопасности
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза.
КРО	контрразведывательный отдел
МТС	машинно-тракторная станция
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НПО	научно-производственное объединение
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление
ОКБ	особое (отдельное, опытно-конструкторское) конструкторское бюро
ОСД УАДААК	Отдел спецдокументации управления архивным делом администрации Алтайского края.

ПВО	противовоздушная оборона
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	Российский государственный военный архив
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РК ВКП(б)	районный комитет ВКП(б)
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РЛКСМ	Российский ленинский коммунистический союз молодежи
РСФСР	Российская советская федеративная социалистическая республика
РФ	Российская Федерация
САСШ	Североамериканские Соединенные Штаты
СКБ	специальное конструкторское бюро
СНК	Совет народных комиссаров
СНХ	совет народного хозяйства, совнархоз
СПО	секретно-политический отдел
СССР	Союз советских социалистических республик
УК	Уголовный кодекс
УНКВД	управление Народного комиссариата внутренних дел
УФСБ	управление Федеральной службы безопасности
ЦА ФСБ	Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦДНПО	Центр документации новейшей истории Омской области
ЦДНИТО	Центр документации новейшей истории Томской области
ЦК	Центральный комитет
ЦХАФ АК	Центр хранения архивных фондов Алтайского края

Сведения об авторах

Анайбан Зоя Васильевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

Андреев Сергей Михайлович – д-р ист. наук, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России (Омск)

Вьюхина Марина Валерьевна – аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск)

Исаев Виктор Иванович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, профессор Военного института внутренних войск МВД РФ (Новосибирск)

Котляров Максим Васильевич – канд. ист. наук, зам. начальника аналитического отдела департамента информационной политики мэрии Новосибирска (Новосибирск)

Пивоваров Никита Юрьевич – стажер-исследователь Института истории СО РАН (Новосибирск)

Рышков Вадим Маркович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск)

Савин Андрей Иванович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Савицкий Иван Михайлович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Симонов Дмитрий Геннадьевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск)

Сорокин Алексей Петрович – директор Омского филиала Российского фонда культуры, научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии

Шереметьева Дарья Леонидовна – канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Шишкин Владимир Иванович – д-р ист. наук, зав. сектором Института истории СО РАН, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андреев С.М.</i> Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске	3
<i>Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М.</i> Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций (1914–1920 гг.)	35
<i>Шереметева Д.Л.</i> Динамика численности газетной прессы в Сибири в период революции и гражданской войны.	59
<i>Вьюхина М.В.</i> Театральная жизнь Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1919 гг.)	80
<i>Журавлёв В.В.</i> Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера.	102
<i>Симонов Д.Г.</i> К истории Отдельной сибирской армии (декабрь 1918 – июль 1919 г.)	112
<i>Исаев В.И.</i> Причины и проявления молодежной преступности в Сибири в 1920-е – 1930-е годы.	136
<i>Савин А.И.</i> Из истории сопротивления единоличного крестьянства Сибири массовой коллективизации.	146
<i>Шишкин В.И.</i> Кольцовская трагедия: из истории репрессий и реабилитации эстонского населения Сибири (1937–1959).	163
<i>Савицкий И.М.</i> Государственные органы управления оборонно-промышленным комплексом СССР в годы «холодной войны» (1946–1965).	192
<i>Котляров М.В.</i> Идеино-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991).	219
<i>Сорокин А.П.</i> Институты гражданского общества Омска в 1990-е годы.	242
<i>Анайбан З.В.</i> Институты гражданского общества в постсоветской Хакасии.	256
<i>Список сокращений.</i>	269
<i>Сведения об авторах.</i>	271

Научное издание

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИБИРИ В XX ВЕКЕ

Сборник научных статей

Компьютерная верстка:
Введенский В.В.

Подписано в печать: 19.10.2012.
Формат: 60x84¹/₁₆.
Гарнитура: Times New Roman.
Уч.-изд. л. 16,8. Усл. печ. л. 15,4.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»,
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1,
тел. (383) 330-26-98